БОРАТЫНСКІЙ

I

1914

Е. А. Боратынскій въ началѣ 30-хъ годовъ.

(Съ гравюры, приложенной къ изданію сочиненіи поэта въ 1835 г.).

Академическая Библіотека Русскихъ Писателей.
Выпускъ 10-й.

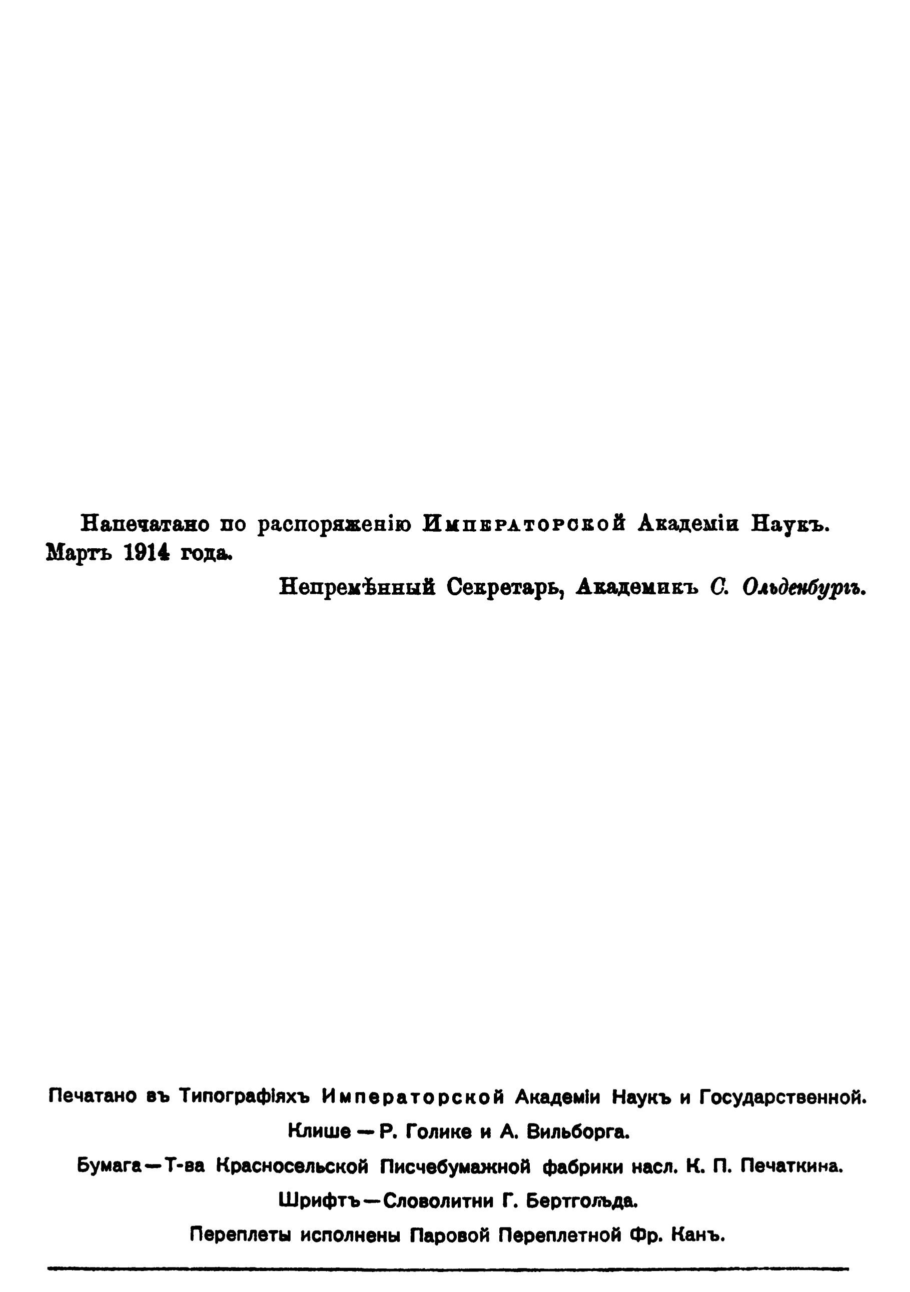
Полное собраніе сочиненій Е. А. Боратынскаго.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Подъ редакціей и съ примѣчаніями
М. Л. Гофмана.

Изданіе
Разряда изящной словесности Императорской Академіи Наукъ.

С.-Петербургъ.
1914.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Мартъ 1914 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ.*

Печатано въ Типографіяхъ Императорской Академіи Наукъ и Государственной.

Клише — Р. Голике и А. Вильборга.

Бумага — Т-ва Красносельской Писчебумажной фабрики насл. К. П. Печаткина.

Шрифтъ — Словолитни Г. Бертгольда.

Переплеты исполнены Паровой Переплетной Фр. Канъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стихотворенія Е. А. Боратынскаго.

Другія редакціи.

Приложенія.

Портреты, рисунки и автографы.

Разрядъ изящной словесности, состоящій при Императорской Академіи Наукъ, счелъ своимъ нравственнымъ долгомъ дать русскому обществу библіотеку русскихъ писателей-классиковъ въ изящныхъ и доступныхъ по цѣнѣ изданіяхъ, отвѣчающихъ требованіямъ науки и школы. Для осуществленія этой цѣли, особая Комиссія, состоящая подъ предсѣдательствомъ академика Н. А. Котляревскаго, ведетъ подготовительныя работы, въ которыхъ принимаютъ участіе члены Разряда, а также и непринадлежащіе къ его составу нѣкоторые ученые изслѣдователи нашей литературы. Согласно разработанной программѣ, задачей изданія признается установленіе текста.

Біографія и характеристика литературной дѣятельности издаваемаго писателя признаны желательными, какъ и статьи и замѣтки, въ которыхъ былъ бы использованъ научный матеріалъ, относящійся къ исторіи жизни и творчества даннаго автора. Комиссіей намѣченъ и рядъ писателей, сочиненія которыхъ представляется возможнымъ издать въ первую очередь.

Время окончанія первыхъ подготовительныхъ работъ Комиссіи совпало съ юбилейнымъ годомъ А. В. Кольцова, и Разрядъ изящной словесности постановилъ начать серію „Академической Библіотеки русскихъ писателей“ съ изданія полнаго собранія сочиненій А. В. Кольцова. Его сочиненіямъ посвященъ былъ первый томъ „Библіотеки“, вышедшій въ октябрѣ 1909 года подъ редакціею А. І.

Лященка. Въ томъ же 1909-мъ году этотъ выпускъ „Академической Библіотеки“ вышелъ 2-мъ, а въ 1911-мъ году 3-мъ изданіемъ. Слѣдующіе пять выпусковъ были отведены Сочиненіямъ Лермонтова, которыя вышли въ 1910—1913 гг. въ пяти томахъ подъ редакціей Д. И. Абрамовича. 7—9-й выпуски заняты тремя томами Сочиненій Грибоѣдова, а 10 и 11-й отводятся Сочиненіямъ Боратынскаго.

Отъ редактора.

Настоящее изданіе сочиненій Е. А. Боратынскаго выполнено согласно общему плану, выработанному Коммиссіей по изданію „Академической Библіотеки русскихъ писателей“, и представляетъ значительныя отличія отъ всѣхъ существующихъ изданій, какъ по количеству матеріала, такъ и по самому принципу, положенному въ основу редакціонной работы.

При жизни Боратынскаго сочиненія его издавались три раза: въ 1827 году—собраніе стихотвореній; въ 1835 году—собраніе стихотвореній и поэмъ, въ 2 частяхъ; и въ 1842—послѣднія стихотворенія, собранныя въ маленькую книжку подъ названіемъ „Сумерки“.

Послѣдующіе издатели считались лишь съ текстомъ изданій 1835 и 1842 годовъ, обходя за немногими исключеніями сборникъ 1827 года и различныя періодическія изданія, въ которыхъ были разсѣяны произведенія Боратынскаго; такимъ образомъ, давая послѣдній текстъ стихотвореній поэта, издатели представили его творчество въ одностороннемъ освѣщеніи 30-хъ и 40-хъ гг.

Въ основномъ текстѣ настоящаго изданія мы приняли первоначальное чтеніе, такъ какъ думаемъ, что только оно можетъ ознакомить читателя съ полнымъ объемомъ творчества Боратынскаго, между тѣмъ какъ въ остальныхъ изданіяхъ литературная физіономія Боратынскаго Александровской эпохи (когда онъ былъ особенно популяренъ, и гораздо болѣе, чѣмъ въ 30-хъ годахъ) оставалась въ тѣни.

Быть можетъ, никто изъ русскихъ поэтовъ не работалъ такъ надъ своими произведеніями, какъ Боратынскій. Эта работа была обусловлена не столько взыскательностью художника, сглаживающаго техническія шероховатости, сколько другими причинами, о которыхъ поэтъ однажды обмолвился въ письмѣ къ Н. В. Путятѣ, когда, отвѣчая на неодобрительный отзывъ послѣдняго о перепpавкахъ, онъ писалъ: „Замѣчанія твои справедливы въ частности; но ежели бъ мы были вмѣстѣ, я, быть можетъ, доказалъ бы тебѣ, что нѣкоторыя изъ моихъ перемѣнъ *хороши для цѣлаго*. Впрочемъ, я никакъ не ручаюсь за справедливость своего мнѣнія. Поэты, по большей части, дурные судьи своихъ произведеній. Тому причиной чрезвычайно сложныя

отношенія между ими и ихъ сочиненіями. *Гордость ума и права сердца въ борьбѣ безпрестанной.* Иную пьесу любишь по воспоминанію чувства, съ которымъ она написана, — *переправкой гордишься потому, что побѣдилъ умомъ сердечное чувство*".

Не входя въ сравнительную оцѣнку первоначально приготовленнаго текста стихотворенія и текста исправленнаго, замѣтимъ, что въ своихъ исправленіяхъ Боратынскій часто „побѣждалъ умомъ сердечное чувство"; отъ первоначальнаго сердечнаго чувства онъ отходилъ, и потому въ стихотвореніи сталкивались иногда два различныхъ настроенія, два непохожихъ другъ на друга тона.

Въ тѣхъ случаяхъ, однако, когда исправленія вызваны грамотностью поэтическаго стиля или когда исправность печатнаго текста можетъ быть заподозрѣна, мы въ основномъ текстѣ помѣщаемъ не первую печатную редакцію, а исправленную; случаи эти оговорены нами въ примѣчаніяхъ.

Для того, чтобы дать полную картину развитія творчества Боратынскаго, слѣдовало бы помѣщать *всѣ* редакціи стихотвореній въ хронологическомъ порядкѣ, но чтобы не загромождать изданія, мы предпочли къ основному тексту прибавить лишь нѣсколько другихъ редакцій, дата которыхъ приблизительно можетъ быть установлена. Вся же работа поэта надъ стихомъ, всѣ варіаціи его поэтической мысли и чувства перенесены въ примѣчанія, которыя и являются такимъ образомъ необходимымъ пособіемъ для полнаго и всесторонняго знакомства съ поэзіей Боратынскаго.

Хронологія стихотвореній Боратынскаго по возможности тщательно провѣрена и исправлена, но для точной датировки часто недоставало данныхъ, и потому эта хронологія можетъ считаться только болѣе или менѣе достовѣрной (между прочимъ, намъ пришлось отнести къ 1833—1834 гг. многія стихотворенія, впервые напечатанныя въ изданіи 1835 года, тогда какъ есть основаніе думать, что большинство изъ нихъ написано раньше).

Мы всюду сохраняемъ правописаніе фамиліи поэта *Боратынскій,* принятое учеными и редакторомъ послѣдняго собранія сочиненій поэта, вышедшаго въ 1900 году. Въ правильности такого правописанія насъ убѣждаютъ не только документальныя данныя и семейныя традиціи. Поэтъ почти во всѣхъ случаяхъ подписывался въ печати *Баратынскимъ*, но на заглавіи послѣдняго его сборника, „Сумерки", значится „Сочиненіе Евгенія Боратынскаго", и такъ же подписывался поэтъ во всѣхъ своихъ письмахъ.

Въ работѣ надъ текстомъ стихотвореній Боратынскаго мы стремились положить въ основу автографы, но ихъ оказалось незначительное количество, такъ какъ многія рукописи поэта сгорѣли въ Казани: вотъ почему приходилось часто ограничиваться печатными изданіями и авторитетными копіями, снятыми супругой поэта, Анастасіей Львовной Боратынской.

Главными хранилищами автографовъ и копій являются архивы: Казанскій, Татевскій и архивъ Мары, которыми мы пользовались благодаря любезности и трудамъ Ю. Н. Верховскаго, доставившаго поименованные архивы въ Академію Наукъ. Кромѣ того, весьма существенную помощь въ работѣ оказалъ архивъ Муранова, принадлежащій Тютчевымъ. и небольшое число автографовъ, хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, Щукинскомъ музеѣ, Императорскомъ Россійскомъ Историческомъ музеѣ, въ бумагахъ М. Н. Лонгинова и др.

Первый томъ нашего изданія заключаетъ въ себѣ біографію поэта, составленную главнымъ образомъ на основаніи писемъ Боратынскаго, и лирическія его стихотворенія съ необходимыми комментаріями.

Въ основной текстъ включено нѣсколько стихотвореній, не входившихъ въ прежнія изданія *).

Что касается до орѳографіи и пунктуаціи, то мы держались принятаго нынѣ правописанія, сохраняя современную Боратынскому орѳографію только въ тѣхъ случаяхъ, когда этого требовалъ вокализмъ стиха. Заглавія стихотвореній удержаны въ первоначальныхъ ихъ редакціяхъ; въ прямыхъ скобкахъ мы раскрываемъ чтеніе инициаловъ.

Въ отдѣлѣ „Другія редакціи“ мы даемъ только такія стихотворенія, которыя существенно измѣнены авторомъ; остальныя же редакціи читатель легко можетъ возстановить по примѣчаніямъ.

---

*) Хоръ, пѣтый въ день именинъ дяденьки Б[огдана] Андр[еевича Боратынскаго] его маленькими племянницами Панчулидзевыми, *** (Я былъ любимъ, — твердила ты), *** (Хоть Графъ и Князь не все есть тоже), *** (Когда придется какъ-нибудь), *** (Младыя Граціи сплели тебѣ вѣнокъ), Леда, Эпиграмма (Что ни болтай, а я великій мужъ!), *** (Войной журнальною безчеститъ безъ причины), *** (Простите, спорю невпопадъ), *** (Въ своихъ листахъ душонкой ты кривишь), *** (Откуда взялъ Василій непотѣшный), *** (Хотите-ль знать всѣ таинства любви?), Случай, На некрасивую виньетку, представляющую Автора за письменнымъ столомъ, а подлѣ него Истину, *** (Прости мой милый, такъ создать), Смерть Багговута, Эпиграмма (Писачка въ Фебовъ дворъ явился), Эпиграмма (Кто непремѣнный мой ругатель?), [Изъ черновыхъ набросковъ], Романсъ, *** (На все свой ходъ, на все свои законы) и Коттеріи.

Кромѣ основного текста, въ первомъ томѣ помѣщены четыре приложенія: въ первомъ напечатано дѣтское стихотвореніе поэта (не вошедшее въ полныя собранія его сочиненій), во второмъ — стихотворенія Боратынскаго, переведенныя имъ самимъ на французскій языкъ *), въ третьемъ—стихотворенія написанныя въ сотрудничествѣ съ другими поэтами, и въ четвертомъ — стихотворенія, приписываемыя Боратынскому.

Стихотворенія одного года отъ стихотворенія другого года отдѣлены виньетками, заимствованными изъ различныхъ современныхъ изданій, преимущественно изъ альманаховъ. Въ I томѣ воспроизведены 4 портрета Боратынскаго, памятникъ на его могилѣ, нѣсколько рисунковъ его и рядъ автографовъ.

Въ примѣчаніяхъ собрано все, что можетъ служить къ исторіи творчества Боратынскаго за всѣ періоды его литературной дѣятельности. Главное вниманіе было обращено на варіанты стихотвореній и на указаніе источниковъ, по которымъ производилась наша работа; широкій историко-литературный комментарій не входилъ въ нашу задачу, но мы сочли умѣстнымъ привести отзывы нѣкоторыхъ современниковъ и авторитетныхъ изслѣдователей жизни и творчества Боратынскаго.

Второй томъ содержитъ въ себѣ поэмы и прозу Боратынскаго. Въ настоящее время заканчивается собираніе писемъ поэта, изъ которыхъ, кстати замѣтимъ, только самая незначительная часть была напечатана.

Приношу мою глубокую благодарность лицамъ, оказавшимъ содѣйствіе изданію своими совѣтами, помощью и указаніями: Б. Л. Модзалевскому, О. Н. Никольской, В. И. Саитову и П. Е. Щеголеву.

М. Л. Гофманъ.

---

*) Впервые въ настоящемъ изданіи печатаются слѣдующіе переводы Боратынскаго: „Crois moi, o toi, si aimante...“, „Qu'êtes-vous devenus, doux frémissements de mes forêts?“ „Nom de fantaisie“, „Enfant, mon cri aigu éveillait les forêts“, „Fraternisez, veillez à la défense“ и „Lorsque le poète...“

Е. А. БОРАТЫНСКІЙ.

(Біографическій очеркъ).

I.

Евгеній Абрамовичъ Боратынскій принадлежитъ къ старинной дворянской фамиліи, родоначальникомъ которой считается Дмитрій Божедаръ, прославившійся своими побѣдами надъ врагами Венгріи. Потомки Дмитрія Божедара стали называться Боратынскими по имени замка Boratyn („Божья оборона“), которымъ они владѣли, и уже сынъ Дмитрія Божедара подписывался Dmitry de Boratyn. Внукъ послѣдняго былъ приближеннымъ короля Сигизмунда-Августа и получилъ званіе кастеляна города Пржемысла и старосты Самбора; онъ умеръ въ 1558 году въ Краковѣ, похороненъ въ королевскомъ соборѣ, и на его памятникѣ сохраняется надпись, въ которой онъ названъ Pietro Boratinsky. Правнукъ Петра Боратынскаго — Иванъ Петровичъ Боратынскій — въ концѣ XVII столѣтія оставилъ Польшу и переселился въ Россію, гдѣ, перейдя въ русское подданство и принявъ православіе, получилъ помѣстье въ Бѣльскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи (имѣніе Голощапово) *).

Немногое мы знаемъ объ Абрамѣ Андреевичѣ Боратынскомъ, но и это немногое рисуетъ образъ отца поэта въ самыхъ симпатичныхъ чертахъ. А. А. Боратынскій началъ службу свою 18-ти лѣтъ подпра-

*) См. М. Боратынскаго „Родъ Дворянъ Боратынскихъ“, приложеніе къ „Лѣтописи Историко-родословнаго общества въ Москвѣ“ за 1910 годъ, стр. 52—69, а также и В. В. Руммеля „Родословный сборникъ Русскихъ дворянскихъ фамилій“, т. I, С.-Пб. 1886 г.

порщикомъ лейбъ-гвардіи въ Семеновскомъ полку (въ 1785 году) и 22-хъ лѣтъ участвовалъ въ войнѣ противъ шведовъ. Письма Абрама Андреевича къ родителямъ, сохранившіяся отъ этой поры, свидѣтельствуютъ о его простомъ, благородномъ мужествѣ и мягкомъ, чувствительномъ сердцѣ. Вмѣстѣ съ А. А. служили въ Петербургѣ его братья — Богданъ и Петръ, и самая нѣжная и крѣпкая дружба связывала троихъ братьевъ.

Черезъ фрейлину Нелидову узналъ о братьяхъ Боратынскихъ Наслѣдникъ Престола Павелъ Петровичъ и приблизилъ ихъ къ себѣ, особенно полюбивъ и привязавшись къ Абраму Андреевичу. Довѣріе Наслѣдника къ своему новому любимцу выразилось въ томъ, что молодой 24-хлѣтній поручикъ былъ произведенъ въ томъ же году въ секундъ-майоры и назначенъ командиромъ Павловской, Гатчинской и Каменно-Островской команды, особенно близкой сердцу Павла Петровича. Въ этой командѣ А. А. пробылъ два года, и за эти два года Павелъ I при постоянныхъ личныхъ сношеніяхъ могъ близко узнать и оцѣнить А. А. Боратынскаго, благоволеніе къ которому онъ выражалъ своими постоянными подарками. „Еще вамъ, батюшка, доложимъ, писалъ А. А. своему отцу въ 1792 году, мы милостію Его И. В. столько облагодѣтельствованы, что неможно изобразить сими строками! Его попеченія столько объ насъ велики, что онъ яко чадолюбивый отецъ печется о составленіи намъ благополучія“. Въ 1796 году вступилъ на престолъ Императоръ Павелъ, и черезъ нѣсколько дней (14 ноября) А. А. Боратынскій писалъ отцу: „Милостивый государь Батюшка! Имѣю честь поздравить васъ съ нашимъ милостивымъ императоромъ, котораго вступленіемъ первое дѣло было изливать неисчетныя всѣмъ милости. — Я опять не забытъ: меня вспомнилъ государь на четвертый день вступленія. Я взятъ къ нему въ адъютанты съ чиномъ полковника. Вчерашній день ввечеру я поздравленъ, а сегодня уже вступилъ въ должность. Я ни у кого не въ командѣ, кромѣ самого государя“. И послѣ восшествія на престолъ Павла I Абрамъ Андреевичъ не успѣваетъ сообщать своему отцу о цѣломъ рядѣ милостей: 5 декабря 1796 г. братьямъ Абраму и Богдану Андреевичамъ было пожаловано помѣстье Вяжля (въ Кирсановскомъ уѣздѣ, Тамбовской губерніи) съ двумя тысячами душъ, 1 января 1797 года А. А. произведенъ въ Генералъ-Майоры, 17 мая назначенъ командиромъ Лейбъ-Гренадерскаго полка, 7 августа получилъ орденъ св. Анны I ст. и московское командорство, состоящее изъ нѣсколькихъ деревень, въ октябрѣ — домъ и т. д. и т. д.

Въ декабрѣ 1797 года Абрамъ Андреевичъ посватался къ любимой фрейлинѣ Императрицы Маріи Θеодоровны, Александрѣ Θеодоровнѣ Черепановой, блестяще окончившей Смольный институтъ, образованной и умной — получилъ согласіе, и 29 января 1798 года произошло вѣнчаніе родителей поэта. „Въ 29-й день Генваря свершилась судьба моя, — писалъ А. А. — Предъ престоломъ самого Бога я клялся вѣчно соблюсти мой обѣтъ, — я его не нарушу. Я нашелъ друга искренняго мнѣ по сердцу моему, я счастливъ. Батюшка! порадуйтесь благополучію преданнаго вамъ сына и благословите его хоть заочно. Она всѣмъ намъ другъ и будетъ вѣчно. Третій день, какъ я вступилъ въ сей священный союзъ, и вижу въ себѣ уже великую перемѣну: буйность пылкихъ страстей исчезла; еще въ первый разъ ощущаю тихое спокойствіе въ душѣ моей; дружество и любовь я ощущаю вмѣстѣ, и каждая изъ нихъ наперерывъ даетъ мнѣ чувствовать мое счастіе“.

Неизвѣстный біографъ Александра Андреевича Боратынскаго (дяди поэта) *) такъ характеризуетъ Александру Θеодоровну Боратынскую, мать поэта: „....Въ семействѣ Андрея Васильевича (дѣда поэта) было еще одно существо, которое непремѣнно должно было имѣть сильное вліяніе на Александра Андреевича: то была жена его брата, Александра Θеодоровна Боратынская. Ее точно можно было назвать необыкновенной женщиной: въ ней благородство характера, доброта и нѣжность чувства соединялись съ возвышеннымъ умомъ и почти неженской энергіей. Что-жъ удивительнаго, что она поразила Александра Андреевича, и что онъ привязался къ ней всѣми силами своей пылкой души. Была-ли это одна возвышенная симпатія, или чувство болѣе исключительное и страстное,—трудно рѣшить, но дѣло въ томъ, что эта пламенная привязанность навлекла на себя неодобреніе всѣхъ почтенныхъ членовъ семейства Боратынскихъ, и Александра Θеодоровна, слишкомъ гордая и прямодушная, чтобы переносить даже предположенія, совершенно удалилась отъ молодого человѣка...“.

Пока Боратынскіе радовались своему семейному счастію, Абрама Андреевича такъ же внезапно постигла опала, какъ внезапно началось и его быстрое движеніе, и 6-го сентября 1798 года, въ чинѣ генералъ-лейтенанта, онъ былъ уволенъ отъ службы.

---

*) Небольшой набросокъ біографіи Александра Андреевича Боратынскаго находится въ Татевскомъ архивѣ.

Выйдя въ отставку, А. А. Боратынскій уѣхалъ въ свое тамбовское помѣстье Вяжля и поселился въ той его части, которая носитъ названіе *Мара*. Дѣятельная натура Абрама Андреевича не могла примириться съ вынужденнымъ бездѣйствіемъ, и, выбранный на должность тамбовскаго губернскаго предводителя дворянства, онъ удѣлялъ много времени губернскимъ дѣламъ, заботясь, между прочимъ, о распространеніи просвѣщенія и о поддержаніи училищъ. Хозяйственныя заботы также увлекли бывшаго фаворита Павла I; онъ пристрастился къ своей „Марѣ" и устроилъ изъ нея роскошное и красивое имѣніе, соорудивъ въ немъ съ большимъ вкусомъ бесѣдки, мостики, гроты, каскады, тропы и пр. Несомнѣнно, что А. А. обладалъ значительнымъ вкусомъ и чувствомъ изящнаго, какъ о томъ свидѣтельствуетъ и его сынъ-поэтъ, рисуя въ своемъ „Запустѣніи" „заглохшій Элизей Мары", тропы въ которомъ „художникъ опытный нѣкогда провелъ". И Мара, замѣнившая своими интересами и заботами военную службу, тѣмъ болѣе могла давать удовлетворенія Боратынскому, что являлась его творчествомъ. Поэтъ Боратынскій потерялъ своего отца очень рано и впослѣдствіи говорилъ: „мнѣ память образа его не сохранила"; но въ Марѣ онъ въ каждой тропинкѣ, въ каждомъ деревѣ чувствовалъ невидимое присутствіе отца и восклицалъ въ своемъ „Запустѣніи":

Онъ не былъ мыслію, онъ не былъ сердцемъ хладенъ,
Тотъ, кто глубокой нѣги жаденъ,
Ихъ своенравный бѣгъ тропамъ симъ указалъ,
Кто, преклоняя слухъ къ мечтательному шуму
Сихъ кленовъ, сихъ дубовъ, въ душѣ своей питалъ
Ему сочувственную думу.
Давно кругомъ меня о немъ умолкнулъ слухъ,
Пріяла прахъ его далекая могила,
Мнѣ память образа его не сохранила,
Но здѣсь еще живетъ его доступный духъ;
Здѣсь, другъ мечтанья и природы,
Я познаю его вполнѣ:
Онъ вдохновеніемъ волнуется во мнѣ,
Онъ славить мнѣ велитъ лѣса, долины, воды;
Онъ убѣдительно пророчитъ мнѣ страну,
Гдѣ я наслѣдую безсмертную весну,
Гдѣ разрушенія слѣдовъ я не примѣчу,

Гдѣ въ сладостной сѣни невянущихъ дубровъ,
У нескудѣющихъ ручьевъ,
Я тѣнь священную мнѣ встрѣчу.

Скучать Боратынскимъ не приходилось въ этомъ уголкѣ степной Тамбовской губерніи: по званію губернскаго предводителя дворянства, А. А. Боратынскій поддерживалъ отношенія съ помѣщиками, и гостепріимная Мара служила центромъ, куда собирались не только изъ сосѣднихъ имѣній — Любичей, Умета, Оржевки, но и изъ болѣе отдаленнаго Бекова и изъ Пензы. Мирная жизнь бывшихъ любимцевъ Императора и Императрицы ничѣмъ не прерывалась, и, окруженные такими просвѣщенными сосѣдями, какъ напр. Хвощинскіе и Кривцовы, занятые хозяйственными дѣлами, они мало тяготились деревенскою жизнью, тѣмъ болѣе, что скоро начались и другія заботы — заботы о дѣтяхъ, которымъ они и отдались всею душою.

Черезъ два года послѣ свадьбы Боратынскихъ, 19 февраля 1800 года, у нихъ родился старшій сынъ — Евгеній.

II.

Дѣтство Евгенія Абрамовича Боратынскаго протекло въ исключительно-счастливой обстановкѣ, и если въ 20-хъ годахъ, испытавъ гоненья рока, Боратынскій говорилъ:

Все мнится, счастливъ я ошибкой,
И не къ лицу веселье мнѣ, —

то менѣе всего эти слова можно отнести къ его первой дѣтской порѣ.

Вообще, если внимательно вглядѣться въ условія всей жизни Боратынскаго, то окажется, что жизнь поэта слагалась далеко не такъ несчастливо, какъ это представляется большинству его біографовъ, и источникъ пессимизма, составляющаго основу поэзіи Боратынскаго, надо искать не во внѣшнихъ условіяхъ жизни, не въ жизненныхъ неудачахъ, а въ болѣе глубокомъ — въ натурѣ поэта и въ томъ направленіи его ума, которое заставляло его искать осмысленности міра и жизни, подчиненныхъ вѣчнымъ, непреклоннымъ и тягостнымъ (какъ это часто казалось Боратынскому) законамъ. Но все же веселье никогда не было къ лицу Боратынскому, и въ 25 лѣтъ онъ писалъ своему другу Н. В. Путятѣ: „Во мнѣ веселость — усиліе гордаго

ума, а не дитя сердца. Съ самаго дѣтства я тяготился зависимостью и былъ угрюмъ, былъ несчастливъ".

Повидимому, поэтъ говоритъ въ данномъ случаѣ о той порѣ дѣтства, которая скорѣй можетъ быть названа юностью: маленькій „Бубинька", какъ его звали, не могъ жаловаться на судьбу, окружавшую его радостями и заботами любящихъ людей: онъ росъ въ счастливой семейной обстановкѣ тихимъ, задумчивымъ мальчикомъ, жадно воспринимавшимъ всѣ впечатлѣнія окружающаго его маленькаго міра и чутко отзывающимся на его радости и горести. Ребенокъ развивался очень скоро, не по лѣтамъ. Рано обнаружившіяся его способности привлекли на него вниманіе всѣхъ членовъ обширнаго семейства Боратынскихъ, а его нешумный, тихій нравъ, необыкновенная чуткость и сердечная мягкость сдѣлали „Бубушу", „Бубиньку", „Бубочку" всеобщимъ любимцемъ. Изъ обширной переписки родителей поэта съ его дядьми и тетками мы узнаёмъ о такомъ исключительномъ отношеніи къ „необыкновенному ребенку", на эпитеты которому не скупятся его родные. Такъ, когда родители собирались отпустить поэта погостить къ дѣдушкѣ — Андрею Васильевичу, то, какъ пишетъ крестная мать поэта, М. А. Панчулидзева, „батюшка и мы до слезъ были тронуты и заставляли брата Александра Андреевича много разъ повторять, какимъ образомъ онъ къ намъ собирался"; „какъ мы благодарны, милая сестрица, — пишетъ Екатерина Андреевна Боратынская — что вы намъ писали нѣсколько словъ Бубинькиныхъ. Батюшка самъ перечитывалъ это мѣсто нѣсколько разъ". Поздравляя Абрама Андреевича съ рожденіемъ третьяго сына — Льва Абрамовича — М. А. Панчулидзева не можетъ придумать лучшаго пожеланія новорожденному, какъ то, чтобы онъ „былъ такъ же хорошъ, какъ мой милый Бубинька".

О томъ, какъ любили поэта его родители, нечего распространяться, — это слишкомъ явствуетъ изъ слѣдующихъ отзывовъ Абрама Андреевича, характеризующихъ поэта въ его дѣтскомъ возрастѣ: „Это такой робенокъ, что я въ жизни моей не видывалъ такого добронравнаго и хорошаго дитя.... Бубинька 2 года не только розги, но ниже выговору не заслужилъ: рѣдкій робенокъ!..." 15 іюня 1805 года (т. е. когда Боратынскому было пять лѣтъ) А. А. пишетъ своему отцу, А. В. Боратынскому: „Бубинька уже выучился грамотѣ и теперь пишетъ. У него, благодаря Бога, понятіе очень хорошее, и мы, игравши съ нимъ, его учимъ. — Мы выписали учителя, котораго мы ждемъ изъ Петербурга".

Этотъ выписанный учитель былъ прославленный Боратынскимъ „дядька-итальянецъ“ Боргезе, оказавшійся образованнымъ человѣкомъ и очень хорошимъ воспитателемъ. Мальчикъ очень скоро привязался къ своему новому воспитателю, умѣвшему всегда ладить съ дѣтьми и заинтересовывать ихъ, и сохранялъ чувство привязанности и признательности къ нему до самой своей кончины. Осенью 1806 года родители Боратынскаго уѣхали въ Москву, оставивъ своего сына на попеченіе дяди Богдана Андреевича, и послѣдній сообщаетъ, что „Бубинька ведетъ себя очень хорошо и учится весьма успѣшно“, за что, по мнѣнію Б. А., слѣдуетъ быть признательнымъ г. Боргезу, „который по истинѣ того достоинъ“. Шести лѣтъ Боратынскій уже говорилъ и писалъ по-французски и служилъ переводчикомъ въ разговорахъ своего дяди съ воспитателемъ-итальянцемъ. Боргезе, повидимому, положилъ начало знакомству поэта съ французской литературой; большое вліяніе на впечатлительнаго мальчика оказывали также живыя рѣчи Боргезе о природѣ и искусствѣ Италіи, и Боргезе, тосковавшій по своей родинѣ, „отчизнѣ лучезарной“, сумѣлъ внушить и своему воспитаннику любовь къ классическому итальянскому міру. И память живыхъ рѣчей дядьки-итальянца никогда не ослабѣвала въ Боратынскомъ: онъ мечталъ объ Италіи въ своемъ финляндскомъ уединеніи, мечталъ въ Москвѣ и въ 1831 году восклицалъ:

Небо Италіи, небо Торквата,
Прахъ поэтическій древняго Рима,
Родина нѣги, славой богата,
Будешь-ли нѣкогда мною ты зрима?
Рвется душа, нетерпѣньемъ объята,
Къ гордымъ остаткамъ падшаго Рима!
Снятся мнѣ долы, лѣса благовонны,
Снятся упадшихъ чертоговъ колонны!

И русская поэзія должна съ благодарностью къ Боргезе отмѣтить, что сны объ „упадшихъ чертоговъ колоннахъ“, „благовонныхъ лѣсахъ и долахъ“, любовь къ красотѣ — вызвалъ въ Боратынскомъ его первый „дядька“. Только въ 1844 году, въ годъ своей смерти, удалось поэту осуществить свои сны, и тогда онъ мысленно обратился къ Боргезе, который

Самъ глаза сомкнулъ, когда мірскія сѣти
Ужъ поняли тобой взлелѣянныя дѣти;

Когда, свидѣтели превратностей земли,
Они глубокій взоръ уставить ужъ могли,
Забвенья чуждыя за жизненною чашей,
На итальянскій гробъ въ оградѣ церкви нашей.

А я — восклицалъ Боратынскій:

Я — съ памятью живыхъ твоихъ рѣчей —
Увидѣлъ роскоши Италіи твоей...

Извѣстно, что въ дѣтствѣ у Боратынскаго было еще два гувернера-француза, но о нихъ мы ничего не знаемъ, и поэтъ не вспоминаетъ о нихъ, между тѣмъ какъ онъ не забываетъ въ письмахъ къ матери изъ Пансіона и изъ Пажескаго корпуса передавать привѣты „au bon M-r Bories", а въ 1817 году, отвѣчая на письмо своего бывшаго дядьки, пишетъ ему: „.....оставьте, пожалуйста, эти отвратительные титулы нижайшаго слуги: нѣтъ ничего, что бы я такъ ненавидѣлъ, какъ эту нелѣпую вѣжливость. Я хочу названія друга: съ этимъ названіемъ мы разстались. До свиданія, мой старый другъ, будьте здоровы".

Слѣдуетъ упомянуть, наконецъ, и о томъ воспитательномъ и художественномъ значеніи, какое имѣла на поэта природа, окружавшая его въ дѣтствѣ; завѣтный долъ Мары Боратынскій называетъ „привѣтнымъ лелѣятелемъ" его „первыхъ думъ". Чуткій къ людямъ, поэтъ былъ не менѣе чутокъ и къ природѣ и своими произведеніями доказалъ, что ему не чуждъ былъ „говоръ древесныхъ листовъ", и что онъ самъ

Ручья разумѣлъ лепетанье.

Воспоминаніе о родной природѣ, въ которой онъ провелъ свое дѣтство, всегда было для Боратынскаго священнымъ воспоминаніемъ. Этимъ воспоминаніемъ онъ дорожилъ всю свою жизнь, и во всѣхъ важныхъ случаяхъ мысленно обращался онъ къ своей родинѣ. Такъ, въ 1827 году, на другой годъ послѣ женитьбы, Боратынскій привелъ подъ „сѣнь святую"

соучастницу въ мольбахъ:
Мою супругу молодую
Съ младенцемъ тихимъ на рукахъ

и въ слѣдующихъ строфахъ привѣтствовалъ Мару, послѣ того, какъ упали съ его рукъ „судьбой наложенныя цѣпи":

вновь
Я вижу васъ, родныя степи,
Моя *начальная любовь.*
Степного неба сводъ желанный,
Степного воздуха струи,
На васъ я въ нѣгѣ бездыханной
Остановилъ глаза мои.
Но мнѣ увидѣть было слаще
Лѣсъ на покатѣ двухъ холмовъ —
И скромный домъ въ садовой чащѣ—
Пріютъ младенческихъ годовъ.

Я твой, родимая дуброва! — восклицалъ поэтъ и высказывалъ затаенное, глубокое желаніе остаться подъ хранительнымъ кровомъ родины:

Пускай, пускай въ глуши смиренной,
Съ ней, милой, быть мой утая,
Другихъ урочищей вселенной
Не буду помнить бытія.
Пускай о свѣтѣ не тоскуя,
Предавъ забвенію людей,
Кумиры сердца сберегу я
Одни, одни въ любви моей.

Въ 1833 году Боратынскій посѣтилъ свою „святую сѣнь“ осенью и далъ намъ дивную картину запустѣнія Мары. Въ этой картинѣ удивительно сочетались дѣтскія воспоминанія о Марѣ, какой она была при жизни его отца, съ картиною ея увяданія въ унылую осеннюю пору:

Я посѣтилъ тебя, плѣнительная сѣнь,
Не въ дни веселые живительнаго мая,
Когда зелеными вѣтвями помавая,
Манишь ты путника въ свою густую тѣнь;
    Когда ты вѣешь ароматомъ
Тобою бережно взлелѣянныхъ цвѣтовъ:
    Подъ очарованный твой кровъ
    Замедлилъ я моимъ возвратомъ.
Въ осенней наготѣ стояли дерева
    И непривѣтливо чернѣли;

Хрустѣла подъ ногой морозная трава,
И листья мертвые, волнуяся, шумѣли;
Съ прохладой рѣзкою дышалъ
Въ лицо мнѣ запахъ увяданья;
Но не весенняго убранства я искалъ,
А прошлыхъ дней воспоминанья.
Душой задумчивой, медлительно я шелъ
Съ годовъ младенческихъ знакомыми тропами;
Художникъ опытный ихъ нѣкогда провелъ.
Увы, рука его изглажена годами!
Стези заглохшія, мечтаешь, пѣшеходъ
Случайно протопталъ... Сошелъ я въ долъ завѣтный
Долъ, первыхъ думъ моихъ лелѣятель привѣтный!
Пруда знакомаго искалъ красивыхъ водъ,
Искалъ прыгучихъ водъ мнѣ памятной каскады;
Тамъ, думалъ я, къ душѣ моей
Толпою полетятъ видѣнья прежнихъ дней...
Вотще! лишенныя хранительной преграды,
Далече воды утекли,
Ихъ ложе поросло травою,
Пріютъ хозяйственный въ немъ улья обрѣли,
И легкая тропа исчезла предо мною:
Ни въ чемъ знакомаго мой взоръ не обрѣталъ!
Но вотъ, попрежнему, лѣсистымъ косогоромъ,
Дорожка смѣлая ведетъ меня... обвалъ
Вдругъ поглотилъ ее... Я сталъ
И глубь нежданную измѣрилъ грустнымъ взоромъ;
Съ недоумѣніемъ искалъ другой тропы.
Иду я, — гдѣ бесѣдка тлѣетъ,
И въ прахѣ передъ ней лежатъ ея столпы,
Гдѣ остовъ мостика дряхлѣетъ.
И ты, величественный гротъ,
Тяжело-каменный, постигнутъ разрушеньемъ
И угрожаетъ ужъ паденьемъ.
Бывало, въ лѣтній зной, прохлады полный сводъ!
Что-жъ? пусть минувшее минуло сномъ летучимъ!
Еще прекрасенъ ты, заглохшій Элизей,
И обаяніемъ могучимъ
Исполненъ для души моей.

Въ 1808 году поэту исполнилось 8 лѣтъ, и вскорѣ послѣ того Боратынскіе переѣхали въ Москву.

Дѣтство поэта еще не прошло, но прошла первая, счастливо-безмятежная пора дѣтства, тѣсно связанная съ Марою и ея бытомъ. Въ Москвѣ Боратынскій узналъ и первое настоящее горе: 24 марта 1810 года умеръ его отецъ, Абрамъ Андреевичъ. Всѣ заботы о воспитаніи дѣтей перешли къ матери, и Александра Өедоровна проявила въ этомъ случаѣ большую энергію и, совершенно отказавшись отъ всякихъ удовольствій и личной жизни, посвятила свою жизнь дѣтямъ.

А. Ө. съ такимъ участіемъ входила въ маленькій мірокъ съ его радостями и горестями, что дѣти видѣли въ ней не столько воспитательницу-мать, сколько нѣжнаго и вѣрнаго друга, которому можно все разсказать, такъ какъ онъ все пойметъ и во всемъ приметъ не снисходительное, а горячее участіе. Такая дружба существовала въ особенности между матерью и ея старшимъ сыномъ — Евгеніемъ Абрамовичемъ. Александра Өедоровна какъ-то особенно сильно и болѣзненно привязалась къ поэту и такъ тосковала и страдала въ разлукѣ съ нимъ, что послѣдній, почти что для спасенія ея жизни, долженъ былъ впослѣдствіи выйти въ отставку (послѣ полученія перваго офицерскаго чина), да и въ позднѣйшіе годы, посреди всевозможныхъ дѣлъ и заботъ, не забывалъ часто навѣщать свою мать и писать ей *).

III.

Послѣ смерти мужа, А. Ө. Боратынская оставалась съ дѣтьми въ Москвѣ весь 1810 годъ и въ началѣ слѣдующаго года вернулась въ Мару.

Хлопоты ея объ Евгеніи Абрамовичѣ были успѣшны, и Высочайшимъ указомъ отъ 7 сентября 1810 года Боратынскій былъ зачисленъ въ Пажескій Его Императорскаго Величества Корпусъ. Че-

---

*) Письма Боратынскаго къ матери сохранились въ большомъ количествѣ и составляютъ едва-ли не половину всей собранной нами переписки поэта; къ сожалѣнію, эти письма имѣютъ небольшой интересъ, сравнительно безцвѣтны и рѣдко могутъ служить матеріаломъ для біографіи Боратынскаго. Исключеніе составляютъ его дѣтскія и юношескія письма, въ которыхъ онъ дѣлится съ своимъ другомъ - матерью всѣми впечатлѣніями, чувствами и мыслями; изъ этихъ писемъ складывается образъ поэта — ученика Пансіона, кадета Пажескаго корпуса и юноши, исключеннаго изъ корпуса „за негодное поведеніе", юноши, о которомъ всѣ окружающие говорятъ не иначе, какъ восторженно.

резъ $1^1/_2$ года, ранней весной 1812 года мальчикъ былъ отвезенъ въ Петербургъ и отданъ въ частный нѣмецкій пансіонъ Вильки-Коллинса для подготовки къ поступленію въ Пажескій Корпусъ *).

Въ первый разъ приходилось Боратынскому разставаться на долго съ матерью, съ братьями и сестрами, съ гувернеромъ Боргезе, со всѣмъ, къ чему уже привыкло въ счастьи его сердце. Но Петербургъ привлекалъ къ себѣ мальчика новизной впечатлѣній, и въ кругу многочисленныхъ товарищей-сверстниковъ надѣялся онъ найти тѣ удовольствія, которыхъ былъ лишенъ дома. Съ удовольствіемъ поэтому ѣхалъ Боратынскій въ Петербургъ, но уже первое письмо 12-ти лѣтняго мальчика дышитъ разочарованіемъ и грустью: „Нева теперь вся очистилась отъ льдинъ, сколько парусныхъ лодокъ и кораблей! Но вмѣстѣ съ тѣмъ, маменька, безъ васъ все мнѣ кажется неладнымъ. Когда я уѣзжалъ, я еще не чувствовалъ всей тягости нашей разлуки, я не зналъ ея; но теперь, маменька, какая разница! Петербургъ поразилъ меня своею красотою, все мнѣ казалось счастливымъ, но здѣсь со всѣми были матери. Я думалъ, что съ товарищами мнѣ будетъ весело: но нѣтъ, всякій играетъ съ другимъ, какъ съ игрушкой, безъ дружбы, безо всего! Какая разница, когда мы были съ вами! Послѣдніе дни, хотя мнѣ было грустно, я все же чувствовалъ удовольствіе быть еще съ вами, и—сказать вамъ откровенно—я думалъ,

---

*) Въ матеріалахъ для біографіи Е. А. Боратынскаго, хранящихся въ Казанскомъ и Татевскомъ архивахъ, а также въ собраніяхъ сочиненій, поступленіе поэта въ Петербургскій пансіонъ и письма оттуда къ матери датируются то 1808, то 1811 годомъ; но въ виду того, что у Вильки-Коллинса Боратынскій пробылъ всего полгода, поступивъ туда весною, а въ декабрѣ 1812 года явился изъ Пансіона въ Пажескій корпусъ (что извѣстно по оффиціальнымъ даннымъ), мы приняли годомъ поступленія въ Петербургскій нѣмецкій пансіонъ — 1812 годъ. Датировать письма изъ пансіона 1808 годомъ нѣтъ никакихъ основаній, такъ какъ съ 1808 по 1810 г. Боратынскій былъ съ родителями въ Москвѣ, письма же къ матери онъ пишетъ изъ Петербурга и обращаетъ ихъ къ одной Александрѣ Өеодоровнѣ, совершенно не упоминая объ отцѣ, хотя и перечисляя поименно всѣхъ родственниковъ, которымъ передаетъ поклоны, — это служитъ доказательствомъ того, что письма свои поэтъ писалъ послѣ смерти отца, т. е. послѣ 24 марта 1810 года. Только при томъ предположеніи, что Евгеній Абрамовичъ былъ отвезенъ въ Петербургъ въ самомъ началѣ 1812 года, можно согласовать пребываніе его въ пансіонѣ съ его свидѣтельствомъ о томъ, что, оставивъ въ Москвѣ „могилу дорогую“,

Опять увидѣли мы вотчину степную

(а мы еще 27 декабря 1810 года застаемъ Боратынскаго въ Москвѣ); кромѣ того, намъ извѣстны письма поэта, отправленныя роднымъ изъ Мары въ 1811 году.

уѣзжая, что мнѣ будетъ гораздо веселѣе съ мальчиками моихъ лѣтъ, чѣмъ съ маменькой, потому что она уже большая; но увы, я очень ошибся! Я думалъ найти дружбу, а нашелъ лишь холодную притворную учтивость, расчетливую дружбу: пока у меня было яблоко или что другое, всѣ были моими друзьями, но потомъ все было опять потеряно...“

Увѣривъ себя въ такомъ первомъ разочарованіи въ людяхъ, маленькій Боратынскій начинаетъ сторониться отъ людей и замыкается въ себѣ, проводя свой досугъ въ занятіяхъ математикой и рисованіемъ, къ чему онъ имѣлъ большія способности и влеченіе, и въ чтеніи книгъ. Будучи еще въ пансіонѣ, Боратынскій абонировался въ библіотекѣ Плюшара, и книга стала его близкимъ другомъ. Передъ нимъ открылся новый міръ — міръ французской литературы, поэзіи и философіи XVIII-го вѣка. 12-ти лѣтній мальчикъ, кажется, всего больше увлекался Вольтеромъ и энциклопедистами; легкая французская поэзія была ему въ то время мало знакома, вліяніе эротической поэзіи Парни, столь популярной у насъ въ началѣ вѣка, его мало коснулось, и поэтъ могъ впослѣдствіи говорить съ полнымъ правомъ, что „Цитерскихъ истинъ возвѣститель“ —

Парни — ни братъ, ни сватъ,
Совсѣмъ не онъ отецъ мой крестный.

Съ обширной французской классической литературой XVII и XVIII вв. онъ однако хорошо ознакомился, и это знакомство сильно повліяло на выработку его міровоззрѣнія, склоннаго къ раціонализму, къ господству мысли надъ чувствомъ. Нельзя сказать, впрочемъ, чтобы въ юности да и впослѣдствіи — въ зрѣлыхъ годахъ — у Боратынскаго надъ чувствомъ преобладала мысль, но борьба мысли съ чувствомъ, обозначившаяся такъ ярко и рѣзко въ 30-хъ годахъ, провѣрка мыслію чувства — начинается еще въ эту отроческую пору жизни поэта. Раціонализмъ французской литературы, на которой Боратынскій учился мыслить, повліялъ на него тѣмъ сильнѣе, что онъ былъ еще въ первомъ дѣтствѣ задумчивымъ и впечатлительнымъ мальчикомъ, и вліяніемъ именно французской литературы объясняется та склонность къ резонерству, которая обнаруживается въ немъ въ отроческую пору. И это резонерство часто скрываетъ отъ нашихъ глазъ мягкаго, сердечнаго и отзывчиваго мальчика, какимъ знали и любили Боратынскаго всѣ родственники. Кто не упрекнетъ — но совершенно несправедливо — 14-тилѣтняго усерднаго читателя и

поклонника французской литературы, утѣшающаго свою мать въ ея горѣ такими словами: „Мы узнали съ величайшею горестью о кончинѣ нашей бабушки. Я не имѣлъ счастія знать ее, но если она напоминала васъ, какъ бы я любилъ ее! Мнѣ понятно ваше горе, но подумайте, милая маменька, это законъ природы. Мы родимся для того, чтобы умереть, и, нѣсколькими часами раньше или позже, должны покинуть маленькій атомъ пыли, называемый землею. Будемъ надѣяться, что въ лучшемъ мірѣ мы снова увидимся съ тѣми, кѣмъ мы здѣсь дорожили. Богъ любитъ насъ и, безъ сомнѣнія, не захочетъ воздать намъ безотрадною вѣчностью за жизнь, наполненную столькими горестями. Сегодня мы отдадимъ послѣдній долгъ памяти нашей бабушки. Ежели эти обряды могутъ быть ей полезными, это, конечно, великое утѣшеніе для сердца. Быть можетъ, это заблужденіе, но я люблю его, оно утѣшаетъ меня въ печали. Прощайте, милая маменька. Я бы желалъ, чтобы утрата эта не слишкомъ сокрушала васъ; не смѣю сказать вамъ: забудьте о ней; я знаю, это слишкомъ тягостно для чувствительнаго сердца".

Письмо это несомнѣнно навѣяно чтеніемъ, и книжно звучатъ выраженія „законъ природы", „атомъ пыли", сомнѣнія въ пользѣ обрядовъ, но всѣ эти книжныя выраженія свидѣтельствуютъ всетаки о тяжелой душевной драмѣ.

Чтеніе французскихъ поэтовъ пробудило въ Боратынскомъ желаніе писать стихи, и отъ этого времени его пребыванія въ пансіонѣ сохранилось одно французское стихотвореніе — довольно гладкое стихотворное посланіе къ матери (см. Приложеніе I). Чтеніе французскихъ классиковъ и увлеченіе математикой и рисованіемъ помѣшали Боратынскому хорошо усвоить нѣмецкій языкъ, мало распространенный въ русскомъ обществѣ; вслѣдствіе плохого знанія этого языка, поэтъ могъ поступить только въ четвертый классъ Пажескаго корпуса, хотя по другимъ своимъ познаніямъ онъ отвѣчалъ требованіямъ старшаго класса.

Въ декабрѣ 1812 года Боратынскій поступилъ въ Пажескій корпусъ и черезъ два мѣсяца писалъ матери о томъ впечатлѣніи, какое на него произвело новое училище: „.... Меня экзаменовали и помѣстили въ 4-й классъ, въ отдѣленіе г-на Василія Осиповича Кристофовича. Ахъ, маменька, какой это добрый офицеръ*), при

*) Въ письмѣ къ Жуковскому въ 1823 году Боратынскій писалъ объ этомъ „добромъ офицерѣ", какъ о пьяницѣ, который возненавидѣлъ поэта съ перваго взгляда и сталъ его преслѣдовать.

томъ же онъ знакомъ дяденькѣ. Лишь только я опредѣлился, позвалъ онъ меня къ себѣ, разсказалъ все, что касается до корпуса, даже и съ какими изъ пажей могу я быть другомъ. Я къ нему хожу всякой вечеръ съ другими пажами, которые къ нему ходятъ. Онъ только зоветъ къ себѣ тѣхъ, которые хорошо себя ведутъ... Встаемъ мы въ 5 часовъ, въ $^1/_2$ 6-го на молитву — до 6-ти, потомъ къ чаю до $^1/_2$ 7-го, въ классы — въ 7 до одиннадцати, въ 12 обѣдать, а потомъ въ классы отъ 2-хъ до 4-хъ. Въ 7 часовъ и въ 8 часовъ ложимся спать....“ Хорошее впечатлѣніе произвелъ и новый пажъ на своего воспитателя, который приблизительно въ то же время (аттестація къ 1 марта 1813 года) отзывался о своемъ воспитанникѣ такъ: „Боратынскій — 13-ти лѣтъ, вступилъ въ корпусъ 1812 года, поведенія хорошаго, нрава хорошаго, опрятенъ; штрафованъ не былъ, греческаго закона, 4-го класса“. Боратынскому, хорошо подготовленному, было не трудно учиться въ корпусѣ, и онъ весною 1813 года, послѣ пасхальныхъ вакацій, проведенныхъ у П. А. Боратынскаго, выдержалъ блестяще экзамены и перешелъ въ 3 классъ, удостоенный награды „за успѣхи въ наукахъ и добронравіе“.

Первый годъ корпусной жизни окончился для Боратынскаго благополучно, — онъ привыкъ къ корпусу и полюбилъ его. Осенью онъ возвращался въ корпусъ съ охотою, какъ о томъ свидѣтельствуетъ М. А. Панчулидзева, сообщавшая 15 сентября 1813 года матери поэта, что „Бубуша въ корпусѣ уже въ другой разъ; это мѣсто ему лучше всѣхъ нравится“.

Мы не знаемъ подробностей о дальнѣйшемъ пребываніи Боратынскаго въ корпусѣ, но, какъ можно судить по нѣкоторымъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ и по отзывамъ корпуснаго начальства, любовь его къ корпусу ослабѣвала, мальчикъ сталъ сильнѣе скучать по дому, становился все болѣе и болѣе скрытнымъ и, занятый работою мысли и своими любимыми занятіями — математикой и рисованіемъ, — менѣе прилежно относился къ урокамъ, чтò и отозвалось на его успѣхахъ: послѣ весеннихъ экзаменовъ 1814 года выяснилось, что Боратынскій остался въ томъ же классѣ (въ третьемъ). Сообщая объ этомъ матери въ двухъ словахъ и утѣшая ее надеждою на будущій годъ, Боратынскій въ своемъ письмѣ переходитъ къ тому, что захватываетъ его гораздо болѣе, чѣмъ неудача на экзаменахъ, и подробно говоритъ о томъ, какъ „сейчасъ я занимаюсь въ минуты отдыха переводомъ и сочиненіемъ маленькихъ исторій, и, сказать вамъ правду, *я больше всего люблю поэзію*. Я очень бы хотѣлъ быть

авторомъ. Слѣдующій разъ я вамъ пришлю нѣчто вродѣ маленькаго романа, который я кончаю. Я очень желалъ бы знать, что Вы о немъ скажете. Если Вамъ покажется, что у меня есть кое-какой талантъ, я буду изучать правила, чтобы совершенствоваться въ этомъ". Дальше слѣдуетъ пространная и жестокая критика русскихъ присяжныхъ переводчиковъ, и письмо кончается любопытной просьбой — сообщить юному писателю, въ какомъ видѣ придетъ его письмо, запечатаннымъ или распечатаннымъ.

Не слѣдуетъ удивляться тому, что талантъ Боратынскаго получилъ такое позднее развитіе, въ сравненіи съ его сверстниками — Пушкинымъ, Дельвигомъ и другими лицеистами, уже въ 14—15 лѣтъ обращавшими на себя вниманіе не только друзей, но и читающей публики. Объясненіе такого поздняго развитія заключается въ глубокомъ отличіи уклада жизни Царскосельскаго Лицея отъ жизни въ Пажескомъ корпусѣ: въ послѣднемъ бывали случайныя выступленія поэтовъ (вродѣ Креницына), но не было живого литературнаго общества, не было соревнованія въ поэзіи и того общаго гуманитарно-передового направленія, которое благопріятствовало развитію лицейской поэзіи. И въ то время, какъ баронъ А. А. Дельвигъ громко привѣтствовалъ появленіе новаго таланта въ лицѣ своего товарища Пушкина, предсказывая ему безсмертіе:

> Пушкинъ! Онъ и въ лѣсахъ не укроется,
> Лира выдастъ его громкимъ пѣніемъ,
> И отъ смертныхъ восхититъ безсмертнаго
> Аполлонъ на Олимпъ торжествующій,—

Боратынскій тихомолкомъ, боясь, чтобы кто-нибудь не узналъ, писалъ матери о томъ, что „онъ больше всего любитъ поэзію" и признавался въ своемъ желаніи быть авторомъ.

Сознаніе своего поэтическаго призванія появилось въ Боратынскомъ такъ же рано, какъ и у его сверстниковъ — Пушкина и Дельвига,— но укрѣпить его въ этомъ сознаніи и поддержать никто не могъ: литературныя традиціи были чужды семьѣ Боратынскаго, въ корпусѣ его не посѣщали ни Жуковскій, ни князь Вяземскій, ни другіе писатели; да и кромѣ того, Боратынскій былъ слишкомъ замкнутымъ и неувѣреннымъ въ себѣ юношей, чтобы просить совѣтовъ и показывать свои творенія. Боратынскому приходилось итти ощупью по новой невѣдомой дорогѣ, и потому не удивительно, что огонь поэзіи, присутствіе котораго почувствовалъ въ душѣ своей пажъ Бо-

ратынскій, на долгое время погасъ въ немъ (или ни въ чемъ не проявлялся). Будущій поэтъ вступалъ въ тотъ тяжелый для него переходный возрастъ, когда онъ особенно нуждался въ поддержкѣ и въ указаніи ему пути, и онъ не получалъ ни отъ кого такихъ указаній: мать была далеко и, повидимому, не догадывалась о томъ сложномъ процессѣ, который происходилъ въ душѣ ея сына.

Въ ту критическую пору, когда мальчикъ перерождался въ юношу, Боратынскій оказался безъ всякихъ руководителей.

Какъ разъ въ это время былъ уволенъ по болѣзни изъ Корпуса его воспитатель Кристофовичъ, и Боратынскій перешелъ къ новому воспитателю — капитану Мацневу. Послѣдній часто болѣлъ (у него была чахотка) и отсутствовалъ по цѣлымъ мѣсяцамъ, и тогда роль воспитателя переходила къ капитану Десимонъ. Такая смѣна воспитателей не могла не отражаться и на ихъ воспитанникахъ-пажахъ, которые замѣтно стали распускаться въ поведеніи. Поэтическая природа Боратынскаго не находила себѣ питанія въ окружающей обстановкѣ, религіозная опора была отнята, неопытный умъ ставилъ себѣ вопросы, съ которыми не могъ справиться, и на которые не могъ найти отвѣтовъ, и юношей овладѣла душевная тревога и безпокойство, очень замѣтно отразившіяся въ его письмахъ. Въ это время Боратынскій мечталъ о морской службѣ и умолялъ мать „объ этой милости“, такъ какъ „мои интересы, которые Вамъ такъ дороги, какъ Вы говорите, этого настоятельно требуютъ. Я знаю, чего стоитъ Вашему сердцу видѣть меня въ столь опасной службѣ. Но скажите, знаете-ли Вы, гдѣ во всей вселенной, кромѣ царства океана, жизнь человѣческая не была бы подвержена тысячи опасностей, гдѣ смерть не похитила бы у матери сына, отца, сестру? — Вездѣ малѣйшее дуновеніе можетъ разрушить ломкую пружину, которую мы называемъ нашимъ существованіемъ. Хоть Вы и говорите, милая маменька, что есть вещи, зависящія отъ насъ, — есть и другія, которыя довѣрены Провидѣнію. Наши дѣйствія, наши мысли зависятъ отъ насъ, но я не могу вѣрить, чтобы наша смерть зависѣла отъ выбора службы на сушѣ или на морѣ... Я Васъ умоляю, милая маменька, не противиться моей наклонности. Я не смогу служить въ гвардіи — ее слишкомъ берегутъ: во время войны она ничего не дѣлаетъ и остается въ постыдной праздности. И Вы называете это существованіемъ? Нѣтъ, это не существованіе, а непрерывный покой. Повѣрьте мнѣ, милая маменька, что ко всему можно привыкнуть, кромѣ покоя и скуки. Я бы предпочелъ лучше быть совершенно несчаст-

нымъ, чѣмъ совершенно спокойнымъ въ свѣтѣ: живое и глубокое чувство заняло бы по крайней мѣрѣ мою душу цѣликомъ, сознаніе моихъ несчастій напоминало бы мнѣ, что я существую. Въ самомъ дѣлѣ, я чувствую, что мнѣ всегда нужно что-либо опасное, что бы меня занимало, — безъ этого я скучаю. Представьте, моя дорогая, меня на палубѣ, среди разъяреннаго моря, бѣшеную бурю, подвластную мнѣ, доску между мною и смертью, морскихъ чудовищъ, дивящихся чудесному орудію — произведенію человѣческаго генія, повелѣвающаго стихіямъ..."

Всегда уравновѣшенный, тихій, спокойный ребенокъ, больше всего любящій поэзію и думы, какъ-то рѣзко, скачками сталъ мѣняться, тяготиться спокойствіемъ и скукой и потому сталъ выбирать себѣ товарищей, бывшихъ далеко не на отличномъ счету, но импонировавшихъ своей веселостью и удалью или безстрашіемъ и вызывающимъ поведеніемъ, протестомъ противъ распорядковъ корпусной жизни. Начальство такъ характеризовало новыхъ товарищей Боратынскаго: „Ханыковъ 3-й — поведенія изряднаго, нрава веселаго; Приклонскій — поведенія шаловливаго, нрава веселаго и упрямаго, не всегда опрятенъ; Креницыны оба — поведенія посредственнаго, нрава вспыльчиваго" *).

Со своими новыми товарищами Боратынскій занимался различными шалостями, и проступки друзей, какъ можно думать, бывали порой весьма серьезнаго свойства. И въ этихъ проступкахъ сказывалась та порывистость и неуравновѣшенность, которыя характерны для Боратынскаго-юноши, и которыя заставляли его мечтать объ опасностяхъ морской службы; замѣтимъ кстати, что раскаяніе послѣ

---

*) Замѣтимъ, что къ одному изъ братьевъ Креницыныхъ — Александру Николаевичу, — автору нѣсколькихъ памфлетовъ, Боратынскій обратился въ 1819 году съ посланіемъ, которое свидѣтельствуетъ о томъ, что А. Н. Креницынъ былъ его товарищемъ не только по шалостямъ; обращаясь къ своему „товарищу радостей младыхъ", Боратынскій писалъ:

О милый! я съ тобой когда-то счастливъ былъ!
Гдѣ время прежнее, гдѣ прежнія мечтанья?
И живость дѣтскихъ чувствъ и сладость упованья!
Все хладный опытъ истребилъ.
. . . .
Когда разсѣянно, съ уныніемъ внимать
Я буду снамъ твоимъ о будущемъ, о счастьѣ,
Когда въ мечтахъ твоихъ не буду принимать,
Какъ прежде, пылкое, сердечное участье,
Не сѣтуй на меня, о другѣ пожалѣй...

совершеннаго проступка всегда мучило Боратынскаго и не отвѣчало размѣрамъ его шалостей. Къ концу октября 1814 года относится первая шалость пажа *), до сихъ поръ бывшаго образцовымъ по поведенію, и черезъ нѣсколько дней провинившійся Боратынскій пишетъ слѣдующее письмо матери: „Любезная маменька! Я не знаю, какъ изъяснить Вамъ все, что я теперь чувствую. Могу-ли надѣяться когда-нибудь получить прощеніе въ проступкѣ, который я сдѣлалъ. Не столько меня трогаетъ наказаніе, которое я получилъ, какъ мысль, что я причинилъ вамъ столько горести. Ахъ, будьте увѣрены, что ваши слезы весьма мнѣ дороги. Какъ могу я когда-нибудь достойно заплатить вамъ за всю вашу ко мнѣ милость и любовь, а вмѣсто того, чтобъ какъ-нибудь изъяснить вамъ мою признательность, я довольно неблагодаренъ, чтобы наполнить жизнь вашу горестями о моемъ худомъ поведеніи. Повѣрьте, милая маменька, что слезы ваши гораздо для меня болѣе значатъ, чѣмъ всѣ наказанія. Теперь, слава Богу, я прощенъ, но только мысль, что вы все еще печалитесь и сердитесь, заставляетъ меня болѣе тому печалиться, нежели радоваться. Я надѣюсь будущимъ поведеніемъ загладить вину свою и опять быть достойнымъ вашей любви. Простите меня, милая маменька, избавьте

---

*) Въ чемъ заключались шалости и проступки молодыхъ пажей, — неизвѣстно. Самъ Боратынскій разсказывалъ впослѣдствіи въ письмѣ къ Жуковскому, что онъ „задумалъ составить общество мстителей, имѣющихъ цѣлію сколько возможно мучить нашихъ начальниковъ. Описаніе нашего общества можетъ быть забавно и занимательно послѣ главной мысли, взятой изъ Шиллера, и остальнымъ совершенно дѣтскимъ его подробностямъ. Насъ было пятеро. Мы сбирались каждый вечеръ на чердакъ послѣ ужина, по общему условію ничего не ѣли за общимъ столомъ, а уносили оттуда всѣ съѣстные припасы, которые возможно было унести въ карманахъ, и потомъ свободно пировали въ нашемъ убѣжищѣ. Тутъ-то оплакивали мы вмѣстѣ судьбу свою, тутъ выдумывали разнаго рода проказы, которыя послѣ рѣшительно приводили въ дѣйствіе. Иногда наши учителя находили свои шляпы прибитыми къ окнамъ, на которыя ихъ клали; иногда офицеры наши приходили домой съ обрѣзанными шарфами. Нашему инспектору мы однажды всыпали толченыхъ шпанскихъ мухъ въ табакерку, отъ чего у него раздулся носъ; всего пересказать невозможно. Выдумавъ шалость, мы по жеребью выбирали исполнителя: онъ долженъ былъ отвѣчать одинъ, ежели попадется; но самыя смѣлыя я обыкновенно бралъ на себя, какъ начальникъ".

Въ виду того, что это письмо было написано Жуковскому съ цѣлью смягчить свою участь и носило полу-дружескій, полу-офиціальный характеръ, ему не слишкомъ можно довѣрять, и Н. Я. Максимовъ („Евгеній Абрамовичъ Баратынскій по бумагамъ Пажескаго Е. И. В. Корпуса" — Русская Старина 1870 г., т. II, стр. 638—647) доказалъ цѣлый рядъ уклоненій Боратынскаго отъ дѣйствительности; окончательно опровергаются нѣкоторыя показанія Боратынскаго его же письмами изъ корпуса.

меня отъ мученья, которое терплю, думая о вашей горести. Остаюсь вашъ всепокорный и раскаивающійся сынъ Евгеній Боратынскій".

Въ слѣдующемъ письмѣ Боратынскій благодаритъ мать за ту радость, которую принесло ему ея прощеніе, утѣшившее его, и прибавляетъ: „оно примирило меня съ самимъ собою, и мнѣ теперь ясно, во сколько разъ это драгоцѣннѣе всѣхъ удовольствій разсѣянія". И мы снова видимъ прежняго, мягкаго и чувствительнаго мальчика, и, аттестованный къ 1-му ноября 1814 года капитаномъ Мацневымъ „поведенія и нрава дурного", Боратынскій къ 1-му декабря показанъ (капитаномъ Десимонъ) не штрафованнымъ, „нрава изряднаго", и добавлено, что его „поведеніе поправляется". И послѣ этого слѣдуетъ цѣлый рядъ аттестацій 1815 года, въ которыхъ, какъ на кривой, можно видѣть рѣзкіе переходы Боратынскаго „отъ чувства къ шалости, къ мечтамъ отъ важныхъ думъ" и отъ проступковъ, за которые онъ бывалъ штрафованъ и назывался дурнымъ по нраву, — къ поведенію, отмѣчаемому его воспитателями не только какъ „поправляющемуся", но и вызывающему лестные отзывы, въ которыхъ онъ называется „примѣрнымъ по поведенію и нраву". (Замѣтимъ, что аттестаціи кап. Десимонъ носятъ вообще болѣе благожелательный характеръ, чѣмъ аттестаціи болѣзненнаго и раздражительнаго капитана Мацнева).

Воспитатели замѣтили скрытность характера и колебанія въ темпераментѣ Боратынскаго, но ничего не сдѣлали для того, чтобы облегчить ему тяжелый духовный ростъ, и единственной заботой о немъ было запрещеніе ходить по праздникамъ къ родственникамъ, мѣра, которая могла произвести только отрицательное дѣйствіе, такъ какъ отъ юноши была отнята послѣдняя опора, послѣдняя помощь — со стороны горячо любившихъ его родныхъ. И предоставленный самому себѣ, своимъ товарищамъ и (если вѣрить словамъ Боратынскаго въ его письмѣ къ Жуковскому) романамъ о разбойничьихъ похожденіяхъ, Боратынскій обнаружилъ ту шаткость характера, которая привела его въ февралѣ 1816 года къ катастрофѣ. Объ этой катастрофѣ онъ подробно разсказываетъ въ письмѣ къ Жуковскому.

Описавъ общество „мстителей", имѣвшихъ главною цѣлью мучить своихъ начальниковъ, поэтъ продолжаетъ: „Спустя нѣсколько времени мы (на бѣду мою) приняли въ наше общество еще одного товарища, а именно сына того камергера *), который, я думаю, вамъ извѣстенъ

*) Приклонскаго.

какъ по моему, такъ и по своему несчастію. Мы давно замѣчали, что у него водится что-то слишкомъ много денегъ; намъ казалось невѣроятнымъ, чтобъ родители его давали 14-лѣтнему мальчику по 100 и по 200 р. каждую недѣлю. Мы вошли къ нему въ довѣренность и узнали, что онъ подобралъ ключъ къ бюро своего отца, гдѣ большими кучами лежатъ казенныя ассигнаціи, и что онъ всякую недѣлю беретъ оттуда по нѣсколько бумажекъ.

„Овладѣвъ его тайною, разумѣется, что мы стали пользоваться и его деньгами. Чердашные наши ужины стали гораздо повкуснѣе прежнихъ: мы ѣли конфекты фунтами; но блаженная эта жизнь недолго продолжалась. Мать нашего товарища, жившая тогда въ Москвѣ, сдѣлалась опасно больна и желала видѣть своего сына. Онъ получилъ отпускъ и, въ знакъ своего усердія, оставилъ несчастный ключъ мнѣ и родственнику своему Ханыкову: „возьмите, онъ вамъ пригодится“, сказалъ онъ намъ съ самымъ трогательнымъ чувствомъ, и въ самомъ дѣлѣ онъ намъ слишкомъ пригодился. Отъѣздъ нашего товарища привелъ насъ въ большое уныніе. Прощайте, пироги и пирожные, должно отъ всего отказаться. Но это было для насъ слишкомъ трудно: мы уже пріучили себя къ роскоши, надобно было приняться за выдумки: думали и выдумали!

„Должно вамъ сказать, что за годъ передъ тѣмъ я нечаянно познакомился съ извѣстнымъ камергеромъ, и этотъ случай принадлежитъ къ тѣмъ случаямъ моей жизни, на которыхъ я могъ бы основать систему предопредѣленія. Я былъ въ больницѣ вмѣстѣ съ его сыномъ и въ скукѣ долгаго выздоровленія устроилъ маленькій кукольный театръ. Навѣстивъ однажды моего товарища, онъ очень любовался моею игрушкою и прибавилъ, что давно обѣщалъ такую же маленькой своей дочери, но не могъ еще найти хорошо сдѣланной. Я предложилъ ему свою отъ добраго сердца; онъ принялъ подарокъ, очень обласкалъ меня и просилъ когда-нибудь пріѣхать къ нему съ его сыномъ; но я не воспользовался его приглашеніемъ.

„Между тѣмъ Ханыковъ, какъ родственникъ, часто бывалъ въ его домѣ. Намъ пришло на умъ: что возможно одному негодяю, возможно и другому. Но Ханыковъ объявилъ намъ, что за разныя прежнія его проказы его уже подозрѣваютъ въ домѣ и будутъ за нимъ присматривать, что ему непремѣнно нуженъ товарищъ, который, по крайней мѣрѣ, занималъ бы собою домашнихъ и отвлекалъ отъ него вниманіе. Я не былъ, но имѣлъ право быть въ несчастномъ домѣ. Я

рѣшился помогать Ханыкову. Подошли святки *), насъ распускали къ роднымъ. Обманувъ, каждый по своему, дежурныхъ офицеровъ, всѣ пятеро вышли изъ корпуса и собрались у Молинари. Мнѣ и Ханыкову положено было итти въ гости къ извѣстной особѣ, исполнить, если можно, наше намѣреніе и прійти съ отвѣтомъ къ нашимъ товарищамъ, которые должны были насъ дожидаться въ лавкѣ. Мы выпили по рюмкѣ ликеру для смѣлости и пошли очень весело негоднѣйшею въ свѣтѣ дорогою.

„Нужно-ли разсказывать остальное?...“

Объ „остальномъ“ разсказываетъ уже главный директоръ Пажескаго и Кадетскихъ корпусовъ генералъ-лейтенантъ Клингеръ во всеподданнѣйшемъ рапортѣ отъ 22-го февраля 1816 года нижеслѣдующее: Боратынскій и Ханыковъ были отпущены, въ видѣ поощренія, на масленицу къ родственникамъ, „но они, вмѣсто того, чтобы итти къ родственникамъ съ присланными за ними людьми, съ коими изъ корпуса отпущены были, пошли къ камергеру Приклонскому, по знакомству ихъ съ сыномъ его, пажемъ Приклонскимъ, и вынули у него изъ бюро черепаховую въ золотой оправѣ табакерку и 500 рублей ассигнаціями. Директоръ корпуса, коль скоро о семъ узналъ, послалъ гофмейстера на придворный прачечный дворъ къ кастеляншѣ Фрейгангъ, у которой, по порученности отъ матери, находились, по случаю масленицы, два пажа Креницыны, у коихъ, по извѣстной по корпусу между ними связи, предполагали найти и упомянутыхъ пажей, Ханыкова и Боратынскаго, какъ дѣйствительно и оказалось.

„Пажи сіи, по приводѣ ихъ въ корпусъ, посажены будучи подъ арестъ въ двѣ особыя комнаты, признались, что взяли упомянутыя деньги и табакерку, которую изломавъ, оставили себѣ только золотую оправу, а на деньги накупили разныхъ вещей на 270, прокатали и пролакомили 180, да найдено у нихъ 50 рублей, кои, вмѣстѣ съ отобранными у нихъ купленными ими вещами, возвращены г. камергеру Приклонскому...“

Дѣло о Боратынскомъ пошло очень ускореннымъ темпомъ: кража была совершена въ серединѣ февраля, 22-го февраля поданъ рапортъ Клингера, который былъ немедленно доложенъ Государю княземъ А. Н. Голицынымъ (впослѣдствіи хлопотавшимъ о смягченіи участи

*) Въ дѣйствительности это происшествіе имѣло мѣсто не на святкахъ, а на масленицѣ.

поэта), 1 марта Боратынскій показанъ уже „нечислящимся въ спискѣ пажей“, а 3 марта послѣдовало приказаніе министра по всѣмъ учрежденіямъ, объявлявшаго волю Государя, состоявшую въ запрещеніи принимать на какую бы то ни было службу Боратынскаго и Ханыкова, какъ исключенныхъ изъ Пажескаго корпуса „за негодное поведеніе“. На Александра I это происшествіе въ Пажескомъ Его Императорскаго Величества корпусѣ произвело глубокое и тяжелое впечатлѣніе; онъ былъ совершенно увѣренъ въ томъ, что Боратынскій и Ханыковъ — прирожденные преступники и негодяи, и сколько-нибудь снисходительное и милостивое отношеніе къ нимъ казалось ему уже преступнымъ. Вслѣдствіе такого взгляда Государя на проступокъ Боратынскаго, всѣ хлопоты и просьбы о поэтѣ въ теченіе многихъ лѣтъ оставались безъ результата, и Императоръ запретилъ упоминать о Боратынскомъ прежде, чѣмъ онъ самъ не вспомнитъ о бывшемъ своемъ пажѣ.

Боратынскій былъ исключенъ изъ корпуса безъ права поступленія на какую бы то ни было службу (развѣ, если пожелаетъ рядовымъ) и отданъ на попеченіе своего дяди Богдана Андреевича.

Только тогда, когда уже разразилась надъ нимъ страшная гроза, Боратынскій съ ужасомъ увидѣлъ, по какому пути онъ шелъ послѣдніе годы, и какъ-то мгновенно прояснились его очи, и ожила душа для страданія. Эта катастрофа потрясла до основанія его молодой организмъ, и первое время онъ былъ близокъ къ самоубійству, до котораго его не допустили и нравственное просвѣтлѣніе души, ужаснувшейся послѣ вкушенія отъ плодовъ зла, и родные, поддерживавшіе поэта и умѣло оберегавшіе его отъ дурныхъ вліяній и отчаянія.

То, чего не могло добиться корпусное начальство всѣми своими строгостями и штрафами, — перевоспитанія юноши, — того поразительно легко добились его родные тѣмъ, что нашли самый простой путь — путь сердца къ сердцу. „Я ожидалъ укоровъ, говорилъ Боратынскій, но нашелъ однѣ слезы, бездну нѣжности, которая меня тѣмъ болѣе трогала, чѣмъ менѣе я былъ ея достоинъ. Въ продолженіе четырехъ лѣтъ никто не говорилъ съ моимъ сердцемъ: оно сильно встрепетало при живомъ къ нему воззваніи; свѣтъ его разогналъ призраки, омрачившіе мое воображеніе; посреди подробностей существенной гражданской жизни, я короче узналъ ея условія и ужаснулся какъ моего проступка, такъ и его послѣдствій“.

IV.

Лѣтомъ 1816 года поэтъ уѣхалъ съ дядей Богданомъ Андреевичемъ въ его имѣніе Подвойское (Бѣльскаго уѣзда, Смоленской губерніи) и въ ноябрѣ опасно заболѣлъ нервической горячкой. Богданъ Андреевичъ, заботливо относившійся къ душевной ранѣ Боратынскаго, не менѣе заботливо отнесся и къ его болѣзни, и 28 декабря (1816 года) мать поэта писала Б. А. Боратынскому: „Я не могу изъяснить вамъ сердечной моей признательности за всѣ ваши милости и попеченія объ Евгеніѣ: я обязана вамъ и исправленіемъ его, и самою его жизнію. Опасность, въ которой онъ былъ, такъ стѣсняетъ мое сердце, что я забываю, что она прошла, благодаря Бога и васъ, и я не могу удержаться отъ живѣйшей скорби и страха всякій разъ, какъ она приходитъ мнѣ на мысль. Вотъ ужъ Рождество прошло, а онъ не пріѣхалъ. Зная ваше родительское о немъ попеченіе, я стараюсь ободриться и думать, что вы его не отпускаете по слабости его, да и лучше въ семъ случаѣ переждать, нежели торопиться. Я во всемъ полагаюсь на ваше благоразуміе. У насъ всѣ, слава Богу, здоровы, только грустимъ въ ожиданіи Евгенія. Я не могу отойти отъ окошка, ни за что не принимаюсь, ожиданіе очень мучительно...“

Вмѣстѣ съ нравственнымъ просвѣтлѣніемъ, въ Боратынскомъ пробудилось опять поэтическое чувство, и первое стихотвореніе на русскомъ языкѣ, дошедшее до насъ, написано 23 января 1817 года и обращено къ его дядѣ-воспитателю: „Хоръ, пѣтый въ день именинъ дяденьки Б[огдана] Андр[еевича Боратынскаго] его маленькими племянницами Панчулидзевыми“ (дочерями его любимой тетки и крестной матери Маріи Андреевны).

Испытаніе, посланное гнѣвнымъ рокомъ, и наставленія родныхъ не прошли безслѣдно для Боратынскаго, — онъ, переступивъ въ дѣтствѣ этическіе принципы, начинаетъ въ этикѣ видѣть высшую цѣнность и мѣрило жизни. Въ двадцатыхъ годахъ къ этой цѣнности прибавляется еще новая могущественная — эстетическая цѣнность (а въ концѣ 30-хъ и религіозная). Въ 1825 г. поэтъ писалъ своему другу Н. В. Путятѣ: „Съ самаго дѣтства я тяготился зависимостью и былъ угрюмъ, былъ несчастливъ. Въ молодости судьба взяла меня въ свои руки. Все это служитъ пищею Генію; но вотъ бѣда: я не Геній. Для чего-жъ все было такъ, а не иначе? На этотъ вопросъ

захохотали бы всѣ черти. И этотъ смѣхъ служилъ бы отвѣтомъ вольнодумцу, но не мнѣ и не тебѣ: мы вѣримъ чему-то. Мы вѣримъ въ прекрасное и въ добродѣтель. Что-то развитое въ моемъ понятіи для лучшей оцѣнки хорошаго, что-то улучшенное во мнѣ самомъ — такія сокровища, которыя не купитъ ни богачъ за деньги, ни счастливецъ счастіемъ, ни самый Геній худо направленный". Испытаніе несчастіемъ, заставившее Боратынскаго „вѣрить въ добродѣтель", положило на него (или вѣрнѣе, усилило) и тотъ отпечатокъ грусти, который на немъ оставался всю жизнь и питался размышленіями, носившими часто безотрадный характеръ. Почти весь 1816 годъ пробылъ Боратынскій у дяди въ Подвойскомъ и, окруженный любящими его родными („дорогая маменька, писалъ онъ, удовольствіе видѣть себя любимымъ превосходитъ всѣ удовольствія свѣта!"), постепенно втягивался въ общую жизнь, въ общіе интересы и развлеченія. Но и посреди радостей и развлеченій молодой мыслитель-поэтъ не переставалъ грустить, и эта грусть часто выражалась въ письмахъ его изъ Подвойскаго, несмотря на то, что онъ старался скрыть ее: душевная чуткость Боратынскаго подсказывала ему, что надо скрывать отъ матери свою печаль (а порой и отчаяніе) и выбирать „пріятныя вещи", дабы не отягощать мать безпокойствами о себѣ. Невольно однако для него самого, его письма переходили очень быстро изъ мажорнаго тона въ минорный, и даже улыбку его можно было назвать улыбкою грусти.

Выписываемъ почти цѣликомъ одно письмо Боратынскаго изъ Подвойскаго, лучше всего рисующее его образъ въ это время:

„Милая маменька. Мы проводимъ здѣсь время очень пріятно: здѣсь пляшутъ, поютъ, смѣются, — все какъ бы дышитъ счастіемъ и радостью. Одна только мысль омрачаетъ въ глазахъ моихъ картину удовольствій: это мысль объ ихъ кратковременности и о томъ, что скоро долженъ буду я разстаться со всѣми этими наслажденіями. Я знаю, у меня скверный характеръ, составляющій мое несчастіе — слишкомъ издалека предвижу я все то непріятное, что можетъ случиться. Было время, когда я объ этомъ не думалъ! Но время это улетѣло, какъ сонъ, или, по крайней мѣрѣ, оно было такъ же кратко, какъ мгновенія счастія, дарованныя жизни человѣческой.

„Милая маменька, о счастьи много спорили,—не кажется-ли, что видишь нищихъ, разсуждающихъ о философскомъ камнѣ?

„Такъ человѣкъ, посреди всего, что должно было бы сдѣлать его счастливымъ, носитъ скрытый ядъ, который гложетъ его и дѣлаетъ

неспособнымъ ко всякому радостному ощущенію. Болѣзненное настроеніе духа, основа скуки и печали, — вотъ что сопровождаетъ его посреди шумныхъ радостей, и я хорошо знаю такого человѣка.

„Не есть-ли счастье извѣстное сочетаніе мыслей, при которомъ мы не въ состояніи думать о чемъ-либо иномъ, кромѣ того, что овладѣло нашимъ сердцемъ, переполненнымъ до такой степени, что мы не въ силахъ размышлять о томъ, что чувствуемъ?

„Не счастье-ли также и безпечность?

„Не принадлежитъ-ли существу существъ, вѣчному Деміургу, свойство располагать душу къ воспріятію подобнаго чувства, когда онъ хочетъ наградить кого-либо изъ маленькихъ атомовъ, образовавшихся изъ пылинокъ общей нашей матери (земли)? О однодневные атомы! О спутники мои въ безконечной малости, могли-ли вы когда-нибудь замѣтить невидимую руку, направляющую насъ въ этомъ муравейникѣ рода человѣческаго?

„Кто изъ насъ могъ анатомировать эти краткія мгновенія въ жизни человѣческой? — Что касается до меня, то я объ этомъ никогда не помышлялъ!

Признаться надо намъ, такъ наша жизнь проходитъ,
И каждаго изъ насъ бѣсенокъ нѣкій водитъ
Къ забавамъ отъ невзгодъ, — тутъ воля не своя.
Всего отъ пяти чувствъ вполнѣ завишу я;
Природой человѣкъ безспорно превосходенъ, —
Въ грядущемъ дивными духами будемъ мы;
Но въ этомъ мірѣ духъ съ машиной очень сходенъ.
Какъ часто невзначай мѣняются умы:
Поправятся-ль дѣла, и глядь — у Гераклита
Слеза замѣнена улыбкой Демокрита*).

„Это стихи извѣстнаго еретика, который всегда кажется сумасброднымъ нѣкоторымъ людямъ, но стихи котораго часто исполнены истины и силы — я говорю о Вольтерѣ. Мнѣ кажется, что ничего не было написано лучшаго по части этого мистическаго пренія. Но я думаю, что надоѣлъ вамъ со своей философіей. Страсть къ умствованію — не изъ меньшихъ моихъ недостатковъ, и я не думаю отъ него исправиться...."

*) Переводъ И. С. Тургенева.

Любопытно отмѣтить, что Боратынскій началъ писать это письмо, какъ онъ самъ говоритъ, въ очень дурномъ настроеніи, но передъ тѣмъ, какъ выписать стихи Вольтера — писателя, имѣвшаго и въ эту пору на него большое вліяніе, онъ отправился пить кофе съ тетушками своими, Маріей и Екатериной Андреевнами, и послѣднія такъ быстро успѣли разсѣять его печальныя мысли, что когда онъ вернулся къ себѣ, въ немъ уже остыло желаніе философствовать, и онъ началъ описывать свою поѣздку къ родственникамъ, жившимъ недалеко отъ Подвойскаго *).

День Боратынскаго въ Подвойскомъ проходилъ въ разговорахъ съ тетушками и Богданомъ Андреевичемъ, въ играхъ съ маленькими дѣтьми М. А. Панчулидзевой, которымъ онъ удѣлялъ очень много времени и вниманія, а главное — въ чтеніи; за нѣсколько мѣсяцевъ, проведенныхъ имъ въ Подвойскомъ, поэтъ успѣлъ перечитать всю богатую библіотеку своего дяди, познакомился съ нѣкоторыми русскими классиками, которыхъ онъ до того времени мало зналъ, и еще болѣе пристрастился къ Вольтеру и французскимъ поэтамъ XVIII вѣка. Временами наѣзжали въ Подвойское и другіе дяди (Петръ и Илья Андреевичи) и родственники, собирались знакомые помѣщики-сосѣди; молодежь устраивала различныя развлеченія, въ которыхъ принималъ участіе и Евгеній Абрамовичъ, забывая о своемъ горѣ; но всетаки улыбка печали рѣдко сходила съ его лица. Боратынскій полюбилъ Подвойское и, по семейнымъ преданіямъ, воспѣлъ его въ своей сельской элегіи „Родина“, написанной въ 1820 году:

„Я возвращуся къ вамъ, поля моихъ отцовъ“... и т. д.

Вскорѣ послѣ того, какъ Боратынскій оправился отъ своей болѣзни (нервической горячки), онъ испыталъ большую радость при встрѣчѣ съ матерью въ концѣ февраля 1817 года.

Сохранилось интересное письмо матери поэта къ Б. А. Боратынскому отъ 1 марта 1817 года, и по этому письму можно составить себѣ представленіе о томъ порочномъ юношѣ, котораго исключили изъ корпуса „за негодное поведеніе“ и лишили свободы и общественнаго уваженія на цѣлыхъ 9 лѣтъ: „Не знаю, велитъ-ли Богъ весною выбраться отсюда **), но я сего очень, очень желаю, ибо оно

---

*) Это письмо, изъ котораго мы привели большую выдержку, напечатано (не совсѣмъ точно) во всѣхъ изданіяхъ сочиненій Боратынскаго, но конецъ письма почему-то выпущенъ.

**) Изъ Мары.

вéсьма нужно дѣтямъ моимъ, да и можетъ быть узнаю что-нибудь вѣрнаго о судьбѣ моего Евгенія, котораго печальное положеніе тѣмъ болѣе тяготитъ мою душу, что отмѣннымъ своимъ поведеніемъ заставляетъ, если можно, еще болѣе желать, чтобъ онъ былъ порядочно пристроенъ въ службѣ. Скажу вамъ, любезнѣйшій братецъ, что *я имъ чрезмѣрно довольна во всѣхъ отношеніяхъ, и что съ трудомъ понимаю, какъ могъ онъ себя такъ потерять въ Петербургѣ: мнѣ это кажется ужаснымъ сномъ.* Я увѣрена, любезный братецъ, что, по безпримѣрному вашему сердцу къ роднымъ, вы съ удовольствіемъ услышите сіе свидѣтельство въ пользу племянника, для котораго вы столь много сдѣлали, и, судя по вашему сердцу, увидите, что мое должно чувствовать". Подобные же отзывы встрѣчаются и въ письмахъ всѣхъ родныхъ Евгенія Абрамовича, и нѣтъ сомнѣнія, что онъ вполнѣ заслуживалъ ихъ, возбуждая—и тогда, и впослѣдствіи—сильную привязанность во всѣхъ людяхъ, съ которыми онъ былъ близокъ и для которыхъ измѣнялъ своему замкнутому характеру.

Три года, проведенные Боратынскимъ въ Подвойскомъ, въ Марѣ *) и въ Москвѣ — у матери и у родныхъ, были для него очень плодотворными годами, и въ концѣ 1818 года Боратынскій, съ окрѣпшими физическими и нравственными силами, „съ мадригаломъ въ карманѣ" пріѣхалъ въ Петербургъ, имѣя въ виду начать военную службу рядовымъ въ одномъ изъ петербургскихъ полковъ съ тѣмъ, чтобы заслужить прощеніе и вернуть себѣ утраченное общественное положеніе.

V.

Никогда ни до того, ни послѣ того времени не было въ Петербургѣ такой оживленной литературной жизни, какъ та, которая возникла въ связи съ выступленіемъ на литературное поприще Пушкина и его друзей-поэтовъ, тѣсно примыкавшихъ къ нему и къ тому литературному движенію, во главѣ котораго стоялъ въ то время Жуковскій. Боратынскому удалось еще застать эту совмѣстную жизнь

---

*) Съ грустью покидалъ Боратынскій также и Тамбовъ, въ которомъ онъ весело проводилъ время, и въ которомъ шевельнулось въ его душѣ чувство, похожее на любовь. Вслѣдствіе недостатка біографическаго матеріала, мы не можемъ опредѣленно говорить объ этомъ чувствѣ, но нѣкоторый намекъ на него находится между прочимъ въ письмѣ къ матери, въ которомъ Боратынскій говоритъ: „мнѣ кажется, что уѣзжая изъ Мары, я взялъ отпускъ у дружбы и что, уѣзжая изъ Тамбова, я взялъ отпускъ у любви".

поэтовъ и войти въ ихъ кругъ: черезъ барона А. А. Дельвига онъ познакомился со всѣми литературными знаменитостями и незнаменитостями. Къ числу первыхъ принадлежали, прежде всего, Жуковскій, Гнѣдичъ и Пушкинъ, и къ этимъ именамъ молодой начинающій поэтъ относился не иначе, какъ съ безграничнымъ уваженіемъ, доходившимъ до преклоненія. Въ 1831 году, вспоминая (въ письмѣ къ И. В. Кирѣевскому) о Гнѣдичѣ и жалѣя, что не можетъ его увидѣть, Боратынскій писалъ: „Я любилъ его, и это чувство еще не остыло. Можетъ быть, теперь я нашелъ бы въ немъ кое-что смѣшное: что за дѣло! Пріятно взглянуть на колокольню села, въ которомъ родился, хотя она уже не покажется такою высокою, какъ казалась въ дѣтствѣ". Но въ то время Гнѣдичъ казался Боратынскому высокой колокольней — большимъ поэтомъ и поэтическимъ законодателемъ, и къ нему, какъ къ руководителю, обращался нашъ поэтъ съ посланіями.

Пушкинъ очень полюбилъ и задумчивую элегическую лиру Боратынскаго, и его самого, и включилъ Боратынскаго въ число своихъ друзей; позже (въ 1826 году въ Москвѣ) поэты еще болѣе сблизились, но Боратынскій всегда сохранялъ въ своемъ дружескомъ отношеніи къ Пушкину извѣстный оттѣнокъ преклоненія, вызваннаго признаніемъ силы генія, что̀ и выразилось ярче всего въ его письмѣ къ Пушкину 1826 года: „Пиши, милый Пушкинъ, а я въ долгу не останусь, *хотя пишу къ тебѣ съ тѣмъ затрудненіемъ, съ которымъ обыкновенно пишутъ къ старшимъ*".

Но наибольшее значеніе имѣла для жизни и творчества Боратынскаго личность Жуковскаго и его поэзія, на которой воспитался Боратынскій. Ангелъ-хранитель русской поэзіи, Жуковскій былъ однимъ изъ первыхъ, принявшихъ большое участіе въ тяжелой судьбѣ поэта, расплачивавшагося долгими годами страданія и лишеній за дѣтскій проступокъ въ Пажескомъ корпусѣ. Благодаря Жуковскаго за непрестанныя заботы и хлопоты, Боратынскій писалъ ему: „Повѣрьте, что мнѣ не тягостна благодарность, особенно благодарность къ вамъ: я любилъ васъ, плакалъ надъ вашими стихами прежде, чѣмъ узналъ васъ лично, — прежде, нежели могъ предвидѣть, что мнѣ могутъ быть полезны прекрасныя качества вашего сердца.... Препоручаю судьбу мою вамъ, моему Генію-покровителю. Вы начали, вы и довершите... и тогда я скажу вмѣстѣ съ вами: хвала поэзіи; поэзія есть добродѣтель, поэзія есть сила; но въ одномъ только Поэтѣ — въ васъ — соединены всѣ ея великія свойства. Да будутъ дни ваши такъ прекрасны, какъ ваше сердце, какъ ваша поэзія. Лучшаго желанія не

можетъ придумать до глубины души вамъ признательный Боратынскій".

Можно бы принять эти искреннія, вырвавшіяся изъ сердца строки за выраженіе мгновенно-восторженнаго чувства, вызваннаго радостною вѣстью о томъ, что дѣло поэта пошло успѣшно, если бы подобные же отзывы о Жуковскомъ не встрѣчались въ письмахъ Боратынскаго къ другимъ лицамъ, и если бы мы не знали о томъ своего рода культѣ Жуковскаго, который былъ въ интимномъ кружкѣ молодыхъ поэтовъ: Боратынскаго, Дельвига, Кюхельбекера и Плетнева. Въ 1840 году В. К. Кюхельбекеръ писалъ о томъ чувствѣ, которое вызвало въ немъ изданіе сочиненій Жуковскаго: „пiэсы, отпечатанныя сначала въ тетрадяхъ *Для немногихъ*, перенесли меня въ скромное жилище Плетнева, куда бывало спѣшу, какъ только получу ихъ изъ Москвы, чтобы похвастать ими передъ хозяиномъ, Дельвигомъ, Боратынскимъ и подѣлиться съ товарищами наслажденіемъ, какое онѣ проливали мнѣ въ душу".

Если къ Пушкину, Гнѣдичу и Жуковскому Боратынскій, высоко цѣня ихъ поэтическую дѣятельность, относился съ глубокимъ уваженіемъ, то нигдѣ онъ такъ себя хорошо, по-домашнему, отрадно не чувствовалъ, какъ въ этомъ интимномъ кружкѣ друзей-поэтовъ, благоговѣвшихъ передъ поэзіей-добродѣтелью, усвоившихъ себѣ высокое понятіе о священномъ значеніи поэтическаго призванія и разсуждавшихъ о литературѣ и литературныхъ явленіяхъ и новостяхъ. Поэтовъ, идеалистически настроенныхъ, связывала „къ музамъ чистая любовь", и этотъ союзъ имѣлъ большое значеніе для Боратынскаго, нашедшаго въ немъ опору въ своемъ несчастіи.

Большое значеніе для нашего поэта имѣла дружба: въ дружбѣ почерпалъ Боратынскій силы переносить свое несчастіе; въ друзьяхъ находилъ онъ утѣшеніе и говорилъ:

О дружба нѣжная! останься неизмѣнной!
Пусть будетъ прочее мечтой.

Не меньшее значеніе имѣло для Боратынскаго то понятіе о священномъ значеніи поэзіи, которое было въ кружкѣ догмой. Въ это время Боратынскій окончательно осозналъ свое настоящее призваніе къ поэзіи, и высокій взглядъ на святость искусства помогъ ему смотрѣть на свои занятія поэзіей, какъ на дѣло жизни, и почувствовать свое поэтическое (и вмѣстѣ съ тѣмъ человѣческое) достоинство.

Поэзія была не только прибѣжищемъ, въ которомъ Боратынскій находилъ отдыхъ и отраду „въ гоненьяхъ рока“, какъ онъ самъ говорилъ:

Меня тягчилъ печалей грузъ,
Но не упалъ я передъ рокомъ:
Нашелъ отраду въ пѣсняхъ музъ...

но въ искусствѣ, въ красотѣ онъ нашелъ ту правду, ту гармонію, которой не могъ найти въ жизни, и которую не отожествлялъ съ правдою этическою, чѣмъ и отличался отъ нѣкоторыхъ своихъ друзей, склонныхъ къ такому отожествленію, и приближался къ взгляду Пушкина на высокое значеніе поэзіи, независимой отъ религіозныхъ и этическихъ требованій *).

Поэзія позволила также Боратынскому свѣтлѣе взглянуть на нестройный міръ, и отсюда —

Хвала вамъ, боги! Предо мной
Вы оправдалися отнынѣ:
Готовъ я съ бодрою душой
На все угодное судьбинѣ.
И никогда сей лиры гласъ
Не оскорбитъ роптаньемъ васъ.

Но лира Боратынскаго не сдержала своего обѣщанія, такъ какъ отсутствіе согласія, гармоніи жизни и поэзіи продолжало вызывать въ поэтѣ грусть и ропотъ на боговъ, подчинившихъ міръ своимъ жестокимъ законамъ. Такой ропотъ становится особенно замѣтнымъ въ 30-хъ годахъ, т. е. тогда, когда жизнь поэта устроилась вполнѣ спокойно и счастливо, но когда Боратынскій почувствовалъ духовную тревогу и недостаточную обоснованность міра и сталъ пессимистически смотрѣть на его явленія, которыя „всѣ вѣдомы давно“; въ ту пору, о которой мы говоримъ, ропотъ почти не встрѣчается въ стихотвореніяхъ Боратынскаго, и его замѣняетъ тихая грусть, очаровывавшая современниковъ своей искренностью, качествомъ, которымъ элегіи Боратынскаго выгодно отличались отъ „вытья жеманнаго поэтовъ нашихъ лѣтъ“.

---

*) Въ своей „Финляндіи“ поэтъ восклицаетъ:
Что нужды до былыхъ иль будущихъ племенъ?
Я не для нихъ бренчу незвонкими струнами:
Я, невнимаемый, довольно награжденъ
За звуки — звуками, а за мечты — мечтами.

Особенно бережно отнесся къ новому дарованію баронъ Дельвигъ, „подружившій" Боратынскаго съ музами и безпрестанно поддерживавшій въ немъ вѣру въ его призваніе. Боратынскій говорилъ впослѣдствіи о томъ тягостномъ впечатлѣніи, которое на него произвело „вступленіе въ нежеланную извѣстность", но если Дельвигъ отдалъ первые стихи Боратынскаго въ печать и безъ вѣдома автора, то, во всякомъ случаѣ, Боратынскій очень скоро примирился съ этой „нежеланной извѣстностью" и не переставалъ любить своего друга. О томъ, какое значеніе имѣла для Боратынскаго его дружба съ Дельвигомъ, лучше всего можно судить по слѣдующимъ стихамъ его изъ посланія „Къ Дельвигу":

Насъ не вотще судьба соединила,
Суровая двухъ добрыхъ полюбила
И, слабая отъ бѣдствій ихъ спасти,
Опорою другъ другу быть судила,
Чтобъ съ ней самой могли борьбу вести.
. . . .
Ты помнишь-ли, въ какой печальный срокъ
На дружбу мнѣ ты руку далъ впервые
И думая: по сердцу мы родные —
Сталъ навѣщать мой скромный уголокъ?
Ты помнишь-ли, съ какой судьбой суровой
Боролся я, почти лишенный силъ?
Не ты-ль тогда мнѣ бодрость возвратилъ?
Не ты-ль душѣ повѣялъ жизнью новой?
Ты ввелъ меня въ семейство добрыхъ музъ:
Дѣля досугъ межъ ними и тобою,
Я-ль чувствовалъ ея свинцовый грузъ
И передъ ней унизился душою!
. . . .
Всегда я твой! судьей души моей
Ты долженъ быть и въ ведро и въ ненастье:
Удвоишь ты моихъ счастливыхъ дней
Неполное безъ раздѣленья счастье.
Въ дни бѣдствія я знаю, гдѣ найти
Участіе въ судьбѣ моей тяжелой:
Что-жъ страшно мнѣ на жизненномъ пути?
Иду впередъ съ надеждою веселой!

VI.

Послѣ долгихъ хлопотъ, 8 февраля 1819 года Боратынскому удалось поступить на службу Лейбъ-Гвардіи въ Егерскій полкъ рядовымъ, и вскорѣ послѣ того онъ поселился вмѣстѣ съ барономъ Дельвигомъ. О совмѣстной жизни поэтовъ-друзей, имѣвшихъ сходные мягкіе характеры, существуетъ слѣдующій стихотворный разсказъ, ими же самими написанный:

Тамъ, гдѣ Семеновскій полкъ, въ пятой ротѣ, въ домикѣ низкомъ*)
Жилъ поэтъ Боратынскій съ Дельвигомъ, тоже поэтомъ.
Тихо жили они, за квартиру платили немного,
Въ лавочку были должны, дома обѣдали рѣдко.
Часто, когда покрывалось небо осеннею тучей,
Шли они въ дождикъ пѣшкомъ, въ панталонахъ трикотовыхъ тонкихъ,
Руки спрятавъ въ карманы (перчатокъ они не имѣли!),
Шли и твердили шутя: какое въ россіянахъ чувство!

Къ 1818—1819 гг. относится увлеченіе Боратынскаго Е. Гернгроссъ, но это увлеченіе, какъ и всѣ почти увлеченія Боратынскаго, не отличалось страстнымъ характеромъ и скорѣе походило на дружбу, какъ можно судить по слѣдующему письму его къ матери, въ которомъ онъ описываетъ Е. Гернгроссъ: „.... Это золотая женщина. Она рѣдко образована, т. е. она знаетъ больше меня, какъ всѣ говорятъ. Она божественно играетъ на арфѣ, много читаетъ, любитъ литературу и даже способна имѣть собственное сужденіе обо всѣхъ этихъ искусствахъ. Мы разсуждаемъ съ ней обо всемъ — о дружбѣ, о любви, о любовныхъ интригахъ. Эпикуреизмъ, платонизмъ, стоицизмъ — все это подвергается разбору. Я хожу къ ней каждый день послѣ обѣда и между тѣмъ не скучаю. Надо однако сознаться, что пока что она для меня божественная женщина. Я склоненъ даже полюбить ее, но не пугайтесь за меня: я слишкомъ глупъ, чтобы сдѣлать серьезную глупость....“ И на этотъ разъ, какъ это бывало часто, разговоры о любви и дружбѣ съ Е. Гернгроссъ пробудили въ поэтѣ не любовь, а одно волненье, и начавшееся его увлеченіе и

*) Боратынскій снималъ квартиру въ домѣ кофищенка Ежевскаго, который зналъ въ Гатчинѣ отца поэта и разсказывалъ Боратынскому различныя подробности и анекдоты о его жизни.

дружба, какъ можно думать, не были продолжительными и не оставили замѣтнаго слѣда въ его душѣ.

Своими новыми друзьями Боратынскій былъ увлеченъ въ общую шумную жизнь талантливой нашей литературной молодежи, переходившей отъ пировъ и веселья къ грустнымъ размышленіямъ, „отъ чувства къ шалости, къ мечтамъ отъ важныхъ думъ“ и скрывавшихъ „безумной шалости подъ легкимъ покрываломъ“ — и умъ возвышенный и чувства. Пиры въ честь поэзіи смѣнялись пирами въ честь любви, а послѣдніе уступали свою очередь вольнолюбивымъ банкетамъ, на которыхъ блистала незрѣлая, но рѣзвая и искренняя политическая острота и пожеланія свободы порабощенному народу.

На такихъ пирахъ присутствовалъ и Боратынскій, и нѣкоторое отраженіе ихъ мы находимъ въ его поэмѣ „Пиры“, но эта шумная жизнь мало увлекала поэта и не захватывала его. Политическія увлеченія также были чужды Боратынскому, потому что всѣмъ своимъ воспитаніемъ и семейными традиціями онъ былъ мало подготовленъ къ вопросамъ политики. Существуетъ однако предположеніе, что Боратынскій, не вступая въ тайныя общества, во многомъ соглашался съ ними и сочинялъ экспромпты о свободѣ (см. Приложеніе III). Но изъ этого круга „любезныхъ шалуновъ“ могъ вынести Боратынскій мечту о необходимости уничтоженія крѣпостного права, мечту, которую онъ лелѣялъ въ продолженіе всей своей жизни.

Мягкій и чувствительный, сердечный въ своихъ привязанностяхъ, Боратынскій въ общемъ оставался холоденъ къ „лобызаніямъ Фринъ“ и воспѣвалъ ихъ красы, болѣе слѣдуя принятымъ образцамъ, чѣмъ повинуясь сердечному влеченію. Совсѣмъ незначительную роль въ молодости Боратынскаго играютъ эти „лобызанія“ Фринъ, Делій, Клименъ, Хлой, Дафнъ и Темиръ, и сдержанность его представляется тѣмъ болѣе удивительной, что „скоромностей“ не чуждались въ своихъ письмахъ и высоко-нравственные люди того времени. Боратынскій любилъ шумные пиры, любилъ забывать на нихъ свою грусть, но это рѣдко удавалось ему, и пиры наводили на него чаще всего уныніе.

Разсѣеваетъ грусть весёлый шумъ пировъ:
Вчера, за чашей круговою,
Въ семействѣ дружескомъ любезныхъ шалуновъ
Я уповалъ ожить душою.
Туманъ полуночный на холмы возлегалъ;
Шатры надъ озеромъ дремали;

Лишь мы не знали сна и дружескій фіалъ
Съ весельемъ буйнымъ осушали.
Но что же? *внѣ себя я тщетно жить хотѣлъ,*
Вино и Вакха мы хвалили;
Но я безрадостно съ друзьями радость пѣлъ:
Восторги ихъ мнѣ чужды были.
Того не пріобрѣсть, что сердцемъ не дано;
Не вспыхнетъ жизнь въ крови остылой;
Одну печаль свою, уныніе одно
Способенъ чувствовать унылой!

Сквозь элегическую условность этого стихотворенія (особенно замѣтную въ послѣдней строфѣ) чувствуется присутствіе неотвязной мысли Боратынскаго, которая твердила, что ему „не къ лицу веселье".

В. Эртель, знавшій поэта въ дѣтствѣ, такъ описываетъ его наружность въ началѣ двадцатыхъ годовъ *): „Его блѣдное, задумчивое лицо, оттѣненное черными волосами, какъ бы сквозь туманъ, горящій тихимъ пламенемъ взоръ придавали ему нѣчто привлекательное и мечтательное; но легкая черта насмѣшливости пріятно украшала уста его... Неизъяснимая прелесть, которою было проникнуто все существо его, отражалась и въ его произведеніяхъ...". Эта „неизъяснимая прелесть" Боратынскаго привлекала къ нему всѣхъ, и потому неудивительно, что и Пушкинъ, и Жуковскій, и Дельвигъ, и всѣ, кто узналъ Боратынскаго, полюбили молодого поэта, принужденнаго служить рядовымъ въ искупленіе своего дѣтскаго проступка, о которомъ въ обществѣ ходили весьма дурные слухи.

О томъ, что̀ давала дружба съ Боратынскимъ, можно судить по слѣдующему отрывку изъ краткаго его біографическаго очерка, набросаннаго И. В. Кирѣевскимъ. Говоря о поэтическомъ достоинствѣ стиховъ Боратынскаго, Кирѣевскій замѣчаетъ, что „однако они еще не вполнѣ выказываютъ тотъ міръ изящнаго, который онъ носилъ въ глубинѣ души своей. Рожденный для искренняго круга семьи и друзей, необыкновенно-чувствительный къ сочувствію людей ему близкихъ, Боратынскій охотно и глубоко высказывался въ тихихъ дружескихъ бесѣдахъ и тѣмъ заглушалъ въ себѣ потребность выражаться для публики. Изливъ свою душевную мысль въ дружескомъ разговорѣ, живомъ, разнообразномъ, невыразимо-увлекательномъ,

*) „Выписка изъ бумагъ дяди Александра" въ „Русскомъ Альманахѣ на 1832 и 1833 гг.".

исполненномъ счастливыхъ словъ и многозначительныхъ мыслей, согрѣтомъ теплотою чувства, проникнутомъ изяществомъ вкуса, умною, всегда умѣстною шуткою, дальновидностью тонкихъ замѣчаній, поразительной оригинальностью мыслей и особенно поэзіей внутренней жизни, — Боратынскій часто довольствовался живымъ сочувствіемъ своего близкаго круга, менѣе заботясь о возможныхъ далекихъ читателяхъ. Оттого для тѣхъ, кто имѣлъ счастіе его знать, прекрасные звуки его стиховъ являются еще многозначительнѣе, какъ отголоски его внутренней жизни".

Подобные отзывы о Боратынскомъ даютъ и другіе друзья его. Неудивительно поэтому, что Боратынскому тяжелѣе всего было разставаться со своими петербургскими друзьями на долгіе годы: 4 января 1820 года поэтъ, по представленію великаго князя Николая Павловича, былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры, но не оставленъ въ гвардіи, а переведенъ въ пѣхотный Нейшлотскій полкъ, расположенный въ укрѣпленіяхъ Кюменя и его окрестностяхъ.

VII.

Первыя стихотворенія Боратынскаго, напечатанныя имъ въ 1819 г. въ Петербургѣ, имѣли нѣкоторый успѣхъ среди его друзей-писателей, но настоящая его поэтическая слава начинается съ поэмъ и элегій, созданныхъ въ Финляндіи, въ которой ему пришлось пробыть болѣе пяти лѣтъ. Годы, проведенные Боратынскимъ въ Финляндіи, совпали со временемъ ссылки Пушкина на югъ Россіи и въ его псковскую деревню, и годы изгнанія имѣли одинаковое значеніе въ жизни и въ творчествѣ обоихъ поэтовъ. Невольное уединеніе хотя имѣло и свои отрицательныя стороны, оказывало большое вліяніе на выработку характеристическихъ индивидуальныхъ особенностей творческой души, пріучавшейся „удерживать вниманье долгихъ думъ" и настраивать на особый ладъ лиру съ чертами „необщаго выраженья". Большое значенье имѣло также и то, что поэты жили вдали отъ столицъ, и что среди красотъ природы раздавался „звучнѣе голосъ лирный". Природа питала живые творческіе сны поэтовъ и положила на поэзію ихъ свой отпечатокъ. Удивительно при томъ, какъ судьба позаботилась создать своимъ избраннымъ обстановку, гармонировавшую съ ихъ внутреннимъ міромъ! Въ ту пору, когда Пушкину казались нужны „пустыни, волнъ края жемчужны, и моря шумъ, и груды скалъ, и гордой дѣвы идеалъ, и безыменныя страданья", въ

ту пору, когда Пушкину были „новы всѣ впечатлѣнья бытія“, и онъ всѣмъ существомъ воспринималъ ихъ и посылалъ имъ свои отзывы, — какъ въ калейдоскопѣ мелькали передъ нимъ роскошныя картины Кавказа, Крыма, Малороссіи, южныхъ степей; въ то время, когда поэтъ почувствовалъ свою духовную и творческую зрѣлость и, цѣня еще высоко красочность жизни, устремлялся къ народному творчеству, — богатая красками живописныхъ озеръ, скатовъ и рощъ и простой значительной поэзіей полей „низкой природы“, Псковская губернія какъ нельзя болѣе гармонировала съ его душевнымъ строемъ; и позже, въ 30-хъ годахъ, когда Пушкинъ не искалъ счастья внѣ себя, въ окружающемъ его мірѣ, и жаждалъ только спокойствія, — этотъ покой ему давала Болдинская глушь, о которой поэтъ съ восторгомъ отзывался, что въ ней „грязь непролазная“. Эту гармонію природы и души и вліяніе природы на творческую душу поэта необходимо постоянно имѣть въ виду при изученіи творчества Пушкина; необходимо съ ней считаться и при изученіи творчества Боратынскаго, въ произведеніяхъ котораго такъ полновѣсно-значительно отразилась природа.

То же, что мы говорили о гармоніи природы и душевнаго міра у Пушкина, можно вполнѣ примѣнить и къ Боратынскому, для музы котораго наибольшее значеніе имѣла Финляндія съ ея живописно-угрюмой природой, удивительно соотвѣтствовавшей его натурѣ. Послѣ отъѣзда изъ Финляндіи Боратынскій писалъ своему другу Н. В. Путятѣ: „Пріѣзжай, милый Путята, поговоримъ еще о Финляндіи, гдѣ я пережилъ все, что было живого въ моемъ сердцѣ. Ея живописныя, хотя угрюмыя горы похожи на прежнюю судьбу мою, также угрюмую, но, по крайней мѣрѣ, довольно обильную въ отличительныхъ краскахъ. Судьба, которую я предвижу, будетъ подобна русскимъ однообразнымъ равнинамъ, какъ теперь — покрытымъ снѣгомъ и представляющимъ одну вѣчно-унылую картину“. Финляндія питала творческія думы Боратынскаго и внушала поэтическіе сны. Неудивительно поэтому, что поэтъ думалъ о ней всегда съ признательностью и говорилъ: „*Этотъ край былъ пестуномъ моей поэзіи. Лучшая мечта моей поэтической гордости состояла бы въ томъ, чтобы въ память мою посѣщали Финляндію будущіе Поэты*“.

Наиболѣе полно отразилась природа Финляндія въ финляндской поэмѣ „Эда“, въ „Финляндіи“, въ „Водопадѣ“ и въ другихъ произведеніяхъ Боратынскаго, а также въ его письмахъ къ матери. Особенно много и часто говоритъ поэтъ о картинахъ „отчизны непо-

годы“ въ первую половину своего пребыванія въ Финляндіи — въ 1820—23 гг., такъ какъ въ то время, какъ онъ писалъ А. Ѳ. Боратынской, онъ былъ почти наединѣ съ природой, и она составляла его истинное общество.

Слѣдуетъ отличать два періода пребыванія поэта въ Финляндіи: первый — съ 1820 по 1824 годъ, и второй — 1824 и 1825 годы.

Нейшлотскимъ полкомъ командовалъ въ то время полковникъ Георгій Васильевичъ Лутковскій, старый знакомый и сосѣдъ по имѣнію дяди поэта, адмирала Б. А. Боратынскаго. Онъ принялъ сердечное участіе въ своемъ новомъ подчиненномъ, унтеръ-офицерѣ, и старался облегчить положеніе поэта, попавшаго въ добровольную ссылку. Боратынскій скоро сошелся съ нимъ, полюбилъ его простое сердце и доброжелательство къ людямъ; поэтъ познакомился и съ другими офицерами Нейшлотскаго полка и особенно сблизился съ ротнымъ командиромъ, капитаномъ Коншинымъ; къ нему обратился Боратынскій съ тремя посланіями. Желаннымъ гостемъ былъ поэтъ и въ немногочисленномъ женскомъ обществѣ, изъ котораго намъ извѣстны жена и племянница Лутковскаго и сестры Аргуновы. Полкъ часто переѣзжалъ съ мѣста на мѣсто, и Боратынскому приходилось жить то въ Фридрихсгамѣ, то въ Кюменѣ, то въ Роченсальмѣ. О жизни поэта въ это время можно судить по слѣдующему отрывку изъ его письма къ матери: „Я веду жизнь очень сладкую, очень спокойную и очень размѣренную. Я работаю немного по утрамъ у себя, обѣдаю у полковника и обыкновенно провожу вечеръ у него за игрой въ бостонъ съ дамами по копейкѣ за фишку; правда, что я всегда проигрываю, но за то я галантенъ, хотя бы для разсѣянія“.

Къ этому надо прибавить и легкія увлеченія Боратынскаго — игру въ чувство съ барышнями, о чемъ намъ говорятъ листки изъ альбомчика А. В. Лутковской и строки въ письмѣ къ Н. М. Коншину.

Но болѣе всего предавался поэтъ творчеству и въ звукахъ обрѣталъ высшую награду жизни за звуки и мечты.

Досуга у молодого унтеръ-офицера было достаточно, и онъ заполнялъ его тѣмъ, что занимался нѣмецкимъ языкомъ и проводилъ время въ разговорахъ и мечтаніяхъ съ Коншинымъ: легкія увлеченія и ласки Цирцей давали мало удовлетворенія Боратынскому, хотя и развлекали его. Онъ мечталъ о вѣрной и нѣжной подругѣ, которая замѣнила бы собою эти ласки и вмѣсто слѣпого, минутнаго упоенія дала бы надежное тихое счастье:

Шепчу я часто съ умиленьемъ
Въ тоскѣ задумчивой моей:
Нельзя-ль найти любви надежной?
Нельзя-ль найти подруги нѣжной,
Съ кѣмъ могъ бы въ счастливой глуши
Предаться нѣгѣ безмятежной
И чистымъ радостямъ души;
Въ чье неизмѣнное участье
Безпечно вѣровалъ бы я—
Случится-ль ведро иль ненастье
На перепутьи бытія?
Гдѣ-жъ обреченная судьбою,
На чьей груди я успокою
Мою усталую главу?...

И Боратынскій вѣрилъ, что „тихій свѣтъ“ очей ея озаритъ его душу.

Жизнь Боратынскаго въ Финляндіи проходила тихо, но размѣренно и полно,—и въ бодромъ, мажорномъ тонѣ описываетъ онъ ее въ посланіи къ Гнѣдичу:

Судьбу младенчески за строгость не виня
И взявъ съ тебя примѣръ, Поэзію, Ученье
Призвалъ я украшать мое уединенье.
Лѣса угрюмые, громады мшистыхъ горъ,
Пришельца новаго пугающіе взоръ,
Свинцовыхъ моря водъ безбрежная равнина,
Напѣвъ томительный протяжныхъ пѣсенъ Финна
Не долго, помню я, въ печальной сторонѣ,
Печаль холодную вливали въ душу мнѣ.
Я побѣдилъ ее, и, не убитъ неволей,
Еще я бытія владѣю лучшей долей,
Я мыслю, чувствую: для духа нѣтъ оковъ;
То вопрошаю я преданія вѣковъ,
Паденья, славы царствъ читаю въ нихъ причины;
Наставленъ давнею превратностью Судьбины,
Судьбѣ покорствовать учуся я моей;
То занятъ свойствами и нравами людей,
Въ ихъ своевольныя вникаю побужденья,

Слѣжу я сердца ихъ сокрытыя движенья
И разуму отчетъ стараюсь въ сердцѣ дать.
То вдохновеніе, Парнаса благодать,
Мнѣ душу радуетъ восторгами своими.
На часъ обворожень, на часъ обманутъ ими,
Дышу свободно я и, лиру взявъ свою,
И дружбу, и любовь, и счастіе пою.

Было бы однако ошибкой думать, что, пользуясь полнотой жизни и всѣми благами бытія, Боратынскій былъ безмятежно счастливъ: угрюмая страна, пестунъ его поэзіи, питала въ немъ „безумье мрачныхъ думъ“, часто нарушавшихъ спокойное теченье его внутренней жизни. Кромѣ того, Боратынскій очень тяготился разлукою со своими петербургскими друзьями, которыхъ не могли ему замѣнить финляндскіе друзья, и въ томъ же посланіи „Н. И. Гнѣдичу“, вспоминая о русскихъ Аѳинахъ, поэтъ говорилъ:

Не Вакховыхъ пировъ, не лобызаній Фрины,
Въ нескромной юности нескромно пѣтыхъ мной,
Не шумной суеты, прославленной толпой, —
Лишенье тяжко мнѣ въ краю, гдѣ Финну нищу
Отчизна мертвая едва даруетъ пищу.
Нѣтъ, нѣтъ! мнѣ тягостно отсутствіе друзей...

И посланіе заканчивается слѣдующимъ воззваніемъ къ богамъ, которое поэтъ не разъ повторялъ мысленно:

Свободу дайте мнѣ,
―――――――――――― найду я счастье самъ.
Отдайте мнѣ друзей,

Послѣдній стихъ имѣетъ два разночтенія, и эти разночтенія указываютъ на то, чѣмъ болѣе всего тяготился поэтъ въ Финляндіи, и чего ему недоставало для личнаго счастья. Но въ то время, какъ тягость разлуки съ друзьями умѣрялась въ общемъ довольно частыми свиданіями *), первое воззваніе къ богамъ—Свободу дайте мнѣ—начинало

*) За время своей службы унтеръ-офицеромъ въ Нейшлотскомъ полку Боратынскій былъ два раза въ продолжительныхъ оффиціальныхъ отпускахъ: съ 11 декабря 1820 по 1 марта 1821 года и съ 21 сентября 1822 по 1 февраля 1823. Сверхъ того, Боратынскій провелъ (съ полкомъ) въ Петербургѣ лѣто 1821 года, февраль и мартъ 1822 (а лѣтомъ 1822 года его посѣтили въ Финляндіи баронъ А. А. Дельвигъ, В. Эртель и Н. И. Павлищевъ, мужъ сестры

звучать все болѣе и болѣе безнадежно, такъ какъ всѣ хлопоты и представленія, которыя дѣлались Государю о Боратынскомъ, оставались безъ всякихъ послѣдствій. Поэтъ уставалъ надѣяться и въ декабрѣ 1823 года писалъ Жуковскому: „Вы знаете, какъ неуспѣшны были всѣ представленія, дѣлаемыя обо мнѣ моимъ начальствомъ. Изъ году въ годъ меня представляли, изъ году въ годъ напрасная надежда на скорое прощеніе меня поддерживала; но теперь, признаюсь вамъ, я начинаю приходить въ отчаяніе.—Не служба моя, къ которой я привыкъ, меня обременяетъ: меня тяготитъ противорѣченіе моего положенія. Я не принадлежу ни къ какому сословію, хотя имѣю какое-то званіе. Ничьи надежды, ничьи наслажденія мнѣ не приличны. Я долженъ ожидать въ бездѣйствіи, по крайней мѣрѣ, душевномъ, перемѣны судьбы моей, ожидать, можетъ быть, еще новые годы! Не смѣю подать въ отставку, хотя, вступивъ въ службу по собственной волѣ, долженъ бы имѣть право оставить ее, когда мнѣ заблагоразсудится; но такую рѣшимость могутъ принять за своевольство. Мнѣ остается одно раскаяніе, что добровольно наложилъ на себя слишкомъ тяжелыя цѣпи. Должно сносить терпѣливо заслуженное несчастіе, — не спорю: но оно превосходитъ мои силы, и я начинаю чувствовать, что продолжительность его не только убила мою душу, но даже ослабила разумъ“. Изъ этого письма можно вывести заключеніе о томъ, какъ Боратынскій тяготился цѣпями, наложенными на него судьбой, и потому его восклицаніе — свободу дайте мнѣ! — нельзя признать за риторическое. Слѣдуетъ однако принять во вниманіе, что это письмо Боратынскій писалъ послѣ четырехъ лѣтъ жизни въ укрѣпленіяхъ Кюменя, жизни, которая начинала утомлять его своимъ однообразіемъ, а также и то, что поэтъ имѣлъ цѣлью смягчить мягкое сердце Жуковскаго и подвигнуть его къ новымъ хлопотамъ; кромѣ того, Боратынскій писалъ Жуковскому по порученію послѣдняго и могъ думать, что это письмо будетъ въ рукахъ не одного Жуковскаго (какъ и оказалось въ дѣйствительности). Оговорки эти необходимы, потому что иначе можно впасть въ другую крайность и, забывъ то положительное, что имѣло для Боратынскаго его пребываніе въ Финляндіи, сгустить мрачныя краски и принять тягостное чувство отсутствія свободы за единственное чувство, владѣвшее душой

Пушкина, Ольги Сергѣевны), и въ Москвѣ — ноябрь и декабрь въ 1823 году. Возможно, что Боратынскій и болѣе часто покидалъ Финляндію и пріѣзжалъ въ Петербургъ, но намъ извѣстны только эти поѣздки, а также пребываніе его въ Петербургѣ лѣтомъ 1824 года.

поэта. Это чувство было сильнымъ, и часто поэтъ смотрѣлъ на все подъ угломъ зрѣнія его, но оно не исключало и многаго другого, что дѣлало порой жизнь поэта отрадной и заставляло впослѣдствіи вспоминать о годахъ, проведенныхъ имъ въ Финляндіи, какъ о лучшихъ годахъ жизни.

VIII.

1824 годъ принесъ съ собой надежды и внесъ большее оживленіе и разнообразіе въ жизнь Боратынскаго. Письмо его къ Жуковскому получило дальнѣйшій ходъ, докладъ князя А. Н. Голицына въ 1824 году Государю былъ благопріятнымъ для поэта и давалъ увѣренность на прощеніе.

Весною Боратынскій пришелъ съ полкомъ въ Вильманстрандъ, и въ серединѣ мая Финляндскій Генералъ-губернаторъ Арсеній Андреевичъ Закревскій (впослѣдсвіи графъ) дѣлалъ смотръ Нейшлотскому полку на берегахъ пустыннаго озера близъ города Вильманстранда. Боратынскій стоялъ въ знаменныхъ рядахъ: „онъ былъ сухощавъ, блѣденъ, и черты его выражали глубокое уныніе"—такъ описываетъ поэта Н. В. Путята, видѣвшій его на этомъ смотру. Вмѣстѣ съ А. А. Закревскимъ проходили вдоль строя его адъютанты—Н. В. Путята и А. А. Мухановъ, которымъ указали на поэта, и которые не преминули тотчасъ познакомиться съ нимъ. Обратилъ вниманіе на Боратынскаго также и самъ генералъ-губернаторъ Закревскій, безпрестанно хлопотавшій о его дѣлѣ *).

Вскорѣ послѣ смотра въ Вильманстрандѣ Боратынскій поѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ пробылъ весь іюнь и іюль, и въ первыхъ числахъ августа вернулся въ Кюмень. Грустно было возвращаться поэту въ Кюмень и въ Роченсальмъ послѣ весеннихъ и лѣтнихъ впечатлѣній, но вскорѣ онъ получилъ радостное для себя извѣстіе: по просьбѣ

---

*) Такъ, 20 февраля 1825 года А. И. Тургеневъ писалъ князю П. А. Вяземскому: „Третьяго дня видѣлъ я Закревскаго... О Боратынскомъ несетъ онъ самъ записку и будетъ усиленнѣйшимъ и убѣдительнѣйшимъ образомъ просить за него. *Нельзя болѣе быть расположеннымъ въ его пользу.* Въ этомъ я какую-то имѣю теперь надежду на успѣхъ". (Остафьевскій Архивъ князей Вяземскихъ, т. III, стр. 98). Слухи о расположеніи А. А. Закревскаго къ Боратынскому и объ участіи, принимаемомъ послѣднимъ въ дѣлѣ поэта, дошли и до Пушкина, который обѣщался свѣчку поставить за Закревскаго, если тотъ „выручитъ" Боратынскаго.

Участіе, которое принимали въ его судьбѣ друзья, не могло не утѣшать Боратынскаго, и мы знаемъ очень много проявленій этого участія...

Н. В. Путяты, генералъ Закревскій разрѣшилъ Боратынскому находиться при Гельсингфорскомъ штабѣ, и Н. В. Путята приглашалъ поэта остановиться у него въ Гельсингфорсѣ. Въ серединѣ октября поэтъ уѣхалъ изъ Роченсальма.

Три мѣсяца, проведенные Боратынскимъ въ Гельсингфорсѣ, были для него, быть можетъ, самыми счастливыми и оживленными въ жизни. Боратынскій поселился на одной квартирѣ вмѣстѣ со своимъ новымъ знакомцемъ — Николаемъ Васильевичемъ Путятой, съ которымъ онъ подружился на всю жизнь. Въ жизни Боратынскаго были три такія дружескія привязанности — къ Дельвигу, Путятѣ и Кирѣевскому; но въ то время, какъ Дельвига очень рано (въ 1831 году) похитила смерть, а дружба съ Кирѣевскимъ не была продолжительной, дружба поэта съ Н. В. Путятой не ослабѣвала за всѣ 20 лѣтъ, и послѣднее дружеское письмо ему послалъ Боратынскій за нѣсколько дней до своей смерти. Н. В. Путята отличался большой любовью и знаніемъ литературы, и съ нимъ могъ дѣлиться Боратынскій всѣми своими поэтическими мечтами и замыслами. Все подвергалось суду новыхъ друзей, и горячій обмѣнъ мыслей оживлялъ поэта и заставлялъ его не жаловаться на судьбу, пославшую его въ Финляндію. „Помнишь-ли, писалъ Путята поэту изъ Адріонополя, какъ часто среди... мрачныхъ картинъ угрюмой природы, пламенное воображеніе твое увлекалось въ страны благословеннаго, роскошнаго юга? — Подобно первобытнымъ сынамъ сихъ грозныхъ скалъ, вслѣдъ за ихъ могучими тѣнями, наши помыслы и желанія стремились къ той же цѣли, къ тѣмъ же мѣстамъ. — Берега Дуная, Царьградъ, Греція, возрождавшаяся изъ пепла, были безпрестанными предметами нашихъ разговоровъ...“

Въ Гельсингфорсѣ подружился поэтъ и съ другимъ адъютантомъ генерала Закревскаго — А. А. Мухановымъ и впослѣдствіи писалъ Путятѣ: „съ удовольствіемъ привожу себѣ на память нѣкоторые откровенные часы, проведенные съ тобою и Мухановымъ“. Общество Гельсингфорское, „дворъ“ генерала Закревскаго, было гораздо обширнѣе, разнообразнѣе и оживленнѣе Кюменьскаго уюта. Въ Гельсингфорсѣ въ это время блистали своей красотой Аврора Карловна Шернваль (вышедшая замужъ за П. Н. Демидова, вторымъ бракомъ — за А. Н. Карамзина), заставлявшая страдать Муханова, и „беззаконная комета въ кругу расчисленномъ свѣтилъ“ — жена Закревскаго, Аграфена Өеодоровна, или, какъ ее называли увлеченные ею друзья — Боратынскій и Путята — Магдалина, Альсина, Фея....

Красота Закревской ослѣпляла воображеніе поэта, а ея странный

характеръ, выходящій изъ круга повседневныхъ, въ которомъ необычайнымъ образомъ соединялись и мирились самыя противоположныя свойства, — дѣтская веселость съ судорожнымъ смѣхомъ и слезами, жажда жизни и душевная потребность съ холодомъ смерти и душевной опустошенностью, жизненная опытность съ дѣтскою довѣрчивостью и невинностью, Клеопатра съ Магдалиною, — этотъ сложный и странный характеръ притягивалъ Боратынскаго къ женщинѣ, на которую, по его словамъ, „опасно и глядѣть"; и онъ признавался Путятѣ, что Закревская не покидаетъ его воображенія. Поэтъ искалъ и жаждалъ „мучительнаго удовольствія" — глядѣть на „Фею" и слушать ее, но съ робостью и страхомъ подходилъ къ ней и спасался отъ ея чаръ чарами поэзіи: „Спѣшу къ ней, писалъ Боратынскій Путятѣ изъ Петербурга лѣтомъ 1825 года: ты будешь подозрѣвать, что и я нѣсколько увлеченъ. Нѣсколько, правда; но я надѣюсь, что первые часы уединенія возвратятъ мнѣ разсудокъ. Напишу нѣсколько элегій и засну спокойно. Поэзія—чудесный талисманъ: очаровывая сама, она обезсиливаетъ чужія вредныя чары".

Боратынскій страшился потерять разсудокъ въ увлеченіи „Магдалиной", но отъ страсти его спасалъ не только чудесный талисманъ— поэзія, а также и его склонность къ анализу своихъ чувствъ. А. Ѳ. Закревская отразилась въ творчествѣ Боратынскаго очень ярко: образъ ея вдохновилъ поэта на созданіе многихъ лирическихъ стихотвореній, и подъ обаяніемъ этого образа началъ Боратынскій въ февралѣ 1825 года (по возвращеніи изъ Гельсингфорса въ Кюмень) свою поэму „Балъ", изъ котораго небольшой отрывокъ онъ послалъ Путятѣ и писалъ своему другу: „Въ самой поэмѣ ты узнаешь Гельсингфорскія впечатлѣнія. *Она* моя Героиня. Стиховъ 200 уже у меня написано. Пріѣзжай, посмотришь, и мнѣ не найти лучшаго и законнѣйшаго критика". Увлеченіе графиней Закревской, особенно сильное въ 1825 году, въ 1826 пошло на убыль или погасло, но съ новой силой вспыхнуло въ сердцѣ поэта въ 1828 — 1829 гг.; но тогда онъ уже былъ женатъ и потому тщательно скрывалъ свое чувство, и оно осталось тайной даже для его друзей.

Въ Гельсингфорсѣ Боратынскій много занимался и поэзіей (въ Гельсингфорсѣ написана почти вся „Эда", „Буря", „Леда" и многія другія лирическія стихотворенія), и незамѣтно для него прошли три съ половиной мѣсяца, проведенные тамъ и оставившіе живое воспоминаніе въ поэтѣ. Въ концѣ января (1825) Н. В. Путята уѣхалъ въ Москву, и вскорѣ послѣ того (1—2 февраля) Боратынскій вернулся

въ свой полкъ, въ Кюмень, совершивъ путешествіе въ обществѣ Закревской.

По пріѣздѣ въ Кюмень Боратынскій поселился въ домѣ Г. В. Лутковскаго и 10 февраля послалъ матери письмо, въ которомъ нѣтъ и тѣни недовольства судьбой или ропота: „Я пишу вамъ, дорогая маменька, изъ Кюменя, гдѣ мой добрый Лутковской и его жена приняли меня со старинной дружбой. Я ихъ увидѣлъ снова съ истиннымъ удовольствіемъ, и могло-ли быть иначе? Окруженный ихъ добротой, я провелъ съ ними пять лѣтъ, всегда принятый какъ лучшій другъ. Имъ обязанъ я всѣми смягченіями моего изгнанія.

„Генералъ *) попрощался со мной самымъ любезнымъ образомъ и обѣщалъ мнѣ сдѣлать все зависящее отъ него, чтобы меня выдвинуть. Я думаю, что онъ сдержитъ слово. Если даже, несмотря на его добрыя намѣренія, ничего не выйдетъ, я навсегда сохраню къ нему живую признательность за всѣ удовольствія моего пребыванія въ Гельсингфорсѣ. Три мѣсяца, проведенные тамъ, будутъ для меня всегда пріятнымъ воспоминаніемъ.

„Я уѣхалъ съ его женой **) на слѣдующій день послѣ него. Ничего не можетъ быть веселѣе нашего небольшого совмѣстнаго путешествія. Съ нами были та Miss ***), о которой я вамъ говорилъ, и одинъ изъ адъютантовъ, молодой человѣкъ съ большимъ умомъ ****). Наши обѣды и ужины были какъ нельзя болѣе пріятными. Мы разстались большими друзьями, и это путешествіе возбудило во мнѣ, по крайней мѣрѣ на нѣсколько мгновеній, страсть къ приключеніямъ. Что вамъ сказать о моей жизни здѣсь? Все то же, что и многіе годы...“ Такимъ же бодрымъ тономъ отличаются всѣ письма Боратынскаго къ Путятѣ, въ которыхъ поэтъ говоритъ о литературныхъ явленіяхъ и о своихъ произведеніяхъ, но чаще всего возвращается мыслью къ Гельсингфорской жизни и къ ея впечатлѣніямъ. Къ своему вынужденному уединенію Боратынскій относится теперь гораздо спокойнѣе и терпѣливѣе ждетъ перемѣны судьбы.

Между тѣмъ хлопоты вліятельныхъ друзей о дѣлѣ Боратынскаго увѣнчались успѣхомъ, и 21 апрѣля 1825 года былъ подписанъ Высочайшій приказъ о производствѣ Боратынскаго въ офицеры — въ

---

*) Генералъ-губернаторъ Арсеній Андреевичъ Закревскій.

**) Аграфеной Ѳеодоровной Закревской.

***) Каролина Левандеръ.

****) Князь Львовъ.

прапорщики. Приказъ, подписанный въ Варшавѣ, былъ полученъ въ Петербургѣ 4 мая, и Н. В. Путята свезъ его въ Кюмень поэту.

Въ письмѣ къ А. А. Муханову Путята разсказываетъ о томъ впечатлѣніи, какое произвела на поэта эта радостная вѣсть: „Не могу пересказать тебѣ восхищенія Боратынскаго, когда я объявилъ ему о его производствѣ: блаженство его въ эту минуту, искреннее участіе, которое всѣ окружающіе его принимали въ перемѣнѣ его судьбы и которое доказало мнѣ, какъ онъ былъ ими любимъ, откровенные разговоры о прошедшемъ и будущемъ, все это доставило мнѣ нѣсколько пріятнѣйшихъ часовъ въ моей жизни. Съ радостію также замѣтилъ я, что вѣрная спутница въ его несчастіи, Поэзія, не будетъ имъ забыта въ благополучіи. Хотя онъ не помнилъ себя, бѣгалъ и прыгалъ какъ ребенокъ, но не могъ удержаться, чтобъ не прочесть мнѣ нѣсколько страницъ изъ сочиняемой имъ поэмы, въ которой онъ разсѣялъ много хорошаго и много воспоминаній объ нашей Гельсингфорской жизни. Доселѣ Поэзія была необходимостію души, убитой горестью и жаждущей излить свои чувства, теперь она содѣлается цѣлію его жизни. Время докажетъ, выиграетъ или потеряетъ его талантъ при сей перемѣнѣ обстоятельствъ....“

Такою же радостью дышатъ письма и самого Боратынскаго, „щеголяющаго въ Нейшлотскомъ мундирѣ“, и онъ признается Муханову, что „мочи нѣтъ отъ радости“ *). Финляндія стала особенно дорога свободному Боратынскому, получившему право выбора службы, и даже Петербургъ пересталъ теперь имѣть то исключительное значеніе и интересъ, какое имѣлъ раньше. Привыкнувъ къ Финляндіи и полюбивъ печальную страну, въ которой развивалась его творческая душа и выражалась въ гармоническихъ печальныхъ звукахъ; привыкнувъ и привязавшись къ людямъ, окружавшимъ его болѣе пяти лѣтъ и дѣлившимъ его радости, а чаще невзгоды; найдя такихъ преданныхъ, истинныхъ друзей, какъ Н. В. Путята,—Боратынскій въ своей давно жданной радости готовъ былъ „остановить мгновеніе“ и съ неохотой думалъ о Петербургѣ, куда отправлялся его полкъ для несенія караульной службы. Поэтъ писалъ Н. В. Путятѣ: „Когда подумаю о Петербургѣ, меня трясетъ лихорадка“.

Лѣто 1825 года Боратынскій провелъ въ Петербургѣ, гдѣ, по его словамъ, велъ разсѣянную жизнь (онъ продолжалъ увлекаться

*) 13-го мая 1825 года А. И. Тургеневъ писалъ князю П. А. Вяземскому: „Я получилъ письмо отъ Боратынскаго, и до слезъ прошибла меня его радость и выраженіе этой радости“.

А. Ѳ. Закревской) и въ серединѣ августа отправился съ удовольствіемъ въ ту Финляндію, „которая, какъ онъ писалъ матери изъ Выборга (16 августа 1825 г.), была для меня изгнаніемъ, но которая представляется мнѣ теперь сладкимъ и спокойнымъ убѣжищемъ". Но недолго пришлось поэту оставаться въ своемъ убѣжищѣ: болѣзнь матери вынудила его взять отпускъ на 4 мѣсяца и отправиться въ Москву.

Въ октябрѣ 1825 года поэтъ пріѣхалъ въ Москву, побывавъ предварительно въ дорогомъ для него воспоминаніями Гельсингфорсѣ. Въ Москвѣ передъ нимъ возникла тяжелая задача, доставившая ему много горестныхъ минутъ и заставившая его говорить въ письмѣ къ Путятѣ: „Повѣришь-ли, что теперь именно начинается самая трудная эпоха моей жизни". Свиданіе поэта съ семьей было не столько радостно, сколько горестно: онъ нашелъ свою мать въ самомъ жалкомъ положеніи, которое заставило его подумать о необходимости бросить службу въ Финляндіи. Но помимо того, что Боратынскій любилъ Финляндію и считалъ ее своимъ убѣжищемъ, съ Финляндіей у него было внутренно-тѣсно связано творчество, и, покидая „угрюмую страну", поэтъ думалъ, что онъ покидаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и свою Музу. Послѣ долгихъ и тяжелыхъ колебаній поэтъ наконецъ рѣшился и подалъ прошеніе объ отставкѣ, но какъ тяжелъ былъ для него этотъ шагъ, какой душевной муки стоила ему эта жертва, можно судить по слѣдующему письму его къ Путятѣ: „......Я не могу скрыть отъ моей совѣсти, что я необходимъ моей матери по какой-то болѣзненной ея нѣжности ко мнѣ, я долженъ (и почти для спасенія ея жизни) не разставаться съ нею. Но что же я имѣю въ виду? Какое существованіе? Его описать невозможно. Я разсказывалъ тебѣ нѣкоторыя подробности: теперь все то же, только хуже. Жить дома—для меня значить жить въ какой-то тлетворной атмосферѣ, которая вливаетъ отраву не только въ сердце, но въ кости. Я рѣшился, но, признаюсь, не безъ усилія. Что дѣлать? — противно быть чудовищнымъ Эгоистомъ. Я думаю просить перевода въ одинъ изъ полковъ, квартируюшихъ въ Москвѣ....

„Прощай свобода, прощай Поэзія! Извини, милый другъ, что я налегаю на твою душу своимъ горемъ, но, право, мнѣ нужно было нѣсколько излиться".

Тщетно отговаривали поэта отъ этого шага и друзья его, и баронъ Дельвигъ писалъ ему 8 февраля 1826 года: „Что ты хочешь сдѣлать съ твоей головушкой? Зачѣмъ подалъ въ отставку, зачѣмъ

замыслилъ утонуть въ Московской грязи? Тебѣ-ли быть дрянью? На то ли я тебя свелъ къ Музамъ, чтобъ ты промѣнялъ ихъ на беззубую хричовку Москву. И какой ты можешь быть утѣшитель матери, когда каждое мгновеніе, проведенное тобою въ Москвѣ, должно широко и тяжело падать на твою душу и скукою безобразить твою фигуру. Вырвись изъ этого вертепа!" *) Но письмо Дельвига опоздало: 31 января 1826 г. Боратынскій вышелъ въ отставку и съ тяжелымъ предчувствіемъ вступалъ въ новую эпоху своей жизни, которая, какъ ему казалось, „будетъ подобна русскимъ однообразнымъ равнинамъ...... представляющимъ одну вѣчно-унылую картину". Прощаясь съ Финляндіей, Боратынскій вмѣстѣ съ тѣмъ прощался и со своею молодостью.

IX.

Предчувствіе поэта оправдалось. Вся послѣдующая жизнь Боратынскаго не богата „отличительными красками", бѣдна внѣшними событіями и опредѣляется однимъ лишь важнымъ событіемъ 1826 года: его женитьбой на Анастасіи Львовнѣ Энгельгардтъ. 10 мая 1826 года князь П. А. Вяземскій писалъ Пушкину, что Боратынскій „женится на сосѣдкѣ моей Енгельгардтъ, дѣвушкѣ любезной, умной и доброй, но не элегіаческой по наружности". Съ недовѣріемъ приглядывались друзья поэта къ его желанію обречь себя этой „не элегіаческой по наружности" дѣвушкѣ (Н. Л. Энгельгардтъ не отличалась красотой), и даже самый умъ ея болѣе пугалъ, чѣмъ привлекалъ къ себѣ друзей Боратынскаго. Происходя изъ хорошей, интеллигентной семьи (отецъ ея былъ Л. Н. Энгельгардтъ, извѣстный авторъ „Записокъ"), Анастасія Львовна отличалась любовью къ искусству, тонко развитымъ поэтическимъ чувствомъ, большимъ умомъ (о чемъ говорятъ и всѣ современники) и твердою, непреклонною волею; непреклонность воли и характера страннымъ образомъ соединялись въ ней съ мягкимъ, отзывчивымъ сердцемъ и тою особенною нѣжностью и очарованіемъ, которымъ она покорила себѣ „бунтуюшую музу" поэта и создала ему спокойный, тихій уютъ въ жизни. Но прекрасная семьянинка, Анастасія Львовна въ обществѣ часто производила другое впечатлѣніе, не умѣла ладить съ людьми и своимъ безпокойнымъ, неуживчивымъ нравомъ и ревнивымъ обереганіемъ своихъ исключительныхъ правъ на

---

*) Приведенныя нами выдержки изъ писемъ Боратынскаго и барона Дельвига не вошли ни въ одно изъ собраній сочиненій обоихъ поэтовъ.

поэта способствовала тому, что Боратынскій сталъ все болѣе и болѣе расходиться со своими лучшими друзьями и отдаляться отъ нихъ (отъ Пушкина, Кирѣевскаго и т. д.) *).

9 іюня 1826 года произошло вѣнчаніе поэта съ Н. Л. Энгельгардтъ, и наконецъ исполнились завѣтныя мечтанія Боратынскаго — успокоить „свою усталую главу“ на груди „обреченной судьбою“. Въ концѣ этого года поэтъ писалъ Н. М. Коншину, своему старому товарищу по финляндской жизни: „Такъ, мой милый, вашего полку прибыло: я женатъ и счастливъ. Ты знаешь, что сердце мое всегда рвалось къ тихой и нравственной жизни. Прежнее мое существованіе, безпорядочное и своенравное, всегда противорѣчило и свойствамъ моимъ и мнѣніямъ. Наконецъ я дышу воздухомъ, мнѣ потребнымъ; но я не стану приписывать счастья моего моимъ философическимъ правиламъ, — нѣтъ, мой милый: главное дѣло въ томъ, что Богъ мнѣ далъ добрую жену, что я желалъ счастія и нашелъ его. Я былъ подобенъ больному, который желалъ навѣстить прекрасный отдаленный край, знаетъ лучшую къ нему дорогу, но не можетъ подняться съ постели. Пришелъ врачъ, возвратилъ ему здоровье, онъ сѣлъ и поѣхалъ. Отдаленный край — счастіе, дорога — философія, врачъ — моя Настенька“. И дѣйствительно, „добрая жена“ Боратынскаго дала ему все возможное счастіе, и они прожили безмятежно-счастливую семейную жизнь, на которую изрѣдка незначительныя недоразумѣнія набрасывали тѣнь, но не въ силахъ были омрачить ее.

„Супруги Баратынскіе,—разсказываетъ Л. Н. Павлищевъ въ своей семейной хроникѣ,—эти два, какъ выразилась моя мать, исполненные поэзіи меланхолическіе образа, души одинъ въ другомъ не чаяли; тихій, спокойный семейный ихъ очагъ не омрачался никогда и тѣнью какихъ-либо взаимныхъ пререканій, а дѣло выходило очень просто: при отсутствіи матеріальныхъ лишеній и заботъ о насущномъ

*) Такъ, мать Кирѣевскихъ, А. П. Елагина писала въ 1860 году С. М. Боратынской: „Неужели дѣти моего вѣчно мнѣ милаго Евгенія Абрамовича наслѣдовали непостижимую для меня ненависть своей матери?“ Въ другомъ письмѣ она говоритъ: „И я прошла жизнь не безъ горькихъ испытаній: temoin Eugène Boratinsky. ...Я знала о смерти Настасьи Львовны, и горько мнѣ было думать о прошломъ. Но теперь все извѣстно“. Намъ, къ сожалѣнію, далеко не „все извѣстно“ въ разрывѣ отношеній Боратынскаго съ Кирѣевскими и другими его друзьями. Замѣтимъ кстати, что въ архивѣ Мары, изъ котораго мы цитировали настоящія письма, находятся 11 неизданныхъ писемъ Авдотьи Петровны Елагиной, и въ этихъ письмахъ удивительнымъ образомъ отражаются ея душевная ясность и спокойствіе.

хлѣбѣ, жизнь служила имъ обширнымъ полемъ для всесторонняго духовнаго развитія, и — какъ сказалъ Пушкинъ — чувствъ добрыхъ. Возвышенный взглядъ одного изъ супруговъ на земное бытіе, воплощенный и въ его поэтическихъ твореніяхъ, дополнялся такимъ же взглядомъ другаго, и оба они видѣли въ домашнемъ очагѣ единственную свою отраду, единственное счастье“ *).

Боратынскій окружилъ Настасью Львовну нѣжными заботами, боготворилъ ее и не измѣнилъ своего нѣжно-любовнаго отношенія къ ней до самыхъ послѣднихъ дней своихъ, сокращенныхъ волненіями за горячо любимую имъ супругу. За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти поэтъ обращался къ ней со стихотвореніемъ, въ которомъ говорилъ:

Когда, дитя и страсти и сомнѣнья,
Поэтъ взглянулъ глубоко на тебя, —
Рѣшилась ты дѣлить его волненья,
Въ немъ таинство печали полюбя.
Ты, смѣлая и кроткая, со мною
Въ мой дикій адъ сошла рука съ рукою, —
Рай зрѣла въ немъ чудесная любовь.
О, сколько разъ къ тебѣ, святой и нѣжной,
Я приникалъ главой моей мятежной,
Съ тобой себѣ и небу вѣря вновь.

Въ женитьбѣ Боратынскій стремился найти успокоеніе и отдыхъ и безропотно подчинился кроткому и мягкому деспотизму своей супруги; она была также высшимъ судьей и цѣнителемъ его произведеній, и часто поэтъ перерабатывалъ свои стихотворенія по ея внушенію. Но порой такое полное подчиненіе женѣ бывало тягостно поэту, и онъ таилъ въ себѣ думы, которыя оберегалъ отъ нея, не удовлетворяясь одними тихими радостями семейной жизни. Старательно заглушалъ въ себѣ Боратынскій голоса, какъ онъ выражался, „дикаго ада“ и подавлялъ мечтанія свободы, побѣждая умомъ чувство и увлеченія „беззаконными свѣтилами“. Всего тягостнѣе для него была разлука съ друзьями, и онъ писалъ (въ началѣ 1828 года)

*) Въ „Семейной Хроникѣ“ Л. Павлищева далеко не весь матеріалъ отличается одинаковой достовѣрностью, и, въ частности, не всегда точны свѣдѣнія о Н. Л. Боратынской, которую Л. Н. Павлищевъ хорошо зналъ въ дѣтствѣ (она ему замѣняла мать); этотъ разсказъ однако находитъ подтвержденіе и въ современныхъ свидѣтельствахъ.

Н. В. Путятѣ: „Я теперь постоянный Московскій житель. Живу тихо, мирно, счастливъ моей семейственною жизнію, но, признаюсь, Москва мнѣ не по сердцу. Вообрази, что я не имѣю ни одного товарища, ни одного человѣка, которому могъ бы сказать: помнишь? съ кѣмъ бы могъ потолковать нараспашку. Это тягостно. Жду тебя какъ дождя Майскаго. Здѣшняя атмосфера суха, пыльна неимовѣрно. *Женатые люди имѣютъ болѣе нужды въ дружбѣ, нежели холостые*".

X.

Тихо и спокойно потекла семейная жизнь Боратынскихъ въ Москвѣ, и С. Л. Пушкинъ такъ описывалъ ее въ письмѣ къ дочери, О. С. Павлищевой: „Видимъ Боратынскихъ въ Москвѣ очень часто; не зная безсонныхъ ночей на балахъ и раутахъ, Боратынскіе ведутъ жизнь самую простую: встаютъ въ семь часовъ утра во всякое время года, обѣдаютъ въ полдень, отходятъ ко сну въ 9 часовъ вечера и никогда не выступаютъ изъ этой рамки, что не мѣшаетъ имъ быть всѣмъ довольными, спокойными, слѣдовательно счастливыми".

Оживленно прошелъ для Боратынскаго 1826 годъ, когда онъ началъ свою новую, семейную жизнь и, какъ бы подводя итоги прошедшей, работалъ надъ изданіемъ своихъ стихотвореній, вышедшимъ въ слѣдующемъ году. Работа эта увлекла Боратынскаго и, при его свойствѣ неузнаваемо передѣлывать свои произведенія, оказалась не собираніемъ стихотвореній, разсѣянныхъ по журналамъ и альманахамъ, а новой творческой работой, такъ какъ поэтъ хотѣлъ придать наибольшую цѣльность своему сборнику и для этого, въ безпрестанной борьбѣ гордости ума съ правами сердца, какъ онъ писалъ Путятѣ, часто побѣждалъ „умомъ сердечное чувство".

Къ концу 1826 года Боратынскій постепенно началъ втягиваться въ литературную жизнь Москвы, особенно оживленную въ это время возвращеніемъ Пушкина изъ ссылки и пріѣздомъ его въ древнюю столицу 8 сентября. Боратынскій присутствовалъ на чтеніи „Бориса Годунова" и возобновилъ свое знакомство съ Пушкинымъ, при чемъ поэты часто видались и подружились болѣе прежняго (въ 1828 году въ одной книжкѣ вышли „Графъ Нулинъ" Пушкина и „Балъ" Боратынскаго). Въ это же время познакомился Боратынскій и съ княземъ Вяземскимъ, Погодинымъ, Языковымъ, Веневитиновымъ, Хомяковымъ, братьями Кирѣевскими и съ другими поэтами и литераторами. Боратынскій присутствовалъ на литературныхъ вечерахъ Н. А. Полевого,

князя П. А. Вяземскаго, а вскорѣ начались литературные понедѣльники и въ его домѣ.

Весною 1827 года Боратынскій уѣхалъ съ женою и дочерью (Александрой Евгеніевной) въ свою родную Тамбовскую деревню — въ Мару и тамъ оставался до конца года.

Вернувшись въ Москву, поэтъ болѣе прочно основался въ ней и поступилъ на службу въ число канцелярскихъ служителей къ Главному Директору Межевой канцеляріи, съ переименованіемъ въ коллежскіе регистраторы. Въ этой канцеляріи Боратынскій пробылъ до 1831 года (когда окончательно вышелъ въ отставку)*), но служба мало обременяла поэта и давала ему не только необходимый досугъ, но и возможность на долго уѣзжать изъ Москвы. Какъ-то безслѣдно прошла для Боратынскаго его служба въ Межевой канцеляріи, и едва ли не единственное упоминаніе о ней мы находимъ въ письмѣ къ Н. В. Путятѣ, въ которомъ поэтъ говоритъ: „Не гожусь я ни въ какую канцелярію, хотя недавно вступилъ въ Межевую; но, слава Богу, мнѣ дѣла мало, а то было бы худо моему начальнику“.

Дружественныя и литературныя связи поэта очень упрочились за это время. Боратынскій жилъ въ домѣ своего тестя, Л. Н. Энгельгардта, въ Чернышевскомъ переулкѣ (нынѣ Станкевича), противъ дома князя П. А. Вяземскаго. Поэтъ часто видѣлся съ княземъ Вяземскимъ, и между ними завязались настоящія дружескія отношенія,— Боратынскій гостилъ въ подмосковной Вяземскаго, въ Остафьевѣ, вмѣстѣ съ нимъ „танцовалъ въ Москвѣ“ и „занимался текущею словесностью“. „Чѣмъ болѣе вижусь съ Боратынскимъ, писалъ князь Вяземскій А. И. Тургеневу 15 октября 1828 года,—тѣмъ болѣе люблю его за чувства, за умъ, удивительно тонкій и глубокій, раздробительный. Возьми его въ расплохъ, какъ хочешь: вездѣ и всегда найдешь его съ новою, своею мыслью, съ собственнымъ воззрѣніемъ на предметъ“ **).

---

*) Изъ дѣла объ опредѣленіи Боратынскаго на службу и увольненіи, хранящагося въ Пушкинскомъ Домѣ, явствуетъ, что поэтъ поступилъ въ Межевую канцелярію 24 января 1828 года, 20 февраля 1828 былъ переименованъ въ коллежскіе регистраторы, затѣмъ былъ произведенъ въ губернскіе секретари (со старшинствомъ съ 14 апрѣля 1830) и 26 іюля 1831 года былъ уволенъ по прошенію отъ службы.

**) Въ этомъ же письмѣ князь Вяземскій приводитъ „раздробительность“ ума Боратынскаго: „Сегодня разговорились мы съ нимъ о Филаретѣ, къ которому возитъ его тесть Энгельгардтъ. Онъ говоритъ, что ему Филаретъ и вообще наши монахи сановные напоминаютъ всегда что-то женское: рясы, какъ

Въ 1828 году былъ въ Москвѣ Мицкевичъ, и, какъ можно думать, между знаменитымъ польскимъ поэтомъ и Боратынскимъ установилась извѣстная близость; по крайней мѣрѣ, Боратынскій часто видѣлся съ Мицкевичемъ и, высоко цѣня его дарованіе, тѣмъ ревнивѣе относился къ его самобытности и говорилъ:

Когда тебя, Мицкевичъ вдохновенный,
Я застаю у Байроновыхъ ногъ,
Я думаю: поклонникъ униженный,
Возстань, возстань и вспомни—самъ ты богъ!

Боратынскій присутствовалъ на проводахъ Мицкевича изъ Москвы, и его имя выгравировано на золотомъ кубкѣ, поднесенномъ польскому поэту; извѣстно также, что впослѣдствіи Боратынскій участвовалъ въ подпискѣ въ пользу Мицкевича, когда послѣдній безъ средствъ находился въ Парижѣ.

Болѣе всего однако имѣетъ значеніе дружба Боратынскаго съ семействомъ Кирѣевскихъ, въ которомъ онъ былъ своимъ, домашнимъ человѣкомъ, и особенно съ Иваномъ Васильевичемъ Кирѣевскимъ. „Ты первый изъ всѣхъ знакомыхъ мнѣ людей, писалъ поэтъ И. В. Кирѣевскому, съ которымъ изливаюсь я безъ застѣнчивости: это значитъ, что никто еще не внушалъ мнѣ такой довѣренности къ душѣ своей и своему характеру". Поэтъ былъ вполнѣ откровененъ въ разговорахъ съ своимъ новымъ другомъ, въ разговорахъ, заходившихъ далеко за полночь, и находилъ въ Кирѣевскомъ не только надежнаго, вѣрнаго друга и прекраснаго человѣка, но и лучшаго, умнаго, образованнаго и чуткаго ко всему прекрасному критика. Въ разлукѣ съ Кирѣевскимъ Боратынскій не пропускалъ почты, и по этимъ письмамъ можно лучше всего судить о Боратынскомъ въ пору 1829—1832 гг. Дружба поэта съ Кирѣевскимъ отличалась особенной горячностью и сердечностью, и проявленія этой дружбы мы находимъ въ каждомъ письмѣ Боратынскаго, съ нѣжностью вспоминающаго своего друга и радующагося тому, „что мое чутье меня въ тебѣ не обмануло; радъ еще одному — что ты, съ твоей чувствительностію пылкою и разнообразною, полюбилъ меня, а не другого. Я нахожу довольно теплоты въ моемъ сердцѣ, чтобъ никогда не

юбка, и въ обращеніи какое-то кокетство, игра затверженной роли и прочее. Мнѣ кажется, что это замѣчаніе удивительно вѣрно". (Остафьевскій Архивъ, т. III, стр. 179 — 180).

охладило твоего, чтобы дѣлить всѣ твои мечты и отвѣчать душевнымъ словомъ на душевное слово... Мы съ тобой довольно пожили, поспорили, помечтали, чтобы не забыть другъ друга. Мы съ тобой товарищи умственной службы, умственныхъ походовъ, и связь наша должна быть по крайней мѣрѣ столько же надежною, сколько-бъ она могла быть между товарищами по службѣ Е. И. В. и по походамъ графа Паскевича Эриванскаго". Боратынскій привыкалъ дѣлиться своею внутреннею жизнію съ Кирѣевскимъ и повѣрялъ ему свои литературные планы и замыслы, зная, что никто лучше Кирѣевскаго не пойметъ его и не поддержитъ въ его начинаніяхъ. И благодаря побужденіямъ Кирѣевскаго, литературная дѣятельность Боратынскаго за время 1828—1832 гг. становится особенно интенсивной: къ этому времени относятся многія лирическія стихотворенія Боратынскаго, его поэмы „Переселеніе душъ", „Вѣра и невѣріе", „Наложница", разсказъ „Перстень", недошедшие до насъ романъ и драма, собраніе стихотвореній и поэмъ, въ двухъ частяхъ, вышедшее въ 1835 году (надъ этимъ изданіемъ Боратынскій работалъ въ 1832—1833 гг.) и пр. и пр.

Объясненіе такой интенсивности творчества въ поэтѣ, который начиналъ было все рѣже и рѣже приниматься за перо, заключается въ томъ, что въ отзывахъ Кирѣевскаго Боратынскій видѣлъ не только лестныя слова и признаніе таланта, но и глубокое пониманіе самой основы своей поэзіи. По поводу разбора „Наложницы" Кирѣевскимъ поэтъ писалъ ему: „Ты меня понялъ совершенно, вошелъ въ душу поэта, схватилъ поэзію, которая мнѣ мечтается, когда я пишу. Твоя фраза: *переноситъ насъ въ атмосферу музыкальную и мечтательно просторную* заставила меня встрепенуться отъ радости, ибо это-то самое достоинство я подозрѣвалъ въ себѣ въ минуты авторскаго самолюбія, но выражалъ его хуже. Не могу не вѣрить твоей искренности: нѣтъ поэзіи безъ убѣжденія, а твоя фраза принадлежитъ поэту". Пользовавшійся въ 20-хъ годахъ довольно шумнымъ успѣхомъ, ставившимъ его имя рядомъ съ именемъ Пушкина, Боратынскій не былъ избалованъ такимъ внутреннимъ, настоящимъ успѣхомъ и признаніемъ и въ оцѣнкѣ своего таланта Кирѣевскимъ, въ оцѣнкѣ, которой онъ безусловно довѣрялъ, почерпалъ увѣренность въ своихъ силахъ, душевную бодрость и желаніе не только писать, но и печатать свои произведенія.

Литературная слава мало привлекала къ себѣ Боратынскаго, и для выступленія въ печати ему необходимы были какія-нибудь посторон-

ніе причины и стимулы: такими стимулами въ 1830 г. было основаніе дружественной поэту „Литературной Газеты“, а въ 1832 — „Европейца“ И. В. Кирѣевскаго, для котораго Боратынскій началъ очень усиленно работать, желая поддержать изданіе своего друга. На третьемъ №-рѣ „Европеецъ“ былъ запрещенъ, и вмѣстѣ съ закрытіемъ его безслѣдно пропали для насъ многія произведенія Боратынскаго, предполагавшаго помѣщать ихъ въ „Европейцѣ“...

Съ грустью разставался Боратынскій осенью 1829 года съ И. В. Кирѣевскимъ: Кирѣевскій собирался въ заграничное путешествіе, а Боратынскій уѣзжалъ въ Мару, гдѣ и прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ кругу родныхъ и сосѣдей, изрѣдка отрываемый отъ работы домашними заботами. Уѣзжалъ поэтъ въ деревню съ надеждою, что въ деревенскомъ уединеніи проснется его муза, и черезъ нѣкоторое время извѣщалъ Кирѣевскаго, что у него въ пяльцахъ новая „ультраромантическая“ поэма, которую онъ пишетъ „очертя голову“. Деревенское уединеніе благотворно отозвалось на поэтѣ, и здѣсь, послѣ долгихъ размышленій, онъ окончательно и твердо увѣрился, „что въ свѣтѣ нѣтъ ничего дѣльнѣе поэзіи“. Боратынскій вообще часто задумывался все это и послѣдующее время надъ поэзіей и ея назначеніемъ, и, опредѣливъ поэзію, какъ „полное ощущеніе извѣстной минуты“, поэтъ смотрѣлъ на нее не какъ на „самолюбивое наслажденіе“, а какъ на эстетическую силу, образующую и оправдывающую міръ съ его нестройными явленіями. Поэзія развертывала передъ нимъ „чудесный коврикъ-самолетъ“, на которомъ онъ улеталъ далеко прочь, за тридевять земель, отъ „бездушной пыли“ повседневной дѣйствительности. Къ этому времени пребыванія поэта въ деревнѣ относятся такія стихотворенія, какъ „Муза“, „Подражателямъ“, „Чудный градъ“, въ которыхъ поэтъ опредѣляетъ свое дарованіе и касается вѣчныхъ вопросовъ о соотношеніи искусства и жизни. Поэтъ, постигнувъ таинства страданья, цѣною сердечныхъ судорогъ, покупаетъ выраженье вышнихъ силъ; но въ міръ грезы художника врывается міръ дѣйствительности и грубо разрушаетъ высшую дѣйствительность созерцателя:

Чудный градъ порой сольется
Изъ румяныхъ облаковъ;
Но лишь вѣтръ его коснется, —
Онъ исчезнетъ безъ слѣдовъ!
Такъ мгновенныя созданья
Поэтической мечты

Исчезаютъ отъ дыханья
Посторонней суеты.

Зиму 1830—1831 Боратынскіе провели въ Москвѣ, въ которой въ это время свирѣпствовала холера. Москва замѣтно опустѣла, жизнь въ ней какъ-то замерла, и объ образѣ жизни Боратынскаго даетъ возможность судить его письмо къ князю П. А. Вяземскому, въ которомъ онъ говоритъ: „Все грозное время провелъ я въ Москвѣ, и хотя мнѣ не было весело, но въ то же время не такъ и тошно, какъ я ожидалъ. Мы заперлись въ своемъ домѣ, я никуда не выѣзжалъ и никого не принималъ". Спокойное теченье жизни Боратынскаго было нарушено безпокойствомъ о баронѣ Дельвигѣ: „Литературная Газета" была запрещена, и Дельвигъ заболѣлъ отъ непріятностей и огорченія. 14 января 1831 года Дельвигъ умеръ, и смерть перваго друга произвела тяжелое впечатлѣніе на Боратынскаго, который, какъ писалъ Пушкинъ, былъ „боленъ съ огорченія".

Въ январѣ 1831 года находились въ Москвѣ Пушкинъ, Языковъ и князь Вяземскій, и вмѣстѣ съ Боратынскимъ они справляли (27 января) тризну по Дельвигу, который былъ связующимъ звеномъ въ кружкѣ друзей-поэтовъ *).

XI.

Со смертью барона Дельвига, съ выпаденіемъ одного звена, разрывалась и сама цѣпь, и друзья-поэты, поглощаемые своими особыми интересами и семейной жизнью, начали удаляться одинъ отъ другого. Въ первыхъ числахъ іюля Боратынскій, какъ писалъ князь Вяземскій, „удралъ въ Казань съ Энгельгардтовскимъ семействомъ",—точнѣе, въ Казанское имѣніе Л. Н. Энгельгардта—Каймары. Въ письмѣ къ Кирѣевскому Боратынскій описывалъ свои дорожныя впечатлѣнія: „Назову главное: скука. Россію можно проѣхать изъ конца въ конецъ, не увидавъ ничего отличнаго отъ того мѣста, изъ котораго выѣхалъ. Все плоско. Одна Волга меня порадовала и заставила меня вспомнить Языкова, о которомъ впрочемъ я и безъ того помнилъ... Ежели я ничего не замѣтилъ дорогою, то многое обдумалъ. Путешествіе по нашей родинѣ тѣмъ хорошо, что не мѣшаетъ размышле-

*) Боратынскій писалъ записки о баронѣ Дельвигѣ, но эти записки, какъ и многое другое, повидимому, безслѣдно пропали.

нію. Это путешествіе по безпредѣльному пространству, измѣряемому однимъ временемъ: за то и приноситъ плодъ свой, какъ время".

Первый мѣсяцъ деревенскаго уединенія ушелъ на хозяйственныя хлопоты, на разговоры съ прикащиками и старостами, на переписку съ земскимъ судомъ (у Боратынскаго было тяжебное дѣло), и поэтъ не начиналъ творить, хотя и чувствовалъ наплывъ мыслей во время своихъ любимыхъ ежедневныхъ поѣздокъ верхомъ. „Воображеніе напряженно, мечты его живы, но своевольны, и лѣнивый умъ не можетъ ихъ привести въ порядокъ". Скоро жизнь въ Каймарахъ наладилась, пріобрѣла извѣстный ритмъ, и Боратынскій описывалъ свою жизнь въ имѣніи такими словами: „Скажу тебѣ вкратцѣ, что мы пьемъ чай, обѣдаемъ, ужинаемъ часомъ раньше, нежели въ Москвѣ. Вотъ тебѣ рама нашего существованія. Вставь въ нее прогулки, верховую ѣзду, разговоры; вставь въ нее то, чему нѣтъ имени: это общее чувство, этотъ итогъ всѣхъ нашихъ впечатлѣній, который заставляетъ проснуться весело, гулять весело, эту благодать семейнаго счастія, и ты получишь довольно вѣрное понятіе о моемъ бытьѣ".

Такая жизнь не могла не отозваться благопріятно на Боратынскомъ, уставшемъ отъ московской унылой зимы, монотонность которой была нарушена лишь смертью Дельвига. Но и къ этой смерти Боратынскій относится теперь не то что спокойнѣе, но примиреннѣе, и, вспоминая свой Элизей съ населяющими его милыми тѣнями, бодро восклицаетъ:

Тамъ живъ ты, Дельвигъ! тамъ за чашей
Еще со мною шутишь ты,
Поешь веселье дружбы нашей
И сердца юныя мечты.

Ровная и здоровая жизнь въ деревнѣ оказала также благотворное вліяніе и на музу поэта, который сталъ усиленно работать для „Европейца".

Несмотря однако на счастливую деревенскую жизнь, дававшую досугъ размышленіямъ, раздумья Боратынскаго не всегда отличались бодрымъ тономъ, и онъ порой готовъ былъ отказаться отъ поэтическаго творчества, думая, что „время индивидуальной поэзіи прошло, другой не наступило". Какъ бы подводя итогъ прошлому, поэтъ говоритъ:

. . . все проходитъ. Остываю
Я и къ гармоніи стиховъ —

И какъ дубровъ не окликаю,
Такъ не ищу созвучныхъ словъ.

Но эта грустная струна звучитъ пока еще обособленно и заглушается бодрыми созвучіями другихъ немногочисленныхъ стихотвореній этого года. Боратынскій „остываетъ къ гармоніи стиховъ", вѣрнѣе, къ индивидуальной лирикѣ и начинаетъ искать новыхъ формъ творчества; онъ обращается и къ драмѣ, и къ роману, и къ критикѣ и, сознавая переходность момента не только въ своемъ творчествѣ, но и во всей современной поэзіи, хочетъ „на время, и даже долгое время, перестать печатать". Къ сожалѣнію, почти всѣ попытки въ новомъ родѣ такъ и остались ненапечатанными, и потому мы мало что знаемъ объ этихъ исканіяхъ Боратынскаго.

Въ декабрѣ 1831 года Боратынскіе переѣхали изъ деревни въ Казань, которая произвела хорошее впечатлѣніе на поэта: „Знаешь-ли— писалъ онъ Кирѣевскому,—что, по моему, провинціальный городъ оживленнѣе столичнаго. Говоря оживленнѣе, я не говорю—пріятнѣе; но здѣсь есть что-то, чего нѣтъ въ Москвѣ—дѣйствіе. Разговоры нѣкоторыхъ изъ нашихъ гостей были для меня очень занимательны. Всякій говоритъ о своихъ дѣлахъ или о дѣлахъ губерніи, бранитъ или хвалитъ. Всякій, сколько можно замѣтить, дѣятельно стремится къ положительной цѣли и оттого имѣетъ физіономію. Не могу тебѣ развить всей моей мысли; скажу только, что въ губерніяхъ вовсе нѣтъ этого равнодушія ко всему, которое составляетъ характеръ большей части нашихъ московскихъ знакомцевъ. Въ губерніяхъ больше гражданственности, больше увлеченія, больше элементовъ политическихъ и поэтическихъ. Всмотрясь внимательнѣе въ общество, я, можетъ быть, напишу что-нибудь о немъ для твоего журнала; но я уже довольно видѣлъ, чтобы мѣстомъ дѣйствія русскаго романа всегда предпочесть губернскій городъ столичному".

Въ этомъ губернскомъ городѣ Боратынскому, однако, приходилось мало заниматься творчествомъ, такъ какъ обязательные и необязательные визиты поглощали большую часть времени. Въ Казани получилъ Боратынскій первыя двѣ вышедшія книжки „Европейца", доставившія ему большую радость. 3-я книжка „Европейца" была запрещена, и это тяжело отозвалось какъ на Кирѣевскомъ, замолчавшемъ на долгіе годы, такъ и на Боратынскомъ, объ удрученномъ состояніи котораго можно судить по слѣдующему письму его къ своему другу: „Отъ запрещенія твоего журнала не могу опомниться.

Нѣтъ сомнѣнія, что тутъ дѣйствовалъ тайный, подлый и несправедливый донощикъ, но что въ этомъ утѣшительнаго? Гдѣ найти на него судъ? Что послѣ этого можно предпринять въ литературѣ? *Я вмѣстѣ съ тобой лишился сильнаго побужденія къ трудамъ словеснымъ.* Запрещеніе твоего журнала просто наводитъ на меня хандру, и судя по письму твоему, и на тебя навело меланхолію. Что дѣлать! *Будемъ мыслить въ молчаніи и оставимъ литературное поприще Полевымъ и Булгаринымъ.* Поблагодаримъ Провидѣніе за то, что оно насъ подружило, и что каждый изъ насъ нашелъ въ другомъ человѣка, его понимающаго, что есть еще нѣсколько людей намъ по уму и по сердцу. *Заключимся въ своемъ кругу, какъ первые братья христіане, обладатели свѣта гонимаго въ свое время, а нынѣ торжествующаго.* Будемъ писать, не печатая. Можетъ быть, придетъ благопоспѣшное время......"

Этого благопоспѣшнаго времени такъ и не дождался поэтъ, и ему начинало казаться, что „вѣкъ шествуетъ путемъ своимъ желѣзнымъ", на которомъ нѣтъ мѣста поэзіи. По натурѣ своей склонный къ резигнаціи, Боратынскій приходитъ къ безотрадному выводу о судьбѣ, которой долженъ покориться невольникъ-человѣкъ, мечтающій о свободѣ. Поэтическій міръ представляется поэту необитаемымъ островомъ, и онъ углубляется въ себя, пишетъ только для себя, пишетъ немного, но старательно отшлифовывая каждый стихъ и заставляя въ тѣсныхъ рамкахъ короткаго стихотворенія рельефно выступать полновѣсную мысль — большей частью безотраднаго характера. Острый лучъ мысли — нагой мечъ — разрушаетъ то царство поэзіи, тотъ „чудный градъ", которому онъ хотѣлъ даровать согласье, и поэтъ возстаетъ на разсудокъ, на „тьмы низкихъ истинъ", при свѣтѣ которыхъ исчезли „поэзіи младенческіе сны".

Въ іюлѣ 1832 года мы застаемъ Боратынскаго въ Москвѣ, и съ конца этого года онъ начинаетъ работать надъ „полнымъ собраніемъ своихъ стихотвореній": „кажется, оно въ самомъ дѣлѣ будетъ послѣднимъ,—писалъ поэтъ князю П. А. Вяземскому,—и я къ нему ничего не прибавлю. Время поэзіи индивидуальной прошло, другой еще не созрѣло". Въ 1832 году Боратынскій видѣлся съ Пушкинымъ, но собрать „всѣхъ ребятъ дружеской артели" не удалось Боратынскому, и въ „своемъ кругу" началъ поэтъ чувствовать себя одинокимъ и чужимъ.

Раздѣлъ Вяжли въ 1833 году вызвалъ поэта въ Мару, гдѣ онъ надѣялся найти досугъ, но здѣсь, въ деревнѣ, ему пришлось

углубиться въ хозяйственныя хлопоты. „Я весь погрязъ въ хозяйственныхъ расчетахъ“—пишетъ Боратынскій въ это время, и ему, какъ старшему въ семьѣ, дѣйствительно пришлось много заниматься хозяйствомъ, которое его настолько увлекало, что, по собственному признанію, онъ „ни разу не думалъ о литературѣ“.

Въ сентябрѣ Боратынскій случайно оказался въ Казани въ то время, когда проѣзжалъ черезъ Казань Пушкинъ, собиравшій матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта, и поэты провели вмѣстѣ три дня: это было ихъ послѣднимъ продолжительнымъ свиданіемъ, и только въ 1836 году мимолетно встрѣтился Боратынскій съ Пушкинымъ. Встрѣча поэтовъ въ Казани была конечно радостной, но разница въ ихъ міровоззрѣніи и путяхъ жизни еще рѣзче обозначилась. Вскорѣ Пушкинъ оказался въ своей деревнѣ Болдинѣ, Боратынскій — въ своей родной Марѣ, и въ то время, какъ первый отдался всецѣло творчеству, второй лишь изрѣдка прикасался къ лирѣ, весь поглощенный хозяйственными дѣлами. Впрочемъ, было много и общаго въ тѣхъ желаніяхъ, которыми были полны сердца друзей въ ихъ деревенской тиши: Болдинская глушь внушила Пушкину желаніе „плюнуть на Петербургъ„ да подать въ отставку, да удрать въ Болдино“, а Боратынскій мечталъ устроить себѣ

Пріютъ отъ свѣтскихъ посѣщеній
Надежной дверью запертой,
Но съ благодарною душой
Открытый дружеству и дѣвамъ вдохновеній.

XII.

Скитанія начали утомлять Боратынскаго, и онъ сталъ устраивать свою жизнь болѣе осѣдло въ Москвѣ и въ своей подмосковной — Петровскомъ. Съ этой цѣлью поэтъ въ 1835 году купилъ себѣ въ Москвѣ домъ у княжны Шаховской (на Арбатѣ) и сталъ въ немъ устраиваться.

Зиму 1836 и 1837 гг. Боратынскій прожилъ почти безвыѣздно въ Москвѣ, и послѣдняя зима была въ особенности тяжела поэту: 4-го ноября 1836 года умеръ его тесть, Л. Н. Энгельгардтъ, котораго поэтъ искренно уважалъ и любилъ, и опечаленные Боратынскіе отказались не только отъ всякихъ развлеченій и свѣтскихъ удовольствій, но и закрыли свои литературные понедѣльники.

Тяжело начинался и новый, 1837 годъ, отнявшій у Россіи Пушкина. Смерть Пушкина глубоко поразила и потрясла Боратынскаго, и свои впечатлѣнія отъ этой смерти онъ передалъ въ слѣдующемъ письмѣ къ князю П. А. Вяземскому: „Пишу къ вамъ подъ громовымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ во мнѣ, и не во мнѣ одномъ, ужасною вѣстью о погибели Пушкина. Какъ русскій, какъ товарищъ, какъ семьянинъ, скорблю и негодую; мы лишились таланта первостепеннаго, можетъ быть, еще не достигшаго своего полнаго развитія, который совершилъ бы непредвидѣнное, если бы разрѣшились сѣти, разставленныя ему обстоятельствами, если бы въ послѣдней, отчаянной его схваткѣ съ ними судьба преклонила вѣсы свои въ его пользу. Не могу выразить, что я чувствую; знаю только, что я потрясенъ глубоко и со слезами, ропотомъ, недоумѣніемъ безпрестанно себя спрашиваю: зачѣмъ это такъ, а не иначе? Естественно ли, что великій человѣкъ, въ зрѣлыхъ лѣтахъ, погибъ на поединкѣ, какъ неосторожный мальчикъ? Сколько тутъ вины его собственной, чужой, несчастнаго предопредѣленія? Въ какой внезапной неблагосклонности къ возникающему голосу Россіи Провидѣніе отвело око свое отъ поэта, давно составлявшаго ея славу и еще бывшаго (что бы ни говорили злоба и зависть) ея великою надеждой?.....“

Смерть Пушкина застала Боратынскаго надъ созданіемъ „Осени“, и ея заключительная строфа свидѣтельствуетъ о томъ безнадежно-мрачномъ состояніи, которое овладѣло душой поэта въ это время:

Зима идетъ, и тощая земля
Въ широкихъ лысинахъ безсилья,
И радостно блиставшія поля
Златыми класами обилья:
Со смертью жизнь, богатство съ нищетой,
Всѣ образы годины бывшей,
Сравняются подъ снѣжной пеленой,
Однообразно ихъ покрывшей:
Передъ тобой таковъ отнынѣ свѣтъ;
Но въ немъ тебѣ грядущей жатвы нѣтъ.

Съ Пушкинымъ хоронилъ Боратынскій послѣдняго друга лучшей поры жизни, и смерть Пушкина дала Боратынскому почувствовать все его духовное одиночество въ литературной Москвѣ, въ которой уже кипѣла новая жизнь, по самому существу своему чуждая и

враждебная поэту. Больно задѣвали самолюбіе поэта неодобрительные отзывы о немъ Бѣлинскаго и критиковъ, вторившихъ Бѣлинскому, и Боратынскому казалось, что въ Москвѣ образовалась цѣлая организованная „коттерія", имѣвшая цѣлью разрушеніе истинной поэзіи. Тѣмъ тяжелѣе было Боратынскому, что съ И. В. Кирѣевскимъ онъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, разошелся, и некому было принять участіе въ его душевной жизни. Обрѣтая высокій свѣтъ „въ нѣмотствующей пустынѣ", наединѣ бесѣдовалъ поэтъ со своенравной струей Аи:

Мой восторгъ неосторожный
Не обидитъ никого;
Не откроетъ дружбѣ ложной
Таинъ счастья моего;
Не смутитъ глупцовъ ревнивыхъ
И торжественныхъ невѣждъ
Изліяньемъ горделивыхъ
Иль святыхъ моихъ надеждъ!

Москва угнетала Боратынскаго, и онъ большею частью жилъ въ своей подмосковной — въ Петровскомъ, гдѣ онъ чувствовалъ себя свободнѣе и лучше въ кругу семьи — среди подростающихъ дѣтей. Для нихъ Боратынскій самъ выбиралъ гувернеровъ и учителей и старался давать имъ воспитаніе и образованіе согласно съ ихъ наклонностями. Большою радостью для поэта было, когда въ его старшихъ дѣтяхъ обнаружились несомнѣнныя способности: въ Александрѣ Евгеніевнѣ способность къ рисованію и къ музыкѣ, а въ Львѣ Евгеніевичѣ — поэтическое дарованіе, которое привѣтствовалъ поэтъ-отецъ стихотвореніемъ:

Здравствуй, отрокъ сладкогласной!

„Жизнь въ Петровскомъ прекрасна" — писалъ Боратынскій матери, и радостно возвращался онъ въ свой домашній уютъ послѣ частыхъ поѣздокъ въ Москву, гдѣ строился у него домъ въ 1837—1838 гг. Въ это же время Боратынскій началъ мечтать о жизни въ Петербургѣ, куда его звали петербургскіе друзья, и о поѣздкѣ за-границу, которая тогда еще не могла осуществиться.

XIII.

Со временемъ написанія „Осени“ и со смертью Пушкина совпалъ наиболѣе острый моментъ душевной борьбы поэта, который въ теченіе всей жизни привыкъ довѣрять разуму и повѣрять имъ свое чувство. Въ 30-хъ годахъ эта борьба разума и чувства рѣзко обозначилась, и поэтъ часто сомнѣвался въ своемъ кумирѣ; въ то же время онъ сталъ чувствовать недостаточность эстетическаго и этическаго оправданія міра и все чаще и чаще обращался мыслью къ религіознымъ вопросамъ. „Чудный градъ“ поэтическаго міра разрушался подъ острымъ лучемъ мысли, детерминизмъ не удовлетворялъ идеалистически настроеннаго поэта, и въ „Осени“ намѣчался уже новый путь религіознаго просвѣтлѣнія и оправданія жизни:

... отряхнувъ видѣнія земли
Порывомъ скорби животворной,
Ея предѣлъ завидя невдали,
Вдругъ умиленной, вдругъ покорной,
Возмездій край, благовѣстящимъ снамъ
Довѣрясь чувствомъ обновленнымъ
И бытія мятежнымъ голосамъ,
Всесильнымъ гласомъ примиреннымъ,
Внимающій въ весельи и тиши
Лучамъ небесъ раскрывшейся души.
Предъ Промысломъ оправданнымъ ты ницъ
Падешь съ признательнымъ смиреньемъ,
Съ надеждою, не видящей границъ,
И утоленнымъ разумѣньемъ...

Но еще не пришло то время, когда поэтъ смиренно склонился передъ Промысломъ. Въ эти спокойные годы деревенскаго досуга онъ подвергъ переоцѣнкѣ всѣ цѣнности жизни, въ особенности, самыя высшія изъ нихъ — искусство и мысль о цѣлесообразности бытія; и порой ему казалось, что „жизнь для волненья дана“, „жизнь и волненье одно“, и что мы сами вымышляемъ себѣ заботы — „общія смуты“ или „лиру, палитру, рѣзецъ“ любовь къ которымъ, быть можетъ, лишь „смѣшной недугъ“...

Но быть можетъ въ горнемъ клирѣ голосъ поэта будетъ звученъ, быть можетъ пѣснопѣвца жаръ окажется не смѣшнымъ недугомъ, а высшимъ даромъ; можетъ быть, жизнь и ея явленія оправдываются вѣчною созидающею, высшею волею Творца?

И въ началѣ 40-хъ годовъ начинаютъ разрѣшаться эти сомнѣнья Боратынскаго, и въ религіи находитъ онъ наконецъ примиреніе „мятежнымъ голосамъ бытія".

Въ 1841 году, сравнивая современнаго духовнаго бойца съ кипящимъ древнимъ Ахилломъ, поэтъ говоритъ новому Ахиллу:

одной пятой своею
Невредимъ ты, если ею
На живую вѣру сталъ.

Религіозное смиреніе предъ оправданнымъ Промысломъ охватило Боратынскаго въ концѣ его жизни, когда онъ писалъ „Молитву":

Царь небесъ! успокой
Духъ болѣзненный мой!
Заблужденій земли
Мнѣ забвенье пошли—
И на строгій твой рай
Силы сердцу подай!

Но Боратынскій вообще не былъ чуждъ религіозныхъ исканій. „Уже здѣсь онъ цѣнилъ только небесное счастье. Его религіозныя вѣрованія отличались такой силой глубокаго убѣжденія, что смерть представлялась ему лишенной своего зловѣщаго образа. Въ особенности послѣдніе годы онъ стремился къ тому, чтобы я такъ же вѣровала, какъ онъ, и когда я его просила не затрагивать этого вопроса, онъ весело отвѣчалъ, что надѣется разсѣять мое непріязненное отношеніе и убѣдить меня въ невозможности разлуки двухъ любящихъ существъ; и, повѣрите-ли Вы, въ то страшное мгновеніе, когда я не могла сомнѣваться въ его смерти, я почувствовала откровеніе, какъ бы охватившее меня, и то, что до тѣхъ поръ казалось мнѣ сомнительнымъ, превратилось въ увѣренность"... Такъ писала его жена, Н. Л. Боратынская, къ графинѣ де-Фонтанъ, вскорѣ послѣ его смерти.

XIV.

Въ январѣ 1840 года Боратынскій уѣхалъ въ Петербургъ, въ которомъ не былъ цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ. Онъ прожилъ тамъ немного больше двухъ мѣсяцевъ, и они оставили въ Боратынскомъ самыя лучшія воспоминанія и вызвали въ немъ желаніе основаться навсегда въ Петербургѣ, гдѣ его такъ радушно приняли старые друзья и знакомые, и гдѣ ему ничто не напоминало Москвы. Москву въ это время поэтъ особенно ненавидѣлъ за недоброжелательное отношеніе къ себѣ московскихъ литераторовъ. И онъ мстилъ имъ эпиграммой:

На все свой ходъ, на все свои законы.
Межъ люлькою и гробомъ спитъ Москва;
Но и до ней глухой дошла молва,
Что скученъ вистъ, и веселѣй салоны
Отборные, гдѣ есть уму просторъ,
Гдѣ властвуетъ не вистъ, а разговоръ.
И погналась за модой новосвѣтской,
Но погналась старуха не путемъ:
Салоны есть, — но этотъ смотритъ дѣтской,
А тотъ, увы! — глядитъ гошпиталемъ.

Совсѣмъ обратное впечатлѣніе произвели на Боратынскаго салоны Петербургскіе и прежде всего салонъ Карамзиныхъ, гдѣ онъ встрѣчался съ представителями литературнаго и аристократическаго міра и между прочимъ подружился съ Софьей Николаевной Карамзиной. Часто бывалъ Боратынскій также у князя Одоевскаго и познакомился въ его гостиной съ Лермонтовымъ, который произвелъ на него непріятное впечатлѣніе: „Познакомился съ Лермонтовымъ, — писалъ поэтъ своей женѣ, — который прочелъ прекрасную новую пьесу; человѣкъ, безъ сомнѣнія, съ большимъ талантомъ, но мнѣ морально не понравился. Что-то не радушное, Московское“... Боратынскій былъ оживленъ и любезенъ въ салонахъ Карамзиныхъ и Одоевскихъ, но истинную сердечную отраду находилъ онъ въ обществѣ своего свояка и друга Н. В. Путяты *), В. А. Жуковскаго, князя П. А. Вяземскаго и

*) Н. В. Путята былъ женатъ на Софіи Львовнѣ Энгельгардтъ, родной сестрѣ жены Боратынскаго.

П. А. Плетнева. Съ Жуковскимъ и княземъ Вяземскимъ Боратынскій много бесѣдовалъ о Пушкинѣ, разбирался въ бумагахъ поэта, и мы читаемъ въ его письмѣ къ женѣ: „... былъ у Жуковскаго. Провелъ у него часа три, разбирая ненапечатанныя новыя стихотворенія Пушкина. Есть красоты удивительной, вовсе новыхъ и духомъ, и формою. Всѣ послѣднія пьесы его отличаются — чѣмъ бы ты думала? — силою и глубиною! Онъ только что созрѣвалъ. *Что мы сдѣлали, Россіяне, и кого погребли!* Слова Феофана на погребеніе Петра Великаго. У меня нѣсколько разъ навертывались слезы художническаго энтузіазма и горькаго сожалѣнія"... Боратынскій возобновилъ знакомство и со вдовой Пушкина и отзывался о ней, что она „все также прелестна и много выиграла отъ привычки къ свѣту; говоритъ ни умно, ни глупо, но свободно".

Каждая минута поэта въ Петербургѣ была занята, и онъ едва успѣвалъ ѣздить, — то къ брату Ираклію Абрамовичу (женатому на блестящей княжнѣ Абамелекъ), то къ Одоевскимъ, къ Карамзинымъ, къ Лазаревымъ, къ Жуковскому, къ Вязмитиновымъ, въ театры, на концерты и пр. и пр. Не пропустилъ поэтъ случая посѣтить и Академію Художествъ; и въ то время, какъ похвалы Брюлову не знали никакихъ предѣловъ, такъ передавалъ онъ Н. Л. Боратынской свое трезвое впечатлѣніе объ его картинѣ: „Въ субботу былъ въ Академіи Художествъ и видѣлъ Послѣдній день Помпеи Брюлова. Все прежнее искусство блѣднѣетъ передъ этимъ произведеніемъ, но одно искусство, а не сущность живописи. Колоритъ, перспектива, округлость тѣлъ, фигуры, выходящія какъ будто вонъ изъ полотна,— все это выше всякаго описанія; но думаю, что изучающій Рафаеля, Микель-Анджело, Тиціано найдетъ въ нихъ больше мысли, больше красоты. На лицахъ Брюлова однообразное выраженіе ужаса, и нѣтъ ни одной фигуры идеально прекрасной. Былъ также въ его мастерской. Видѣлъ прекрасный портретъ Жуковскаго, Крылова и нѣсколько начатыхъ картинъ".

Большое впечатлѣніе произвела на Боратынскаго также балерина Тальони, но болѣе всего живило и бодрило поэта то „благорасположеніе всего здѣшняго общества", которое онъ чувствовалъ въ Петербургѣ. Хоть онъ и уставалъ отъ безпрестаннаго разсѣянія и разныхъ мытарствъ, но тѣмъ не менѣе говорилъ, что Петербургъ „пріятенъ отсутствіемъ непріятныхъ впечатлѣній", и что онъ „съ восторгомъ промѣнялъ бы на него Москву".

XV.

Возвращаясь весной въ Москву, Боратынскій ѣхалъ съ твердымъ намѣреніемъ устроить всѣ свои хозяйственныя дѣла такъ, чтобы прочно обосноваться въ Петербургѣ и наѣзжать въ деревню для отдыха и творчества, которому онъ хотѣлъ всецѣло отдаться. Періодъ жизни поэта за 1840 — 1843 гг. характеризуется кипучею хозяйственною дѣятельностью: поэтъ строилъ домъ въ Мурановѣ (имѣнье по дорогѣ въ Троице-Сергіевскую лавру), занимался хозяйственными расчетами въ Марѣ, Каймарахъ, Атамышѣ и признавался матери: „въ этотъ моментъ я далекъ отъ поэтическаго вдохновенія".

Дѣйствительно, поэтическихъ произведеній Боратынскаго за этотъ періодъ почти не появлялось, но поэтъ всетаки не забросилъ творчества: въ 1842 году выпустилъ онъ сборникъ „Сумерки" — или какъ прежде предполагалъ назвать его — „Сны зимней ночи", и былъ увѣренъ, что закатъ его творчества еще не скоро наступитъ, что послѣ сновъ зимней ночи забрежжитъ утро новой, обновленной весны...

Поглощенный хозяйственными дѣлами, поэтъ писалъ своей матери въ 1842 году: „я привѣтствую издалека время, когда постройка моя будетъ закончена, когда у меня будетъ меньше заботъ положительныхъ (быть можетъ отсутствіе воображаемаго отдыха), время, которое прельщаетъ меня тѣмъ, что я снова вернусь къ моимъ прошлымъ занятіямъ. Вы думаете, что я надолго поселился въ деревнѣ: моя большая дѣятельность въ концѣ концовъ ничто иное, какъ потребность мира и душевнаго покоя".

Въ 1841 году поэтъ началъ строить домъ въ Мурановѣ и на это время поселился въ сельцѣ Артемьевѣ, въ 3 верстахъ отъ Муранова.

Боратынскіе жили въ совершенномъ одиночествѣ и наслаждались спокойнымъ домашнимъ счастьемъ: „Подмосковная зимой — читаемъ мы въ письмахъ поэта — убѣжище мира болѣе глубокаго и болѣе полной тишины, чѣмъ деревни внутренней Россіи... Нашъ домъ сейчасъ имѣетъ видъ маленькаго университета. У насъ пять иностранцевъ, между которыми случай доставилъ намъ и прекраснаго преподавателя рисованія. Наша жизнь мало разорительна, и выгоды, которыя мы надѣемся извлечь изъ эксплоатаціи лѣса, позволятъ намъ сдѣлать много для образованія дѣтей; въ ожиданіи же они и ихъ учителя оживляютъ наше одиночество"...

Въ 1842 году Боратынскому часто приходилось бывать въ Москвѣ; эти поѣздки были для него непріятны, такъ какъ отрывали его отъ деревенскихъ мирныхъ занятій и сталкивали съ враждебными ему литераторами. Тщетно успокаивали раздраженнаго поэта его друзья и близкіе ему люди. Въ письмѣ къ С. Л. Путята поэтъ благодаритъ ее за стараніе его ободрить и разсѣять болѣзненные сны его воображенія, которые однакожъ оказались не вовсе снами. „Наши предположенія нынѣ странно оправдываются — писалъ Боратынскій. Теперь уже не мы одни подозрѣваемъ существованіе организованной коттеріи. На нее вопятъ въ Москвѣ новыя ея жертвы". И тѣ немногія стихотворенія, которыя сохранились отъ этой поры, говорятъ о глубокомъ раздраженіи поэта противъ „глупцовъ", изрывшихъ подъ нимъ „сокрытый ровъ".

Осенью 1842 года Боратынскому доставило большую радость развлеченіе — садить молодую рощу, и посѣвъ лѣса внушилъ ему стихотвореніе, въ которомъ онъ прощается съ лирой и отвергаетъ струны звучащія одиноко и ненужно въ желѣзномъ вѣкѣ:

Летѣлъ душой я къ новымъ племенамъ,
Любилъ, ласкалъ ихъ пустоцвѣтный колосъ:
Я дни извелъ, стучась къ людскимъ сердцамъ,
Всѣхъ чувствъ благихъ я подавалъ имъ голосъ.
Отвѣта нѣтъ! Отвергнулъ струны я...

„но не мечту" — прибавляетъ поэтъ въ черновикѣ; и въ то же время, идя на встрѣчу „второй молодости", Боратынскій пишетъ нѣсколько стихотвореній, которыя не носятъ такого безотраднаго характера, какъ его обращеніе къ молодой рощѣ.

XVI.

Осенью 1843 года Боратынскому наконецъ удалось осуществить свое давнишнее желаніе побывать въ чужихъ краяхъ, и около середины сентября поэтъ съ женою и старшими дѣтьми выѣхалъ изъ Петербурга, оставивъ младшихъ дѣтей на попеченіи дружественнаго и родственнаго ему семейства Н. В. Путяты. Боратынскіе ѣхали въ дилижансѣ, и первыми ихъ остановками были Кенигсбергъ и Берлинъ. Въ Берлинѣ они пробыли восемь дней, и свое впечатлѣніе отъ Берлина поэтъ передалъ въ слѣдующемъ письмѣ къ матери: „Берлинъ пре-

красный городъ, менѣе красивый, чѣмъ Петербургъ, но расположенный болѣе правильно. Жизнь въ немъ размѣрена до послѣдней степени. Всѣ отношенія частныя опредѣлены: коммерческія — неизмѣнными таксами, общественныя — ненарушимыми обычаями. Гражданинъ, безъ всякаго раздумья, подчиняется той же дисциплинѣ, что и солдатъ. Черезъ нѣсколько дней входишь въ жизнь города и живешь въ полной увѣренности безопасности, которая основана на отсутствіи неожиданностей". Изъ Берлина Боратынскіе поѣхали въ Лейпцигъ и оттуда по желѣзной дорогѣ въ Дрезденъ. Въ знаменитой Дрезденской галлереѣ Боратынскій стоялъ передъ Мадонной Рафаэля и передъ Христомъ Тиціана: „Мадонна Рафаэля, писалъ онъ, — торжество идеи Христіанства и никогда не перестанетъ вызывать восхищенія. Лучше о ней не говорить, а предоставлять народамъ приходить одному за другимъ для поклоненія этому божественному chef d'oeuvre. Невозможно также не назвать творенія менѣе торжествующаго, но можетъ быть столь же великаго въ своей высшей печали: это Христосъ, называемый съ монетой, Тиціана".

Изъ Дрездена поэтъ съ семействомъ направился въ Парижъ черезъ Лейпцигъ, Франкфуртъ, Майнцъ, Кельнъ и Брюссель, и это долгое путешествіе (по желѣзной дорогѣ ѣхали Боратынскіе только между Лейпцигомъ и Дрезденомъ и отъ Кельна) очень оживило его. „Я очень наслаждаюсь путешествіемъ — писалъ онъ Н. В. Путятѣ—и быстрой смѣной впечатлѣній. Желѣзныя дороги чудная вещь: это апоѳеоза разсѣянія. Когда онѣ обогнутъ всю землю, на свѣтѣ не будетъ меланхоліи".

Бодрое, приподнятое настроеніе духа не покинуло поэта и въ Парижѣ.

Въ Парижъ Боратынскій пріѣхалъ въ концѣ ноября и провелъ тамъ всю зиму. Благодаря рекомендательнымъ письмамъ друзей, онъ перезнакомился со многими изъ литературной и аристократической знати Парижа: съ Сиркурами, съ Нодье, съ обоими Тьери, Альфредомъ де-Виньи, Меримэ, Ламартиномъ, M-me d'Aguesseu, M-me de Fontanes, и другими; поддерживалъ отношенія Боратынскій также и съ русскими знакомыми *). Благодаря такимъ обширнымъ и разнообраз-

---

*) Въ Парижѣ Боратынскій сошелся со многими русскими эмигрантами и въ особенности съ Н. П. Огаревымъ.

„Въ Парижѣ мы сблизились съ нимъ и полюбили его всей душой, писалъ Огаревъ о Боратынскомъ: онъ имѣлъ много плановъ и умеръ, завѣщая намъ

нымъ кругамъ знакомствъ поэтъ имѣлъ возможность со всѣхъ сторонъ узнать Парижъ и не успѣвалъ писать домой о своихъ впечатлѣніяхъ, которыя мѣнялись съ каждымъ днемъ, и Боратынскій боялся сдѣлаться „совершеннымъ зѣвакой".

По просьбѣ Сиркуровъ, Боратынскій перевелъ нѣкоторыя изъ своихъ стихотворенія на французскій языкъ (см. Приложеніе II), но, несмотря на усиленныя просьбы писателей, весьма заинтересовавшихся русскимъ поэтомъ, рѣшительно воспротивился ихъ напечатанію.

Завязались въ Парижѣ и близкія отношенія, какъ напримѣръ съ семействомъ M-me de Fontanes, а съ нѣкоторыми парижскими знакомыми жена Боратынскаго и послѣ смерти поэта поддерживала дружественныя связи.

Уѣзжая изъ Парижа, поэтъ писалъ: „Мы ѣдемъ изъ Парижа съ впечатлѣньями самыми пріятными. Наши здѣшніе знакомые показали намъ столько благоволительности, столько дружбы, что *залечили*

привести ихъ въ исполненіе". Огаревъ посвятилъ слѣдующее стихотвореніе „Памяти Е. А. Боратынскаго":

Въ его груди любила и томилась
  Прекрасная душа
И ко всему прекрасному стремилась,
  Поэзіей дыша;
Святой огонь подъ хладной сѣдиною
  Онъ гордо уберегъ,
Не оскудѣлъ, хоть и страдалъ душою
  Средь жизненныхъ тревогъ;
На жизнь смотрѣлъ хоть грустно онъ, но смѣло
  И все впередъ спѣшилъ;
Онъ жаждалъ дѣлъ, онъ насъ сзывалъ на дѣло
  И вѣрилъ въ Бога силъ!
О, сколько разъ съ горячимъ рукожатьемъ,
  Съ слезою на глазахъ,
Онъ намъ твердилъ: впередъ, младые братья,
  Предъ истиной все прахъ!
О, сколько разъ онъ, старецъ вѣчно юный,
  Нашъ кругъ одушевлялъ,
Дрожали въ насъ души живыя струны,
  Согласный хоръ звучалъ,
И дружно мы, напѣня наши чаши,
  Ихъ осушали вновь
За все, что есть святаго въ жизни нашей,
  За правду, за любовь;
Онъ избралъ насъ, и старецъ, умирая,
  Друзья, намъ завѣщалъ,
Чтобы по немъ, какъ тризну совершая,
  Въ борьбѣ нашъ духъ мужалъ.

старыя раны... Есть лица въ Парижѣ, которыя мы покидаемъ даже съ грустію. Путешественникъ долженъ быть путешественникомъ: ему не слѣдуетъ нигдѣ заживаться, если хочетъ въ самомъ дѣлѣ пользоваться своимъ мизантропическимъ счастіемъ". Но несмотря на то, что „хорошо заграницей", Боратынскаго тянуло домой, и часто возвращался онъ мыслью къ оставленной имъ Россіи. Посылая поздравленіе Н. В. Путятѣ къ 1 января 1844 года, Боратынскій сравнивалъ Россію съ Европой и говорилъ: „Поздравляю васъ, любезные друзья, съ новымъ годомъ, обнимаю васъ, вашихъ и нашихъ ребятишекъ; желаю вамъ его лучше Парижскаго, который ни что иное, какъ привидѣніе прошлаго, въ морщинахъ и праздничномъ платьѣ *). Поздравляю васъ съ будущимъ, ибо у насъ его больше, чѣмъ гдѣ-либо; поздравляю васъ съ нашими степями, ибо это просторъ, который ничѣмъ не замѣнитъ здѣшняя наука; поздравляю васъ съ нашей зимой, ибо она бодрѣе и блистательнѣе и краснорѣчіемъ мороза зоветъ насъ къ движенію лучше здѣшнихъ ораторовъ; поздравляю васъ съ тѣмъ, что мы въ самомъ дѣлѣ моложе 12-ю днями другихъ народовъ и посему переживемъ ихъ, можетъ быть, 12-ю столѣтьями". А изъ Марселя Боратынскій писалъ своей матери: „Я вернусь въ мою родину исцѣленнымъ отъ многихъ предубѣжденій и съ полной снисходительностью къ нѣкоторымъ нашимъ истиннымъ недостаткамъ, которые мы часто съ удовольствіемъ преувеличиваемъ".

Съ наступленіемъ весны Боратынскій собрался ѣхать изъ Парижа въ Неаполь, Римъ и Флоренцію и въ апрѣлѣ 1844 года двинулся на Марсель, несмотря на предостереженія парижскихъ врачей, которые опасались неблагопріятнаго вліянія итальянской жары на здоровье поэта, страдавшаго лихорадками и головными болями. Послѣ пятидневнаго путешествія по „веселой и живописной странѣ", поэтъ пріѣхалъ въ Марсель и сѣлъ на пароходъ, который шелъ въ Неаполь (о Неаполѣ поэтъ мечталъ съ дѣтства). „Наше трехдневное мореплаваніе—пишетъ поэтъ—останется мнѣ однимъ изъ моихъ пріятнѣйшихъ воспоминаній. Морская болѣзнь меня миновала. Въ досугѣ здоровья я не сходилъ съ палубы, глядѣлъ днемъ и ночью на волны. Не было бури, но какъ это называли наши французскіе матросы, très gros temps, слѣдственно, живопись безъ опасности... На кораблѣ,

---

*) Слѣдуетъ помнить, что это письмо написано спустя лишь мѣсяцъ послѣ прибытія въ Парижъ, о которомъ всякій день мнѣніе поэта мѣнялось.

ночью, я написалъ нѣсколько стиховъ..." Въ этихъ стихахъ поэтъ говорилъ:

Много земель я оставилъ за мною;
Вынесъ я много смятенной душою
Радостей ложныхъ, истинныхъ золъ;
Много мятежныхъ рѣшилъ я вопросовъ
Прежде, чѣмъ руки Марсельскихъ матросовъ
Подняли якорь, надежды символъ!
. . . .
Нужды нѣтъ, близко-ль, далеко-ль до брега!
Въ сердцѣ къ нему приготовлена нѣга.
Вижу Ѳетиду: мнѣ жребій благой
Емлетъ она изъ лазоревой урны:
Завтра увижу я башни Ливурны,
Завтра увижу Элизій земной.

Съ надеждою на душевное обновленіе подъѣзжалъ Боратынскій къ Неаполю, и Ѳетида вынимала ему какъ будто „благой жребій". Радостно привѣтствовалъ поэтъ земной Элизій и черезъ двѣ недѣли по пріѣздѣ писалъ Н. В. Путятѣ: „Пятнадцать дней, какъ мы въ Неаполѣ, а кажется, живемъ такъ давно отъ полноты однообразныхъ и вѣчно новыхъ впечатлѣній. Въ три дня, какъ на крыльяхъ, перенеслись мы изъ сложной общественной жизни Европы въ роскошно-вегетативную жизнь Италіи, Италіи, которую за всѣ ея заслуги должно бы на картѣ изображать особой частью свѣта, ибо она въ самомъ дѣлѣ ни Африка, ни Азія, ни Европа.... Вотъ Неаполь! Я встаю рано. Спѣшу открыть окно и упиваюсь живительнымъ воздухомъ. Мы поселились въ Villa Reale, надъ заливомъ, между двухъ садовъ. Вы знаете, что Италія не богата деревьями; но гдѣ они есть, тамъ они чудно прекрасны. Какъ наши сѣверные лѣса въ своей романтической красотѣ, въ своихъ задумчивыхъ зыбяхъ выражаютъ всѣ оттѣнки меланхоліи, такъ ярко-зеленый, рѣзко отдѣляющійся листъ здѣшнихъ деревьевъ живописуетъ всѣ степени счастья. Вотъ проснулся городъ: на ослѣ, въ свѣжей зелени итальянскаго сѣна, испещреннаго малиновыми цвѣтами, шажкомъ ѣдетъ Неаполитанецъ полуголый, но въ красной шапкѣ: это не всадникъ, а блаженный. Лицо его весело и гордо. Онъ вѣруетъ въ свое солнце, которое никогда не оставитъ его безъ призрѣнія. Каждый день два раза, утромъ и вечеромъ, мы ходимъ на чудный заливъ, глядимъ и не наглядимся. На бульварѣ Chiaji, кото-

раго подражаніе мы видимъ въ нашемъ Московскомъ, нѣсколько статуй, которыя освѣщаетъ для насъ то итальянская луна, то итальянское солнце. Понимаю художниковъ, которымъ нужна Италія. Это освѣщеніе, которое безъ рѣзкости лампы выдаетъ всѣ оттѣнки, весь рисунокъ человѣческаго образа, во всей точности и мягкости, мечтаемой Артистомъ, находится только здѣсь, подъ этимъ дивнымъ небомъ. Здѣсь, только здѣсь, можетъ образоваться и рисовальщикъ и живописецъ. Мы осмотрѣли нѣкоторыя изъ здѣшнихъ окрестностей. Видѣли, что можно видѣть въ Геркуланумѣ; были въ Пуццоли, видѣли храмъ Серапійскій; но что здѣсь упоительно, это то внутреннее существованіе, которое даруетъ небо и воздухъ. Если небо, подъ которымъ Филемонъ и Бавкида превратились въ деревья, не уступаетъ здѣшнему, Юпитеръ былъ щедро-благъ, а они присно-блаженны".

Въ первый разъ Боратынскій чувствовалъ истинную радость бытія и каждый день, по его словамъ, наслаждался „однимъ и тѣмъ же и всегда съ новымъ упоеніемъ".

Иначе начинаетъ звучать теперь и лира Боратынскаго, и бодростью проникнуто его послѣднее посланіе къ своему „Дядькѣ-Итальянцу", который нѣкогда училъ его любить и понимать Италію.

Одинаково сильное впечатлѣніе производили на поэта и произведенія искусства, и природа, и даже простые приходскіе праздники съ фейерверками. Онъ писалъ Н. В. Путятѣ: „веселый нравъ неаполитанцевъ, ихъ необыкновенная живость, безпрестанныя катанья, процессіи, приходскіе праздники съ фейерверками, — все это такъ ярморочно, такъ безусловно весело, что нельзя не увлечься, не отдаться дѣтски преглупому и пресчастливому разсѣянію. Мнѣ эта жизнь отмѣнно по сердцу: гуляемъ, купаемся, потѣемъ и ни о чемъ не думаемъ, по крайней мѣрѣ, не останавливаемся долго на одной мысли: это не въ здѣшнемъ климатѣ".

„Мы ведемъ въ Неаполѣ самую сладкую жизнь. Мы уже видѣли всѣ здѣшнія чудесныя окрестности: Пуццоли, Баію, Кастеламаре, Соренту, Амальфи, Салерну, Пестумъ, Геркуланумъ, Помпейю. Теперь недѣля наша проходитъ для дѣтей въ урокахъ, а каждое воскресенье мы дѣлаемъ une partie de plaisir, осматриваемъ здѣшнія церкви, дворцы и замки — или просто ѣдемъ за городъ въ какую-нибудь деревню".

Письмо это было послѣднимъ въ жизни Боратынскаго. Недолго пришлось ему вести „сладкую жизнь" и отдаваться „дѣтски преглу-

пому и пресчастливому разсѣянью". Якорь, поднятый руками Марсельскихъ матросовъ, сталъ для русской поэзіи символомъ не оправдавшейся надежды новой творческой жизни Боратынскаго.

28 іюня (стараго стиля) съ Настасьей Львовной сдѣлался сильный нервный припадокъ. Болѣзнь жены такъ взволновала Евгенія Абрамовича, что онъ также слегъ въ постель. Къ утру 29-го іюня Боратынскій почувствовалъ себя гораздо хуже: усилились головная боль и стѣсненія въ груди, и приглашенный докторъ не засталъ его въ живыхъ: „сонъ нѣги сладостный" слился „съ послѣднимъ, вѣчнымъ сномъ" поэта.

Тѣло поэта было заключено въ кипарисовый гробъ и перевезено моремъ въ Петербургъ. 30 августа 1845 года состоялись похороны Боратынскаго въ Александро-Невской лаврѣ.

Могила его находится недалеко отъ могилъ Крылова и Гнѣдича, и на памятникѣ подъ барельефомъ поэта, высѣчены два стиха изъ неоконченной имъ поэмы „Вѣра и невѣріе":

Въ смиреньи сердца надо вѣрить
И терпѣливо ждать конца.

М. Л. Гофманъ.

[illegible]

1817. Дельвигу от Андр. его маленьким племянникам [illegible]

Родимой пристани и Женой Панчулидзевой
Мы славь приносим ей
В ней къ щастию путь надеждой
Все дичь и сладость в ней.

Хоть чувства наши сокрыты
С приятностью говорить
Но сердца могут чувства
Дары тщетны заменять.

Из благ богатых мира
Царевна лишь одним
Стыдит людей в отличия мира
Мы празднуем ей потешим.

Весны в воспитаньи
Среди рощ и полей
Так птички возвращаясь
Поют цветущих дней

Увы! жизнь и радость
Любить печальный вид
Ласкать зимний непогоду
Небесный кров лучами

Не видя их несчастье
Счастливо печального взгляда.

что истинно служатъ
Ни чуть какъ въ насъ самихъ.

Смотрите какъ сіяетъ
Во всѣхъ усердія духъ
Какъ [illegible], блистаетъ
Веселіе вокругъ.

Средь грозныхъ бурь судьбы смятеній
Хоть грозны волны шумятъ
Души вашихъ наслажденій
Ничто не возмутитъ.

Хоть время невозвратно
Всѣхъ благъ лишитъ насъ
Увы! хоть слишкомъ вѣрно
Судьбы сей свершится часъ.

О пусть всегда межъ нами
[illegible]знь ваша лишь течетъ.
И дружбы подъ цвѣтами
Сидя - сокроетъ и А[illegible].

1817.

Соч. Евгеній Боратынскій

1817 г.

23 Генв. 1817.

1. Хоръ, пѣтый въ день именинъ дяденьки Б[огдана] Андр[еевича Боратынскаго] его маленькими племянницами Панчулидзевыми.

Родству пріязни нѣжной
Мы гласъ приносимъ сей,
Въ ней къ счастью путь надежной,
Вся жизнь и сладость въ ней.

Хоть чужды намъ искусства
Съ пріятствомъ говорить,
Но сердца могутъ чувства
Даръ тщетный замѣнить.

Изъ благъ богатыхъ свѣта,
Усердьемъ лишь однимъ,
Чѣмъ можемъ въ дѣтски лѣта,
Мы праздникъ сей почтимъ.

Весны въ возобновленье!
Средь рощей, средь полей
Такъ птички возвращенье
Поютъ цвѣтущихъ дней.

Увы! теперь природы
Унылъ, печаленъ видъ;

Хладъ зимней непогоды
Небесный кровъ мрачитъ.

И въ ведро и въ ненастье
Гнетутъ печали злыхъ, —
Но истинное счастье
Нигдѣ, какъ въ насъ самихъ.

Смотрите, какъ сіяетъ
Во всѣхъ усердья духъ,
Какъ дышитъ все, блистаетъ
Веселостью вокругъ.

Средь грозныхъ бурь смятеній,
Хоть громъ вдали шумитъ,
Душевныхъ наслажденій
Ничто не возмутитъ.

Хоть время невозвратно
Всѣхъ благъ лишаетъ насъ,
Увы! хоть слишкомъ внятно
Судебъ сей слышенъ гласъ, —

О, пусть всегда межъ нами
Жизнь ваша лишь течетъ,
И дружба подъ цвѣтами
Слѣды сокроетъ лѣтъ.

1818 г.

2. Мадригалъ пожилой женщинѣ и все еще прекрасной.

И въ осень лѣтъ красы младой
Она всю прелесть сохраняетъ;
Старикъ крылатый не дерзаетъ
Коснуться хладной къ ней рукой;
Самъ, побѣжденный Красотой,
Глядитъ — и путь не продолжаетъ.

1819 г.

3. Портретъ В...

Какъ описать тебя? — я, право, самъ не знаю!
Вчера задумчива, я помню, ты была;
Сегодня вѣтрена, забавна, весела;
Во всемъ, что лишь въ тебѣ встрѣчаю,
Непостоянство примѣчаю;
Но постоянно ты мила!

4. Къ Алинѣ.

Тебя я нѣкогда любилъ,
И ты любить не запрещала;
Но я дитя въ то время былъ, —
Ты въ утро дней едва вступала.

1819 г.

Тогда любимъ я былъ тобой,
И въ дни невинности безпечной
Алинѣ съ дѣтской простотой
Я клятву далъ ужъ въ страсти вѣчной.

Тебя-ль, Алина, вижу вновь?
Твой голосъ сталъ еще пріятнѣй;
Сильнѣе взоръ волнуетъ кровь;
Улыбка, ласки сердцу внятнѣй;
Блестящихъ на груди лилей
Всѣ прелести соединились,
И чувства прежнія живѣй
Въ душѣ моей возобновились.

Алина! чрезъ двѣнадцать лѣтъ
Все тотъ же сердцемъ, нынѣ снова
Я повторяю свой обѣтъ.
Ужель не скажешь ты полслова?
Прелестный другъ! чему ни быть,
Обѣтъ сей будетъ свято чтимымъ.
Ахъ! я могу еще любить,
Хотя не льщусь ужъ быть любимымъ.

5. Любовь и Дружба.

(въ альбомъ.)

Любовь и Дружбу различаютъ,
Но какъ же различить хотятъ?
Ихъ пріобрѣсть равно желаютъ,
Лишь намъ скрывать одну велятъ.
Пустая мысль! обманъ напрасной!
Бываетъ дружба нѣжной, страстной,
Стѣсняетъ сердце, движетъ кровь,
И хоть таитъ свой огнь опасной,
Но съ дѣвушкой она прекрасной
Всегда похожа на любовь.

1819 г.

6. Эпиграмма.

Дамонъ! ты началъ — продолжай,
Кропай экспромпты на досугѣ;
Возьмись за геній свой: пиши, черти, марай;
У пола нѣжнаго въ безсмѣнной будь услугѣ;
Наполни вздохами растерзанную грудь;
Ни вкусу не давай, ни разуму потачки —
И въ награжденіе любимцемъ куклы будь
Или соперникомъ собачки.

7. Къ Дельвигу.

Такъ, любезный мой Горацій,
Такъ, хоть радъ, хотя не радъ,
Но теперь я Музъ и Грацій
Промѣнялъ на вахтпарадъ!
Сыну рѣзвому Венеры,
Рощамъ Пафоса, Цитеры,
Пріунывъ, прости сказалъ;
Вѣчный лавръ и миртъ веселый
Киверъ воина тяжелый
На главѣ моей измялъ.
Строю нѣтъ въ забытой лирѣ;
Скука томно дни прядетъ,
И теперь меня въ мундирѣ
Геній мой не узнаетъ!

Мнѣ-ли думать о куплетахъ?
Феба лучъ едва блеснетъ, —
Марсъ затянутый, въ штиблетахъ
Въ строй къ оружію зоветъ.
Пробужденный грознымъ боемъ
(О, судьбы переворотъ!) —
Твой поэтъ летитъ Героемъ
Вмѣсто Пинда — на разводъ!

Трудно, вѣрь, съ душой унылой
Счастье, радость воспѣвать;
Въ караулѣ трудно, милой,
Объ Аркадіи мечтать!

Ты, ведущій дни въ забавахъ,
На лугахъ, у свѣтлыхъ водъ,
Ты, съ кѣмъ рѣзвятся въ дубравахъ
Музы, Нимфы и Эротъ, —
Пой, безсмертныхъ сынъ любимой!
Гласъ внимать я буду твой,
Какъ языкъ страны родимой
Слушаютъ въ странѣ чужой!

8. Къ Креницыну.

Товарищъ радостей младыхъ,
Которыя для насъ безвременно увяли,
Я свидѣлся съ тобой! Въ объятіяхъ твоихъ
Мнѣ дни минувшіе, какъ смутный сонъ, предстали!
О милый! я съ тобой когда-то счастливъ былъ!
Гдѣ время прежнее, гдѣ прежнія мечтанья?
И живость дѣтскихъ чувствъ и сладость упованья? —
Все хладный опытъ истребилъ.
Узналъ-ли друга ты? — Болѣзни и печали
Его состарили во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ;
Ужъ много слабостей тебѣ знакомыхъ нѣтъ,
Ужъ многія мечты ему чужими стали!
Разсудокъ тверже и вѣрнѣй,
Поступки, разговоръ скромнѣе:
Онъ осторожнѣй сталъ, быть можетъ, сталъ умнѣе,
Но вѣрно счастіемъ стократъ теперь бѣднѣй.
Не подражай ему! иди своей тропою!
Живи для радости, для дружбы, для любви!
Цвѣтокъ нашелъ — скорѣй сорви!
Цвѣты прелестны лишь весною!
Когда разсѣянно, съ уныніемъ внимать
Я буду снамъ твоимъ о будущемъ, о счастьѣ;

1819 г. Когда въ мечтахъ твоихъ не буду принимать,
Какъ прежде, пылкое, сердечное участье, —
Не сѣтуй на меня, о другѣ пожалѣй:
Все можно возвратить, — мечтанья не возвратны!
Такъ! были нѣкогда и мнѣ они пріятны,
Но быстро скрылись отъ очей!
Я легковѣренъ былъ: надежда, наслажденья
Меня съ улыбкою манили въ темну даль;
Я встрѣтить радость мнилъ — нашелъ одну печаль,
И сердцу милое исчезло заблужденье.
Но для чего грустить! — Мой другъ еще со мной!
Я не всего лишенъ судьбой ожесточенной!
О дружба нѣжная! останься неизмѣнной!
Пусть будетъ прочее мечтой!

9. Прощанье.

Простите, милые досуги
Разгульной юности моей,
Любви и радости подруги,
Простите! вяну въ утро дней!
Не мнѣ стезею потаенной,
Въ ночь молчаливую, тишкомъ,
Младую дѣву подъ плащомъ
Вести въ альковъ уединенной, —
Бѣжитъ измѣнница любовь!
Свѣтильникъ дней моихъ блѣднѣетъ,
Ея дыханье не согрѣетъ
Мою хладѣющую кровь.
Слѣды печалей, изнуренья
Примѣтитъ въ страждущемъ она.
Не смѣйтесь, дѣвы наслажденья:
И ваша скроется весна,
И вамъ плѣнять не долго взоры
Младою пышной красотой;
За что-жъ въ болѣзни роковой
Я слышу горькіе укоры?

1819 г. Я прежде бодръ и веселъ былъ, —
Зачѣмъ печальнаго бѣжите?
Подруги милыя! вздохните:
Онъ сколько могъ любви служилъ.

10. Прощаніе.

(т — му въ альбомъ).

Пускай измаранный листокъ
Тебѣ напомнитъ о поэтѣ!
Кто знаетъ, другъ, какую въ свѣтѣ
Ему тропу назначилъ рокъ?
Увы, съ растерзанной душою
Не разъ я милыхъ покидалъ
И руку друга пожималъ
Въ прощаньи трепетной рукою!
Ты помнишь милую страну,
Гдѣ жизнь и радость мы узнали,
Гдѣ зрѣли первую весну,
Гдѣ первой страстію пылали?...
Ручей покинулъ я родной,
Побрелъ пустынною тропою;
Провесть, быть можетъ, и съ тобою
Мнѣ суждено лишь день-другой!
Быть можетъ, другъ, путеводимый
Своей блуждающей звѣздой,
Я кончу вѣкъ въ странѣ чужой
И не увижу кровъ родимый!
А ты, къ отеческимъ полямъ
Съ полей побѣды возвращенный,
Хваля покой уединенный,
Сожжешь мастики въ честь богамъ.
Но гдѣ-жъ пѣвецъ тобой любимой? —
Онъ совершилъ судьбы завѣтъ,
Судьбы враждебной съ юныхъ лѣтъ
И до конца непримиримой!

1819 г.

Когда-жъ стихи его найдешь —
Залогъ простой, но дружбѣ милой, —
Прочтешь съ улыбкою унылой
И тихо листъ перевернешь.

11. Б[оратынско]му (при отъѣздѣ его въ армію).

Итакъ, безпечнаго досуга
Отвергнувъ сладостный покой,
Ужъ ты въ мечтахъ покинулъ друга,
И новый путь передъ тобой!
Настанетъ скоро день желанной,
И воинъ мой, противнымъ страхъ,
Надвинувъ шлемъ, съ мечемъ въ рукахъ·
Летитъ на голосъ славы бранной.
Иди! — воинственный нарядъ
Приличенъ юности отважной.
Люблю я пушекъ гулъ протяжной,
Люблю красивый вахтпарадъ,
Люблю питомцевъ шумной славы.
Смотри, — сомкнулись въ бранный строй;
Идутъ! — блестящей полосой
Горятъ ихъ шлемы величавы, —
Идутъ. Вскипѣлъ кровавый бой!
Люблю ихъ видѣть въ битвѣ шумной,
Летящихъ въ пламень роковой
Толпой отважной и безумной.
И вотъ, подъ тѣнію шатровъ,
Дружина вѣтреныхъ героевъ
Поетъ за чашей славу боевъ
И стыдъ низложенныхъ враговъ.
Спѣши же къ нимъ, любовникъ брани,
Ступай, служи богинѣ бѣдъ!
И къ ней съ мольбою твой поэтъ
Подыметъ трепетныя длани.
Зовутъ! —лети въ опасный путь.

1819 г.

Да идетъ мимо Рокъ-губитель!
Люби, рубись и вѣчно будь
Въ любви и въ брани побѣдитель!

12. Элегія.

Ужели близокъ часъ свиданья!
Тебя-ль, мой другъ, увижу я!
Какъ грудь волнуется моя
Тоскою смутной ожиданья!
Родная хата, край родной,
Съ пеленъ знакомыя дубравы,
Куда невинныя забавы
Слетались къ намъ на голосъ твой —
Я ихъ увижу! другъ безцѣнной,
Что-жъ сердце вѣщее груститъ?
Что-жъ ясный день не веселитъ
Души для счастья пробужденной!
Съ тоской на радость я гляжу:
Не для меня ея сіянье!
И я напрасно championанье
Въ душѣ измученной бужу.
Печаль всѣ чувства утомила,
Мечтою мрачной боленъ духъ;
Быть можетъ, поздно, милый другъ,
Меня и радость посѣтила:
Я наслаждаюсь не вполнѣ
Ея плѣнительной улыбкой;
Все мнится, счастливъ я ошибкой,
И не къ лицу веселье мнѣ!

13. К—ву.

Любви веселой проповѣдникъ,
Всегда любезный говорунъ,
Глубокомысленный шалунъ,
Назона правнукъ и наслѣдникъ!

1819 г.

Дана на время юность намъ;
До рокового новоселья
Пожить не худо для веселья.
Товарищъ милый, по рукамъ!
Наука счастья намъ знакома,
Часы летятъ! — Скорѣй зови
Богиню милую любви!
Скорѣе вѣтренаго Мома!
Альковъ уютный приготовь!
Наполни чаши золотыя!
Измѣнятъ скоро дни младые,
Измѣнитъ скоро намъ любовь!
Летящій мигъ лови украдкой,—
И Гея, Вакхъ еще съ тобой!
Еще полна, другъ милый мой,
Предъ нами чаша жизни сладкой;
Но смерть, быть можетъ, сей же часъ
Ее съ насмѣшкой опрокинетъ, —
И мигомъ въ сердцѣ кровь остынетъ,
И домъ подземный скроетъ насъ!

14. Эпиграмма.

Хоть глуповатъ подчасъ Дамонъ,
Люблю я милаго собрата;
Не виноватъ предъ свѣтомъ онъ, —
Предъ нимъ природа виновата!

1820 г.

15. Къ Дѣвушкѣ, которая, на вопросъ, какъ ее зовутъ, отвѣчала: не знаю.

Незнаю! милое *незнаю,* —
О, съ кѣмъ могу сравнить тебя?
Незнаю я предпочитаю
Всѣмъ тѣмъ, которыхъ знаю я.

16. Къ Кюхельбекеру.

Прости, Поэтъ! судьбина вновь
Мнѣ посохъ странника вручила;
Но къ Музамъ чистая любовь
Ужъ насъ навѣкъ соединила!

Прости! Богъ вѣсть — когда опять,
Желанный другъ въ гостяхъ у друга,
Я счастье буду воспѣвать
И нѣгу празднаго досуга!

О милый мой! все въ даръ тебѣ —
И грусть, и сладость упованья!
Молись невидимой судьбѣ:
Она приблизитъ часъ свиданья.

И я, съ пустынныхъ финскихъ горъ,
Въ отчизнѣ браннаго Одена,
Къ ней возведу молящій взоръ,
Упавъ смиренно на колѣна.

Строга-ль, Богиня, будешь къ намъ,
Пошлешь-ли вѣсть соединенья? —
Пускай предъ ней сольются тамъ
Друзей согласныя моленья!

18 Января 1820.

1820 г.

17. Посланіе къ Б[арону] Дельвигу.

Гдѣ ты, безпечный другъ? гдѣ ты, о Дельвигъ мой,
Товарищъ радостей минувшихъ,
Товарищъ ясныхъ дней, недавно надо мной
Мечтой веселою мелькнувшихъ?

Ужель душѣ твоей такъ скоро чуждымъ сталъ
Другъ отлученный, другъ далекой,
На финскихъ берегахъ, между пустынныхъ скалъ,
Бродящій съ грустью одинокой?

Гдѣ ты, о Дельвигъ мой! ужель минувшихъ дней
Лишь мнѣ чувствительна утрата,
Ужель не ищешь ты въ кругу своихъ друзей
Судьбой отторженнаго брата?

Ты помнишь-ли тѣ дни, когда рука съ рукой,
Пылая жаждой сладострастья,
Мы жизни ввѣрились и общею тропой
Помчались за мечтою счастья?

„Что въ славѣ? что въ молвѣ? на время жизнь дана!"
За полной чашей мы твердили
И весело въ струяхъ блестящаго вина
Забвенье сладостное пили.

И вотъ спустилась ночь, и все въ глубокомъ снѣ!
Лишь дышитъ влажная прохлада,
Лишь слабо теплится въ туманной вышинѣ
Діаны блѣдная лампада.

Съ улыбкой будитъ насъ малютка Купидонъ. —
Пусть дремлетъ труженикъ усталой!
„Проснитесь, юноши! Для васъ ли", шепчетъ онъ,
„Покой безчувственный и вялой?"

„Смотрите: видите-ль, покинувъ ложе сна,
„Передъ окномъ полу-одѣта,
„Съ тоскою страстною не васъ-ли ждетъ она,
„Не васъ-ли ждетъ моя Лилета?"

1820 г. Она! — о нѣга чувствъ! о сладкія мечты!
Счастливъ, кто легкою рукою
Весной умѣлъ срывать весенніе цвѣты
И въ мирѣ жилъ съ самимъ собою;

Кто пренебрегъ судомъ завистливыхъ и злыхъ
И, равнодушіемъ богатый,
За царство не отдастъ покоя сладкій мигъ
Иль наслажденья мигъ крылатый!

Давно румяный Фебъ прогналъ ночную тѣнь,
Давно проснулися заботы, —
А баловней Харитъ еще покоитъ лѣнь
На ложѣ нѣги и дремоты.

И Лила спитъ еще! Любовію горятъ
Младыя, свѣжія ланиты,
И, мнится, поцѣлуй сквозь тонкій сонъ манятъ
Ея уста полуоткрыты.

И гдѣ же домъ утѣхъ? гдѣ чашъ веселый стукъ?
Забытъ друзьями другъ заочной,
Исчезли радости, какъ въ вихрѣ слабый звукъ,
Какъ блескъ зарницы полуночной!

И я, пѣвецъ утѣхъ, теперь утрату ихъ
Пою въ тоскѣ уединенной,
И воды чуждыя шумятъ у ногъ моихъ,
И брегъ невидимъ отдаленной.

18. Элегія.

На краткій мигъ плѣняетъ въ жизни радость,
Невидимо мелькаютъ счастья дни;
Едва блеснутъ — и скроются они.
На краткій мигъ узналъ любви я сладость:
О милый другъ, тебя ужъ нѣтъ со мной!
Ужъ онъ исчезъ — блаженства сонъ мгновенной,
И я одинъ, и на груди стѣсненной
Лежитъ тоска разлуки годовой.

1820 г.

Гдѣ вы, гдѣ вы, любви очарованья?
Не вѣчность-ли межъ нами протекла?
Ужель на часъ мнѣ счастьемъ жизнь была?
Ужель одни остались мнѣ желанья?
Я все имѣлъ, лишился вдругъ всего;
Лишь началъ сонъ, — исчезло сновидѣнье.
Одно теперь унылое смущенье
Осталось мнѣ отъ счастья моего!

19. Элегія.

(подражаніе Лафару).

Дремала роща надъ потокомъ;
Легла на холмы тишина;
Дремало все, — но тщетно сна
Я ждалъ на ложѣ одинокомъ.
Сыны души моей больной,
Сыны полуночнаго бдѣнья —
Кругомъ неясною толпой
Мелькали смутныя видѣнья.
Все обмануло, думалъ я,
Чѣмъ сердце пламенное жило,
Что восхищало, что томило,
И вянетъ молодость моя!
Невольникъ истины угрюмой,
Отнынѣ съ праздною душой,
Живыхъ восторговъ легкій рой
Мнѣ замѣнится хладной думой
И сердца мертвой тишиной!
Тогда съ улыбкою коварной
Предсталъ внезапно Купидонъ.
О чемъ вздыхаешь, молвилъ онъ,
О чемъ грустишь, неблагодарной?
Забудь печальныя мечты,
Я вѣчно юнъ — и я съ тобою!
Еще младенецъ сердцемъ ты;
Не вѣришь мнѣ? — Взгляни на Хлою!

Фридрихсгамъ 15 Марта 1820.

1820 г.

20. Финляндія.

Громады вѣчныхъ скалъ, гранитныя пустыни!
Вы дали страннику убѣжище и кровъ;
Ему нужнѣй покой обманчивыхъ даровъ
Слѣпой, взыскательной и вѣтреной Богини.
Забытый отъ людей, забытый отъ молвы,
Доволенъ будетъ онъ угломъ уединеннымъ;
Онъ счастье въ немъ найдетъ, онъ будетъ, какъ и вы,
Въ премѣнахъ рока неизмѣннымъ.

Какъ все вокругъ меня плѣняетъ грозно взоръ!
Пустынный неба сводъ, угрюмый видъ Природы,
О каменистый брегъ дробящіяся воды
И дремлющій надъ ними боръ!
Скалы далекія подернулись туманомъ,
Въ зерцалѣ зыбкихъ водъ глядится черный лѣсъ;
Все тихо! все молчитъ! и блѣдный сводъ небесъ
Слился съ безбрежнымъ океаномъ.
Здѣсь все бесѣдуетъ съ уныніемъ моимъ:
И сосенъ шумъ глухой, и волнъ неясный лепетъ
Какъ будто бы знакомъ, какъ будто внятенъ имъ
Младого сердца томный трепетъ.
Здѣсь, окруженный тишиной
Природы, дремлющей подъ кровомъ ночи звѣздной,
Люблю сидѣть одинъ надъ сумрачною бездной,
Молчать и въ даль летѣть душой.
Здѣсь въ думу важную невольно погруженной,
Люблю воспоминать о сильныхъ прежнихъ дней,
О бурной жизни ихъ средь копій, средь мечей,
Безумствамъ громкимъ посвященной.

Ничто не прочно на земли:
Ложатся грады въ прахъ, и рушатся державы.
Не здѣсь-ли нѣкогда съ побѣдой протекли
Сыны Оденовы, любимцы бранной славы?
Слѣды минувшаго исчезли въ сихъ мѣстахъ,
Отзывы праздные не вторятъ пѣснѣ Скальда,

1820 г.

Молва умолкнула о спутникахъ Роальда,
О древнихъ сильныхъ племенахъ;
Развѣялъ бурный вѣтръ торжественные клики,
Забыли правнуки о подвигахъ отцовъ,
Померкла слава ихъ, — и въ прахѣ ихъ боговъ
Лежатъ низверженные лики.

И все вокругъ меня въ глубокой тишинѣ:
Не слышенъ стукъ мечей, давно умолкли бои.
Куда вы скрылися, полночные герои!
Мой взоръ теряется въ бездонной вышинѣ:
Не вы-ли, блѣдныя вперивъ на звѣзды очи,
Плывете въ облакахъ туманною толпой?
Не вы-ль?... отвѣтствуйте! вамъ слышенъ голосъ мой,
Одушевите сумракъ ночи.
Сыны могучіе сихъ грозныхъ, вѣчныхъ скалъ,
Какъ отдѣлились вы отъ каменной отчизны?
Зачѣмъ печальны вы? и я-ли прочиталъ
На лицахъ сумрачныхъ улыбку укоризны?
И вы сокрылися въ обители тѣней!
И ваши имена не пощадило время!
Что-жъ наши подвиги? что слава нашихъ дней?
Что наше вѣтреное племя?
О, все своей чредой исчезнетъ въ безднѣ лѣтъ;
Для всѣхъ одинъ законъ — законъ уничтоженья,
Во всемъ мнѣ слышится таинственный привѣтъ
Обѣтованнаго забвенья!

Но я, въ безвѣстности для жизни жизнь любя,
Могу-ль себя томить гадательной тоскою?
Пусть все разрушится, пусть все умретъ со мною:
Не вѣчный для временъ, я вѣченъ для себя.
Златые призраки, златыя сновидѣнья,
Желанья пылкія, слетитеся толпой!
Пусть жадно буду пить обманутой душой
Изъ чаши юности волшебство заблужденья.
Что нужды до былыхъ иль будущихъ племенъ?
Я не для нихъ бренчу незвонкими струнами:

1820 г. Я, невнимаемый, довольно награжденъ
За звуки звуками, а за мечты мечтами.

21. Финскимъ Красавицамъ.

(мадригалъ).

Такъ, вашъ языкъ еще мнѣ новъ,
Но взоры милыхъ сердцу внятны,
И звуки незнакомыхъ словъ
Давно душѣ моей понятны.
Я не умѣлъ еще любить —
Опасны сердцу ваши взгляды!
И сынъ Фрегеи, можетъ быть,
Сильнѣе будетъ сына Лады!

22. Весна.

(элегія).

Мечты волшебныя, вы скрылись отъ очей!
Сбылися времени угрозы!
Хладѣетъ въ сердцѣ жизнь, и юности моей
Поблёкли утреннія розы!

Благоуханный Май воскреснулъ на лугахъ,
И пробудилась Филомела,
И Флора милая, на радужныхъ крылахъ,
Къ намъ обновленная слетѣла.

Вотще! не для меня долины и лѣса
Одушевились красотою,
И свѣтлой радостью сіяютъ небеса!
Я вяну, — вянетъ все со мною!

О, гдѣ вы, призраки невóзвратимыхъ лѣтъ,
Богатство жизни — вѣра въ счастье?
Гдѣ ты, младого дня плѣнительный разсвѣтъ?
Гдѣ ты, живое сладострастье?

1820 г. Въ дыханіи весны все жизнь младую пьетъ
И нѣгу тайнаго желанья!
Все дышитъ радостью и, мнится, съ кѣмъ-то ждетъ
Обѣтованнаго свиданья!

Лишь я какъ будто чуждъ Природѣ и Веснѣ?
Часы крылатые мелькаютъ;
Но радости принесть они не могутъ мнѣ
И, мнится, мимо пролетаютъ.

23. Къ Коншину.

Повѣрь, мой милый другъ, страданье нужно намъ!
Не испытавъ его, нельзя понять и счастья:
Живой источникъ сладострастья
Дарованъ въ немъ его сынамъ.
Однѣ-ли радости отрадны и прелестны?
Одно-ль веселье веселитъ?
Бездѣйственность души счастливцевъ тяготитъ:
Имъ силы жизни неизвѣстны.
Не намъ завидовать лѣнивымъ чувствамъ ихъ!
Что въ дружбѣ вѣтреной, въ любви однообразной
И въ ощущеніяхъ слѣпыхъ
Души разсѣянной и праздной?
Счастливцы мнимые! способны-ль вы понять
Участья нѣжнаго сердечную услугу?
Способны-ль чувствовать, какъ сладко повѣрять
Печаль души своей заботливому другу!
Способны-ль чувствовать, какъ дорогъ вѣрный другъ?
Но кто постигнутъ рокомъ гнѣвнымъ,
Чью душу тяготитъ мучительный недугъ, —
Тотъ дорожитъ врачемъ душевнымъ.
Вы ищете въ любви занятіе одно,
Восторгъ проходчивый, минутное забвенье; —
Намъ благо лучшее богами въ ней дано
И нуждъ живѣйшихъ утоленье.
Намъ будетъ сладко, милый мой,

Повѣрить нѣжности чувствительной подруги,
Всѣ нужды, всю тоску, всѣ раны, всѣ недуги,
Все размышленіе души твоей больной!
Забывъ и вѣкъ, и рокъ суровой,
Желанья смутныя въ одно желанье слить,
И съ жаждою любви въ ея дыханьи пить
Цѣлебный воздухъ жизни новой!
Хвала всевидящимъ богамъ!
Пусть мнимымъ счастіемъ для свѣта мы убоги,
Счастливцы насъ бѣднѣй, — и праведные боги
Имъ дали чувственность, а чувство дали намъ.

Фридрихсгамъ

1821 г.

24. Уныніе.

Разсѣеваетъ грусть веселый шумъ пировъ.
Вчера, за чашей круговою,
Въ семействѣ дружескомъ любезныхъ шалунов
Я уповалъ ожить душою.

Туманъ полуночный на холмы возлегалъ;
Шатры надъ озеромъ дремали;
Лишь мы не знали сна — и дружескій фіалъ
Съ весельемъ буйнымъ осушали.

Но что же? внѣ себя я тщетно жить хотѣлъ.
Вино и Вакха мы хвалили,
Но я безрадостно съ друзьями радость пѣлъ:
Восторги ихъ мнѣ чужды были.

1821 г. Того не пріобрѣсть, что сердцемъ не дано;
Не вспыхнетъ жизнь въ крови остылой;
Одну печаль свою, уныніе одно
Способенъ чувствовать унылой!

25. Родина.

(СЕЛЬСКАЯ ЭЛЕГІЯ).

Я возвращуся къ вамъ, поля моихъ отцовъ,
Дубравы мирныя, священный сердцу кровъ;
Я возвращуся къ вамъ, домашнія иконы!
Пускай другіе чтутъ приличія законы;
Пускай другіе чтутъ ревнивый судъ невѣждъ.
Свободный наконецъ отъ вѣтреныхъ надеждъ,
Отъ безпокойныхъ сновъ, отъ суетныхъ желаній,
Испивъ безвременно всю чашу испытаній,
Не призракъ счастія, но счастье нужно мнѣ.
Усталый труженикъ, спѣшу къ родной странѣ
Заснуть желаннымъ сномъ подъ кровлею родимой.
О домъ отеческій! о край всегда любимой!
Родныя небеса! Незвучный голосъ мой
Въ стихахъ задумчивыхъ васъ пѣлъ въ странѣ чужой.
Вы мнѣ повѣете спокойствіемъ и счастьемъ.
Какъ въ пристани пловецъ, испытанный ненастьемъ,
Съ улыбкой слушаетъ, надъ бездною возсѣвъ,
И бури грозный свистъ, и волнъ мятежный ревъ:
Такъ, небо не моля о почестяхъ и златѣ,
Спокойный домосѣдъ въ отечественной хатѣ,
Укрывшись отъ толпы взыскательныхъ судей,
Въ кругу друзей моихъ, въ кругу семьи моей,
Я буду издали глядѣть на бури свѣта.
Нѣтъ, нѣтъ, не премѣню священнаго обѣта!
Пускай летитъ къ шатрамъ безтрепетный герой;
Пускай кровавыхъ битвъ любовникъ молодой
Съ волненьемъ учится, губя часы златые,
Наукѣ созидать твердыни боевыя:

1821 г. Я съ дѣтства полюбилъ сладчайшіе труды.
Прилежный, мирный плугъ, взрывающій бразды,
Почтеннѣе меча: полезный въ скромной долѣ,
Хочу воздѣлывать отеческое поле.
Оратай, ветхихъ дней достигшій надъ сохой,
Въ заботахъ сладостныхъ наставникъ будетъ мой.
Мнѣ дряхлаго отца сыны трудолюбивы
Помогутъ утучнять наслѣдственныя нивы.
А ты, мой старый другъ, мой вѣрный доброхотъ,
Прилежный Яковъ мой! ты, первый огородъ
На отческихъ поляхъ разведшій въ дни былые,
Ты поведешь меня въ сады свои густые,
Деревьевъ и цвѣтовъ разскажешь имена.
Я самъ, когда съ небесъ роскошная весна
Повѣетъ нѣгою воскреснувшей Природѣ,
Съ тяжелымъ заступомъ явлюся въ огородѣ;
Приду съ тобой садить коренья и цвѣты.
О подвигъ благостный! не тщетенъ будешь ты:
Богиня пажитей признательнѣй Фортуны!
Для нихъ безвѣстный вѣкъ, для нихъ свирѣль и струны;
Онѣ доступны всѣмъ и мнѣ за тяжкій трудъ
Плодами сочными обильно воздадутъ.
Отъ грядъ и заступа спѣшу къ полямъ и плугу;
А тамъ, гдѣ ручеекъ по бархатному лугу
Катитъ задумчиво пустынныя струи,
Въ весенній ясный день я самъ, друзья мои,
У брега насажу лѣсокъ уединенный,
И липу свѣжую, и тополь осребренный;
Въ тѣни ихъ отдохнетъ мой правнукъ молодой:
Тамъ дружба нѣкогда сокроетъ пепелъ мой
И вмѣсто мрамора положитъ надъ гробницей
Мой заступъ и топоръ межъ лирой и цѣвницей.

26. Больной.

Други! радость измѣнила,
Предо мною мраченъ путь,

1821 г.

И болѣзнь мнѣ положила
Руку хладную на грудь.
Други! станьте вкругъ постели.
Гдѣ утѣхъ златые дни?
Быстро, быстро пролетѣли
Тѣнью легкою они.
Все прошло; вашъ другъ печальный
Вянетъ въ жизни молодой;
Съ новымъ утромъ погребальный,
Можетъ быть, раздастся вой, —
И раздвинется могила,
И заснетъ, недвижный, онъ,
И твое лобзанье, Лила,
Не прерветъ холодный сонъ.
Что нужды! до новоселья
Поживемъ и пошалимъ,
Въ память прежняго веселья
Шумный кубокъ осушимъ.
Намъ судьба велитъ разлуку...
Какъ же быть, друзья? — вздохнуть,
На распутьи сжать мнѣ руку
И сказать: счастливый путь!

27. Русская пѣсня.

Страшно воетъ, завываетъ
Вѣтръ осеннiй;
Тучи черныя по небу
Въ даль несутся.

На часахъ стоитъ печально
Юный ратникъ;
Онъ несется вслѣдъ за ними
Грустной думой.

О, куда васъ, черны тучи,
Вѣтеръ гонитъ?
О, куда влечетъ судьбина
Горемыку?

1821 г.

Тошно жить мнѣ: мать родную
Я покинулъ!
Тошно жить мнѣ: съ милой сердцу
Я разстался!

Не грусти! душа-дѣвица
Мнѣ сказала:
За тебя молиться будетъ
Другъ твой вѣрный.

Что въ молитвахъ? я въ чужбинѣ
Дни окончу.
Возвращусь-ли? — взоръ твой друга
Не признаетъ.

Не видать въ лицо мнѣ счастья:
Что же въ жизни?
Дай пріютъ, земля сырая,
Разступися!

Онъ поетъ, — никто не слышитъ
Словъ печальныхъ;
Ихъ разноситъ, заглушаетъ
Вѣтеръ бурный.

28. Лидѣ.

Твой дѣтскій вызовъ мнѣ пріятенъ,
Но не желай моихъ стиховъ:
Не многимъ избраннымъ понятенъ
Языкъ Поэтовъ и Боговъ.
Что нужды въ томъ? утѣшься, Лида!
Ты безъ учености мила,
И всѣ мы знаемъ, что Киприда
Въ Цитерѣ школъ не завела!
Тебѣ-ль заняться важнымъ чтеньемъ?
Читать не любитъ Купидонъ:
Всегда за книгой дремлетъ онъ
И тяготится размышленьемъ.
Его примѣръ тебѣ законъ!

Повѣрь, мой милой другъ, страданье нужно намъ,
Неиспытавъ его не льзя понять и щастья:
Живой источникъ сладострастья
Дарованъ въ немъ его сынамъ.
Одни ли радости отрадны и прелестны?
Одно ль веселье веселитъ?
Бездѣйственность души щастливцевъ тяготитъ,
Имъ силы жизни неизвѣстны
Не намъ завидовать лѣнивымъ чувствамъ ихъ.
Что въ дружбѣ вѣтреной, въ любви однообразной,
И въ ощущеніяхъ слѣпыхъ
Души разсѣянной и праздной?
Щастливцы мнимые! способны ль вы понять
Участья нѣжного сердечную услугу?
Способны-ль чувствовать какъ сладко повѣрять
Печаль души своей заботливому другу!

Способны ль чувствовать, какъ дорогъ вѣрный другъ?
Но кто постигнутъ рокомъ гнѣвнымъ,
Чью душу тяготитъ мучительной недугъ,
Тотъ дорожитъ врачемъ душевнымъ.
Вы ищете въ любви занятіе одно,
Восторгъ проходчивый, минутное забвенье;
Въ ней благо лучшее богами намъ дано,
И нуждъ живѣйшихъ утѣшенье.
Какъ будетъ сладко, милой мой,
Повѣрить нѣжности чувствительной подруги
Всѣ нужды, всю тоску, всѣ раны, всѣ недуги,
Все разслабленіе души твоей больной!
Забывъ и свѣтъ и рокъ суровой,
Желанья смутные въ одно желанье слить,
И съ жаждою любви въ ея дыханьи пить
Цѣлебный воздухъ жизни новой!

Хвала всевидящимъ богамъ!
Пусть мнимымъ щастіемъ для свѣта мы убоги:
Щастливцы насъ бѣднѣй, и праведные боги
Имъ дали чувственность, а чувство дали намъ.

Е. Б.

1821 г.

Когда подъ звонкіе напѣвы,
Подъ звукъ свирѣли плясовой,
Въ веселый часъ рука съ рукой
Кружатся юноши и дѣвы, —
Вмѣшавшись въ рѣзвый хороводъ,
Хариты, вѣтреный Эротъ,
Дріады, Фавны пляшутъ съ ними
И гонятъ прочь толпу заботъ
Восклиновеньями своими,—
Поодаль Музы между тѣмъ,
Таяся въ сумракѣ дубравы,
Глядятъ, незримыя никѣмъ,
На ихъ невинныя забавы;
Но ихъ соборъ въ то время нѣмъ.
Питомецъ Музъ равно безгласенъ
Въ толпѣ вертушекъ молодыхъ,
И вѣрь, мой другъ, въ мечтахъ своихъ
Онъ былъ бы страненъ и не ясенъ.
Одно высокое любя,
Онъ воздаянья ждетъ отъ Феба
И даръ святой благого неба
Хранитъ для Музъ и для себя.

29. Въ Альбомъ.

Вы слишкомъ многими любимы:
Знать наизусть ихъ имена
Чрезчуръ обязанность трудна, —
Сіи листки необходимы!
Они не нужны были встарь:
Въ тотъ грубый вѣкъ, въ тотъ вѣкъ холодной
Не знали дружбы новомодной,
Сердечный адресъ-календарь
Почли бы выдумкой негодной.
Что толковать объ старинѣ!
Стихи готовы, — можетъ статься,
Они для справки обо мнѣ
Вамъ очень скоро пригодятся.

1821 г.

30. К[онши]ну.

Живи смѣлѣй, товарищъ мой,
Разнообразь досугъ шутливой!
Люби, мечтай, пируй и пой,
Пренебреги молвы болтливой
И порицаньемъ, и хвалой!
О, какъ безумна жажда славы!
Равно исчезнутъ въ безднѣ лѣтъ
И годы шумные побѣдъ,
И мигъ незнаемый забавы!
Что жизнь? — медлительный недугъ,
Условный даръ скупого неба;
Врата туманнаго Эреба
Для всѣхъ отверсты, милый другъ!
Поглотитъ всѣхъ нѣмая Лета:
И философа болтуна,
И длинноусаго корнета,
И въ шумномъ свѣтѣ шалуна,
И въ пустынѣ анахорета.
Познай же цѣну срочныхъ дней,
Лови пролетныя мгновенья:
Исчезнетъ жизни сновидѣнье.
Кто былъ счастливѣй, — былъ умнѣй!
Будь друженъ съ Музою моею;
Оставимъ мудрость мудрецамъ:
Зачѣмъ чиниться съ жизнью намъ,
Когда шутить мы можемъ съ нею?

31. Бдѣніе.

Одинъ съ любимою мечтою
Въ свѣтлицѣ я сидѣлъ;
Свистала буря надо мною,
И глухо дождь шумѣлъ.

Ужъ поздно было, ночь сгустилась;
Но сонъ бѣжалъ очей:

1821 г.

О дняхъ минувшихъ пробудилась
Тоска въ душѣ моей.

Увижу-ль васъ, поля родныя?
Увижу-ль васъ, друзья?
Губя печалью дни младые,
Примѣтно вяну я.

Грущу сегодня — завтра тоже;
Межъ тѣмъ бѣднѣетъ свѣтъ.
Давно-ль покинулъ васъ, и что же?
Двоихъ ужъ въ мірѣ нѣтъ!

И мнѣ назначена могила...
Умру въ чужой странѣ!
И легкомысленная Лила
Не вспомнитъ обо мнѣ!

Душа стѣснилася тоскою;
Я грустно онѣмѣлъ;
Оперся на руку главою,
Въ окно не зря глядѣлъ.

Очнулся я: румянъ и свѣтелъ
Ужъ новый день сіялъ, —
И звучной пѣснью громкій пѣтелъ
Мнѣ утро возвѣщалъ.

32. Цвѣтокъ.

Порою утренней Людмила,
Держа въ рукѣ цвѣтокъ,
Куда-то шла и говорила:
Кому отдамъ цвѣтокъ?

Не нужны мнѣ дары богаты
За свѣжій мой цвѣтокъ;
А кто приглянется, — безъ платы
Получитъ мой цвѣтокъ.

И говорилъ ей каждый встрѣчный:
Прекрасенъ твой цвѣтокъ;

1821 г. Мой милый другъ, мой другъ сердечный,
Отдай мнѣ твой цвѣтокъ!

Она въ отвѣтъ: сама я знаю,
Прекрасенъ мой цвѣтокъ;
Но не тебѣ, и это знаю,
Другому мой цвѣтокъ!

Красою яркой день сіяетъ, —
При ней еще цвѣтокъ;
Вотъ полдень, вечеръ наступаетъ, —
При ней еще цвѣтокъ.

Услада дѣва повстрѣчала:
Онъ прелестью цвѣтокъ.
Ты милъ, она ему сказала,
Возьми же мой цвѣтокъ!

Онъ что же дѣвѣ? — Онъ шутливо:
Спасибо за цвѣтокъ!
Ты мнѣ даришь его — не диво:
Увянулъ твой цвѣтокъ.

33. Булгарину.

Нѣтъ, нѣтъ, Булгаринъ! ты не правъ,
Несправедливы толки злые:
Друзья веселья и забавъ,
Мы не повѣсы записные.
Изъ своеволія страстей
Съ себя мы правилъ не слагали,
Но пылкой жизнью юныхъ лѣтъ,
Пока дышалося — дышали;
Любили шумные пиры;
Гостей веселыхъ той поры
Забавы, шалости любили
И за роскошные дары
Младую жизнь боготворили.
Въ кругу веселыхъ шалуновъ,
Во имя Вакха и Киприды;

1821 г.

Мы пѣли нѣгу, шумъ пировъ,
Не замѣчая крикуновъ
И ихъ ревнивыя обиды.
Мы пѣли счастье дней младыхъ, —
Межъ тѣмъ летѣла наша младость;
Порой задумывалась радость
Въ кругу поклонниковъ своихъ.
Душа примѣтно отцвѣтала,
Въ усталомъ сердцѣ пламень гасъ,
И за стаканомъ въ добрый часъ
Безпечныхъ Опытность застала.
Наперсницъ нашихъ — страстныхъ дѣвъ
Мы поцѣлуи позабыли
И, предъ суровой онѣмѣвъ,
Утѣхи крылья опустили.
Такъ разрѣзвившихся дѣтей,
Средь ихъ младенческихъ затѣй,
Приводитъ вдругъ въ остолбенѣнье
Со строгой важностью очей
Педанта школы появленье.

Съ тѣхъ поръ, любезный, не поемъ
Мы безразсудныя забавы,
Смиренно жизнь свою ведемъ
И ждемъ отъ свѣта доброй славы.
Теперь вопросъ я отдаю
Тебѣ на судъ: подумай, мы-ли
Перемѣнили жизнь свою,
Иль годы насъ перемѣнили?

34. Водопадъ.

Шуми, шуми съ крутой вершины,
Не умолкай, потокъ сѣдой!
Соединяй протяжный вой
Съ протяжнымъ отзывомъ долины!

Я слышу грохотъ водъ твоихъ:
Свистя, сливаетъ вѣтръ порывный

Свой вопль глухой и заунывный
Съ однообразнымъ шумомъ ихъ.

Съ какимъ-то смутнымъ ожиданьемъ
Въ ихъ говоръ вслушиваюсь я;
Куда-то вдаль душа моя
Летитъ надеждой и желаньемъ.

Какъ очарованный, стою
Надъ дымной безднoю твоею
И, мнится, сердцемъ разумѣю
Музыку важную твою.

Шуми, шуми съ крутой вершины,
Не умолкай, потокъ сѣдой!
Соединяй протяжный вой
Съ протяжнымъ отзывомъ долины?

35. Отъѣздъ.

(элегія).

Прощай, отчизна непогоды,
Угрюмая страна,
Гдѣ мраченъ видъ нагой природы,
Безжизненна весна;
Гдѣ солнце пасмурно сіяетъ,
Гдѣ сосенъ вѣчный шумъ
И моря ревъ, — и все питаетъ
Безумье мрачныхъ думъ;
Гдѣ, отлученный отъ отчизны
Враждебною судьбой,
Изнемогалъ безъ укоризны
Изгнанникъ молодой;
Гдѣ, шумнымъ свѣтомъ позабытой,
Но все душой піитъ,
Своею Музой домовитой
Онъ не былъ позабытъ!
Порой печальны пѣсни были:
Хвала, о Музы, вамъ —

1821 г.

Вы, благосклонныя, любили
Внимать моимъ струнамъ!
Теперь, для сладкаго свиданья,
Спѣшу къ странѣ родной;
Въ воображеньи край изгнанья
Послѣдуетъ за мной:
И камней мшистыя громады,
И видъ полей нагихъ,
И вѣковые водопады,
И шумъ немолчный ихъ...
Я вспомню съ грустнымъ сладострастьемъ
Печальную страну,
Гдѣ я, въ размолвкѣ съ милымъ счастьемъ,
Провелъ мою весну, —
Но гдѣ, порой властитель неба,
Наперекоръ Судьбѣ,
Не измѣнилъ питомецъ Феба
Ни Музамъ, ни себѣ.

36. Разувѣреніе.

(элегія).

Не искушай меня безъ нужды
Возвратомъ нѣжности твоей!
Разочарованному чужды
Всѣ обольщенья прежнихъ дней.
Ужъ я не вѣрю увѣреньямъ,
Ужъ я не вѣрую въ любовь
И не могу предаться вновь
Разъ измѣнившимъ сновидѣньямъ.
Слѣпой тоски моей не множь,
Не заводи о прежнемъ слова
И, другъ заботливый, больнова
Въ его дремотѣ не тревожь!
Я сплю; мнѣ сладко усыпленье;
Забудь бывалыя мечты:
Въ душѣ моей одно волненье,
А не любовь пробудишь ты.

1821 г.

37. Къ Делію.

Ода.

(съ латинскаго).

Напрасно мы, Делій, мечтаемъ найти
Въ сей жизни блаженство прямое:
Небесные боги не дѣлятся имъ
Съ земными дѣтьми Прометея.

Похищенной искрой созданье свое
Дерзнулъ оживить безразсудный;
Безсмертныхъ онъ презрѣлъ, — и страшная казнь
Постигнула чадъ святотатства.

Нашъ тягостный жребій: положенный срокъ
Томиться болѣзненной жизнью,
Любить и лелѣять недугъ бытія
И смерти отрадной страшиться.

Нужды непреклонной слѣпые рабы,
Рабы самовластнаго рока!
Земнымъ ощущеньямъ насильственно насъ
Случайная жизнь покоряетъ.

Но въ искрѣ небесной пріяли мы жизнь,
Намъ памятно небо родное;
Въ желаніи счастья мы вѣчно къ нему
Стремимся неяснымъ желаньемъ!..

Вотще! Мы надолго отвержены имъ!
Сіяя красою надъ нами,
На бренную землю безпечно оно
Торжественный сводъ опираетъ...

Но намъ недоступно! Какъ алчный Танталъ
Сгораетъ средь влаги прохладной:
Такъ, сердцемъ постигнувъ блаженнѣйшій міръ,
Томимся мы жаждою счастья.

1821 г.

38. Н. М. К[оншину].

Пора покинуть, милый другъ,
Знамена вѣтреной Киприды
И неизбѣжныя обиды
Предупредить, пока досугъ!
Прошла пора слѣпыхъ мечтаній,
И мы лишились нашихъ правъ
На своеволіе забавъ,
На своеволіе желаній.
Ужъ отлетаетъ вѣкъ младой,
Ужъ сердце опытнѣе стало:
Теперь ни въ чемъ, другъ милый мой,
Намъ изступленье не пристало.
Оставимъ буйнымъ шалунамъ
Слѣпую жажду сладострастья!
Не упоенія, а счастья
Теперь искать ужъ время намъ.
Пресытясь грубымъ наслажденьемъ,
Пресытясь ласками Цирцей,
Шепчу я часто съ умиленьемъ
Въ тоскѣ задумчивой моей:
Нельзя-ль найти любви надежной?
Нельзя-ль найти подруги нѣжной,
Съ кѣмъ могъ-бы въ счастливой глуши
Предаться нѣгѣ безмятежной
И чистымъ радостямъ души;
Въ чье неизмѣнное участье
Безпечно вѣровалъ-бы я, —
Случится-ль ведро иль ненастье
На перепутьи бытія?
Гдѣ-жъ обреченная судьбою,
На чьей груди я успокою
Мою усталую главу?
Или, съ волненьемъ и тоскою,
Ее напрасно я зову?
Или въ печали одинокой

1821 г. Я проведу остатокъ дней, —
И тихій свѣтъ ея очей
Не озаритъ ихъ тьмы глубокой,
Не озаритъ души моей?...

39. Эпиграмма.

Его творенье скукой дышетъ,
На бѣдныхъ насъ наводитъ сонъ.
Не говорю: зачѣмъ онъ пишетъ,
Но для чего читаетъ онъ?

40. Элегія.

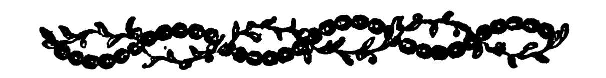
Нѣтъ, не бывать тому, что было прежде!
Что въ счастьи мнѣ? Мертва душа моя!
„Надѣйся, другъ!“ — сказали мнѣ друзья:
Не поздно-ли ввѣряться мнѣ надеждѣ,
Когда желать почти не въ силахъ я?
Я бременюсь нескромнымъ ихъ участьемъ,
И съ каждымъ днемъ я вѣрой къ нимъ бѣднѣй.
Что въ пустотѣ несвязныхъ ихъ рѣчей?
Давнымъ-давно простился я со счастьемъ,
Желательнымъ слѣпой душѣ моей!
Лишь вслѣдъ ему съ унылымъ сладострастьемъ
Гляжу я вдаль моихъ минувшихъ дней.
Такъ нѣжный другъ, въ безчувственномъ забвеньи,
Еще глядитъ на зыби синихъ волнъ,
На влажный путь, гдѣ въ темномъ отдаленьи
Давно исчезъ отбывшій дружній чолнъ.

41. Доридѣ.

Зачѣмъ нескромностью двусмысленныхъ рѣчей,
Руки всечаснымъ пожиманьемъ,
Притворнымъ пламенемъ коварныхъ сихъ очей,
Для всѣхъ увлаженныхъ желаньемъ,
Знакомить юношей съ волненіемъ любви,
Ихъ обольщать надеждой счастья
И разжигать, шутя, въ смятенной ихъ крови

Дориде.

1821 г. Безплодный пламень сладострастья?
Онъ не знакомъ тебѣ, мятежный пламень сей;
Тебѣ невѣдомое чувство
Вливаетъ въ душу ихъ, невольницу страстей,
Твое коварное искусство.
Я видѣлъ вкругъ тебя поклонниковъ твоихъ
Полуизсохшихъ въ страсти жадной;
Достигнувъ ихъ любви, любовнымъ клятвамъ ихъ
Внимаешь ты съ улыбкой хладной.
Не вѣрь судьбѣ слѣпой, не вѣрь самой себѣ:
Теперь душа твоя въ покоѣ;
Придется нѣкогда извѣдать и тебѣ
Любви безумье роковое!
Но избранный тобой, страшась знакомыхъ бѣдъ,
Твой нѣжный взоръ безъ чувства встрѣтитъ
И, недовѣрчивый, на пылкій твой привѣтъ
Улыбкой горькою отвѣтитъ.
Когда же въ зиму дней всѣ розы красоты
Похититъ жребій ненавистной, —
Скажи, увядшая, кого посмѣешь ты
Молить о дружбѣ безкорыстной,
Обидной жалости предметомъ жалкимъ ставъ?
Въ унынье все тебя одѣнетъ,
Исчезнетъ легкій рой веселій и забавъ,
Толпа ласкателей измѣнитъ,
Измѣнитъ и покой, услада позднихъ лѣтъ!
Какъ дщери ада — Эвмениды,
Повсюду, жадныя, тебѣ помчатся вслѣдъ
Самолюбивыя обиды.
Немирнаго душой, на мирномъ ложѣ сна,
Такъ убѣгаетъ усыпленье;
И гдѣ для смертныхъ всѣхъ доступна тишина, —
Страдальца ждетъ одно волненье!

1822 г.

42. Догадка.

Любви примѣты
Я не забылъ,
Я ей служилъ
Въ былыя лѣты!
Въ ней говоритъ
И жаръ ланитъ
И вздохъ случайной...
О! я знакомъ
Съ симъ языкомъ
Любови тайной!
Ты вся въ огнѣ,
Бѣдняжка Скромность!
Сихъ взоровъ томность
Понятна мнѣ.
Любви примѣты
Я не забылъ,
Я ей служилъ
Въ былыя лѣты!

43. Поцѣлуй.

(доридѣ).

Сей поцѣлуй, дарованный тобой,
Преслѣдуетъ мое воображенье;
И въ шумѣ дня, и въ тишинѣ ночной
Я чувствую его напечатлѣнье.
Случайнымъ сномъ забудусь-ли порой,—
Мнѣ снишься ты, мнѣ снится наслажденье;
Блаженствую, обманутый мечтой,
Но въ тотъ же мигъ встрѣчаю пробужденье,—
Обманъ исчезъ, одинъ я, и со мной
Одна любовь, одно изнеможенье.

1822 г.

44. Возвращеніе.

На кровы ближняго селенья
Нисходитъ вечеръ; день погасъ.
Покинемъ рощу, гдѣ для насъ
Часы летѣли какъ мгновенья!
Лель, улыбнись, когда изъ ней
Случилось дѣвицѣ моей
Унесть во взорахъ пламень томный,
Мечту любви въ душѣ своей
И въ волосахъ листокъ нескромный.

45. Сестрѣ.

И ты покинула семейный мирный кругъ.
Ни степи, ни лѣса тебя не задержали?
И ты летишь ко мнѣ на гласъ моей печали —
О милая сестра, о мой вѣрнѣйшій другъ!
Я узнаю тебя, мой Ангелъ-утѣшитель,
Наперсница души отъ колыбельныхъ дней;
Не тщетно нѣжности я вѣровалъ твоей,
Тогда, еще тогда достойный ихъ цѣнитель!
Приди-жъ — и радость призови
Въ пріютъ мой, радостью забытой,
Повѣй отрадою душѣ моей убитой
И сердце мнѣ согрѣй дыханіемъ любви!
Какъ чистая роса живитъ своей прохладой
Среди нагихъ степей, — спасительной усладой
Такъ оживишь мнѣ чувства ты.

46. Весна.

На звукъ цѣвницы голосистой,
Толпой забавъ окружена,
Летитъ прекрасная весна;
Благоухаетъ воздухъ чистой,
Земля воздвиглась ото сна.

1822 г.

Утихли вьюги и метели,
Текутъ потоками снѣга;
Опять въ горахъ трубятъ рога,
Опять Зефиры налетѣли
На обновленные луга.

Надъ урной мшистою Наяда
Проснулась въ сумракѣ вѣтвей,
Стрясаетъ инеи съ кудрей,
И, разорвавъ оковы хлада,
Заговорилъ ея ручей.

Восторги духъ мой пробудили!
Звучатъ и блещутъ небеса;
Пѣвцовъ крылатыхъ голоса,
Пастушьи пѣсни огласили
Долины, горы и лѣса.

Лишь ты, увядшая Климена,
Лишь ты въ тоску облечена!
Весны не празднуешь одна:
Тобою младости измѣна
Еще судьбѣ не прощена.

Роптанье въ грудь тебѣ тѣснится;
Не видишь ты красы луговъ:
Ахъ, если бъ щедростью боговъ
Могла ко смертнымъ возвратиться
Пора любви съ порой цвѣтовъ!

47. Н. И. Гнѣдичу.

Нѣтъ, въ одиночествѣ душой изнемогая,
Средь каменныхъ пустынь противнаго мнѣ края,
Для лучшихъ чувствъ души еще я не погибъ.
Я не забылъ тебя, почтенный Аристипъ,
И дружбу нѣжную, и Русскія Аѳины!
Не Вакховыхъ пировъ, не лобызаній Фрины,
Въ нескромной юности нескромно пѣтыхъ мной,
Не шумной суеты, прославленной толпой, —

Н. И. Гнѣдичу.

1822 г. Лишенье тяжко мнѣ въ краю, гдѣ Финну нищу
Отчизна мертвая едва даруетъ пищу:
Нѣтъ, нѣтъ! мнѣ тягостно отсутствіе друзей,
Лишенье тягостно бесѣды мнѣ твоей,
То наставительной, то сладостно-отрадной;
Въ ней, сердцемъ жадный чувствъ, умомъ познаній жадной,
И сердцу и уму я пищу находилъ.

Счастливецъ! дни свои ты Музамъ посвятилъ
И бодро дѣйствуешь прекрасные полвѣка
На полѣ умственныхъ усилій человѣка;
Искусства пылкія и благодарный трудъ
Твой независимый украсили пріютъ.
Податель счастья — трудъ, Искусства — наслажденья.

Еще не породивъ прямого просвѣщенья,
Избытокъ породилъ бездѣйственную лѣнь.
На міръ снотворную она нагнала тѣнь,
И чадамъ роскоши, обремененнымъ скукой,
Довольство бѣдности тягчайшей было мукой;
Искусства низошли на помощь къ нимъ тогда:
Уже отвыкнувшихъ отъ грубаго труда,
Къ трудамъ возвышеннымъ они воспламенили
И праздность упражнять роскошно научили;
Быть можетъ, счастіемъ обязаны мы имъ.

Какъ бѣденъ, кто, больной бездѣйствіемъ своимъ,
Занятья бодраго цѣны не постигаетъ,
За часомъ часъ другой глазами провожаетъ,
Скучаетъ въ городѣ и бѣдствуетъ въ глуши,
Употребленія не вѣдая души,
И плачетъ, сонныхъ дней снося насилу бремя,
Что жизни краткое въ нихъ слишкомъ длится время.

Судьбу младенчески за строгость не виня
И взявъ съ тебя примѣръ, Поэзію, Ученье
Призвалъ я украшать мое уединенье.
Лѣса угрюмые, громады мшистыхъ горъ,
Пришельца новаго пугающіе взоръ,

Н. И. Гнѣдичу.

1822 г. Свинцовыхъ моря водъ безбрежная равнина,
Напѣвъ томительныхъ протяжныхъ пѣсенъ Финна
Не долго, помню я, въ печальной сторонѣ
Печаль холодную вливали въ душу мнѣ.

Я побѣдилъ ее, и, не убитъ неволей,
Еще я бытія владѣю лучшей долей,
Я мыслю, чувствую: для духа нѣтъ оковъ.
То вопрошаю я преданія вѣковъ,
Паденья, славы царствъ читаю въ нихъ причины;
Наставленъ давнею превратностью Судьбины,
Судьбѣ покорствовать учуся я моей;
То занятъ свойствами и нравами людей,
Въ ихъ своевольныя вникаю побужденья,
Слѣжу я сердца ихъ сокрытыя движенья
И разуму отчетъ стараюсь въ сердцѣ дать.
То вдохновеніе, Парнаса благодать,
Мнѣ душу радуетъ восторгами своими.
На часъ обвороженъ, на часъ обманутъ ими,
Дышу свободно я, и лиру взявъ мою,
И дружбу, и любовь, и счастіе пою.

Осмѣливаясь пѣть, я помню преткновенья
Самолюбиваго искусства пѣснопѣнья;
Но всякому свое: и мать племенъ людскихъ,
Усердья полная ко благу чадъ своихъ,
Природа, каждаго даря особой страстью,
Намъ разные пути прокладываетъ къ счастью:
Кто радъ своей казнѣ, кто псарнѣ радъ своей,
Кто наслаждается, гоняя голубей....
Любезны пѣсни мнѣ. Когда-то для забавы
Я, праздный, посѣтилъ Парнасскія дубравы
И воды свѣтлыя Кастальскаго ручья;
Тамъ къ хорамъ чистыхъ дѣвъ прислушивался я
И сердцу уступилъ — влюбился я въ искусство
Другимъ передавать въ согласныхъ звукахъ чувство.
И, презря сборище взыскательныхъ судей,
Я умереть хочу съ любовію моей.

1822 г. Такъ, скуку для себя считая бѣдствомъ главнымъ,
Я духа предаюсь порывамъ своенравнымъ;
Такъ безъ усилія ведетъ меня мой умъ
Отъ чувства къ шалости, къ мечтамъ отъ важныхъ думъ.
Но ни души моей восторги одиноки,
Ни любомудрія полезные уроки,
Ни пѣсни мирныя, ни рѣзвыя мечты,
Воображенія случайные цвѣты,
Среди глухихъ лѣсовъ и скалъ моихъ унылыхъ
Не замѣняютъ мнѣ людей для сердца милыхъ.
И часто, грустію невольною объятъ,
Увидѣть-бы хотѣлъ я пышный Петроградъ;
Вести желалъ-бы вновь свой вѣкъ непринужденной
Въ кругу друзей искусствъ и нѣги просвѣщенной;
Апелла, Фидія порою навѣщать;
Съ тобой желалъ-бы я бесѣдовать опять,
Мужъ, дарованьями, душою превосходный,
Въ стихахъ возвышенный и въ сердцѣ благородный!
Зато не въ первый разъ взываю я къ богамъ:
Свободу дайте мнѣ, — найду я счастье самъ!

48. Къ Дельвигу.

Дай руку мнѣ, товарищъ добрый мой,
Путемъ однимъ пойдемъ до двери гроба!
Дай руку мнѣ, — я чувствую, мы оба
Родилися подъ тою же звѣздой.
Насъ не вотще судьба соединила,
Суровая двухъ добрыхъ полюбила
И, слабая отъ бѣдствій ихъ спасти,
Опорою другъ другу быть судила,
Чтобъ съ ней самой могли борьбу вести.
Отъ дѣтскихъ дней знакомы мы съ бѣдами;
Казалося, у люльки ждалъ насъ рокъ:
Что-жъ гнѣвный онъ свершить надъ нами могъ?
И не всегда-ль онъ побѣждался нами?
Ты помнишь-ли, въ какой печальный срокъ

1822 г. На дружбу мнѣ ты руку далъ впервые —
И думая: по сердцу мы родные —
Сталъ навѣщать мой скромный уголокъ?
Ты помнишь-ли, съ какой судьбой суровой
Боролся я, почти лишенный силъ?
Не ты-ль тогда мнѣ бодрость возвратилъ?
Не ты-ль душѣ повѣялъ жизнью новой?
Ты ввелъ меня въ семейство добрыхъ Музъ:
Дѣля досугъ межъ ними и тобою,
Я-ль чувствовалъ ея свинцовый грузъ
И передъ ней унизился душою?
Когда ты самъ носилъ въ душѣ печаль,
Кому ввѣрялъ признанья въ грусти тайной?
Не мнѣ-ль, скажи? и дружба не всегда-ль
Тебя ждала съ отрадой обычайной?
Забытые фортуною слѣпой,
Мы ей на зло другъ въ другѣ все имѣли:
Любовь, и лѣнь, и нѣгу, и покой;
Развеселясь, въ забвеньи сердца пѣли
И, дружества твердя обѣтъ святой,
Безтрепетно въ глаза судьбѣ глядѣли.
О, вѣрь мнѣ въ томъ, — чѣмъ жребій ни грозитъ,
Упорствуя въ старинной непріязни, —
Душа моя не вѣдаетъ боязни,
Души моей ничто не измѣнитъ!
Такъ, милый другъ, позволятъ-ли мнѣ боги
Ярмо заботъ сложить когда-нибудь
И весело на свѣтлый міръ взглянуть,
Попрежнему-ль ко мнѣ пребудутъ строги, —
Всегда я твой! судьей души моей
Ты долженъ быть и въ ведро и въ ненастье.
Удвоишь ты моихъ счастливыхъ дней
Неполное безъ раздѣленья счастье.
Въ дни бѣдствія я знаю, гдѣ найти
Участіе въ судьбѣ моей тяжелой:
Что-жъ страшно мнѣ на жизненномъ пути?
Иду впередъ съ надеждою веселой!

Еще позволь желаніе одно
Мнѣ произнесть: молюся я судьбинѣ,
Чтобъ для тебя я сталъ, хотя отнынѣ,
Чѣмъ для меня ты сталъ уже давно!

1823 г.

49. Паденіе листьевъ.

Поблекнули ковры полей,
Брега взрывалъ источникъ мутной,
И голосистый соловей
Умолкнулъ въ рощѣ безпріютной.
Болѣзни жертва въ цвѣтѣ лѣтъ,
Къ сей рощѣ юноша унылой
Послѣдній горестный привѣтъ
Отдать прибрелъ отчизнѣ милой:
„Судьба исполнилась моя!
Прости, убѣжище драгое!
О прорицанье роковое!
Твой страшный голосъ помню я.
Съ ненастной осенью приспѣетъ,
Вѣщало ты, мой смертный часъ,
И для страдальца пожелтѣетъ
Дубравный листъ въ послѣдній разъ.
Заплачетъ милая мнѣ дѣва;
Я вяну: легкою мечтой
Мелькнувъ, исчезъ мой вѣкъ младой.

1823 г.

Послѣдній листъ падетъ со дреьа,
Послѣдній часъ ударитъ мой!
Затмили тучи сводъ лазурный;
Осеннихъ вѣтровъ слышенъ свистъ.
Шуми, шуми, о вѣтеръ бурный!
Вались, вались, поблеклый листъ!
Отъ взоровъ матери унылой
Сокрой меня съ моей могилой;
Когда-жъ съ отчаяньемъ въ очахъ,
Пустыню воплемъ оглашая,
Моя подруга молодая
Ее отыщетъ въ сихъ мѣстахъ:
Тогда надъ камнемъ безотвѣтнымъ,
Гдѣ я навѣкъ опочію,
Буди ты шорохомъ привѣтнымъ
Тѣнь услажденную мою!"—
Сбылось. Увы! судьбины гнѣва
Мольбами бѣдный не смягчилъ:
Послѣдній листъ упалъ со древа,
Послѣдній часъ его пробилъ.
Близъ рощи той его гробница;
Но не пришла краса-дѣвица
Свой долгъ завѣтный ей отдать,
А зрѣла каждая денница
Надъ ней рыдающую мать.

50. Къ ***.

Чувствительны мнѣ дружескія пѣни;
Но искренно забылъ я Геликонъ
И, признаюсь, закоренѣлый въ лѣни,
Не каюся: люблю мой праздный сонъ.
Охота пѣть владѣетъ слабо мною;
Она прошла, какъ первая любовь.
Желалъ бы я воспламениться вновь,
Но утомленъ и сердцемъ и душою.
Иль жить нельзя отрадою иною?

1823 г.

Я заключилъ съ бездѣйствіемъ союзъ:
Лелѣемый счастливымъ усыпленьемъ,
Я не хочу притворнымъ изступленьемъ
Обманывать ни юныхъ дѣвъ, ни Музъ.

51. Лета.

Душъ холодныхъ упованье,
Непріязненный ручей,
Чье докучное журчанье
Усыпляетъ Элизей!
Такъ! достоинъ ты укора:
Для чего въ твоихъ водахъ
Погибаетъ безъ разбора
Память горестей и благъ?
Прочь съ нещаднымъ утѣшеньемъ!
Я минувшее люблю
И вовѣкъ утѣхъ забвеньемъ
Мукъ забвенья не куплю.

52. Двѣ доли.

Дало двѣ доли Провидѣніе
На выборъ мудрости людской:
Или надежду и волненіе,
Иль безнадежность и покой.

Вѣрь тотъ надеждѣ обольщающей,
Кто бодръ душою, бодръ умомъ,
Лишь по молвѣ разновѣщающей
Съ Судьбой насмѣшливой знакомъ.

Надѣйтесь, юноши кипящіе!
Летите: крылья вамъ даны!
Для васъ — и замыслы блестящіе,
И сердца пламенные сны!

Но вы, судьбину испытавшіе,
Тщету утѣхъ, печали власть;

1823 г.

Вы, знанье бытія принявшіе
Себѣ на тягостную часть!

Гоните прочь ихъ рой прельстительный!
Такъ! доживайте жизнь въ тиши
И берегите хладъ спасительный
Своей бездѣйственной души.

Своимъ безчувствіемъ блаженные,
Какъ трупы мертвыхъ изъ гробовъ,
Волхва словами пробужденные,
Встаютъ со скрежетомъ зубовъ, —

Такъ вы, согрѣвъ въ душѣ желанія,
Безумно вдавшись въ ихъ обманъ,
Проснетесь только для страданія,
Для боли тяжкой прежнихъ ранъ.

53. Безнадежность.

Желанье счастія въ меня вдохнули боги.
Я требовалъ его отъ неба и земли,
И вслѣдъ за призракомъ, манящимъ издали,
Не вѣдая куда, прошелъ я полдороги.
Довольно! Я усталъ, и путь оконченъ мой.
Счастливый отдыхомъ, на счастіе похожимъ,
Стою, задумчивый, надъ жизненной стезей, —
И скромно кланяюсь прохожимъ.

54. Размолвка.

Прости, сказать ты поспѣшаешь мнѣ, —
И пылкое любви твоей начало
Предательски безумца обласкало.
Все видѣлъ я — и видѣлъ все во снѣ!
Ты, наконецъ, мнѣ взоры прояснила;
Въ душѣ твоей читаю я теперь.
Проснулся я, — и мнѣ легко, повѣрь,
Тебя забыть, какъ ты меня забыла.

1823 г.

Кого жалѣть? Печальнѣй доля чья?
Кто отягченъ утратою прямою? —
Легко рѣшить: любимымъ не былъ я;
Ты, можетъ быть, была любима мною.

55. Хлоѣ.

Приманкой ласковыхъ рѣчей
Вамъ не лишить меня разсудка.
Такъ, Хлоя, многихъ Вы милѣй;
Но васъ любить — плохая шутка!

Вамъ не нужна любовь моя;
Не слишкомъ заняты Вы мною;
Не нѣжность, гордость Вашу я
Признаньемъ страстнымъ успокою.

Вамъ дорогъ я — твердите Вы, —
Но честь красы меня дороже.
Вамъ очень милъ я, но увы!
Вамъ и другіе милы тоже.

Съ толпой соперниковъ моихъ
Я состязаться не дерзаю —
И превосходной силѣ ихъ
Безъ битвы поле уступаю.

56. Въ Альбомъ.

Когда-бъ вы менѣе прекрасной
Случайно слыли у Москвы;
Когда бы прелестью опасной
Не столь опасны были вы...
Когда-бъ еще сей голосъ нѣжный
И томный пламень сихъ очей
Любовью менѣе мятежной
Могли грозить душѣ моей;
Когда бы больше мнѣ на долю
Даровъ послалъ Цитерскій богъ:

1823 г.

Тогда я далъ бы сердцу волю,
Тогда любить я васъ бы могъ.
Предаться нѣжному участью
Мнѣ тайный голосъ не велитъ...
И удивленіе, по счастью,
Отъ стрѣлъ любви меня хранитъ.

57. Г[нѣди]чу, который совѣтовалъ сочинителю писать сатиры.

Души признательной всегдашній властелинъ,
Художникъ лучшій нашъ и лучшій гражданинъ,
Ты даже суетной забавѣ пѣснопѣнья
Общеполезнаго желаешь назначенья!
Не угодитъ тебѣ сладчайшій изъ пѣвцовъ
Развратной прелестью изнѣженныхъ стиховъ.
Любовь порочная рождаетъ-ли участье?
Безславны въ ней бѣды, еще безславнѣй счастье!
Безумна сихъ пѣвцовъ новѣйшая орда,
Свой стыдъ поющая безъ всякаго стыда!
Возвышенную цѣль Поэтъ избрать обязанъ.

Къ блестящимъ шалостямъ, какъ прежде, не привязанъ,
Я правиламъ твоимъ послѣдовать бы могъ;
Но ты-ли мнѣ велишь, оставя мирный слогъ
И ѣдкой желчію напитывая строки,
Сатирою возстать на глупость и пороки?
Не тою, вѣрю я, въ какой иной пѣвецъ,
Француза Буало принявъ за образецъ,
Поклонникъ набожный его безсмертной славы,
По-русски Гальскіе осмѣиваетъ нравы.
Устава новаго держась въ стихахъ моихъ,
Пусть глупость Русскую дразнить я буду въ нихъ:
Что будетъ пользы въ томъ? А безъ особой цѣли,
Согласья легкія затѣйливой свирѣли
Въ неугомонный лай неловко превратя,
Зачѣмъ я полкъ враговъ создамъ себѣ шутя?
Страшуся напередъ я злобы ихъ опасной.

Г[нѣди]чу, который совѣтовалъ сочинителю писать сатиры.

1823 г.

Полезенъ обществу Сатирикъ безпристрастной!
Дыша любовію къ согражданамъ своимъ,
На ихъ дурачества онъ жалуется имъ;
Упрековъ и уликъ язвительнымъ орудьемъ—
Клеймитъ бездѣльниковъ забытыхъ правосудьемъ
Иль ѣдкой силою забавнаго словца
Смиряетъ попыхи надутаго глупца;
Личину чуждую срывая съ человѣка,
Являя въ наготѣ уродливости вѣка,
Онъ исправляетъ ихъ; и какъ умомъ ни быстръ,
Едва-ль полезнѣй намъ Юстиціи Министръ.
Все такъ, но къ обществу усердьемъ пламенѣя,
Я смѣю-ль указать на всякаго злодѣя?
Гражданскаго глупца позволено-ли мнѣ
Съ негоднымъ рифмачемъ цыганить наравнѣ?
И справедливо-ли, во смыслѣ прямо здравомъ,
Кому-нибудь изъ насъ владѣть подобнымъ правомъ?
Остротъ затѣйливыхъ, насмѣшекъ ѣдкихъ даръ,
Язвительныхъ стиховъ какой-то злобный жаръ
И ихъ старательно подобранные звуки —
За безпристрастіе забавныя поруки!
Но если полную свободу мнѣ дадутъ,
Того-ль я устрашу, кому не страшенъ кнутъ?
Кого и Божій гнѣвъ въ заботу не приводитъ?
Намѣстникъ плохъ умомъ и явно сумасбродитъ;
Положимъ, что въ стихахъ скажу ему я такъ:
„Ты добрый человѣкъ, но слушай: ты дуракъ!
„Однажды съ разумомъ вступя въ очную ставку,
„Для общей выгоды нельзя-ль подать въ отставку?“
Ужъ онъ готовился обдумать мой совѣтъ;
Но оду чудаку поднесъ другой Поэтъ,
Гдѣ въ двадцати строфахъ взывается безстыдно,
Сколь зорокъ умъ его, сколь око дальновидно!
Друзья и недруги, я спрашиваю васъ:
Кому охотнѣе повѣритъ онъ изъ насъ? —
Но слушай: человѣкъ, всегда корысти жадный,
Берется-ли за трудъ навѣрно безнаградный?

1823 г.

Купецъ расчетливый изъ добрыхъ барышей
Ввѣряетъ свой корабль невѣрностямъ морей;
Изъ платы, сладкую отвергнувши дремоту,
Поденщикъ до зари выходитъ на работу;
На славу громкую надеждою согрѣтъ
Въ трудахъ возвышенныхъ возвышенный Поэтъ;
Но за безстрашное пороковъ обличенье
Какое, мыслишь ты, мнѣ будетъ награжденье?
Не слава-ль громкая? — талантомъ я убогъ!
Признательность людей? — людей узнать я могъ!
Не обольститъ меня газетъ высокопарность,
Гдѣ встрѣчу я порой согражданъ благодарность.
Когда сей рѣдкій мужъ, вельможа-гражданинъ,
Отъ вѣка славнаго оставшійся одинъ,
Но смѣло духъ его хранившій въ вѣкѣ новомъ,
Обширный разумомъ и сильный, громкій словомъ,
Любовью къ истинѣ и къ родинѣ горя,
Въ совѣтахъ не робѣлъ оспаривать Царя,
Когда, прекрасному влеченію послушный,
Умѣлъ ему внимать Монархъ великодушный,
Что мыслили о немъ сограждане тогда?
Ужъ онъ витійствовать радехонекъ всегда!
Но столь торжественно не попусту хлопочетъ,
Свой даръ ораторскій намъ выказать онъ хочетъ;
Катономъ смотритъ онъ, но тонкаго льстеца
Отъ насъ не утаитъ подъ строгостью лица.
Такъ лучшимъ подвигамъ людское развращенье
Придумать низкое умѣетъ побужденье;
Такъ исключительно посредственность любя,
Спѣшитъ высокое унизить до себя;
Такъ самыхъ доблестей завистливо трепещетъ
И, чтобъ не вѣрить имъ, на оныя клевещетъ.

Признаться, въ день сто разъ бываю я готовъ
Немного постращать Парнасскихъ чудаковъ,
Сказать, хоть на ухо, фанатикамъ журнальнымъ:
Срамите вы себя ругательствомъ нахальнымъ;
Не стыдно-ль умъ и вкусъ коверкать на подрядъ

1823 г. И травлей авторской смѣшить гостиный рядъ?
Россія въ тишинѣ, а съ шумомъ непристойнымъ
Воюетъ Инвалидъ съ Архивомъ безпокойнымъ;
Сказать Аркадину: не Музами тебѣ
Позволено свирѣль напачкать на гербѣ;
Сказать Сапайлову: болтунъ еженедѣльной,
Ты сдѣлалъ свой журналъ Парнасской богадѣльной,
И въ немъ ты каждаго убогаго умомъ
Съ любовью жалуешь услужливымъ листкомъ.
И Фертелевъ блажной, и Фофановъ мудреной,
И наглый Пасквинель, и Арфинъ заклейменой,
Съ тобою заключивъ торжественный союзъ,
Несутъ къ тебѣ плоды своихъ лакейскихъ Музъ;
Тобой предупрежденъ листовъ твоихъ читатель,
Что любитъ подгулять почтенный ихъ издатель;
А я тебѣ скажу: по мнѣ, пожалуй, пей,
Но умъ не пропивай и дѣло разумѣй.
Межъ тѣмъ иной изъ нихъ, хотя прозаикъ вялой,
Хоть плоскій риѳмоплетъ — душой предобрый малой!
Сапайловъ, напримѣръ, знакомецъ давній мой,
Трактирный весельчакъ, ругатель площадной,
Совсѣмъ печатному домашній не подобенъ,
Онъ милый хлѣбосолъ, онъ къ дружеству способенъ:
Въ день Пасхи, Рождества, виномъ разгорячонъ,
Цѣлуетъ съ нѣжностью глупца другого онъ;
Аркадинъ въ обществѣ любезенъ безъ усилій
И вѣрно во сто разъ милѣй своихъ Идиллій.
Ихъ много таковыхъ, — за что же голосъ мой
Нарушитъ ихъ сердецъ веселье и покой?
Зачѣмъ я сдѣлаю нескромными стихами
Ихъ изъ простыхъ глупцовъ сердитыми глупцами?

Нѣтъ, нѣтъ! мудрецъ прямой идетъ путемъ инымъ,
И, снисходительный ко слабостямъ людскимъ,
На нихъ указывать не станетъ онъ лукаво!
О человѣчествѣ судить желая здраво,
Онъ страсти подавилъ, лишающія насъ
И вѣрности ума и правильности глазъ.

1823 г.
Въ сообщество людей вступившій безусловно,
На ихъ дурачества онъ смотритъ хладнокровно,
Не мысля, чтобъ могли кудрявыя слова
Въ нихъ свойство измѣнить и силу естества.
Изъ насъ, я думаю, не скажетъ ни единой
Осинѣ: дубомъ будь, иль дубу: будь осиной;
Зачѣмъ-же: будь уменъ — онъ вымолвитъ глупцу?
Покой, одинъ покой любезенъ мудрецу.
Не споря безъ толку съ чужимъ нелѣпымъ толкомъ,
Одинъ по своему онъ мыслитъ тихомолкомъ;
Вдали отъ авторовъ, злодѣевъ и глупцовъ,
Мудрецъ въ своемъ углу не пишетъ и стиховъ.

58. Истина.

(ода).

О счастіи съ младенчества тоскуя,
Все счастьемъ бѣденъ я;
Когда-жъ и гдѣ и въ чемъ его найду я,
О судьи бытія!

Младые сны отъ сердца отлетѣли;
Не узнаю я свѣтъ!
Надеждъ моихъ лишенъ я прежней цѣли,
А новой цѣли нѣтъ.

Безуменъ ты и всѣ твои желанья!
Мнѣ тайный голосъ рекъ, —
И лучшія мечты моей созданья
Отвергнулъ я навѣкъ!

Но для чего души разувѣренье
Свершилось не вполнѣ?
Зачѣмъ же въ ней слѣпое сожалѣнье
Живетъ о старинѣ?

Такъ нѣкогда обдумывалъ съ роптаньемъ
Я тяжкій жребій мой;
Вдругъ Истину (то не было мечтаньемъ)
Узрѣлъ передъ собой.

Истина.

1823 г.

„Свѣтильникъ мой укажетъ путь ко счастью“,
Вѣщала — „захочу,
„И страстнаго — отрадному безстрастью
„Тебя я научу.

„Пускай со мной ты сердца жаръ погубишь;
„Пускай, узнавъ людей,
„Ты, можетъ быть, испуганный разлюбишь
„И ближнихъ и друзей.

„Я бытія всѣ прелести разрушу,
„Но умъ наставлю твой;
Я оболью суровымъ хладомъ душу,
„Но дамъ душѣ покой“.

Я трепеталъ, словамъ ея внимая,
И горестно въ отвѣтъ
Промолвилъ ей: о гостья неземная!
Печаленъ твой привѣтъ!

Свѣтильникъ твой — свѣтильникъ погребальный
Послѣднихъ благъ моихъ;
Твой миръ, увы! могилы миръ печальный
И страшенъ для живыхъ!

Покинь меня, въ твоей наукѣ строгой
Я счастья не найду;
Покинь меня; кой-какъ моей дорогой
Одинъ я побреду.

Прости!.. иль нѣтъ: когда мое свѣтило
Во звѣздной вышинѣ
Начнетъ блѣднѣть, и все, что сердцу мило,
Забыть придется мнѣ...

Явись тогда, раскрой тогда мнѣ очи,
Мой разумъ просвѣти,
Чтобъ, жизнь презрѣвъ, я могъ въ обитель ночи
Безропотно сойти.

* * *

1823 г.

59. * * *

О своенравная Софія!
Отъ всей души я васъ люблю,
Хотя и рѣже, чѣмъ другія,
И неискуснѣй васъ хвалю.
На вашихъ ужинахъ веселыхъ,
Гдѣ любятъ смѣхъ и даже шумъ,
Гдѣ не кладутъ оковъ тяжелыхъ
Ни на умѣнье, ни на умъ;
Гдѣ для холопа иль невѣжды
Не притворяясь, часто мы
Бранимъ Указы и псалмы,
Я основалъ мои надежды
И счастье нынѣшней зимы.
Ни въ чемъ не слѣдуя пристрастью,
Даете цѣну вы всему:
Разсудку, живости, уму
И удовольствію и счастью.
Свѣтъ пренебрегши въ добрый часъ
И утѣснительную моду,
Всему и всѣмъ забавить васъ
Вы дали полную свободу;
И потому далеко прочь
Отъ васъ бѣжитъ причудницъ мука,
Жеманства пасмурная дочь,
Всегда зѣвающая Скука.
Иной порою, знаю самъ,
Я васъ браню по пустякамъ, —
Простите мнѣ мои укоры:
Не умъ одинъ дивится вамъ,
Опасны сердцу ваши взоры...
Они лукавы, я слыхалъ;
И все предвидя осторожно,
Отъ власти ихъ, когда возможно,
Спасти разсудокъ я желалъ.

1823 г.

Я въ немъ теперь едва-ли воленъ;
И часто, пасмурный душой,
За то я вами недоволенъ,
Что недоволенъ самъ собой.

60. Римъ.

Ты былъ-ли, гордый Римъ, земли самовластитель?
Ты былъ-ли, о свободный Римъ?
Къ нѣмымъ развалинамъ твоимъ
Подходитъ съ горестью ихъ чуждый навѣститель.

За что утратилъ ты величье прежнихъ дней,
За что, державный Римъ, тебя забыли боги?
Градъ пышный! гдѣ твои чертоги,
Гдѣ сильные твои, о родина мужей!

Тебѣ-ли измѣнилъ побѣды вѣрный Геній?
Ты-ль на распутіи временъ
Стоишь въ позорище племенъ,
Какъ пышный саркофагъ погибшихъ поколѣній?

Кому еще грозишь съ семи твоихъ холмовъ?
Судьбы-ли всѣхъ Державъ ты грозный возвѣститель,
Или, какъ призракъ обвинитель,
Печальный предстоишь очамъ твоихъ сыновъ?

61. Лутковскому.

Влюбился я, полковникъ мой,
Въ твои военные разсказы!
Проказы жизни боевой —
Никакъ веселыя проказы!
Не презрю я въ душѣ моей
Судьбою мирнаго лѣнтяя;
Но мнѣ война еще милѣй,
И я люблю, тебя внимая,
Жужжанье пуль и звукъ мечей.

Лутковскому.

1823 г.

Какъ сердце жаждетъ бранной славы,
Какъ духъ кипитъ, когда порой
Мнѣ хвалитъ ратныя забавы
Мой беззаботливый Герой!
Прекрасный видъ! — въ весельи дикомъ
Вы мчитесь грозно — дымъ столбомъ!
Оружiй блескъ! оружiй громъ!
Разбитый врагъ покрытъ стыдомъ,
И страшный бой, съ побѣднымъ кликомъ
Вы запиваете виномъ.
А Епендорфскiе трофеи? —
Проказникъ счастливый вполнѣ,
Съ веселымъ сыномъ Цитереи
Ты дружно жилъ и на войнѣ.
Стоятъ враги толпою жадной
Кругомъ окоповъ городскихъ;
Счастливецъ! ты защитникъ ихъ;
Съ тобой семьею безотрадной
Толпа красавицъ молодыхъ.
Враги повсюду, милый воинъ.
Онѣ повѣрены судьбѣ,
Благому небу и тебѣ, —
Но ты-ль ихъ вѣры не достоинъ!
Ты сна не знаешь, — сквозь туманъ
Невѣрный день едва проглянулъ,
Ужъ Витязь мой на вражiй станъ
Съ дружиной быстрою нагрянулъ, —
Врагамъ иль смерть, иль строгiй плѣнъ!
Межъ тѣмъ красавицы младыя
Пришли толпой — съ высокихъ стѣнъ
Глядѣть на игры боевыя.
Сраженья видъ ужасенъ имъ,
Дивятся подвигамъ твоимъ,
Шлютъ къ небу теплыя молитвы:
Да возвратится невредимъ
Любезный воинъ съ лютой битвы!
О, кто бы жадно не купилъ

1823 г.

Молитвы сей покоемъ, кровью!
Но ты не разъ увѣнчанъ былъ
И бранной славой, и любовью.
А я, любезный Командиръ,
Молвой забытый, о досада!
Ношу свой унтерскій мундиръ
Для щегольства и для парада!
Когда-жъ пѣвцу дозволитъ рокъ
Узнать, какъ ты, веселья боя
И заслужить хотя листокъ
Изъ лавровъ милаго Героя?

62. Признаніе.

Притворной нѣжности не требуй отъ меня,
Я сердца моего не скрою хладъ печальной:
Ты права, въ немъ ужъ нѣтъ прекраснаго огня
Моей любви первоначальной.
Напрасно я себѣ на память приводилъ
И милый образъ твой и прежнихъ лѣтъ мечтанье,
Безжизненны мои воспоминанья!
Я клятвы далъ, но далъ ихъ выше силъ.

Спокойна будь: я не плѣненъ другою;
Душой моей досель владѣла ты одна;
Но тѣнью легкою прошла моя весна:
Подъ бременемъ заботъ я изнемогъ душою,
Утихнуло волненіе страстей,
Промчались дни; безъ пищи самъ собою
Огонь любви погасъ въ душѣ моей.
Вѣрь, бѣденъ я одинъ: любви я знаю цѣну,
Но сердцемъ жить не буду вновь,
Вновь не забудусь я! Измѣной за измѣну
Мститъ оскорбленная любовь.

Предательства вѣрнѣй узнавъ науку,
Служа приличію, Фортунѣ иль судьбѣ,
Подругу нѣкогда я выберу себѣ
И безъ любви рѣшусь отдать ей руку.

1823 г. Въ сіяющій и полный ликовъ храмъ,
Обычаю безчувственно послушной,
Введу ее, и дѣвѣ простодушной
Я клятву жалкую во мнимой страсти дамъ...
И вѣсть къ тебѣ придетъ; но не завидуй намъ:
Не насладимся мы взаимностью отрадной,
Сердечной прихоти мы воли не дадимъ,
Мы не сердца Гимена связью хладной, —
Мы жребій свой одинъ соединимъ.

Прости, забудь меня; мы вмѣстѣ шли донынѣ;
Путь новый избралъ я, путь новый избери,
Печаль безплодную разсудкомъ усмири,
Какъ я, безропотно покорствуя судьбинѣ.
Не властны мы въ самихъ себѣ
И слишкомъ вѣт[illegible] въ младыя наши лѣта
Даемъ нес[illegible]омные обѣты,
Смѣшные, можетъ быть, всевидящей судьбѣ.

63. * * *

Я былъ любимъ, — твердила ты
Мнѣ часто нѣжные обѣты;
Хранятъ безумныя мечты
Слова, душой твоей согрѣты.
Нѣтъ, не могу не вѣрить имъ:
Я былъ любимъ, я былъ любимъ!

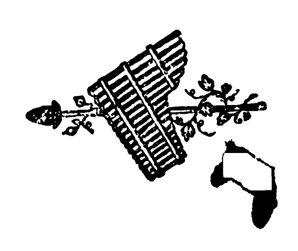
Все тотъ же я, любви моей
Судьба моя не измѣнила:
Я помню счастье прежнихъ дней,
Хоть, можетъ быть, его забыла,
Забыла милая моя.
Но тотъ же я, все тотъ же я!

Къ свиданью съ ней мнѣ нѣтъ пути.
Увы! когда бъ предсталъ я милой, —
Конечно, въ жалость привести
Ее бы могъ мой взоръ унылой.

Одна мечта души моей —
Свиданье съ ней, свиданье съ ней.

Хитра любовь, никакъ она
Мнѣ мой романсъ теперь внушаетъ
Ея волненія полна,
Моя любезная читаетъ,
Любовью прежней дышитъ вновь.
Хитра любовь, хитра любовь!

Въ Москвѣ 31 ноября 1823.

1824 г.

64. Къ жестокой.

Неизвинительной ошибкой,
Скажите, долго-ль будетъ вамъ
Внимать съ холодною улыбкой
Любви укорамъ и мольбамъ?
Однѣ побѣды вамъ извѣстны;
Любовь нечаянно узнавъ,
Какихъ лишитеся вы правъ
И меньше-ль будете прелестны?
Ко мнѣ, примѣрно, нѣжной ставъ,
Вы наслажденья лишены-ли
Дурачить плѣнниковъ другихъ
И гордой быть, какъ прежде были,
Въ толпѣ соперниковъ моихъ?
Еще-ли нужно размышленье!

1824 г.

Любви простое упоенье
Васъ не довольствуетъ вполнѣ;
Но съ нѣгой страстной поклоненье
Соединить не трудно мнѣ;
И вашъ угодникъ постоянной
Попеременно я бы могъ
Быть съ вами запросто въ диванной,
Въ гостиной быть у вашихъ ногъ.

65. Къ —.

Зачѣмъ живыя выраженья
Моей пріязни каждый разъ
Въ васъ возбуждаютъ опасенья
И возмущаютъ даже васъ?
Страшитесь Вы (страшитесь, право) —
Не взволновали-ль Вы мнѣ кровь,
И голосъ дружества любовь
Не принимаетъ-ли лукаво?
Душа полна тоски ея;
Но я разсудка не забуду
И на смятеніе мое
Отвѣта требовать не буду.
Не терпитъ богъ младыхъ проказъ
Ланитъ увядшихъ, впалыхъ глазъ.
Надежды были бы напрасны!
Что-жъ? Я не жалокъ, и при томъ
Любуясь Вами, какъ цвѣткомъ,
Я счастливъ тѣмъ, что Вы прекрасны.
Когда я въ очи Вамъ гляжу,
Предавшись нѣжному томленью,
Слегка о прошломъ я тужу,
Но радъ, что сердце нахожу
Еще способнымъ къ упоенью.
Межъ мудрецами былъ чудакъ:
„Я мыслю“, пишетъ онъ, „итакъ,
Я несомнѣнно существую!“

1824 г.

Нѣтъ, любишь ты, и потому
Ты существуешь, — я пойму
Скорѣе истину такую.
Огнемъ, похищеннымъ съ небесъ,
Одушевилъ свое созданье
Япетовъ сынъ, — и въ наказанье
Жестокій, мстительный Зевесъ
Къ вершинѣ дикаго Кавказа
Его цѣпями приковалъ;
Вранъ сердце грызть ему леталъ.
Кто отъ единаго разсказа
Не цѣпенѣлъ, не трепеталъ?
И Вы трепещете; но что же?
Въ огнѣ любезныхъ мнѣ очей
Я занялъ жизнь души моей.
За это мстили Вы мнѣ тоже
И также рады мстить, ей-ей!
Но въ жаръ краса меня не вводитъ,
Тяжелый опытъ взялъ свое:
Я захожу въ пріютъ ея,
Какъ вольнодумецъ въ храмъ заходитъ.
Душою праздный съ давнихъ поръ,
Вамъ лепечу я нѣжный вздоръ;
Увы! беру прельщенья мѣры,
Какъ онъ порою въ храмѣ томъ
Благоуханья сжетъ безъ вѣры
Предъ сердцу чуждымъ Божествомъ.

66. ⁎⁎⁎

Хоть Графъ и Князь не все есть тоже,
Однако-жъ есть у насъ и князь,
Который нѣсколько моложе,
Но посидѣвши, потрудясь,
На Графа пишетъ онъ похоже!

1824 г.

67. Богдановичу.

Въ садахъ Элизія, у водъ счастливой Леты,
Гдѣ благоденствуютъ отжившіе поэты,
О Душенькинъ поэтъ, прими мои стихи!
Никакъ въ писатели попалъ я за грѣхи,
И, надоѣвъ живымъ посланьями своими,
Несчастнымъ мертвецамъ скучать рѣшаюсь ими.
Нѣтъ нужды до того! Хочу въ досужный часъ
Съ тобой поговорить про русскій нашъ Парнасъ,
Съ тобой, поэтъ живой, затѣйливый и нѣжный,
Всегда плѣнительный, хоть нѣсколько небрежный,
Чертамъ замѣтнѣйшимъ лукавой остроты
Дающій милый видъ сердечной простоты,
И часто наготу рисуя намъ безчинно,
Почти безстыднымъ быть умѣющій невинно

Не хладной шалостью, но сердцемъ внушена,
Веселость ясная въ стихахъ твоихъ видна;
Мечты игривыя тобою были пѣты.
Въ печаль влюбились мы. Новѣйшіе поэты
Не улыбаются въ твореніяхъ своихъ,
И какъ-то въ мірѣ семъ все очень не по нихъ.
Ну что-жъ? поклонъ, да вонъ! Увы, не въ этомъ дѣло:
Ни жить имъ, ни писать еще не надоѣло,
И правду безъ затѣй сказать тебѣ пора:
Пристала къ Музамъ ихъ Нѣмецкихъ Музъ хандра.
Жуковскій виноватъ: онъ первый между нами
Вошелъ въ содружество съ Германскими пѣвцами
И сталъ передавать, забывши Божій страхъ,
Жизнехуленья ихъ въ плѣнительныхъ стихахъ.
Прости ему Господь! — Но что же? всѣ мараки
Ударились потомъ въ задумчивыя враки,
У всѣхъ уныніемъ одѣлося чело,
Душа увянула и *сердце отцвѣло*.
Какъ терпитъ публика безуміе такое? —
Ты спросишь. — Публикѣ наскучило простое;

1824 г. Мудреное теперь любезно для нее:
У вѣка хилаго испортилось чутье.

Ты въ лучшемъ вѣкѣ жилъ. Не столько просвѣщенный,
Являлъ онъ бодрый умъ и вкусъ неразвращенный:
Вѣнцы свои дарилъ, безъ вычуръ толковитъ,
Онъ только истиннымъ любимцамъ Аонидъ.
Но нѣтъ явленія безъ творческой причины:
Сей благодатный вѣкъ былъ вѣкъ Екатерины;
Она любила Музъ, и ты-ли позабылъ,
Кто Душеньку твою всѣхъ прежде оцѣнилъ?
Я думаю, въ садахъ, гдѣ свѣтъ безсмертья блещетъ,
Понынѣ тѣнь твоя отъ радости трепещетъ,
Воспоминая день, сей день, когда пѣвца,
Еще за милый трудъ не ждавшаго вѣнца,
Она, друзья ея, условясь потаенно,
Такъ лестно приняли, ему поперемѣнно
Страницы Душеньки читая наизусть.
Сердца завистниковъ стѣснила злая грусть,
И на другой же день разспросы о поэтѣ
И похвалы ему жужжали въ модномъ свѣтѣ.

Кто вкуса божествомъ теперь служилъ бы намъ?
Кто въ наши времена, и прозѣ и стихамъ
Провозглашая судъ разборчивый и правой,
Завѣдывать бы могъ Парнасскою управой?
О, добрый нашъ народъ имѣетъ для того
Особенныхъ судей, которые его,
Въ листахъ условленныхъ и въ цѣну приведенныхъ,
Снабжаютъ мнѣніемъ о книгахъ современныхъ!
Даруетъ между насъ и славу и позоръ
Торговой логики смышленый приговоръ.
О нашихъ судіяхъ не смѣю молвить слова;
Но слушай, какъ честятъ они одинъ другого:
Товарищъ каждаго глупецъ, невѣжда, враль;
Повѣрить надо имъ, хотя повѣрить жаль.

Какъ быть писателю? Въ пустынѣ благодатной,
Забывши модный свѣтъ, забывши свѣтъ печатной,

1824 г. Какъ ты, философъ мой, таиться безъ грѣха,
Избрать въ совѣтники кота и пѣтуха
И, въ тишинѣ трудясь для собственнаго чувства,
Въ искусствѣ находить возмездіе искусства!

Такъ, вѣку вопреки, въ сей самый вѣкъ у насъ
Сладкопоющихъ лиръ порою слышенъ гласъ,
Благоуханный дымъ отъ жертвы безкорыстной!
Такъ нѣжный Батюшковъ, Жуковскій живописной,
Неподражаемый и цѣлую орду
Злыхъ подражателей родившій на бѣду;
Такъ Пушкинъ молодой, сей вѣтреникъ блестящій,
Все подъ перомъ своимъ шутя животворящій
(Тебѣ, я думаю, знакомъ довольно онъ:
Недавно отъ него товарищъ твой Назонъ
Посланье получилъ), любимцы вдохновенья
Не могутъ побѣдить сердечнаго влеченья
И между насъ поютъ, какъ нѣкогда Орфей
Между мохнатыхъ пѣлъ, по вѣрѣ старыхъ дней.
Безсмертіе въ вѣкахъ имъ будетъ воздаяньемъ!

А я, владѣющій убогимъ дарованьемъ,
Но ревеніемъ горя полезнымъ быть и имъ,
Я правды красоту даю стихамъ моимъ,
Желаю доказать людскихъ суетъ ничтожность
И хладной мудрости высокую возможность.
Что мыслю, то пишу. Когда-то веселѣй
Я славилъ на зарѣ своихъ цвѣтущихъ дней
Законы сладкіе любви и наслажденья:
Другія времена — другія упражненья;
Теперь зрѣлѣй мой умъ, черствѣй душа моя,
Опять, когда умру, повеселѣю я;
Тогда безпечныхъ Музъ безпечнаго питомца
Прими, философъ мой, какъ стараго знакомца.

1824 г.

68. Невѣстѣ.

(А. Я. В[асильевой]).

Не разъ Гимена клеветали:
Его бездушнымъ торговцомъ,
Брюзгой, ревнивцемъ и глупцомъ
Попеременно называли.
Какъ свѣтъ его ни назови,
У васъ онъ будетъ, безъ сомнѣнья,
Достойнымъ сыномъ уваженья
И братомъ пламенной любви!

Роченсальмъ
1824.

69. Л[утковск]ой.

Слѣпой поклонникъ красоты,
Наперекоръ моей судьбинѣ,
Въ нее я вѣровалъ донынѣ;
Ей несъ я въ даръ мои мечты;
Я трепеталъ въ тоскѣ желанья
У ногъ волшебницъ молодыхъ,
Но тщетно взоръ во взорахъ ихъ
Искалъ отвѣта и узнанья!
Огонь утихъ въ моей крови.
Покинувъ службу Купидона,
Я промѣнялъ сады любви
На верхъ безплодный Геликона.
Но свѣтлый міръ унылъ и пустъ,
Когда душѣ ничто не мило:
Руки пожатье замѣнило
Мнѣ поцѣлуй прекрасныхъ устъ.

70. *,*

Когда придется какъ-нибудь
Въ досужный часъ воспомянуть
Вамъ о Финляндіи суровой,
О финскихъ чудныхъ щеголяхъ,

О ихъ безужинныхъ балахъ
И о Варварѣ Аргуновой, —
Не позабудьте обо мнѣ,
Поэтѣ сиромъ и безродномъ
Въ чужой, далекой сторонѣ,
Сердитомъ, грустномъ и голодномъ.
А вамъ, Анеточка моя,
Что пожелать осмѣлюсь я?
О! наилучшаго, конечно:
Такой пребыть, какою васъ
Сегодня вижу я на часъ,
Какою помнить буду вѣчно.

Роченсальмъ
Февраля 15-го 1824-го года.

71. ***

Младыя Граціи сплели тебѣ вѣнокъ
И имъ стыдливую невинность увѣнчали.
Въ него вплести и мнѣ нельзя-ли
На память миртовый листокъ?
Хранимый дружбою, онъ, вѣрно, не увянетъ,
Онъ лучшихъ чувствъ моихъ залогомъ будетъ ей;
Но друга вѣрнаго и были прежнихъ дней
Да поздно милая вспомянетъ.
Да поздно юныхъ сновъ утратитъ легкій рой
И скажетъ въ тихій часъ случайнаго раздумья:
Не другомъ красоты, не другомъ остроумья, —
Онъ другомъ былъ меня самой.

Фридрихсгамъ.

72. (Въ альбомъ Софіи).

Мила, какъ Грація, скромна,
Какъ Сандрильона;
Подобно ей, красой она
Достойна трона.

1824 г. Пріятна лира ей моя:
Но что мнѣ въ этомъ?
Быть Королемъ желалъ бы я,
А не Поэтомъ.

73. Звѣздочка.

Взгляни на звѣзды: много звѣздъ
Въ безмолвіи ночномъ
Горитъ, блеститъ кругомъ луны
На небѣ голубомъ.

Взгляни на звѣзды: между нихъ
Милѣе всѣхъ одна!
За что же? ранѣе встаетъ,
Ярчѣй горитъ она?

Нѣтъ, утѣшаетъ свѣтъ ея
Разставшихся друзей;
Ихъ взоры, въ синей вышинѣ,
Встрѣчаются на ней.

Въ звѣздѣ любезной чувство есть
И съ думою глядитъ,
И взору шлетъ отвѣтный взоръ,
И нѣжностью горитъ.

И съ милой звѣздочки своей
Не сводимъ мы очесъ,
И провожаемъ мы ее
На небо и съ небесъ.

Себѣ звѣзду избралъ-ли ты
Въ безмолвіи ночномъ?
Ихъ много блещетъ и горитъ
На небѣ голубомъ.

Не первой вставшей сердце ввѣрь
И, суетный въ любви,
Не лучезарнѣйшую всѣхъ
Своею назови:

Ту назови своей звѣздой,
Чтò съ думою глядитъ
И взору шлетъ отвѣтный взоръ
И нѣжностью горитъ!

24 Сентября 1824.

74. Дѣвушкѣ, которой имя было: Аврора.

Выдь, дохни намъ упоеньемъ,
Соименница зари!
Всѣхъ румянымъ появленьемъ
Оживи и озари!
Пылкій юноша не сводитъ
Взоровъ съ милой и порой
Мыслитъ съ тихою тоской:
„Для кого она выводитъ
„Солнце счастья за собой?“.

75. Оправданіе.

Я силился счастливой старины
Возобновить счастливыя мечтанья;
Взывалъ къ тебѣ, взывалъ отъ глубины
Души моей, исполненной страданья.
Вотще, увы! печальныхъ строкъ моихъ
Не хочешь ты отвѣтомъ удостоить;
Не тронулась ты нѣжностію ихъ
И презрѣла мнѣ сердце успокоить.
Виновенъ я — и въ памяти твоей
Не оживу! Прощенья у жестокой
Не вымолю! Я былъ невѣренъ ей, —
Нѣтъ жалости къ тоскѣ моей глубокой,
Вниманья нѣтъ къ мольбамъ любви моей.
Виновенъ я! Я нѣжныя признанья
Твердилъ сто разъ красавицамъ другимъ;
Я къ нимъ спѣшилъ на тайныя свиданья,
Я расточалъ живыя ласки имъ:

1824 г. Но все дышалъ Доридою одною,
Въ объятьяхъ ихъ мечту о ней тая;
Въ объятьяхъ ихъ былъ вѣренъ ей душою
И отдавалъ имъ только чувства я.
Въ собраніяхъ, веселью посвященныхъ,
На празднествахъ столичныхъ богачей,
При пламени безчисленныхъ свѣчей,
При гулѣ струнъ, смычками оживленныхъ,
Какъ бѣшеный въ безумномъ вальсѣ мча
То Делію, то Дафну, то Лилету
И всѣмъ троимъ готовый сгоряча
Произнести по страстному обѣту;
Касаяся душистыхъ ихъ кудрей
Лицомъ моимъ, объемля жадной дланью
Ихъ стройный станъ: такъ, въ памяти моей
Ужъ не было подруги прежнихъ дней,
Принадлежалъ я новому мечтанью.
Но къ нимъ-ли я любовію пылалъ?
Нѣтъ, милый другъ, когда въ уединеньи
Себя потомъ я строго повѣрялъ,
Ихъ находя въ моемъ воображеньи,
Тебя одну я въ сердцѣ обрѣталъ.
Довѣрчивыхъ вертушекъ обольщая,
Съ восторгомъ пѣлъ я чувство къ нимъ мое;
Но жаръ любви, но голосъ я ея
Какъ находилъ? — тебя воображая!
Не внемлешь ты и, мукъ моихъ жадна,
По правиламъ прелестницъ хладнокровныхъ,
Все памятью обидъ своихъ полна.
Прости-жъ навѣкъ; но знай, что двухъ виновныхъ,
Не одного — найдутся имена
Въ стихахъ моихъ, въ преданіяхъ любовныхъ!

76. (Сонетъ.)

Мы пьемъ въ любви отраву сладкую,
Но все отраву пьемъ мы въ ней, —

1824 г. И платимъ мы за радость краткую
Ей безвесельемъ долгихъ дней.
Огонь любви — огонь живительный,
Всѣ говорятъ; но что мы зримъ?
Опустошаетъ, разрушительный,
Онъ душу, объятую имъ!
Кто заглушитъ воспоминанія
О дняхъ блаженства и страданія,
О чудныхъ дняхъ твоихъ, любовь?
Тогда я ожилъ бы для радости,
Для сновъ златыхъ цвѣтущей младости —
Тебѣ предаться могъ бы вновь!

77. Черепъ.

Усопшій братъ, кто сонъ твой возмутилъ?
Кто пренебрегъ святынею могильной?
Въ разрытый домъ къ тебѣ я нисходилъ,
Я въ руки бралъ твой черепъ желтой, пыльной

Еще носилъ волосъ остатки онъ;
Я зрѣлъ на немъ ходъ постепенный тлѣнья.
Ужасный видъ! Какъ сильно поражонъ
Имъ мыслящій наслѣдникъ разрушенья!

Со мной толпа безумцевъ молодыхъ
Ребячески вкругъ ямы хохотала. —
Когда-бъ тогда, когда-бъ въ рукахъ моихъ
Глава твоя внезапно провѣщала!

Когда-бъ она цвѣтущимъ, пылкимъ намъ
И каждый часъ грозимымъ смертнымъ часомъ
Всѣ истины, извѣстныя гробамъ,
Произнесла своимъ безстрастнымъ гласомъ!

Что говорю? Стократно благъ законъ,
Молчаньемъ ей уста запечатлѣвшій!
Обычай правъ, усопшихъ важный сонъ
Намъ почитать издавна повелѣвшій.

1824 г.

Гробъ вопрошать дерзаетъ человѣкъ —
О суетный, безумный изыскатель!
„Живи живой, тлѣй мертвый!“ вотъ что рекъ
Всего яснѣй таинственный Создатель.

Намъ надобны и страсти, и мечты,
Въ нихъ бытія условіе и пища:
Не подчинишь однимъ законамъ ты
И свѣта шумъ, и тишину кладбища!

Его судьбамъ покорно гробъ молчитъ.
Зачѣмъ же насъ несбывшееся мучитъ?
Пусть радости живущимъ жизнь даритъ,
А смерть сама ихъ умереть научитъ.

78. Стансы.

О чемъ ни молимся богамъ,
Что дать намъ боги ни во власти —
Ничто не дастъ отрады намъ,
Когда ошибочныя страсти
Вредятъ сердечной тишинѣ,
Когда господствуютъ онѣ.

Ко счастью способовъ однихъ
Для счастья истиннаго мало;
Употреблять съ умѣньемъ ихъ
Еще бы людямъ надлежало;
И не на то-ль своимъ Творцомъ
Одарены они умомъ?

А мы, мы умъ свой обрекли
Господству дѣтскихъ своенравій!
Достигъ владычества земли
Счастливецъ вѣтреный Октавій;
Достигъ, и что-жъ? — всемірный тронъ
Покинуть замышляетъ онъ.

Все суета! Мудрецъ прямой
Далекихъ благъ не жаждетъ праздно,

1824 г.

Но духъ воспитываетъ свой
Случайной долѣ сообразно;
Для счастья надобное въ ней
Даруетъ онъ душѣ своей.

Въ глуши лѣсовъ счастливъ одинъ,
Другой страдаетъ на престолѣ:
На высотѣ земныхъ судьбинъ
И въ незамѣтной, низкой долѣ
Всѣхъ благъ возможныхъ тотъ достигъ,
Кто духъ судьбы своей постигъ.

Мы всѣ блаженствуемъ равно,
Но всѣ блаженствуемъ различно.
Удѣломъ нашимъ рѣшено,
Какъ наслаждаться намъ прилично.
И кто намъ лучшiй далъ совѣтъ:
Иль Эпикуръ, иль Эпиктетъ?

Меня тягчилъ печалей грузъ,
Но не упалъ я передъ рокомъ:
Нашелъ отраду въ пѣсняхъ Музъ
И въ равнодушiи высокомъ;
И свѣтомъ презрѣнный удѣлъ
Облагородить я умѣлъ.

Хвала вамъ, боги! Предо мной
Вы оправдалися отнынѣ;
Готовъ я съ бодрою душой
На все угодное судьбинѣ,
И никогда сей лиры гласъ
Не оскорбитъ роптаньемъ васъ!

79. Элизiйскiя поля.

Бѣжитъ невѣрное здоровье,
И каждый день готовлюсь я
Свершить послѣднее условье,
Законъ послѣднiй бытiя.

1824 г.

Ты не спасешь меня, Киприда!
Пробьютъ урочные часы,
И низойдетъ къ брегамъ Аида
Пѣвецъ веселья и красы.

Простите, вѣтреные други,
Съ кѣмъ беззаботно въ жизни сей
Дѣлилъ я шумные досуги
Разгульной юности моей!
Я не страшуся новоселья:
Гдѣ-бъ ни жилъ я, мнѣ все равно;
Тамъ тоже славить отъ бездѣлья
Я стану дружбу и вино!
Не измѣнясь въ подземномъ мірѣ,
И тамъ на шаловливой лирѣ
Превозносить я буду вновь
Покойной Дафнѣ и Темирѣ
Неприхотливую любовь.

О Дельвигъ! слезы мнѣ не нужны;
Вѣрь: въ закоцитной сторонѣ
Пріемъ радушный будетъ мнѣ, —
Со мною Музы были дружны!
Тамъ, въ очарованной тѣни,
Гдѣ благоденствуютъ поэты,
Прочту Катуллу и Парни
Мои небрежные куплеты,
И улыбнутся мнѣ они.

Когда изъ таинственной сѣни,
Отъ темныхъ Орковыхъ полей,
Здѣсь навѣщать своихъ друзей
Порою могутъ наши тѣни, —
Я навѣщу, о други, васъ,
Сыны забавы и веселья!
Когда для шумнаго похмѣлья
Вы соберетесь въ праздный часъ,
Приду я съ вами Вакха славить;
А къ вамъ прошенье объ одномъ:

1824 г.

Приборъ покойнику оставить
Не позабудьте за столомъ!

Межъ тѣмъ за тайными брегами,
Друзей вина, друзей пировъ,
Веселыхъ, добрыхъ мертвецовъ
Я подружу заочно съ вами.
И вамъ, чрезъ день или другой,
Законъ губительный Зевеса
Велитъ покинуть міръ земной:
Мы встрѣтимъ васъ у вратъ Айдеса
Знакомой, дружеской толпой;
Наполнимъ радостныя чаши,
Хвала свиданью возгремитъ,
И огласятъ привѣты наши
Весь необъемлемый Аидъ!

80. Буря.

Завыла буря; хлябь морская
Клокочетъ и реветъ, и черные валы
Идутъ, до неба возставая,
Бьютъ, гнѣвно пѣняся, въ прибрежныя скалы.

Чья непріязненная сила,
Чья своевольная рука
Сгустила въ тучи облака
И на краю небесъ ненастье зародила?
Кто, возмутивъ природы чинъ,
Горами влажными на землю гонитъ море?
Не тотъ-ли злобный духъ, геенны властелинъ,
Что по вселенной розлилъ горе,
Что человѣка подчинилъ
Желаньямъ, немощи, страстямъ и разрушенью
И на творенье ополчилъ
Всѣ силы, данныя творенью?
Земля трепещетъ передъ нимъ:
Онъ небо заслонилъ огромными крылами

1824 г.

И двигаетъ ревущими водами,
Бунтующимъ могуществомъ своимъ.

Иль вѣчнымъ будетъ заточенье?
Когда волнамъ твоимъ я ввѣрюсь, океанъ!
Но знай: красой далекихъ странъ
Не очаровано мое воображенье:
Подъ небомъ лучшимъ обрѣсти
Я лучшей доли не сумѣю;
Вновь не смогу душой моею
Въ краю цвѣтущемъ расцвѣсти!
Межъ тѣмъ отъ прихоти судьбины,
Межъ тѣмъ отъ медленной отравы бытія,
Въ покоѣ раболѣпномъ я
Ждать не хочу моей кончины:
На яростныхъ волнахъ, въ борьбѣ со гнѣвомъ ихъ,
Она отраднѣе гордынѣ человѣка!
Какъ жаждалъ радостей младыхъ
Я на зарѣ младого вѣка,
Такъ нынѣ, Океанъ, я жажду бурь твоихъ!

Волнуйся, возставай на каменныя грани:
Онъ веселитъ меня, твой грозный, дикій ревъ,
Какъ зовъ къ давно-желанной брани,
Какъ мощнаго врага мнѣ чѣмъ-то лестный гнѣвъ!

81. Леда.

Въ странѣ роскошной, благодатной,
Гдѣ Евротейскій древній токъ
Среди долины ароматной
Катится свѣтелъ и широкъ,
Вдоль брега Леда молодая,
Еще не мысля, но мечтая,
Стопами тихими брела.
Ужъ близокъ полдень; небо знойно;
Кругомъ все пусто, все спокойно;
Рѣка прохладна и свѣтла;
Брега стрегутъ кусты густые....

1824 г.

Покровы пали на цвѣты,
И Леды прелести нагія
Прозрачной влагой приняты.
Легко возлегшая на волны,
Легко скользитъ по нимъ она;
Роскошно пѣнясь, перси полны
Лобзаетъ жадная волна.
Но зашумѣлъ тростникъ прибрежный,
И лебедь стройный, бѣлоснѣжный,
Изъ-за него явился ей.
Сначала онъ, чуть зримый окомъ,
Блуждаетъ въ оплывѣ широкомъ
Кругомъ возлюбленной своей;
Въ пучинѣ часто исчезаетъ,
Но, сокрываяся отъ глазъ,
Изъ водъ глубокихъ выплываетъ
Все ближе къ милой каждый разъ.
И вотъ плыветъ онъ рядомъ съ нею, —
Ей смѣлость лебедя мила:
Рукою нѣжною своею
Его осанистую шею
Младая дѣва обняла;
Онъ жмется къ дѣвѣ, онъ украдкой
Ей перси нѣжныя клюетъ;
Онъ въ пѣснѣ радостной и сладкой
Какъ бы красы ея поетъ,
Какъ бы поетъ живую нѣгу!
Межъ тѣмъ влечетъ ее ко брегу.
Выходитъ на берегъ она;
Уставъ, въ тѣни густого древа,
На мураву ложится дѣва,
На длань главою склонена.
Межъ тѣмъ не дремлетъ лебедь страстной:
Онъ на колѣняхъ у прекрасной
Нашелъ убѣжище свое;
Онъ сладкозвучно воздыхаетъ,
Онъ влажнымъ клевомъ вопрошаетъ

1824 г.

Уста невинныя ея...
Въ изнемогающую дѣву
Огонь желанія проникъ:
Уста раскрылись; томно клеву
Уже отвѣтствуетъ языкъ;
Ужъ на глаза съ живымъ томленьемъ
Набросивъ пышные власы,
Она нечаянным движеньемъ
Раскрыла всѣ свои красы....
Пріютъ свой прежній покидаетъ
Тогда нескромный лебедь мой;
Онъ томно шею обвиваетъ
Вкругъ шеи дѣвы молодой;
Его напрасно отклоняетъ
Она дрожащею рукой:
Онъ завладѣлъ —
Затрепеталъ крылами онъ, —
И вырывается у Леды
И дѣтства крикъ, и нѣги стонъ.

82. Веселье и Горе.

Рука съ рукой Веселье, Горе
Пошли дорогой бытія;
Но что? — поссорилися вскорѣ
Противно-нравные друзья!
Лишь перекрестокъ увидали,
Другъ другу молвили: „прости!"
Недолго розно поблуждали,
Чрезъ день сошлись — въ концѣ пути!

83. Увѣреніе.

Нѣтъ, обманула васъ молва:
Попрежнему дышу я вами,
И надо мной свои права
Вы не утратили съ годами.

Другимъ курилъ я ѳиміамъ,
Но васъ носилъ въ святынѣ сердца;
Молился новымъ красотамъ,
Но съ безпокойствомъ старовѣрца.

1824 г.

84. Фея.

Порою ласковую Фею
Я вижу въ обаяньи сна,
И всей наукою своею
Служить готова мнѣ она.
Душой обманутой ликуя,
Мои мечты ей лепечу я;
Но что же? — странно и во снѣ
Непокупное счастье мнѣ:
Всегда дарамъ своимъ предложитъ
Условье нѣкое она,
Которымъ, злобно смышлена,
Ихъ отравитъ иль уничтожитъ.
Знать, самымъ духомъ мы рабы
Земной насмѣшливой судьбы;
Знать, міру явному дотолѣ
Нашъ бѣдный умъ порабощёнъ,
Что переноситъ поневолѣ
И въ міръ мечты его законъ!

1824-го года.

85. Д[ельвиг]у.

Я безразсуденъ — и не диво!
Но разсудителенъ-ли ты,
Всегда преслѣдуя ревниво
Мои любимыя мечты!
„Не для нея прямое чувство;
„Одно коварное искусство
„Я вижу въ Деліи твоей;
„Не вѣрь прелестницѣ лукавой:

1824 г.

„Самолюбивою забавой
„Твои восторги служатъ ей“.
Не обнаружу я досады,
И проницательность твоя
Хвалы достойна, вѣрю я;
Но не находитъ въ ней отрады
Душа смятенная моя.

Я вспоминаю голосъ нѣжный
Шалуньи ласковой моей,
Рѣчей открытыхъ складъ небрежный,
Огонь ланитъ, огонь очей;
Я вспоминаю день разлуки,
Послѣдній, долгій разговоръ,
И полный нѣги, полный муки
На мнѣ покоившійся взоръ;
Я перечитываю строки,
Гдѣ, увлеченія полна,
Въ любви счастливые уроки
Мнѣ самому даетъ она.
И говорю въ тоскѣ глубокой:
„Ужель обманутъ я жестокой?
„Иль все досель въ безумномъ снѣ
„Безумно чудилося мнѣ?
„О, страшно мнѣ разувѣренье
„И объ одномъ мольба моя:
„Да вѣчнымъ будетъ заблужденье,
„Да вѣкъ безумцемъ буду я...“

Когда же съ вѣрою напрасной
Взываю я къ судьбѣ глухой,
И вскорѣ опытъ роковой
Очамъ доставитъ свѣтъ ужасной,—
Пойду я странникомъ тогда
На край земли, туда, туда,
Гдѣ вѣчный холодъ обитаетъ,
Гдѣ поневолѣ стынетъ кровь,
Гдѣ, можетъ быть, сама любовь

1825 г.

Въ озябломъ сердцѣ потухаетъ...
Иль нѣтъ, подумавши путемъ,
Останусь я въ углу моемъ,
Скажу, вздохнувъ: „Горюнъ неловкой,
Грусть простодушная смѣшна;
Не лучше-ль плутомъ быть съ плутовкой,
Шутить любовью, какъ она?
Я объ обманщицѣ тоскую,
Какъ здравымъ смысломъ я убогъ!
Ужель обманщицу другую
Мнѣ не пошлетъ въ отраду Богъ?

1825 г.

86. Эпиграмма.

Что ни болтай, а я великій мужъ!
Былъ воиномъ, носилъ недаромъ шпагу;
Какъ секретарь, судебную бумагу
Вамъ начерню, перебѣлю; къ тому-жъ
Я знаю свѣтъ, — держусь Христа и Бѣса,
Съ ханжой ханжа, съ повѣсою повѣса;
Въ одномъ лицѣ могу всѣ лица я
Представить вамъ. — Хотя подъ старость вѣка,
Ѳаддей, мой другъ, Ѳаддей, душа моя,
Представь лицо честнова человѣка.

87. ***

Войной журнальною безчеститъ безъ причины
Онъ дарованія свои.
Не такъ-ли славный вождь и другъ Екатерины—
Орловъ еще любилъ кулачные бои?

88. Къ...

Какъ много ты въ немного дней
Прожить, прочувствовать успѣла!
Въ мятежномъ пламени страстей
Какъ страшно ты перегорѣла!
Раба томительной мечты!
Въ тоскѣ душевной пустоты
Чего еще душою хочешь?
Какъ Магдалина плачешь ты,
И какъ русалка ты хохочешь!

89. ***

Простите, спорю невпопадъ
Я съ вашей Музою прелестной;
Но мнѣ Парни ни сватъ, ни братъ:
Совсѣмъ не онъ отецъ мой крестной.
Онъ мнѣ однако же знакомъ:
Цитерскихъ истинъ возвѣститель,
Любезный Князь, не спорю въ томъ,
Былъ вмѣстѣ съ вами мой учитель.

90. Къ Д[ельвигу] на другой день послѣ его женитьбы.

Ты распрощался съ братствомъ шумнымъ
Безстыдныхъ, бѣшеныхъ, но добрыхъ шалуновъ;
Съ безчинствомъ дружескимъ веселыхъ ихъ пировъ
И съ нашимъ счастьемъ вольнодумнымъ.

1825 г.

Благовоспитанный, степенный Гименей
Пристойно замѣнилъ проказника Амура
И вѣтреныхъ подругъ, и вѣтреныхъ друзей,
И сластолюбца Эпикура.
Теперь для двухъ коварныхъ глазъ
Воздержнымъ будешь ты, смѣшнымъ и постояннымъ;
Спасайся, милый!.. Но подчасъ
Не позавидуй окаяннымъ!

91. Къ Аннетѣ.

Когда Климена подарила
На память это мнѣ кольцо,
Ея умильное лицо,
Ея улыбка говорила:
„Оно твое; когда-нибудь
Сама и вся твоей я буду;
Лишь ты меня не позабудь,
А я тебя не позабуду!"
И черезъ день я былъ забытъ.
Теперь кольцо ея, Аннета,
Твой вѣчный другъ тебѣ даритъ.
Увы, недобрая примѣта
Тебя, быть можетъ, поразитъ!
Но неспособенъ я къ измѣнѣ:
Носи его и не тужи,
А въ оправданіе Клименѣ
Ея обѣты мнѣ сдержи!

92. Надпись.

Взгляни на ликъ холодный сей,
Взгляни: въ немъ жизни нѣтъ;
Но какъ на немъ былыхъ страстей
Еще замѣтенъ слѣдъ!
Такъ ярый токъ, оледенѣвъ,
Надъ бездною виситъ,
Утративъ прежній грозный ревъ,
Храня движенья видъ.

1825 г.

93. Дорога жизни.

Въ дорогу жизни снаряжая
Своихъ сыновъ, безумцевъ насъ,
Сновъ золотыхъ судьба благая
Даетъ извѣстный намъ запасъ.
Насъ быстро годы почтовые
Съ корчмы довозятъ до корчмы,
И снами тѣми путевые
Прогоны жизни платимъ мы.

94. Д. В. Давыдову.

Пока съ восторгомъ я внимаю
Повѣствованью славныхъ дѣлъ,
Ношу любовь къ родному краю
И къ пѣснямъ Музъ не охладѣлъ,
Пока цѣню я честь прямую,
Забуду-ль о счастливомъ днѣ,
Когда десной пожалъ десную
Давыдовъ радостному мнѣ?
О ты, который въ дымъ сраженій
Полки лихіе бурно мчалъ
И гласомъ пылкихъ пѣснопѣній
Сердца томилъ и волновалъ!
Такъ, такъ! покуда сердце живо
И трепетать ему не лѣнь,
Въ воспоминаньи горделиво
Хранить я буду оный день.
Клянусь, Давыдовъ благородной,
Въ томъ лирой, Фебу дорогой,
И въ славный годъ войны народной
Въ народѣ славной бородой!

1825 г.

95. Къ***
посылая тетрадь стиховъ.

Въ борьбѣ съ тяжелою судьбой
Я только пѣлъ мои печали,
Души холодною тоской
Стихи холодные дышали.
Когда-бъ въ то время зналъ я васъ,
Равно страдала бы, Темира,
Душа моя, — но во сто разъ
Была бы пламеннѣе лира.

96. Ожиданіе.

Она придетъ! къ ея устамъ
Прижмусь устами я моими;
Пріютъ укромный будетъ намъ
Подъ сими вязами густыми.
Волненьемъ страстнымъ я томимъ;
Но близъ любезной укротимъ
Желаній пылкихъ нетерпѣнье:
Мы ими счастію вредимъ
И сокращаемъ наслажденье.

97. Л. С. П[ушки]ну.

Повѣрь, мой милый, твой поэтъ
Тебѣ соперникъ не опасной:
Онъ на закатѣ юныхъ лѣтъ,
На пламенной зарѣ ты юности прекрасной!
Живого чувства полный взглядъ,
Уста цвѣтущія, румяныя ланиты
Влюбленныхъ пѣсенокъ сильнѣе говорятъ
Съ душой догадливой Хариты.
Когда съ тобой наединѣ
Порой красавица стихи мои похвалитъ, —
Тебя напрасно опечалитъ
Ея вниманіе ко мнѣ:

1825 г. Ей видѣть хочется начальное волненье
Души неопытной твоей,
И счастлива она, когда замѣтитъ въ ней
Свидѣтельство любви — ревнивое мученье.
Тебѣ-ль завидовать смѣшной моей судьбѣ?
Что̀, что̀ я пріобрѣлъ, красавицъ воспѣвая? —
Одно: моимъ стихомъ Харита молодая,
Быть можетъ, выразитъ любовь свою къ тебѣ!
Счастливый баловень Киприды,
Знай сердце женское, о! знай его вѣрнѣй
И за притворныя обиды
Лишь платы требовать умѣй!
А мнѣ, мнѣ предоставь таить огонь безплодной,
Рожденный иногда воззрѣньемъ красоты,
Умомъ оспоривать сердечныя мечты
И чувство прикрывать улыбкою холодной.

98. А. А. В[оейков]ой.

Очарованье красоты
Въ тебѣ не страшно намъ;
Не будишь насъ, какъ солнце, ты
Къ мятежнымъ суетамъ:
Отъ дольной жизни, какъ луна,
Манишь за край земной,
И при тебѣ душа полна
Священной тишиной.

99. Эпиграмма.

Пѣвецъ какой-то на искусъ
Представленъ былъ предъ Аполлона;
„Какъ пишетъ онъ?“ спросилъ у Музъ
Богъ безпристрастный Геликона:
„Никакъ негодный онъ поэтъ?“ —
— Нельзя сказать. — „Съ талантомъ?“ — Нѣтъ;
Ошибокъ важныхъ, правда, мало:
Да пишетъ онъ довольно вяло. —

1825 г.

„Я понялъ васъ; въ судѣ моемъ
Не озабочусь я нисколько:
Впредъ ни слова мнѣ о немъ,
Изъ списковъ выключить—и только“.

100. Пѣсня.

Когда взойдетъ денница золотая,
Горитъ эѳиръ,
И ото сна встаетъ, благоухая,
Цвѣтущій міръ,
И славитъ все существованья сладость;
Съ душой твоей
Что въ пору ту? скажи: живая радость,
Тоска-ли въ ней?

Когда на дѣвъ цвѣтущихъ и привѣтныхъ,
Передъ тобой
Мелькающихъ въ одеждахъ разноцвѣтныхъ,
Глядишь порой,
Глядишь и пьешь ихъ томныхъ взоровъ сладость;
Съ душой твоей
Что въ пору ту? Скажи: живая радость,
Тоска-ли въ ней?

Страдаю я! Изъ-за дубравы дальной
Взойдетъ заря,
Міръ озаритъ, души моей печальной
Не озаря.
Будь новый день любимцу счастья въ сладость,
Душѣ моей
Противенъ онъ! Что прежде было въ радость,
То въ муку ей.

Что красоты, почти всегда лукавой,
Мнѣ долгій взоръ?
Обманчивъ онъ! Знакомъ съ его отравой
Я съ давнихъ поръ.

Обманчивъ онъ! Его живая сладость
Душѣ моей
Страшна теперь! Что прежде было въ радость,
То въ муку ей.

101. Эпиграмма.

И ты поэтъ, и онъ поэтъ;
Но межъ тобой и имъ различіе находятъ:
Твои стихи въ печать выходятъ,
Его стихи выходятъ въ свѣтъ.

102. ***

Такъ, онъ лѣнивецъ, онъ негодникъ,
Онъ только что поэтъ, онъ человѣкъ пустой;
А ты, ты ябедникъ, шпіонъ, торгашъ и сводникъ..
О! человѣкъ ты дѣловой.

1826 г.

103. ***

Въ своихъ листахъ душонкой ты кривишь,
Уродуешь и мнѣнья, и сказанья,
Пріятельски дурачеству кадишь,
Завистливо поносишь дарованья;
Дурной твой нравъ дурной приноситъ плодъ:
Срамецъ! срамецъ! всѣ шепчутъ,—вотъ извѣстье!
—Эхъ, не тужи, ужъ это мой расчетъ:
Подписчики мнѣ платятъ за безчестье.

1826 г.

104. Эпиграмма.

Не трогайте Парнасскаго пера,
Не трогайте, пригожія вострушки!
Красавицамъ не много въ немъ добра,
И имъ Амуръ другія далъ игрушки.
Любовь-ли вамъ оставить въ забытьи
Для жалкихъ риѳмъ? — Надъ риѳмами смѣются,
Уносятъ ихъ Летійскія струи,
На пальчикахъ чернила остаются.

105. Наяда.

Есть гротъ: Наяда тамъ въ полдневные часы
Дремотѣ предаетъ усталыя красы;
И часто вижу я, какъ нимфа молодая
На ложѣ лиственномъ покоится нагая,
На руку бѣлую подъ говоръ ключевой
Склоняяся челомъ, вѣнчаннымъ осокой.

106. ***

Откуда взялъ Василій непотѣшный
Потѣшнаго Буянова? Хитрецъ
Къ лукавому прибѣгъ съ мольбою грѣшной.
„Я твой, сказалъ: но будь родной отецъ,
Но помоги".—Плодятся безъ усилья,
Горятъ, кипятъ задорные стихи,
И складныя страницы у Василья
Являются въ тетрадяхъ чепухи.

107. ***

Хотите-ль знать всѣ таинства любви?
Послушайте дѣвицу пожилую:
Какой огонь она родитъ въ крови!
Какую власть даруетъ поцалую!
Какой языкъ пылающимъ очамъ!
Какъ мигъ одинъ разсудокъ побѣждаетъ:
По пальцамъ все она разскажетъ Вамъ.
— Ужели все она по пальцамъ знаетъ?

1826 г.

108. Въ Альбомъ.

Перелетай къ веселью отъ веселья,
Какъ отъ цвѣтка бѣжитъ къ цвѣтку дитя;
Не успѣвай, за суетой бездѣлья,
Задуматься, подумать и шутя.
Пускай тебя къ Коринамъ не причислятъ, —
Играй, мой другъ, играй и вѣрь мнѣ въ томъ,
Что многіе о милой Лизѣ мыслятъ,
Когда она не мыслитъ ни о чемъ.

109. Эпиграмма.

Окогченная летунья,
Эпиграмма хохотунья,
Эпиграмма егоза,
Трется, вьется средь народа
И завидитъ лишь урода —
Разомъ вцѣпится въ глаза.

110. Эпиграмма.

Ты ропщешь, важный журналистъ,
На наше модное маранье:
„Все та же пѣсня: вѣтра свистъ,
Листовъ древесныхъ увяданье...“
Понятно намъ твое страданье:
И безъ того освистанъ ты,
И такъ, подваловъ достоянье,
Родясь — гніютъ твои листы.

111. Эпиграмма.

Вездѣ бранитъ поэтъ Клеонъ
Мою хорошенькую Музу;
Все обернуть умѣетъ онъ
Въ безславье нашему союзу.

1826 г.

Морочитъ добрыхъ онъ людей,
А слыть красоточкѣ моей
У нихъ негодницей обидно.
Поэтъ Клеонъ смѣшной злодѣй;
Ему же послѣ будетъ стыдно.

112. ***

Какъ сладить съ глупостью глупца?
Ему впопадъ не скажешь слова;
Другого проще онъ съ лица,
Но мудренѣй въ житьѣ другого.
Онъ всѣмъ превратно пораженъ,
И все навыворотъ онъ видитъ:
И безтолково любитъ онъ,
И безтолково ненавидитъ.

113. Эпиграмма.

Свои стишки Тощевъ піитъ
Покроемъ Пушкина кроитъ,
Но славы громкой не получитъ;
И я котенка вижу въ немъ,
Который, право не путемъ,
На голосъ лебедя мяучитъ.

114. Къ ***.

Не бойся ѣдкихъ осужденій,
Но упоительныхъ похвалъ:
Не разъ въ чаду ихъ мощный геній
Сномъ разслабленья засыпалъ.

Когда, довѣрясь ихъ измѣнѣ,
Уже готовъ у моды ты
Взять на вѣнокъ своей Каменѣ
Ея тафтяные цвѣты, —

Прости, я громко негодую;
Прости, наставникъ и пророкъ,

1826 г. Я съ укоризной указую
Тебѣ на лавровый вѣнокъ!

Когда по ребрамъ крѣпко стиснутъ
Пегасъ удалымъ сѣдокомъ,
Не горе, ежели прихлыстнутъ
Его критическимъ хлыстомъ.

115. Въ Альбомъ.

Когда-бъ избрать возможно было мнѣ
Хоть, напримѣръ, любую долю въ мірѣ, —
Я-бъ не хотѣлъ быть славнымъ на войнѣ,
Я-бъ не хотѣлъ играть на громкой лирѣ,
Я злата бы себѣ не пожелалъ;
Но блага всѣ нашедъ въ одномъ предметѣ,
То дайте мнѣ, богамъ бы я сказалъ,
Чѣмъ я могу любезнымъ быть Лилетѣ.

116. Случай.

Вчера ненастливая ночь
Меня застала у Лилеты.
Остаться-ль мнѣ, идти-ли прочь, —
Межъ нами долго шли совѣты.
Но въ чашу свѣтлаго вина
Наливъ съ улыбкою лукавой:
Послушай, молвила она,
Вино совѣтникъ самый здравой.
Я пилъ; на что-жъ рѣшился я
Благимъ внушеньемъ полной чаши?
Побрелъ по слякоти, друзья,
И до зари сидѣлъ у Паши.

117. Къ Амуру.

Тебѣ я младость шаловливу,
О сынъ Венеры, посвятилъ;
Меня ты плохо наградилъ,
Далъ мало сердцу на разживу!

Подобно мнѣ любилъ-ли кто?
И что-жъ я вспомню не тоскуя?
Два, три, четыре поцѣлуя!...
Быть такъ! спасибо и за то.

1826 г.

118. Товарищамъ.

Такъ! отставного шалуна
Вы вновь шалить не убѣждайте,
Иль золотыя времена
Младыхъ затѣй ему отдайте!

Перемѣняютъ годы насъ
И съ нами вмѣстѣ наши нравы:
Отъ всей души люблю я васъ,
Но ваши чужды мнѣ забавы.

Ужъ Вакхъ, увѣнчанный плющомъ,
Со мной по улицамъ не бродитъ
И къ вашимъ Нимфамъ вечеркомъ
Меня шатаясь не заводитъ.

Весельчакамъ я заперъ дверь,
Я пресыщенъ ихъ буйнымъ счастьемъ
И замѣнилъ его теперь
Пристойнымъ, тихимъ сладострастьемъ.

Въ пылу начальномъ дней младыхъ
Неодолимы наши страсти:
Проказимъ мы, но мы у нихъ,
Не у себя тогда во власти.

Въ своей отвагѣ молодой
Товарищъ вашъ блажилъ довольно;
Не видитъ онъ нужды большой
Вновь сумасбродить добровольно.

1826 г.

119. Къ — ву.

ОТВѢТЪ.

Чтобъ очаровывать сердца,
Чтобъ возбуждать рукоплесканья,
Я слышалъ, будто для пѣвца
Всего нужнѣе дарованья.
Путей къ Парнасу много есть:
Зѣвоту можно произвесть
Поэмой длинной, громкой одой,
И ввѣкъ того не пріобрѣсть,
Чего намъ не дано природой.

Когда старикъ Анакреонъ,
Сынъ вѣрный нѣги и прохлады,
Веселый пѣлъ амфоровъ звонъ
И сердцу памятные взгляды:
Вслѣдъ за толпой младыхъ забавъ,
Богини пѣсней, миновавъ
Пѣвцовъ усерднѣйшихъ Эллады,
Ему внимать исподтишка
Съ вершины Пинда поспѣшали
И балагура старика
Вѣнкомъ безсмертья увѣнчали.

Такъ своенравно Аполлонъ
Намъ раздаетъ свои награды;
Другому богу Геликонъ
Отдать хотѣлось бы съ досады!
Напрасно до поту лица
О славѣ Фофановъ хлопочетъ:
Ему отказанъ даръ пѣвца,
Трудится онъ, а Фебъ хохочетъ.
Межъ тѣмъ, даря веселью дни,
Едва-ли Батюшковъ, Парни
О прихотливой вспоминали,
И что-жъ? — нечаянно они
Ее въ Цитерѣ повстрѣчали.

Плѣненъ-ли Хлоей, Дафной ты,
Возьми Тибуллову цѣвницу,
Воспой побѣды красоты,
Воспой души своей царицу;
Когда же любишь стукъ мечей,
Съ высокой музою Омира
Пускай поетъ вражды Царей
Твоя воинственная лира.
Равны всѣ музы красотой,
Несходства ихъ въ одной одеждѣ;
Старайся нравиться любой,
Но помолися Фебу прежде.

1827 г.

120. Она.

Есть что-то въ ней, что красоты прекраснѣй,
Что говоритъ не съ чувствами — съ душой;
Есть что-то въ ней надъ сердцемъ самовластнѣй
Земной любви и прелести земной.

Какъ сладкое душѣ воспоминанье,
Какъ милый свѣтъ родной звѣзды твоей,
Какое-то влечетъ очарованье
Къ ея ногамъ и подъ защиту къ ней.

Когда ты съ ней, мечты твоей неясной
Неясною владычицей она:

1827 г. Не мыслишь ты, — и только лишь прекрасной
Присутствіемъ душа твоя полна.

Бредешь-ли ты дорогою возвратной,
Съ ней разлучась, въ пустынный уголъ твой, —
Ты полонъ весь мечтою необъятной,
Ты полонъ весь таинственной тоской.

121. На некрасивую виньетку, представляющую Автора за письменнымъ столомъ, а подлѣ него Истину.

Онъ точно, онъ безспорно,
Фигляринъ журналистъ,
Марающій задорно
Свой оглашенный листъ.
А это что за дура? —
Вѣдь истина, ей-ей!
Давно-ль его канура
Знакома стала ей?
На чепуху и враки
Чутьемъ наведена,
Занятіямъ мараки
Мѣшать пришла она.

122. ***

Прости, мой милый, такъ создать
Меня умѣла власть Господня:
Люблю до завтра отлагать,
Что сдѣлать надобно сегодня.

123. Послѣдняя Смерть.

Есть бытіе, но именемъ какимъ
Его назвать? — ни сонъ оно, ни бдѣнье:
Межъ нихъ оно, и въ человѣкѣ имъ
Съ безуміемъ граничитъ разумѣнье.

1827 г.

Онъ въ полнотѣ понятья своего,
А между тѣмъ, какъ волны, на него
Одни другихъ мятежнѣй, своенравнѣй
Видѣнія бѣгутъ со всѣхъ сторонъ;
Какъ будто бы своей отчизнѣ давней,
Стихійному смятенью отданъ онъ.
Но иногда, мечтой воспламененный,
Онъ видитъ свѣтъ, другимъ неоткровенный.

Созданье-ли болѣзненной мечты,
Иль дерзкаго ума соображенье,
Во глубинѣ полночной темноты
Представшее очамъ моимъ видѣнье?—
Не вѣдаю; но предо мной тогда
Раскрылися грядущіе года,
Событія вставали, развивались,
Волнуяся подобно облакамъ,
И полными эпохами являлись
Отъ времени до времени очамъ;
И наконецъ я видѣлъ безъ покрова
Послѣднюю судьбу всего живого.

Сначала міръ явилъ мнѣ дивный садъ;
Вездѣ искусствъ, обилія примѣты:
Близъ веси — весь и подлѣ града — градъ;
Вездѣ дворцы, театры, водометы;
Вездѣ народъ, и хитрый свой законъ
Стихіи всѣ признать заставилъ онъ.
Ужъ онъ морей мятежныя пучины
На островахъ искусственныхъ селилъ,
Онъ разсѣкалъ небесныя равнины
По прихоти имъ вымышленныхъ крилъ;
Все на землѣ движеніемъ дышало,
Все на землѣ какъ будто ликовало.

Исчезнули безплодные года:
Оратаи по волѣ призывали
Вѣтрà, дожди, жары и холодà,
И вѣрною сторицей воздавали

1827 г.

Посѣвы имъ; и хищный звѣрь исчезъ,
Во тьмѣ лѣсовъ, и въ высотѣ небесъ,
И въ безднѣ водъ сраженный человѣкомъ,
И царствовалъ повсюду свѣтлый миръ.
Вотъ, мыслилъ я, прельщенный дивнымъ вѣкомъ,
Вотъ разума великолѣпный пиръ!
Врагамъ его и въ стыдъ и въ поученье,
Вотъ до чего достигло просвѣщенье!

Прошли вѣка; яснѣть очамъ моимъ
Видѣніе другое начинало:
Что человѣкъ? что вновь открыто имъ?
Я гордо мнилъ; — и что же мнѣ предстало?
Наставшую эпоху я съ трудомъ
Постигнуть могъ смутившимся умомъ.
Глаза мои людей не узнавали:
Привыкшіе къ обилью дольнихъ благъ,
На все они спокойные взирали,
Что суеты раждало въ ихъ отцахъ,
Что мысли ихъ, что страсти ихъ, бывало,
Влеченіемъ всесильнымъ увлекало.

Желанія земныя позабывъ,
Чуждаяся ихъ грубаго влеченья,
Душевныхъ сновъ, высокихъ сновъ призывъ
Имъ замѣнилъ другія побужденья,
И въ полное владѣніе свое
Фантазія взяла ихъ бытіе;
И умственной природѣ уступила
Тѣлесная природа между нихъ;
Ихъ въ Эмпирей и въ Хаосъ уносила
Живая мысль на крыліяхъ своихъ.
Но по землѣ съ трудомъ они ступали,
И браки ихъ безплодны пребывали.

Прошли вѣка, и тутъ моимъ очамъ
Явилася ужасная картина:
Ходила смерть по сушѣ, по водамъ,
Свершалася живущаго судьбина.

1827 г. Гдѣ люди? гдѣ?... Сокрылися въ гробахъ.
Какъ древніе столпы на рубежахъ,
Послѣднія семейства истлѣвали;
Въ развалинахъ стояли города;
По пажитямъ заглохнувшимъ блуждали
Безъ пастырей безумныя стада;
Съ людьми для нихъ исчезло пропитанье, —
Мнѣ слышалось ихъ гладное блеянье.

И тишина глубокая вослѣдъ
Задумчиво повсюду воцарилась,
И въ дикую порфиру древнихъ лѣтъ
Державная природа облачилась:
Величественъ и грустенъ былъ позоръ
Пустынныхъ водъ, лѣсовъ, долинъ и горъ.
Попрежнему животворя природу,
На небосклонъ свѣтило дня взошло;
Но на землѣ ничто его восходу
Произнести привѣта не могло...
Одинъ туманъ надъ ней, синѣя, вился
И жертвою чистительной дымился.

124. Мара.

Судьбой наложенныя цѣпи
Упали съ рукъ моихъ, и вновь
Я вижу васъ, родныя степи,
Моя начальная любовь.

Степного неба сводъ желанной,
Степного воздуха струи,
На васъ я въ нѣгѣ бездыханной
Остановилъ глаза мои.

Но мнѣ увидѣть было слаще
Лѣсъ на покатѣ двухъ холмовъ
И скромный домъ въ садовой чащѣ —
Пріютъ младенческихъ годовъ.

Мара

Самовластительныя цепи
Упали съ рукъ моихъ и вновь
Я вижу вашъ родные стены
Моя начальная любовь!

Смеялось небо сводъ хрустальной
Смеялся воздухъ вкругъ
Къ вамъ я изъ моей безпечальной
Освободилъ [illegible] [illegible]!

Но мне удѣлъ былъ [illegible]
Мы [illegible] [illegible] двухъ [illegible]
Къ странной домъ въ садовой [illegible]
Пришли [illegible] [illegible]!

Промчалось [illegible] [illegible] [illegible]
Съ [illegible] [illegible] по [illegible] и [illegible]
И [illegible] [illegible] [illegible]
И [illegible] [illegible]

Но [illegible] [illegible] [illegible]
Отъ неба [illegible] мне дано;
Но [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

7°

Я грустно знаю, но сии ... ладки
~~... ... ...~~
свидимым, как на них
Дикие странствуют ...
И в мире ... другах

И твой родимый дубрава!
Но ... ...
стоит храмина ...
Из неба ... и не ...

... под ... тихо светую
И ... в ...
... ...
В ... ... на руках

Пускай, пускай в глуши смиренной
В ней тихой, быть мой ...
Друзья ... вечной
Не буду помнить бытие

Пускай о ... тоска
Без мысли в последнего ...
...
И ... ...

1827 г.

Промчалось ты, златое время!
Съ тѣхъ поръ по свѣту я бродилъ
И наблюдалъ людское племя
И наблюдая возскорбилъ.

Ко благу пылкое стремленье
Отъ неба было мнѣ дано;
Но обрѣло-ли раздѣленье,
Но принесло-ли плодъ оно?...

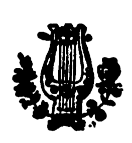
Я братьевъ зналъ; но сны младые
Соединили насъ на мигъ:
Далече странствуютъ иные,
И въ мірѣ нѣтъ уже другихъ.

Я твой, родимая дуброва!
Но отъ насильственныхъ судьбинъ
Молить хранительнаго крова
Къ тебѣ пришелъ я не одинъ.

Привелъ подъ сѣнь твою святую
Я соучастницу въ мольбахъ:
Мою супругу молодую
Съ младенцемъ тихимъ на рукахъ.

Пускай, пускай въ глуши смиренной,
Съ ней, милой, бытъ мой утая,
Другихъ урочищей вселенной
Не буду помнить бытія;

Пускай о свѣтѣ не тоскуя,
Предавъ забвенію людей,
Кумиры сердца сберегу я
Одни, одни въ любви моей.

1828 г.

125. Смерть.

(ПОДРАЖАНІЕ А. ШЕНЬЕ).

Подъ бурею судебъ, унылый, часто я,
Скучая тягостной неволей бытія,
Нести ярмо мое утрачивая силу,
Гляжу съ отрадою на близкую могилу:
Привѣтствую ее, покой ея люблю,
И цѣпи отрясти я самъ себя молю.
Но вскорѣ мнимая рѣшимость позабыта,
И томной слабости душа моя открыта.
Страшна могила мнѣ: и ближніе, друзья,
Мое грядущее и молодость моя
И обѣщанія въ груди сокрытой музы —
Все обольстительно скрѣпляетъ жизни узы;
И далеко ищу, какъ жребій мой ни строгъ,
Я жить и бѣдствовать услужливый предлогъ.

126. Деревня.

Люблю деревню я и лѣто:
И говоръ водъ, и тѣнь дубровъ,
И благовоніе цвѣтовъ;
Какой душѣ не мило это?
Быть такъ, прощаю комаровъ.
Но признаюсь: пустыни житель,
Покой пустынный въ ней любя, —
Комаръ двуногій, гость мучитель,
Нѣтъ, не прощаю я тебя!

127. Старикъ.

Вѣнчали розы, розы Леля,
Мой первый вѣкъ, мой вѣкъ младой:
Я былъ счастливый пустомеля
И дѣвамъ нравился порой.

1828 г.

Я помню ласки ихъ живыя,
Лобзанья, полныя огня...
Но пролетѣли дни младые, —
Онѣ не смотрятъ на меня!
Какъ быть? У яркаго камина,
Въ укромной хижинѣ моей,
Накрою столъ, поставлю вина
И соберу моихъ друзей.
Пускай вѣнокъ, сплетенный Лелемъ,
Не обновится никогда:
Года, увѣнчанные хмѣлёмъ,
Еще прекрасные года.

128. ***

Какъ ревностно ты самъ себя дурачишь!
На хлопоты вставая до звѣзды,
Какой-нибудь да пакостью означишь
Ты каждый день безъ цѣли, безъ нужды!
Безсовѣстенъ и простодушенъ вкупѣ,
Презрѣніе и жалость ты родишь:
Какъ за грѣхи, толчешь ты уголь въ ступѣ
И только что лицо свое пылишь.

129. ***

Старательно мы наблюдаемъ свѣтъ,
Старательно людей мы наблюдаемъ
И чудеса постигнуть уповаемъ:
Какой же плодъ науки долгихъ лѣтъ?
Что, наконецъ, подсмотрятъ очи зорки?
Что, наконецъ, пойметъ надменный умъ
На высотѣ всѣхъ опытовъ и думъ?
Что? — точный смыслъ народной поговорки.

130. ***

Мой даръ убогъ, и голосъ мой не громокъ;
Но я живу, и на землѣ мое

1828 г. Кому-нибудь любезно бытіе!
Въ стихахъ моихъ далекій мой потомокъ
Узритъ его: какъ знать! душа моя
Окажется съ душой его въ сношеньи,
И какъ нашелъ я друга въ поколѣньи,—
Читателя найду въ потомствѣ я.

131. ***

Глупцы не чужды вдохновенья;
Имъ также пылкія мгновенья
Оно, какъ геніямъ, даритъ:
Слетая съ неба, всѣ растенья
Равно весна животворитъ.
Что-жъ это сходство знаменуетъ?
Что имъ глупецъ пріобрѣтетъ?
Его капустою раздуетъ,
А лавромъ онъ не расцвѣтетъ.

132. ***

Не подражай: своеобразенъ геній
И собственнымъ величіемъ великъ;
Доратовъ-ли, Шекспировъ-ли двойникъ,
Досаденъ ты: не любятъ повтореній.
Съ Израилемъ пѣвцу одинъ законъ:
Да не творитъ себѣ кумира онъ!
Когда тебя, Мицкевичъ вдохновенный,
Я застаю у Байроновыхъ ногъ,
Я думаю: поклонникъ униженный,
Возстань, возстань и вспомни: самъ ты богъ!

133. Бѣсенокъ.

Слыхалъ я, добрые друзья,
Что наши прадѣды въ печали,
Бывало, бѣса призывали:
Имъ подражаю въ этомъ я;

1828 г.

Но жажды къ злату не имѣя,
Къ себѣ не кличу Асмодея,
Кому пожертвовалъ душой
За деньги древній Громобой.
Узнайте: ласковый бѣсенокъ
Меня младенцемъ навѣщалъ
И колыбель мою качалъ
Подъ шопотъ легкихъ побасенокъ.
Съ тѣхъ поръ я вышелъ изъ пеленокъ,
Между мужами возмужалъ,
Но для него еще ребенокъ.
Случится-ль горесть, иль бѣда,
Иль безотчетно иногда
Сгрустнется мнѣ въ моей конуркѣ, —
Махну рукой: по старинѣ
На сѣромъ волкѣ, сивкѣ-буркѣ
Онъ мигомъ явится ко мнѣ.
Больному духу здравьемъ свистнетъ,
Бобами душу разведетъ,
Живой водой веселье вспрыснетъ,
А горе мертвою зальетъ.
Когда въ задумчивомъ совѣтѣ
Съ самимъ собой изъ-за угла
Гляжу на свѣтъ, и видя въ свѣтѣ
Свободу глупости и зла,
Добра и разума прижимку,
Страстями свергнутый законъ,
Я слабымъ сердцемъ возмущенъ, —
Проворно шапку-невидимку
На шаръ земной наброситъ онъ;
Или въ мгновеніе зѣницы,
Чудесный коврикъ - самолетъ
Онъ подо мною развернетъ, —
И коврикъ тотъ въ сады Жаръ-птицы,
Въ чертоги дивной Царь-дѣвицы
Меня по воздуху несетъ.
Прощай, владѣнье грустной были,

1828 г.

Меня смущавшее досель:
Я отъ твоей бездушной пыли
Уже за тридевять земель.

134. Княгинѣ З. А. Волконской,

на отъѣздъ ея въ Италію.

Изъ царства виста и зимы,
Гдѣ подъ управой ихъ двоякой
И атмосферу и умы
Сжимаетъ холодъ одинакой,
Гдѣ жизнь какой-то тяжкій сонъ,—
Она спѣшитъ на Югъ прекрасной,
Подъ Авзонійскій небосклонъ,
Одушевленный, сладострастной,
Гдѣ въ кущахъ, въ портикахъ палатъ
Октавы Тассовы звучатъ;
Гдѣ въ древнихъ камняхъ боги живы,
Гдѣ въ юной, чистой красотѣ
Рафаэль дышитъ на холстѣ;
Гдѣ всѣ холмы краснорѣчивы,
Но гдѣ не стыдно, можетъ быть,
Герои, міра властелины,
Вашъ Капитолій позабыть
Для Капитолія Коринны;
Гдѣ жизнь игрива и легка, —
Тамъ лучше ей: чего же болѣ?
Зачѣмъ же тяжкая тоска
Стѣсняетъ сердце поневолѣ!
Когда любимая краса
Послѣднимъ сномъ смыкаетъ вѣжды,
Мы полны ласковой надежды,
Что ей открыты небеса,
Что лучшій міръ ей уготованъ,
Что славой вѣчною свѣтло
Тамъ заблеститъ ея чело;
Но скорбный духъ не уврачеванъ,
Груди стѣсненной тяжело,

1828 г.

И неутѣшно мы рыдаемъ.
Такъ, сердца нашего кумиръ,
Ее печально провожаемъ
Мы въ лучшій край и лучшій міръ.

135. Смерть.

О смерть! твое именованье
Намъ въ суевѣрную боязнь:
Ты въ нашей мысли тьмы созданье,
Паденьемъ вызванная казнь!

Непонимаемая свѣтомъ,
Рисуешься въ его глазахъ
Ты отвратительнымъ скелетомъ
Съ косой уродливой въ рукахъ.

Ты дочь верховнаго Эѳира,
Ты свѣтозарная краса:
Въ рукѣ твоей олива мира,
А не губящая коса.

Когда возникнулъ міръ цвѣтущій
Изъ равновѣсья дикихъ силъ,
Въ твое храненье Всемогущій
Его устройство поручилъ.

И ты летаешь надъ созданьемъ,
Забвенье бѣдъ вездѣ лія
И прохлаждающимъ дыханьемъ
Смиряя буйство бытія.

Ты Ѳивскихъ братьевъ примирила,
Ты въ неумѣренной крови
Безумной Федры погасила
Огонь мучительной любви...

Ты предстаешь, святая дѣва!
И съ остывающихъ ланитъ
Бѣгутъ мгновенно пятна гнѣва,
Жаръ любострастія бѣжитъ.

1828 г.

И краски жизни безпокойной,
Съ ихъ невоздержной пестротой,
Вдругъ замѣняются пристойной,
Однообразной бѣлизной.

Дружится кроткою тобою
Людей недружная судьба:
Ласкаешь тою же рукою
Ты властелина и раба.

Недоумѣнье, принужденье,
Условье смутныхъ нашихъ дней:
Ты всѣхъ загадокъ разрѣшенье,
Ты разрѣшенье всѣхъ цѣпей.

136. Въ Альбомъ.

Альбомъ, замѣтить не грѣшно,
Весьма походитъ на кладбище:
Онъ точно такъ же, какъ оно,
Всѣмъ отворенное жилище;
Онъ также множествомъ именъ
Самолюбиво испещренъ.
Увы! народъ добросердечной,
Равно туда или сюда,
Идетъ съ надеждой жизни вѣчной,
Съ боязнью строгаго суда.
Но я смиренно признаюся,
Я не надѣюсь, не страшуся,
Я въ вашихъ памятныхъ листахъ
Спокойно имя помѣщаю:
Философъ я;—у васъ въ глазахъ
Мое ничтожество я знаю.

1829 г.

137. Уеторічеекая Епіграмма.

Хвала, мастvтый нашъ Зоілъ!
Когда-то Дмітріевъ бѣсілъ
Тебя счастлівымі струнамі;
Бѣсілъ Жуковскій вслѣдъ за німъ;
Вотъ бѣсітъ Пушкінъ: какъ любімъ
Ты дальновіднымі Судьбамі!
Трі поколѣнія пѣвцовъ
Тебя красой своіхъ вѣнцовъ
Въ негодованье пріводілі;
Пекісь о здравіі своемъ,
Чтобы, подобно первымъ тремъ,
Другіе трі тебя бѣсілі.

138. Эпиграмма.

Повѣрьте мнѣ, Фигляринъ-моралистъ
Намъ говоритъ преумиленнымъ слогомъ:
Не должно красть, — кто на руку нечистъ,
Передъ людьми грѣшитъ и передъ Богомъ;
Не надобно въ судѣ кривить душой,
Не хорошо живиться клеветой,
Временщику подслуживаться низко;
Честь, братцы, честь дороже намъ всего!
Ну, что-жъ? Богъ съ нимъ! все это къ правдѣ близко,
А можетъ быть и ново для него.

139. Эпиграмма.

Въ восторженномъ невѣжествѣ своемъ
На свой аршинъ онъ славу нашу мѣритъ;
Но позабылъ, что нѣтъ клейма на немъ,
Что одному задору свѣтъ не вѣритъ.
Какъ дружескимъ онъ вздоромъ восхищенъ!
Какъ бѣшено своимъ доволенъ онъ!

1829 г.

Онъ хвалится горячею душою.
Голубчикъ мой! увѣрься, наконецъ,
Что изъ глупцевъ, извѣстныхъ подъ луною,
Смѣшнѣе всѣхъ намъ пламенный глупецъ.

140. Эпиграмма.

Что пользы намъ отъ шумныхъ вашихъ преній?
Кипитъ война... но что же? никому
Побѣды нѣтъ! Сказать-ли, почему? —
Ни у кого ни мыслей нѣтъ, ни мнѣній!
Хотите-ли, чтобы народный гласъ
Могъ увѣнчать кого-нибудь изъ васъ?
Чѣмъ холостой словесной перестрѣлкой
Морочить свѣтъ и множить пустяки,
Порадуйте насъ дѣльною раздѣлкой —
Благословясь, схватитесь за виски!

141. При посылкѣ „Бала“ С. Э[нгельгардтъ

Тебѣ-ль, невинной и спокойной,
Я приношу въ нескромный даръ
Разсказъ, гдѣ страсти недостойной
Изображенъ преступный жаръ?

И безобразный, и мятежной,
Онъ не плѣнитъ твоей мечты;
Но что? на память дружбы нѣжной
Его, быть можетъ, примешь ты.

Жилецъ семейственнаго круга,
Такъ въ даръ пріемлетъ домосѣдъ
Отъ путешественника друга
Пустыни дальней дикій цвѣтъ.

1829 г.

142. Въ Альбомъ отъѣзжающей.

(к. а. свербеевой).

Въ небѣ нашемъ исчезаетъ
И, красой своей горда,
На другое востекаетъ
Переходная звѣзда.
Но на вѣкъ-ли съ ней проститься?
Нѣтъ, предписанъ ей законъ:
Рано-ль, поздно-ль воротиться
На старинный небосклонъ.

Покидая, забывая,
Ей подобно, край родной,
Скоро, прелесть кочевая,
Озаришь ты край иной!
Весела красой чудесной,
Потеки въ желанный путь, —
Только странницей небесной
Воротись когда-нибудь!

143. Смерть Багговута.

6 октября 1812 года.

Взвѣваетъ вѣтръ среди рядовъ
Знамена Марса и Беллоны;
Кипитъ къ отечеству любовь,
Текутъ безстрашныя колонны.
Вездѣ сражаемъ супостатъ
Рукою грознаго Арея;
Загрохотала батарея,—
И трупы хладные лежатъ.

Смерть рыщетъ въ вражескихъ рядахъ,
Пируетъ яростное мщенье;
Летаетъ гибель, — и въ сердцахъ
Кипитъ безтрепетное рвенье.
Орудья грозныя ревутъ....

1829 г.

Чу!... вѣсть ужасная несется,
Изъ ряда въ рядъ передается:
Ты палъ, безстрашный Багговутъ!

Ты палъ, безтрепетный герой!
Напрасны теплыя моленья....
Не поведешь ужъ за собой
Дружины храбрыхъ въ пылъ сраженья.
Среди своихъ великихъ дѣлъ
Ты честь всего дороже ставилъ,
Ты имя русское прославилъ, —
Тебѣ безсмертіе въ удѣлъ.

И въ океанѣ жизни сей
Вѣкъ будетъ жить твой подвигъ громкій;
Его со славою твоей
Узнаютъ поздніе потомки.
Хвала!.... ты съ честью въ полѣ палъ,
Неся ужасной битвѣ дани —
И смертію въ кровавой брани
Потомству славу завѣщалъ.

144. Муза.

Не ослѣпленъ я Музою моею:
Красавицей ее не назовутъ,
И юноши, узрѣвъ ее, за нею
Влюбленною толпой не побѣгутъ.
Приманивать изысканнымъ уборомъ,
Игрою глазъ, блестящимъ разговоромъ
Ни склонности у ней, ни дара нѣтъ.
Но пораженъ бываетъ мелькомъ свѣтъ
Ея лица необщимъ выраженьемъ,
Достоинствомъ обдуманныхъ рѣчей;
Съ ней, можетъ быть, скучаетъ обхожденьемъ,
Но съ похвалой относится о ней.

1829 г.

145. ***

Чудный градъ порой сольется
Изъ румяныхъ облаковъ;
Но лишь вѣтръ его коснется, —
Онъ исчезнетъ безъ слѣдовъ!
Такъ мгновенныя созданья
Поэтической мечты
Исчезаютъ отъ дыханья
Посторонней суеты.

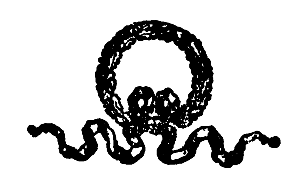
146. Подражателямъ.

Когда печаль свою поетъ
Страдалецъ, ею вдохновенный,
Въ чьемъ сердцѣ отзывъ умиленный
Своей онъ лирѣ не найдетъ?
Кто, вѣковыхъ проклятій жаденъ,
Дерзнетъ осмѣивать ее?
Но для притворства всякій хладенъ, —
Плачъ неестественный досаденъ,
Смѣшно жеманное вытье.
Не напряженнаго мечтанья, —
Огнемъ услужливымъ согрѣтъ,
Постигнулъ таинства страданья
Душемутительный поэтъ.
Въ борьбѣ съ враждебною судьбою
Позналъ онъ мѣру вышнихъ силъ;
Сердечныхъ судорогъ цѣною
Онъ выраженье ихъ купилъ.
И вотъ нетлѣнными лучами
Ликъ пѣснопѣвца окружонъ,
И чтимъ людскими племенами
Подобно мученику онъ.
А ваша муза выписная,
Питомцы вымышленныхъ бѣдъ,
Растрогать чающая свѣтъ,

Печаль заемную лаская, —
Въ его догадливыхъ глазахъ
Подобна нищей развращенной,
Молящей лепты незаконной
Съ чужимъ ребенкомъ на рукахъ.

147. ***

Сердечнымъ нѣжнымъ языкомъ
Я искушалъ ее сначала:
Она словамъ моимъ внимала
Съ тупымъ, безсмысленнымъ лицомъ.
Въ ней разбудить огонь желаній
Еще надежду я хранилъ
И сладострастныхъ лобызаній
Языкъ живой употребилъ...
Она глядѣла также тупо,
Потомъ разгнѣвалася глупо.
Бѣги за нею, модный свѣтъ,
Плѣняйся дѣвой идеальной!
Владѣю тайной я печальной:
Ни сердца въ ней, ни пола нѣтъ.

1830 г.

148. Къ....

Нежданное родство съ тобой даруя,
О, какъ судьба была ко мнѣ добра!
Какой сестрѣ тебя уподоблю я,
Ея рукой мнѣ данная сестра!

1830 г.

Казалося, любовь въ своемъ пристрастьи
Мнѣ счастіе дала до полноты;
Умножила ты дружбой это счастье,
Его могла умножить только ты.

149. Эпиграмма.

„Онъ вамъ знакомъ. Скажите, кстати,
Зачѣмъ онъ такъ не терпитъ знати?“
— Затѣмъ, что онъ не Дворянинъ. —
„Ага! Нѣтъ дѣйствій безъ причинъ.
Но почему чужая слава
Его такъ бѣситъ?“ — Потому,
Что славы хочется ему,
А на нее Богъ не далъ права,
Что не хвалилъ его никто,
Что плоскій Авторъ онъ. — „Вотъ что!“

150. Эпиграмма.

Писачка въ Фебовъ дворъ явился.
„Довольно глупъ онъ!“ богъ шепнулъ:
„Но самоучкой онъ учился, —
„Пускай присядетъ; дайте стулъ“.
И сѣлъ онъ чванно. Нектаръ носятъ;
Его, какъ прочихъ, кушать просятъ;
И нахлебался тотчасъ онъ
И загорланилъ. Но раздался
Тутъ Фебовъ голосъ: „Какъ! Зазнался?
Эй, Надоумко, вывесть вонъ!“

151. Эпиграмма.

Хотя ты малой молодой,
Но пожилую мудрость кажешь:
Ты слова лишняго не скажешь
Въ бесѣдѣ самой распашной;

1830 г.

Пріязни глупой съ первымъ встрѣчнымъ
Ты сгоряча не заведешь,
Къ ногамъ вертушки не падешь
Ты пастушкомъ простосердечнымъ;
Воздержнымъ голосомъ твоимъ
Никто крикливо не хвалимъ,
Никто сердито не осуженъ.
Себѣ дивиться не спѣши:
Не рѣдкій умъ на это нуженъ, —
Довольно дюжинной души.

152. Имя.

Есть имя тайнаго значенья,
Невыразимой красоты,
Въ немъ всѣ восторги упоенья,
Вся прелесть чувства и мечты.

Одной душѣ оно такъ страстно,
Такъ выразительно звучитъ,
Во всѣхъ устахъ равно прекрасно
Языкомъ сердца говоритъ.

Сей звукъ волшебенъ, какъ отчизны
Для странника напѣвъ родной;
Онъ сладокъ, какъ источникъ жизни
Въ странѣ безводной и глухой.

При звукѣ семъ всегда волненье
Тотъ смертный чувствуетъ въ крови,
Кто отъ людей таитъ мученье
И слезы пламенной любви.

Всегда стремленьемъ неизвѣстнымъ,
Полна тоской страдальца грудь,
Когда объ имени прелестномъ
При немъ помянетъ кто-нибудь.

1830 г.

153. Лазурныя очи.

Люблю я красавицу
Съ очами лазурными:
О, въ нихъ не обманчиво
Душа ея свѣтится!
И если прекрасная
Съ любовію томною
На миломъ покоитъ ихъ,
Онъ мирно блаженствуетъ;
Вовѣкъ не смутитъ его
Сомнѣнье мятежное.
И кто не довѣрится
Сіянью ихъ чистому,
Эѳирной ихъ прелести,
Небесной души ея
Небесному знаменью?

Страшна мнѣ, друзья мои,
Краса черноокая:
За темной завѣсою
Душа ея кроется.
Любовникъ пылаетъ къ ней
Любовью тревожною
И взорамъ двусмысленнымъ
Не смѣетъ довѣриться.
Какой-то недобрый духъ
Качалъ колыбель ея!
Одѣлася тьмой она,
Вспылала причудою,
Закралося въ сердце къ ней
Лукавство лукаваго!

1831 г.

154. ***

Небо Италіи, небо Торквата,
Прахъ поэтическій древняго Рима,
Родина нѣги, славой богата,
Будешь-ли нѣкогда мною ты зрима?
Рвется душа, нетерпѣньемъ объята,
Къ гордымъ остаткамъ падшаго Рима!
Снятся мнѣ долы, лѣса благовонны,
Снятся упадшихъ чертоговъ колонны!

155. Н. М. Языкову.

Языковъ, буйства молодаго
Пѣвецъ роскошный и лихой!
По волѣ случая слѣпаго,
Я познакомился съ тобой
Въ тѣ осмотрительныя лѣта,
Когда смиренная діэта
Нужна здоровью моему,
Когда и тошный опытъ свѣта
Меня наставилъ кой-чему,
Когда отъ бурныхъ увлеченій
Желаннымъ отдыхомъ дыша,
Для благочинныхъ размышленій
Созрѣла томная душа;
Но я люблю восторгъ удалый,
Разгульный жаръ твоихъ стиховъ.
Дай руку мнѣ: ты славный малый,
Ты въ цвѣтѣ жизни, ты здоровъ;
И неумѣренную радость,
Счастливецъ, славить ты въ правахъ;
Звучитъ лирическая младость
Въ твоихъ лирическихъ грѣхахъ.

1831 г.

Не буду строгимъ моралистомъ,
Или бездушнымъ журналистомъ;
Приходитъ все своимъ чредомъ:
Послушный голосу Природы,
Предупредить не долженъ годы
Ты педантическимъ перомъ;
Другого счастія поэтомъ
Ты позже будешь, милый мой,
И самъ искупишь передъ свѣтомъ
Проказы Музы молодой.

156. Мой Элизій.

Не славь, обманутый Орфей,
Мнѣ Элизійскія селенья:
Элизій въ памяти моей
И не кропимъ водой забвенья.
Въ немъ міръ цвѣтущій старины
Умершихъ тѣни населяютъ,
Привычки жизни сохраняютъ
И чувствъ ея не лишены.
Тамъ живъ ты, Дельвигъ! тамъ за чашей
Еще со мною шутишь ты,
Поешь веселье дружбы нашей
И сердца юныя мечты.

157. *,*

Въ дни безграничныхъ увлеченій,
Въ дни необузданныхъ страстей
Со мною жилъ превратный геній,
Наперсникъ юности моей.
Онъ жаръ восторговъ несогласныхъ
Во мнѣ питалъ и раздувалъ;
Но соразмѣрностей прекрасныхъ
Въ душѣ носилъ я идеалъ:
Когда лишь праздниковъ смятенья
Алкалъ безумецъ молодой,

1831 г.

Поэта мѣрныя творенья
Блистали стройной красотой.

Страстей порывы утихаютъ,
Страстей нечистыя мечты
Передо мной не затмеваютъ
Законовъ вѣчной красоты;
И поэтическаго міра
Огромный очеркъ я узрѣлъ
И жизни даровать, о лира!
Твое согласье захотѣлъ.

158. Языкову.

Бывало, свѣтъ позабывая
Съ тобою, счастливымъ пѣвцомъ,
Твоя Камена молодая
Вѣнчалась гроздьемъ и плющемъ
И пѣсни вѣтреныя пѣла,
И къ ней, безумна и слѣпа,
То, увлекаясь, пламенѣла
Любовью грубою толпа;
То, на свободные напѣвы
Сердяся въ ханжествѣ тупомъ,
Она ругалась чудной дѣвы
Ей непонятнымъ Божествомъ.
Во взорахъ пламень вдохновенья,
Огонь восторга на щекахъ,
Былъ жаръ хмѣльной въ ея глазахъ
Или румянецъ вождѣлѣнья...
Она высоко рождена,
Ей много славы подобаетъ:
Лишь для любовника она
Нарядъ Менады надѣваетъ.
Яви-жъ, яви ее скорѣй,
Пѣвецъ, въ достойномъ блескѣ міру:
Наперсницѣ души твоей
Дай діадиму и порфиру;

1831 г.

Державный санъ ея открой,
Да изумитъ своей красой,
Да величавый взоръ смущаетъ
Ея злословнаго судью,
Да въ ней хулитель твой познаетъ
Мою царицу и свою.

159. ***

Бывало, отрокъ, звонкимъ кликомъ
Лѣсное эхо я будилъ,
И вѣрный откликъ въ лѣсѣ дикомъ
Меня смятенно веселилъ.
Пора другая наступила:
И риѳма юношу плѣнила,
Лѣсное эхо замѣня.
Игра стиховъ, игра златая!
Какъ звуки звукамъ отвѣчая,
Бывало, нѣжили меня!
Но все проходитъ. Остываю
Я и къ гармоніи стиховъ —
И какъ дубровъ не окликаю,
Такъ не ищу созвучныхъ словъ.

Бывало, отрок, звонким кликом
Лесное эхо я будил,
И верный отклик вылетал далеко.
Лесов смущенно вослед
Теперь друзьям насмешникам
И фурии смешной пишу
Лесное эхо замолчит.
Пора смириться, пора молчать!
Каких звуков звучать откликом.
Бывало получали меня!
Но всё прошло: отныне вновь
Я и на Парнасский смысл,
И как эхо в океане
Так не пишу возвышенно я.

1832 г.

160. Н. Е. Б........

Двойною прелестью опасна,
Лицомъ задумчива, рѣчами весела,
Какъ одалиска, ты прекрасна,
И, какъ пастушка, ты мила.
Душой невольно встрепенется,
Кто на красавицу очей ни возведетъ:
Холодный старецъ улыбнется,
А пылкій юноша вздохнетъ.

161. На смерть Гете.

Предстала, — и старецъ великій смежилъ
Орлиныя очи въ покоѣ;
Почилъ безмятежно, зане совершилъ
Въ предѣлѣ земномъ все земное!
Надъ дивной могилой не плачь, не жалѣй,
Что генія черепъ — наслѣдье червей.

Погасъ! но ничто не оставлено имъ
Подъ солнцемъ живыхъ безъ привѣта;
На все отозвался онъ сердцемъ своимъ,
Что проситъ у сердца отвѣта:
Крылатою мыслью онъ міръ облетѣлъ,
Въ одномъ безпредѣльномъ нашелъ ей предѣлъ.

Все духъ въ немъ питало: труды мудрецовъ,
Искусствъ вдохновенныхъ созданья,
Преданья, завѣты минувшихъ вѣковъ,
Цвѣтущихъ временъ securityованья.
Мечтою по волѣ проникнуть онъ могъ
И въ нищую хату, и въ царскій чертогъ.

1832 г. Съ природой одною онъ жизнью дышалъ:
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье;
Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна.

Извѣданъ, испытанъ имъ весь человѣкъ!
И ежели жизнью земною
Творецъ ограничилъ летучій нашъ вѣкъ,
И насъ за могильной доскою,
За міромъ явленій, не ждетъ ничего, —
Творца оправдаетъ могила его.

И если загробная жизнь намъ дана,
Онъ, здѣшней вполнѣ отдышавшій
И въ звучныхъ, глубокихъ отзывахъ сполна
Все дольное долу отдавшій,
Къ Предвѣчному легкой душой возлетитъ,
И въ небѣ земное его не смутитъ.

162. Кольцо.

С. Э[НГЕЛЬГАРД]ТЪ.

Дитя мое, она сказала,
Возьмешь иль нѣтъ мое кольцо?
И головою покачала,
Съ участьемъ глядя ей въ лицо.

Знай, друга дастъ тебѣ, дѣвица,
Кольцо счастливое мое:
Ты будешь думъ его царица,
Его второе бытіе.

Но договоръ судьбой ревнивой
Съ прекраснымъ даромъ сопряжонъ,
И красотѣ самолюбивой
Тяжелъ, я знаю, будетъ онъ.

1832 г.

Свѣтъ, къ ней суровый, не примѣтитъ
Ея привѣтливыхъ очей,
Ея улыбку хладно встрѣтитъ
И не пойметъ ея рѣчей.

Вотще ей разумъ, дарованья
И чувствъ и мыслей прямота:
Ихъ свѣтъ оставитъ безъ вниманья,
Обезобразитъ клевета.

И долго, долго сиротою
Она по сборищамъ людскимъ
Пойдетъ съ поникшей головою,
Одна съ уныніемъ своимъ.

Но дѣвы нѣжной не обманетъ
Мое завѣтное кольцо:
Ей судія ея предстанетъ,
И процвѣтетъ ея лицо.

Внимала дѣва молодая,
Невиннымъ взоромъ весела,
И, тайный жребій свой рѣшая,
Кольцо съ улыбкою взяла.

Иди-жъ съ надеждою веселой, —
Господь тебя благослови
На подвигъ долгій и тяжелой
Всезабывающей любви.

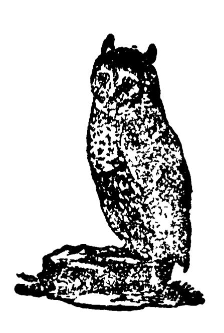
И до свершенья договора,
Въ твои ненастливые дни,
Когда нужна тебѣ опора,
Мнѣ, другъ мой, руку протяни.

163. Эпиграмма.

Кто непремѣнный мой ругатель?
Необходимый мой предатель?
Завистникъ непремѣнный мой?

1833—1834 гг.

Тутъ думать нечего — родной.
Намъ чаще друга врагъ полезенъ, —
Подлунный міръ устроенъ такъ.
О, какъ же дорогъ, какъ любезенъ
Самой природой данный врагъ!

1833 — 1834 гг.

164. ***

Мой неискусный карандашъ
Набросилъ видъ суровый вашъ,
Скалы Финляндіи печальной!
Средь нихъ, средь этихъ голыхъ скалъ,
Я, дни весны моей опальной
Влача, душой изнемогалъ;
Тамъ, тамъ безъ друга, безъ подруги
Мои тоскливые досуги
Мятежнымъ пѣньемъ посѣщалъ.
Въ отчизнѣ я; передъ собою
Я самовольною мечтою
Скалы изгнанья оживилъ;
И другу, милой ихъ рисуя,
Теперь съ улыбкою шепчу я:
Вотъ гдѣ унылый я бродилъ,
Гдѣ, на судьбину негодуя,
Я вѣру въ счастье отложилъ.

165. А. А. Ф...ой.

Вы-ль, дочерь Евы, какъ другая:
Вы-ль, передъ зеркаломъ своимъ
Власы роскошные вседневно убирая,
Ихъ блескомъ шелковымъ любуясь передъ нимъ,
Любуясь ясными очами,
Обворожительнымъ лицомъ
Блестящей Граціи, предъ вами
Живописуемой услужливымъ стекломъ,
Вы-ль угадать могли свое предозначенье!
Какъ, вмѣсто женской суеты,
Въ душѣ довольной красоты
Затрепетало вдохновенье?
Прекрасный, дивный мигъ! Возликовалъ Парнасъ,
Хариту, какъ сестру, Камены окружили;
Отъ міра мелочей вы взоры отвратили:
Открылся новый міръ для васъ,—
Сей міръ свободнаго мечтанья,
Въ который входитъ лишь поэтъ,
Гдѣ исполненія находятъ всѣ желанья,
Гдѣ сладки самыя страданья,
И гдѣ обмановъ сердцу нѣтъ.
Мы встрѣтилися въ немъ. Блестящими стихами
Вы обольстительно привѣтили меня.
Я знаю цѣну имъ. Дарована судьбами
Мнѣ искра вашего огня.
Забуду-ли я васъ? забуду-ль ваши звуки?
Въ душѣ признательной отозвались они.
Пусть бездну между насъ раскроетъ духъ разлуки,
Пускай летятъ за днями дни:
Пребудетъ неразлучна съ вами
Моя сердечная мечта,
Пока плѣняюся я лирными струнами,
Покуда радуетъ мнѣ душу красота.

*** — ***

1833—1834 гг.

166. ***

Наслаждайтесь: все проходитъ!
То благой, то строгій къ намъ,
Своенравно рокъ приводитъ
Насъ къ утѣхамъ и къ бѣдамъ.
Чуждъ онъ долгаго пристрастья:
Вы, чья жизнь полна красы,
На лету ловите счастья
Ненадежные часы.

Не ропщите: все проходитъ,
И ко счастью иногда
Неожиданно приводитъ
Насъ суровая бѣда.
И веселью, и печали
На измѣнчивой землѣ
Боги праведные дали
Одинакія крилѣ.

167. ***

Къ чему невольнику мечтанія свободы?
Взгляни: безропотно текутъ рѣчныя воды
Въ указанныхъ брегахъ, по склону ихъ русла;
Ель величавая стоитъ, гдѣ возросла,
Невластная сойти; небесныя свѣтила
Назначеннымъ путемъ невѣдомая сила
Влечетъ; бродячій вѣтръ неволенъ, и законъ
Его летучему дыханью положенъ.
Удѣлу своему и мы покорны будемъ,
Мятежныя мечты смиримъ иль позабудемъ;
Рабы разумные, послушно согласимъ
Свои желанія со жребіемъ своимъ, —
И будетъ счастлива, спокойна наша доля.
Безумецъ! не она-ль, не вышняя-ли воля
Даруетъ страсти намъ?......
О, тягостна для насъ......
Жизнь, въ сердцѣ бьющая могучею волною
И въ грани узкія втѣсненная судьбою.

Гдѣ сладкой шопотъ
Моихъ лѣсовъ?
Потоковъ ропотъ,
Цвѣты луговъ?
Деревья голы;
Коверъ зимы
Покрылъ холмы,
Луга и долы.
Подъ ледяной
Своей корой
Ручей нѣмѣетъ
Все цѣпенѣетъ,
Лишь вѣтеръ злой
Бушуя воетъ
И небо кроетъ
Сѣдою мглой.

Зачѣмъ тоскуя
Въ окно слѣжу я
Метели лётъ?
Любимцу счастья
Кровъ отъ ненастья
Оно даетъ.
Огонь трескучій
Въ моей печи;
Его лучи
И пылъ летучій
Мнѣ не мѣшаютъ
Безпечно [illegible]
Въ тиши мечтать
Предъ урной чайной
Его покровъ;
И любопытно
Смотрю на воды

О провидѣнье
Благодаренье!
Утѣшу я
И душенька
Вкусъ бытія.
Вкушая душою,
Въ любезной мой,
[illegible]
Что [illegible] нѣкогда
Я [illegible] мечтательно
Любезною бѣдою,
Любовью нѣжной
Ее согрѣвъ,
Забуду вѣчно
Друзей и горе,
Какъ въ дремотѣ мысль
Всѣхъ природы
Пробудъ мечты,
И пылъ кидая
Мечтательный край!

168. ***

Весна, весна! какъ воздухъ чистъ!
Какъ ясенъ небосклонъ!
Своей лазурію живой
Слѣпитъ мнѣ очи онъ.

Весна, весна! какъ высоко
На крыльяхъ вѣтерка,
Ласкаясь къ солнечнымъ лучамъ,
Летаютъ облака!

Шумятъ ручьи! блестятъ ручьи!
Взревѣвъ, рѣка несетъ
На торжествующемъ хребтѣ
Поднятый ею ледъ!

Еще древа обнажены,
Но въ рощѣ ветхой листъ,
Какъ прежде, подъ моей ногой
И шуменъ и душистъ.

Подъ солнце самое взвился
И въ яркой вышинѣ
Незримый жаворонокъ поетъ
Заздравный гимнъ веснѣ.

Что съ нею, что съ моей душой?
Съ ручьемъ она ручей
И съ птичкой птичка! съ нимъ журчитъ,
Летаетъ въ небѣ съ ней!

Зачѣмъ такъ радуетъ ее
И солнце, и весна!
Ликуетъ-ли, какъ дочь стихій,
На пирѣ ихъ она?

Что нужды! счастливъ, кто на немъ
Забвенье мысли пьетъ,
Кого далеко отъ нее
Онъ дивный унесетъ!

1833—1834 гг.

169. (Монастыркѣ).

Храни свое неопасенье,
Свою неопытность лелѣй;
Передъ тобою много дней:
Еще уловишь размышленье.
Какъ въ Смольномъ цвѣтникѣ своемъ,
И въ свѣтѣ — сердцу будь послушной
И монастыркой благодушной
Останься долго, долго въ немъ.
Пусть для тебя преображаемъ
Игрой младенческой мечты,
Онъ вѣкъ не рознитъ съ тихимъ раемъ,
Въ которомъ расцвѣтала ты.

170. ***

Когда исчезнетъ омраченье
Души болѣзненной моей?
Когда увижу разрѣшенье
Меня опутавшихъ сѣтей?
Когда сей демонъ, наводящій
На умъ мой сонъ его мертвящій,
Отыдетъ, чадный, отъ меня,
И я увижу лучъ блестящій
Всеозаряющаго дня?
Освобожусь воображеньемъ
И крылья духа подыму
И пробужденнымъ вдохновеньемъ
Природу снова обниму?

Вотще-ль мольбы? напрасны-ль пѣни?
Увижу-ль снова ваши сѣни,
Сады поэзіи святой?
Увижу-ль васъ, ея свѣтила?
Вотще! Я чувствую: могила
Меня живого приняла,

—

1833–1834 гг. И, легкій даръ мой удушая,
На грудь мнѣ дума роковая
Гробовой насыпью легла.

171. ***.

Я не любилъ ея, я зналъ,
Что не она пойметъ поэта,
Что на языкъ души душа въ ней безъ отвѣта:
Чего-жъ, безумецъ, въ ней искалъ?
Зачѣмъ стихи мои звучали
Ея восторженной хвалой
И малодушно возвѣщали
Ея владычество и плѣнъ постыдный мой?
Зачѣмъ ввѣрялъ я съ умиленьемъ
Ей всѣ мечты души моей?..
Туманъ упалъ съ моихъ очей:
Ее бѣгу я съ отвращеньемъ!
Такъ, омраченные виномъ,
Мы недостойному порою
Жмемъ руку дружеской рукою,
Привѣтствуемъ его съ осклабленнымъ лицомъ,
Краснорѣчиво изливаемъ
Всѣ думы сердца передъ нимъ;
Ошибки темное сознаніе хранимъ;
Но блажь досадную напрасно укрощаемъ
Умомъ взволнованнымъ своимъ:
Очнувшись, странному забвенію дивимся
И незаконнаго наперсника стыдимся
И отъ противнаго лица его бѣжимъ.

172. ***

Болящій духъ врачуетъ пѣснопѣнье,
Гармоніи таинственная власть
Тяжелое искупитъ заблужденье
И укротитъ бунтующую страсть.

* * * — * * * — * * *

1833—1834 гг.

Душа пѣвца, согласно излитая,
Разрѣшена отъ всѣхъ своихъ скорбей;
И чистоту поэзія святая
И миръ отдастъ причастницѣ своей.

173. * * *

О мысль! тебѣ удѣлъ цвѣтка:
Онъ, свѣжій, манитъ мотылька,
Прельщаетъ пчелку золотую,
Къ нему съ любовью мошка льнетъ,
И стрекоза его поетъ;
Утратилъ прелесть молодую
И чередой своей поблекъ, —
Гдѣ пчелка, мошка, мотылекъ?
Забытъ онъ роемъ ихъ летучимъ,
И никому въ немъ нужды нѣтъ;
А тутъ зерномъ своимъ падучимъ
Онъ зарождаетъ новый цвѣтъ.

174. * * *

Есть милая страна, есть уголъ на землѣ,
Куда, гдѣ-бъ ни были: средь буйственнаго стана,
Въ садахъ Армидиныхъ, на быстромъ кораблѣ,
Браздящемъ весело равнины океана,
Всегда уносимся мы думою своей;
Гдѣ, чужды низменныхъ страстей,
Житейскимъ подвигамъ предѣлъ мы назначаемъ,
Гдѣ міръ надѣемся забыть когда-нибудь
И вѣжды старыя сомкнуть
Послѣднимъ, вѣчнымъ сномъ желаемъ.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

1833—1834 гг. . . . .

. . . .

Я помню ясный, чистый прудъ;
Подъ сѣнію березъ вѣтвистыхъ,
Средь мирныхъ водъ его три острова цвѣтутъ;
Свѣтлѣя нивами межъ рощъ своихъ волнистыхъ,
За нимъ встаетъ гора, предъ нимъ въ кустахъ шумитъ
И брызжетъ мельница. Деревня, лугъ широкой,
А тамъ счастливый домъ... туда душа летитъ,
Тамъ не хладѣлъ бы я и въ старости глубокой!
Тамъ сердце томное, больное обрѣло
Отвѣтъ на все, что̀ въ немъ горѣло,
И снова для любви, для дружбы расцвѣло
И счастье вновь уразумѣло.
Зачѣмъ же томный вздохъ и слезы на глазахъ?
Она, съ болѣзненнымъ румянцемъ на щекахъ,
Она, которой нѣтъ, мелькнула предо мною.
Почій, почій легко подъ дерномъ гробовымъ:
Воспоминаніемъ живымъ
Не разлучимся мы съ тобою!
Мы плачемъ... но прости! Печаль любви сладка,
Отрадны слезы сожалѣнья!
Не то холодная, суро̀вая тоска,
Сухая скорбь разувѣренья.

175. Мадонна.

Близъ Пизы, въ Италіи, въ полѣ пустомъ
(Не зрѣлось жилья на полмили кругомъ),

Межъ древнихъ развалинъ стояла лачужка;
Съ молоденькой дочкой жила въ ней старушка.

Съ разсвѣта до ночи за тяжкимъ трудомъ,
А все-таки голодъ имъ часто знакомъ.

И дочка порою душой унывала;
Терпѣньемъ скудѣя, на Бога роптала.

1833—1834 гг.

Не плачь, не кручинься ты, солнце мое!—
Тогда утѣшала старушка ее.

„Не плачь, перемѣнится доля крутая:
Придетъ къ намъ на помощь Мадонна святая.

Да ликъ ея вѣру въ тебѣ укрѣпитъ:
Смотри, какъ привѣтно съ холста онъ глядитъ!“

Старушка смиренная съ рѣчью такою,
Бывало, крестилась дрожащей рукою,

И, съ теплою вѣрою въ сердцѣ простомъ,
Она съ умиленнымъ и кроткимъ лицомъ

На живопись темную взоръ подымала,
Чтò уголъ въ лачужкѣ безъ рамъ занимала.

Но больше и больше нужда ихъ тѣснитъ;
Дочь плачетъ, старушка свое говоритъ.

Съ утра по руинамъ бродилъ любопытный:
Забылся, красѣ ихъ дивясь, ненасытный.

Кровъ нуженъ ему отъ полдневныхъ лучей:
Стучится къ старушкѣ и входитъ онъ къ ней.

На лавку садился пришлецъ утомленный;
Но вспрянулъ, картиною вдругъ пораженный.

„Божественный образъ! чья кисть это, чья?
О, какъ не узнать мнѣ! Корреджій, твоя!

И въ хижинѣ этой творенье таится,
Которымъ и Царскій дворецъ возгордится!

Старушка, продай мнѣ картину свою,
Тебѣ за нее я сто піастровъ даю“.

— Синьоръ, я бѣдна, но душой не торгую;
Продать не могу я икону святую. —

„Я двѣсти даю, согласися продать“.
— Синьоръ, синьоръ! бѣдность грѣшно искушать.—

Упрямства не могъ побѣдить онъ въ старушкѣ:
Осталась картина въ убогой лачужкѣ.

1833—1834 гг. Но вскорѣ потомъ по Италіи всей
Летучая вѣсть разнеслася о ней.

Къ старушкѣ моей гость за гостемъ стучится,
И, дверь отворяя, старушка дивится.

За входъ она малую плату беретъ
И съ дочкой своею безбѣдно живетъ.

Прекрасно и чудно, о вѣра живая!
Тебя оправдала Мадонна святая.

176. ***

О, вѣрь: ты, нѣжная, дороже славы мнѣ.
Скажу-ль? мнѣ иногда докучно вдохновенье:
Мѣшаетъ мнѣ его волненье
Дышать любовью въ тишинѣ!
Я сердце предаю сердечному союзу:
Приди, мечты мои разсѣй,
Ласкай, ласкай меня, о другъ души моей!
И покори себѣ бунтующую музу.

177. К. А. Тимашевой.

Вамъ все дано съ щедротою пристрастной
Благоволительной судьбой:
Владѣете вы лирой сладкогласной
И ей созвучной красотой.
Что-жъ грусть поетъ блестящая пѣвица?
Что-жъ томны взоры красоты?
Печаль, печаль — души ея царица,
Владычица ея мечты.
Вамъ счастья нѣтъ, иль на одно мгновенье
Блеснувши, лучъ его погасъ;
Но счастливъ тотъ, кто слышитъ ваше пѣнье,
Но счастливъ тотъ, кто видитъ васъ.

1833—1834 гг.

178. ***

Гдѣ сладкій шопотъ
Моихъ лѣсовъ?
Потоковъ ропотъ,
Цвѣты луговъ?
Деревья голы;
Коверъ зимы
Покрылъ холмы,
Луга и долы.
Подъ ледяной
Своей корой
Ручей нѣмѣетъ;
Все цѣпенѣетъ,
Лишь вѣтеръ злой
Бушуя воетъ
И небо кроетъ
Сѣдою мглой.

Зачѣмъ, тоскуя,
Въ окно слѣжу я
Метели летъ?
Любимцу счастья
Кровъ отъ ненастья
Оно даетъ.
Огонь трескучій
Въ моей печи;
Его лучи
И пылъ летучій
Мнѣ веселятъ
Безпечный взглядъ.
Въ тиши мечтаю
Передъ живой
Его игрой
И забываю
Я бури вой.

*** — ***

1833—1834 гг.

О, Провидѣнье,
Благодаренье!
Забуду я
И дуновенье
Бурь бытія.
Скорбя душою,
Въ тоскѣ моей,
Склонюсь главою
На сердце къ ней
И подъ мятежной
Метелью бѣдъ,
Любовью нѣжной
Ея согрѣтъ,
Забуду вскорѣ
Крутое горе,
Какъ въ этотъ мигъ
Забылъ природы
Гробовый ликъ
И непогоды
Мятежный крикъ.

179. ***

Своенравное прозванье
Далъ я милой въ ласку ей:
Безотчетное созданье
Дѣтской нѣжности моей;
Чуждо явнаго значенья,
Для меня оно символъ
Чувствъ, которымъ выраженья
Въ языкахъ я не нашелъ.
Вспыхнувъ полною любовью
И любви посвящено,
Не хочу, чтобъ суесловью
Было вѣдомо оно.
Что въ немъ свѣту? Но сомнѣнье

Если духъ ей возмутитъ,
О, его въ одно мгновенье
Это имя побѣдитъ;
Но въ томъ мірѣ за могилой,
Гдѣ нѣтъ образовъ, гдѣ нѣтъ
Для узнанья, другъ мой милой,
Здѣшнихъ чувственныхъ примѣтъ, —
Имъ безсмертье я привѣчу,
Имъ къ тебѣ воскликну я,
И душѣ моей навстрѣчу
Полетитъ душа твоя.

180. Запустѣніе.

элегія.

Я посѣтилъ тебя, плѣнительная сѣнь,
Не въ дни веселые живительнаго Мая,
Когда, зелеными вѣтвями помавая,
Манишь ты путника въ свою густую тѣнь;
Когда ты вѣешь ароматомъ
Тобою бережно взлелѣянныхъ цвѣтовъ:
Подъ очарованный твой кровъ
Замедлилъ я моимъ возвратомъ.
Въ осенней наготѣ стояли дерева
И непривѣтливо чернѣли;
Хрустѣла подъ ногой морозная трава,
И листья мертвые, волнуяся, шумѣли;
Съ прохладой рѣзкою дышалъ
Въ лицо мнѣ запахъ увяданья;
Но не весенняго убранства я искалъ,
А прошлыхъ дней воспоминанья.
Душой задумчивый, медлительно я шелъ
Съ годовъ младенческихъ знакомыми тропами;
Художникъ опытный ихъ нѣкогда провелъ.
Увы, рука его изглажена годами!
Стези заглохшія, мечтаешь, пѣшеходъ

Запустѣніе.

1833–1834 гг.

Случайно протопталъ... Сошелъ я въ долъ завѣтный,
Долъ, первыхъ думъ моихъ лелѣятель привѣтный!
Пруда знакомаго искалъ красивыхъ водъ,
Искалъ прыгучихъ водъ мнѣ памятной каскады:
Тамъ, думалъ я, къ душѣ моей
Толпою полетятъ видѣнья прежнихъ дней...
Вотще! лишенныя хранительной преграды,
Далече воды утекли,
Ихъ ложе поросло травою,
Пріютъ хозяйственный въ немъ улья обрѣли,
И легкая тропа исчезла предо мною:
Ни въ чемъ знакомаго мой взоръ не обрѣталъ!
Но вотъ, попрежнему, лѣсистымъ косогоромъ,
Дорожка смѣлая ведетъ меня... обвалъ
Вдругъ поглотилъ ее... Я сталъ
И глубь нежданную измѣрилъ грустнымъ взоромъ;
Съ недоумѣніемъ искалъ другой тропы.
Иду я, — гдѣ бесѣдка тлѣетъ,
И въ прахѣ передъ ней лежатъ ея столпы,
Гдѣ остовъ мостика дряхлѣетъ.
И ты, величественный гротъ,
Тяжело-каменный, постигнутъ разрушеньемъ
И угрожаетъ ужъ паденьемъ, —
Бывало, въ лѣтній зной, прохлады полный сводъ!
Что-жъ? пусть минувшее минуло сномъ летучимъ!
Еще прекрасенъ ты, заглохшій Элизей,
И обаяніемъ могучимъ
Исполненъ для души моей.
Онъ не былъ мыслію, онъ не былъ сердцемъ хладенъ,
Тотъ, кто глубокой нѣги жаденъ,
Ихъ своенравный бѣгъ тропамъ симъ указалъ,
Кто, преклоняя слухъ къ мечтательному шуму
Сихъ кленовъ, сихъ дубовъ, въ душѣ своей питалъ
Ему сочувственную думу.
Давно кругомъ меня о немъ умолкнулъ слухъ,
Пріяла прахъ его далекая могила,
Мнѣ память образа его не сохранила.

1833—1834 гг. Но здѣсь еще живетъ его доступный духъ;
Здѣсь, другъ мечтанья и Природы,
Я познаю его вполнѣ:
Онъ вдохновеніемъ волнуется во мнѣ,
Онъ славить мнѣ велитъ лѣса, долины, воды;
Онъ убѣдительно пророчитъ мнѣ страну,
Гдѣ я наслѣдую безсмертную весну,
Гдѣ разрушенія слѣдовъ я не примѣчу,
Гдѣ въ сладостной сѣни невянущихъ дубровъ,
У нескудѣющихъ ручьевъ,
Я тѣнь священную мнѣ встрѣчу.

181. Послѣдній Поэтъ.

Вѣкъ шествуетъ путемъ своимъ желѣзнымъ;
Въ сердцахъ корысть, и общая мечта
Часъ отъ часу насущнымъ и полезнымъ
Отчетливѣй, безстыднѣй занята.
Исчезнули при свѣтѣ просвѣщенья
Поэзіи младенческіе сны,
И не о ней хлопочутъ поколѣнья,
Промышленнымъ заботамъ преданы.

Для ликующей свободы
Вновь Эллада ожила,
Собрала свои народы
И столицы подняла:
Въ ней опять цвѣтутъ науки,
Дышитъ роскошь, блещетъ вкусъ;
Но не слышны лиры звуки
Въ первобытномъ раѣ Музъ!

Блеститъ зима дряхлѣющаго міра,
Блеститъ!.... Суровъ и блѣденъ человѣкъ;
Но зелены въ отечествѣ Омира
Холмы, лѣса, брега лазурныхъ рѣкъ.
Цвѣтетъ Парнасъ! Предъ нимъ, какъ въ оны годы,
Кастальскій ключъ живой струею бьетъ.

Послѣдній Поэтъ.

1833—1834 гг. Послѣдній сынъ аттической природы —
Возникъ Поэтъ: идетъ онъ и поетъ.

Воспѣваетъ, простодушной,
Онъ любовь и красоту,
И науки, имъ ослушной,
Пустоту и суету.
Мимолетныя страданья
Легкомысліемъ цѣля,
Лучше, смертный! въ дни незнанья
Радость чувствуетъ земля.

Поклонникамъ Ураніи холодной
Поетъ, увы! онъ благодать страстей:
Какъ пажити Эолъ бурнопогодной,
Плодотворятъ онѣ сердца людей;
Живительнымъ дыханіемъ развита,
Фантазія подъемлется отъ нихъ,
Какъ нѣкогда возникла Афродита
Изъ пѣнистой пучины водъ морскихъ.

И зачѣмъ не предадимся
Снамъ улыбчивымъ своимъ?
Жаркимъ сердцемъ покоримся
Думамъ хладнымъ, а не имъ!
Вѣрьте сладкимъ убѣжденьямъ
Васъ ласкающихъ очесъ
И отраднымъ откровеньямъ
Сострадательныхъ небесъ!
Суровый смѣхъ ему отвѣтомъ... Персты
Онъ на струнахъ своихъ остановилъ,
Сомкнулъ уста вѣщать полуотверсты,
Но предъ толпой главы не преклонилъ.
Стопы свои онъ въ мысляхъ направляетъ
Въ безлюдный край, въ нѣмую глушь... но свѣтъ
Ужъ празднаго вертепа не являетъ...
И на землѣ уединенья нѣтъ!

Человѣку непокорно
Море синее одно:

1833–1834 гг. И свободно, и просторно,
И привѣтливо оно,
И лица не измѣнило
Съ дня, въ который Аполлонъ
Поднялъ вѣчное свѣтило
Въ первый разъ на небосклонъ!

Оно шумитъ передъ скалой Левкада.
На ней Пѣвецъ, неясной думы полнъ,
Стоитъ... въ очахъ блеснула вдругъ отрада:
Сія скала..... тѣнь Сафо!... голосъ волнъ!...
Гдѣ погребла любовница Фаона
Отверженной любви несчастный жаръ,
Тамъ погребетъ питомецъ Аполлона
Свои мечты, свой безполезный даръ!

И попрежнему блистаетъ
Хладной роскошію свѣтъ:
Серебритъ и позлащаетъ
Свой безжизненный скелетъ.
Но въ смятеніе приводитъ
Человѣка гласъ морской,
И отъ шумныхъ водъ отходитъ
Онъ съ тоскующей душой.

182. [Изъ черновыхъ набросковъ].

Не растравляй моей души
Воспоминаніемъ былова;
Ужъ я привыкъ грустить въ тиши,
Не знаю чувства я другова.
Во цвѣтѣ самыхъ пылкихъ лѣтъ
Все испытать душа успѣла;
И на челѣ печали слѣдъ
Судьбы рука напечатлѣла.

1835 г.

183. Недоносокъ.

Я изъ племени духовъ,
Но не житель Эмпирея:
Долетѣвъ до облаковъ,
Опускаюсь я слабѣя.
Какъ мнѣ быть? я малъ и плохъ!
Знаю: рай за ихъ волнами,
И ношусь, крылатый вздохъ,
Межъ землей и небесами.

Веселъ я небесъ красой,
Но слѣпецъ я: въ разумѣнье
Мнѣ завистливой судьбой
Не дано ихъ провидѣнье!
Духи высшіе, не я,
Постигаютъ тайны міра:
Мнѣ лишь чувство бытія
Средь пустыхъ полей эѳира.

Блещетъ солнце: радость мнѣ!
Съ животворными лучами
Я играю въ вышинѣ
И веселыми крылами
Ластюсь къ нимъ, какъ облачко;
Пью счастливо воздухъ тонкой:
Мнѣ свободно, мнѣ легко,
И пою я птицей звонкой.

Но ненастье заревѣтъ,
И до облакъ сводъ небесный,
Омрачившись, вознесетъ
Прахъ земной и листъ древесный:
Бѣдный духъ! ничтожный духъ!
Дуновенье роковое

Недоносокъ.

1835 г.

Вьетъ, крутитъ меня, какъ пухъ,
Мчитъ подъ небо громовое.

Бури грохотъ, бури свистъ!
Вихорь хладный! вихорь жгучій!
Бьетъ меня древесный листъ,
Удушаетъ прахъ летучій!
Обращусь-ли къ небесамъ,
Оглянуся-ли на землю, —
Грозно, черно тутъ и тамъ;
Вопль унылый я подъемлю.

Смутно слышу я порой
Кличъ враждующихъ народовъ,
Поселянъ безпечный вой
Подъ бичемъ ихъ переходовъ,
Громъ войны и крикъ страстей,
Плачъ недужнаго младенца...
Слезы льются изъ очей,
Жаль земнаго поселенца!

Изнывающій тоской,
Я мечусь въ поляхъ небесныхъ;
Надо мной и подо мной
Безпредѣльныхъ — скорби тѣсныхъ.
Въ тучу прячусь я и въ ней
Мчуся, чуждъ земнаго края,
Страшный гласъ людскихъ скорбей
Гласомъ бури заглушая.

Міръ я вижу какъ во мглѣ;
Арфъ небесныхъ отголосокъ
Слабо слышу... На землѣ
Оживлялъ я недоносокъ:
Отбылъ онъ безъ бытія,
Роковая скоротечность!
Въ тягость роскошь мнѣ твоя,
О безсмысленная вѣчность!

184. Бокалъ.

Полный влагой искрометной,
Зашипѣлъ ты, мой бокалъ!
И покрылъ туманъ привѣтной
Твой озябнувшій кристалъ!
Ты не встрѣченъ братьей шумной,
Буйныхъ оргій властелинъ:
Сластолюбецъ вольнодумной,
Я сегодня пью одинъ.

Чѣмъ душа моя богата,
Все твое, о другъ Аи!
Нынѣ мысль моя не сжата,
И свободны сны мои:
За струею вдохновенной
Не разсѣянъ данникъ твой
Безтолково-оживленной,
Разногласною толпой.

Мой восторгъ неосторожной
Не обидитъ никого;
Не откроетъ дружбѣ ложной
Таинъ счастья моего;
Не смутитъ глупцовъ ревнивыхъ
И торжественныхъ невѣждъ
Изліяньемъ горделивыхъ
Иль святыхъ моихъ надеждъ!

Вотъ теперь со мной бесѣдуй,
Своенравная струя!
Упоенья проповѣдуй
Иль отравы бытія;
Сердцу милыя преданья
Благодатно оживи
Или прошлыя страданья
Мнѣ на память призови!

1835 г.

О, бокалъ уединенья!
Не усилены тобой
Пошлой жизни впечатлѣнья,
Словно чашей круговой:
Плодороднѣй, благороднѣй,
Дивной силой будишь ты
Откровенья преисподней
Иль небесныя мечты!

И одинъ я пью отнынѣ!
Не въ людскомъ шуму,—пророкъ
Въ нѣмотствующей пустынѣ
Обрѣтаетъ свѣтъ высокъ!
Не въ безплодномъ развлеченьи
Общежительныхъ страстей,
Въ одинокомъ упоеньи
Мгла падетъ съ его очей.

185. Алкивіадъ.

Облокотясь передъ мѣдью, образъ его отражавшей,
Дланью слегка приподнявъ кудри златыя чела,
Юный красавецъ сидѣлъ горделиво-задумчивъ,—и смѣхомъ
Горькимъ смѣясь, на него мужи казали перстомъ;
Дѣвы, тайно любуясь челомъ благородно открытымъ,
Нехотя взоръ отводя, хмурили брови свои.
Онъ же и глухъ былъ и слѣпъ: онъ не въ мѣди глядясь, а въ грядущемъ,
Думалъ, къ лицу-ли ему будетъ лавровый вѣнокъ?

186. На Н[адеждина].

Въ рукахъ у этого педанта
Могильный заступъ, не перо:
Журнальнаго негоціанта
Какъ разъ подроетъ онъ бюро.

Онъ громогласный запѣвала,
Но запѣвала похоронъ;
Похоронилъ онъ два журнала,
И третій похоронитъ онъ.

187. Романсъ.

Не позабудь меня въ твоемъ уединеньи,
Въ часъ грусти, милая, припомни обо мнѣ;
Скажи: теперь и онъ тоскуетъ въ отдаленьи
И мысленно летитъ къ родимой сторонѣ.
Не позабудь меня!

Не позабудь меня, развеселясь съ друзьями,
Подругѣ истинной шепни: его здѣсь нѣтъ!
Но нѣкогда и онъ рѣзвился вмѣстѣ съ нами
И страстно мнѣ твердилъ: съ тобой милѣе свѣтъ!
Не позабудь меня!......

1836 г.

188. Князю Петру Андреевичу Вяземскому.

Какъ жизни общіе призывы,
Какъ увлеченья суеты,
Понятны вамъ страстей порывы
И обаянія мечты.
Понятны вамъ всѣ дуновенья,
Которымъ въ морѣ бытія
Послушна наша ладія.
Вамъ приношу я пѣснопѣнья.
Гдѣ отразилась жизнь моя,

1836 г.

Исполнена тоски глубокой,
Противорѣчій, слѣпоты
И между тѣмъ любви высокой,
Любви добра и красоты.

Счастливый сынъ уединенья,
Гдѣ сердца вѣтреные сны
И мысли праздныя стремленья
Разумно мной усыплены;
Гдѣ, другу мира и свободы,
Ни до фортуны, ни до моды,
Ни до молвы мнѣ нужды нѣтъ;
Гдѣ я простилъ безумству, злобѣ
И позабылъ, какъ-бы во гробѣ,
Но добровольно, шумный свѣтъ.
Еще, порою, покидаю
Я Лету, созданную мной,
И степи міра облетаю
Съ тоскою жаркой и живой.
Ищу я васъ; гляжу, что съ вами?
Куда вы брошены судьбами,
Вы, озарявшіе меня
И дружбы кроткими лучами,
И свѣтомъ высшаго огня?
Что вамъ даруетъ Провидѣнье?
Чѣмъ испытуетъ Небо васъ?
И возношу молящій гласъ:
Да длится ваше упоенье,
Да скоро минетъ скорбный часъ!

Звѣзда разрозненной Плеяды!
Такъ изъ глуши моей стремлю
Я къ вамъ заботливые взгляды,
Вамъ высшей благости молю;
Отъ васъ отвлечь судьбы суровой
Удары грозные хочу,
Хотя вамъ прозою почтовой
Лѣниво дань мою плачу.

1837 г.

189. Осень.

И вотъ Сентябрь! Замедля свой восходъ,
Сіяньемъ хладнымъ солнце блещетъ,
И лучъ его въ зерцалѣ зыбкомъ водъ
Невѣрнымъ золотомъ трепещетъ.
Сѣдая мгла віется вкругъ холмовъ,
Росой затоплены равнины,
Желтѣетъ сѣнь кудрявая дубовъ,
И красенъ круглый листъ осины;
Умолкли птицъ живые голоса,
Безмолвенъ лѣсъ, беззвучны небеса!

И вотъ Сентябрь! И вечеръ года къ намъ
Подходитъ: на поля и горы
Уже морозъ бросаетъ по утрамъ
Свои сребристые узоры.
Подымется ненастливый Эолъ:
Предъ нимъ помчится прахъ летучій,
Качаяся завоетъ роща, долъ
Покроетъ листъ ея падучій;
И набѣгутъ на небо облака,
И, потемнѣвъ, запѣнится рѣка.

Прощай, прощай, сіяніе небесъ!
Прощай, прощай, краса природы!
Волшебнаго шептанья полный лѣсъ,
Златочешуйчатыя воды!
Веселый сонъ минутныхъ лѣтнихъ нѣгъ!
Вотъ эхо въ рощахъ обнаженныхъ
Сѣкирою тревожитъ дровосѣкъ,
И скоро, снѣгомъ убѣленныхъ,
Своихъ холмовъ и рощей зимній видъ
Свинцовый токъ туманно отразитъ.

Осень.

1837 г. А между тѣмъ досужій селянинъ
Плодъ годовыхъ трудовъ сбираетъ:
Сметавъ въ стога скошенный злакъ долинъ,
Съ серпомъ онъ въ поле поспѣшаетъ.
Гуляетъ серпъ; на сжатыхъ бороздахъ
Снопы стоятъ въ копнахъ блестящихъ
Иль тянутся вдоль жнивы на возахъ,
Подъ тяжкой ношею скрипящихъ,
И хлѣбныхъ скирдъ золотоверхій градъ
Подъемлется кругомъ крестьянскихъ хатъ.

Дни сельскаго, святаго торжества!
Овины весело дымятся,
И цѣпъ стучитъ, и съ шумомъ жернова
Ожившей мельницы крутятся.
Иди зима! на строги дни себѣ
Припасъ оратай много блага;
Отрадное тепло въ его избѣ,
Хлѣбъ-соль и пѣнистая брага:
Съ семьей своей вкуситъ онъ безъ заботъ
Своихъ трудовъ благословенный плодъ!

А ты, когда вступаешь въ осень дней,
Оратай жизненнаго поля,
И предъ тобой во благостынѣ всей
Является земная доля;
Когда тебѣ житейскія бразды,
Трудъ, дольній подвигъ награждая,
Готовятся подать свои плоды,
И спѣетъ жатва дорогая,
И въ зернахъ думъ ее сбираешь ты,
Судебъ людскихъ достигнувъ полноты,—

Ты такъ же-ли, какъ земледѣлъ, богатъ?
Какъ онъ, и ты съ надеждой сѣялъ;
Какъ онъ, и ты о дальнемъ днѣ наградъ
Сны позлащенные лелѣялъ.
Любуйся же, гордись возставшимъ имъ!
Считай свои пріобрѣтенья!...

Осень.

1837 г. Увы! къ мечтамъ, страстямъ, трудамъ мірскимъ
Тобой скопленныя презрѣнья,
Язвительный, неотразимый стыдъ
Души твоей обмановъ и обидъ!

Твой день взошелъ, и для тебя ясна
Вся дерзость юныхъ легковѣрій;
Испытана тобою глубина
Людскихъ безумствъ и лицемѣрій.
Алкаемыхъ неопытнымъ тобой,
Сердечныхъ нѣгъ вкусивъ отраву,
Ты, можетъ быть, любовью міровой
Пылая, звалъ и вѣдалъ славу?
О, для тебя уже призраковъ нѣтъ,
Ихъ разогналъ неодолимый свѣтъ!

Кругомъ себя взоръ отрезвѣлый ты
Съ недоумѣніемъ обводишь;
Гдѣ прежній міръ? гдѣ міръ твоей мечты?
Гдѣ онъ? — ты ищешь, не находишь!
Ты, нѣкогда всѣхъ увлеченій другъ,
Сочувствій пламенный искатель,
Блистательныхъ тумановъ царь — и вдругъ
Безплодныхъ дебрей созерцатель!
Одинъ съ тоской, которой смертный стонъ
Едва твоей гордыней задушонъ.

Но если-бы негодованья крикъ,
Но если-бъ вопль тоски великой
Изъ глубины сердечныя возникъ
Вполнѣ торжественный и дикой:
Костями-бы среди своихъ забавъ
Содроглась вѣтреная младость,
Играющій младенецъ, зарыдавъ,
Игрушку-бъ выронилъ, и радость
Покинула-бъ чело его на вѣкъ,
И заживо-бъ въ немъ умеръ человѣкъ!

Зови-жъ теперь на праздникъ честный міръ!
Спѣши, хозяинъ тороватый!

1837 г. Проси, сажай гостей своихъ за пиръ
Затѣйливый, замысловатый.
Что лакомству пророчитъ онъ утѣхъ!
Какимъ разнообразьемъ брашенъ
Блистаетъ онъ! Но вкусъ одинъ во всѣхъ
И какъ могила людямъ страшенъ;
Садись одинъ и тризну соверши
По радостямъ земнымъ твоей души!

Какое же потомъ въ груди твоей
Ни водворится озаренье;
Чѣмъ думъ и чувствъ ни разрѣшится въ ней
Послѣднее вихревращенье:
Пусть, въ торжествѣ насмѣшливомъ своемъ,
Умъ безполезный сердца трепетъ
Угомонитъ, и позднихъ жалобъ въ немъ
Удушишь недостойный лепетъ
И примешь въ грудь, какъ лучшій жизни кладъ,
Ты даръ его, мертвящій душу хладъ.

Иль отряхнувъ видѣнія земли
Порывомъ скорби животворной,
Ея предѣлъ завидя невдали,
Вдругъ умиленной, вдругъ покорной,
Возмездій край, благовѣстящимъ снамъ
Довѣрясь чувствомъ обновленнымъ
И бытія мятежнымъ голосамъ,
Всесильнымъ гласомъ примиреннымъ,
Внимающій въ весельи и тиши
Лучамъ небесъ раскрывшейся души,—

Предъ Промысломъ оправданнымъ ты ницъ
Падешь съ признательнымъ смиреньемъ,
Съ надеждою, не видящей границъ,
И утоленнымъ разумѣньемъ;
Знай, внутренней своей вовѣки ты
Не передашь земному звуку
И темныхъ чадъ житейской суеты
Не посвятишь въ свою науку:

Знай, дольная иль горняя, она
Намъ на землѣ не для земли дана.

Вотъ буйственно несется ураганъ,
И лѣсъ подъемлетъ говоръ шумной,
И пѣнится, и ходитъ океанъ,
И въ берегъ бьетъ волной безумной:
Такъ иногда толпы лѣнивый умъ
Изъ усыпленія выводитъ
Гласъ, дикій гласъ, вѣщатель общихъ думъ,
И страстный отзывъ въ ней находитъ;
Но высшаго понятія глаголъ
Долъ носится, не отзываясь долъ.

Пускай, принявъ неправильный полетъ
И вспять стези не обрѣтая,
Звѣзда небесъ въ бездонный мракъ падетъ
Пусть загорится въ нихъ другая:
Не явствуетъ землѣ ущербъ одной,
Не поражаетъ ухо міра
Далекаго ея паденья вой,
Какъ въ безпредѣльности эѳира
Ея сестры новорожденный свѣтъ
И небесамъ восторженный привѣтъ.

Зима идетъ, и тощая земля
Въ широкихъ лысинахъ безсилья,
И радостно блиставшія поля
Златыми класами обилья:
Со смертью жизнь, богатство съ нищетой,
Всѣ образы годины бывшей,
Сравняются подъ снѣжной пеленой,
Однообразно ихъ покрывшей:
Передъ тобой таковъ отнынѣ свѣтъ;
Но въ немъ тебѣ грядущей жатвы нѣтъ.

1837 г.

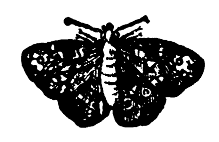
190. (Новинское).

А. С. Пушкину.

Когда поэта красота
Своей улыбкой оживила,
Не думай, чтобъ любви мечта
Его глаза одушевила;
Нѣтъ, это былъ сей легкій сонъ,
Сей тонкій сонъ воображенья,
Что посылаетъ Аполлонъ
Не для любви, для вдохновенья.

191. Мысль.

Сначала мысль, воплощена
Въ поэму сжатую поэта,
Какъ дѣва юная, темна
Для невнимательнаго свѣта;
Потомъ, осмѣлившись, она
Уже увертлива, рѣчиста,
Со всѣхъ сторонъ своихъ видна,
Какъ искушенная жена,
Въ свободной прозѣ романиста;
Болтунья старая, затѣмъ
Она, подъемля крикъ нахальной,
Плодитъ въ полемикѣ журнальной
Давно ужъ вѣдомое всѣмъ.

1839 г.

192. *,*

Благословенъ святое возвѣстившій!
Но въ глубинѣ разврата не погибъ
Какой-нибудь неправедный, изгибъ
Сердецъ людскихъ предъ нами обнажившій.
Двѣ области — сіянія и тьмы —
Изслѣдовать равно стремимся мы.
Плодъ яблони со древа упадаетъ:
Законъ небесъ постигнулъ человѣкъ!
Такъ въ дикій смыслъ порока посвящаетъ
Насъ иногда чуть явственный намѣкъ.

193. *,*

Были бури, непогоды,
Да младые были годы!

Въ день ненастный, часъ гнетучій,
Грудь подыметъ вздохъ могучій;

Вольной пѣснью разольется,
Скорбь - невзгода распоется;

А какъ вѣкъ-то, вѣкъ-то старой
Обручится съ лютой карой;

Крупный грузъ съ груди усталой
Ужъ не сброситъ вздохъ удалой:

Не положишь ты на голосъ
Съ черной мыслью бѣлый волосъ!

194. *,*

Еще, какъ Патріархъ, не древенъ я; моей
Главы не умастилъ таинственный елей:
Непосвященныхъ рукъ бездарно возложенье!
И я даю тебѣ мое благословенье

1839 г. Во знаменьи иномъ, о дѣва красоты!
Подъ этой розою челомъ склонись, о ты,
Подобіе цвѣтовъ Царицы ароматной,
Въ залогъ румяныхъ дней и доли благодатной.

195. ***

Толпѣ тревожный день привѣтенъ, но страшна
Ей ночь безмолвная. Боится въ ней она
Раскованной мечты видѣній своевольныхъ.
Не легкокрылыхъ грезъ, дѣтей волшебной тьмы,
Видѣній дня боимся мы,
Людскихъ суетъ, заботъ юдольныхъ.

Ощупай возмущенный мракъ:
Исчезнетъ, съ пустотой сольется
Тебя пугающій призракъ,
И заблужденью чувствъ твой ужасъ улыбнется.

О сынъ Фантазіи! ты благодатныхъ Фей
Счастливый баловень, и тамъ, въ заочномъ мірѣ,
Веселый семьянинъ, привычный гость на пирѣ
Неосязаемыхъ властей:
Мужайся, не слабѣй душою
Передъ заботою земною:
Ей исполинскій видъ даетъ твоя мечта;
Коснися облака нетрепетной рукою, —
Исчезнетъ; а за нимъ опять передъ тобою
Обители духовъ откроются врата.

196. Примѣты.

Пока человѣкъ естества не пыталъ
Горниломъ, вѣсами и мѣрой,
Но дѣтски вѣщаньямъ природы внималъ,
Ловилъ ея знаменья съ вѣрой;

Покуда природу любилъ онъ, — она
Любовью ему отвѣчала;

1839 г. О немъ дружелюбной заботы полна,
Языкъ для него обрѣтала.

Со древа, предъ тайно-грозящей бѣдой,
Вранъ каркалъ ему въ опасенье;
Ширяясь надъ нимъ въ высотѣ голубой,
Орелъ ободрялъ дерзновенье;

На путь ему выбѣжавъ изъ лѣсу волкъ,
Крутясь и подъемля щетину,
Побѣду пророчилъ,—и смѣло свой полкъ
Бросалъ онъ на вражью дружину;

Чета голубиная, вѣя надъ нимъ,
Блаженство любви предрекала;
Въ пустынѣ безлюдной онъ не былъ одним
Привѣтная жизнь въ ней дышала.

Но чувство презрѣвъ, онъ довѣрилъ уму,
Вдался въ суету изысканій....
И сердце природы закрылось ему,
И нѣтъ на землѣ прорицаній.

197. Обѣды.

Я не люблю хвастливые обѣды,
Гдѣ сто обжоръ, не вѣдая бесѣды,
Жуютъ и спятъ. Къ чему такой содомъ?
Хотите-ли, чтобъ умъ, воображенье
Привелъ обѣдъ въ счастливое броженье,
Чтобъ духъ игралъ съ играющимъ виномъ,
Какъ знатоки Эллады завѣщали?
Старайтеся, чтобъ гости за столомъ,
Не менѣе Каменъ своимъ числомъ,
Числа Харитъ у васъ не превышали.

198. Звѣзды.

Мою звѣзду я знаю, знаю
И мой бокалъ
Я наливаю, наливаю,
Какъ наливалъ.

Гоненьямъ рока, злобѣ свѣта
Смѣюся я:
Живетъ не здѣсь—въ звѣздахъ Моэта
Душа моя!
Когда-жъ коснутся устъ прелестныхъ
Уста мои,—
Не нужно мнѣ ни звѣздъ небесныхъ,
Ни звѣздъ Аи!

1840 г.

199. ***

На все свой ходъ, на все свои законы.
Межъ люлькою и гробомъ спитъ Москва;
Но и до ней глухой дошла молва,
Что скученъ вистъ, и веселѣй салоны
Отборные, гдѣ есть уму просторъ,
Гдѣ властвуетъ не вистъ, а разговоръ.
И погналась за модой новосвѣтской,
Но погналась старуха не путёмъ:
Салоны есть,—но этотъ смотритъ дѣтской,
А тотъ, увы!—глядитъ гошпиталемъ.

200. ***

На что вы дни! Знакомый свѣтъ явленья
Свои не измѣнитъ!
Все вѣдомо, и только повторенья
Грядущее сулитъ.

*** — *** — ***

1840 г. Не даромъ ты металась и кипѣла,
Развитіемъ спѣша;
Свой подвигъ ты свершила прежде тѣла,
Безумная душа!

И бѣдный кругъ подлунныхъ впечатлѣній
Сомкнувшая давно,
Подъ вѣяньемъ возвратныхъ сновидѣній
Ты дремлешь; а оно

Безсмысленно глядитъ, какъ утро встанетъ,
Безъ нужды ночь смѣня;
Какъ въ мракъ ночной безплодный вечеръ канетъ,
Вѣнецъ пустого дня!

201. ***

Всегда и въ пурпурѣ и златѣ,
Въ красѣ негаснущихъ страстей,
Ты не вздыхаешь объ утратѣ
Какой-то младости твоей.
И юныхъ Грацій ты прелестнѣй!
И твой закатъ пышнѣй, чѣмъ день!
Ты сладострастнѣй, ты тѣлеснѣй
Живыхъ, блистательная тѣнь!

202. ***

Все мысль, да мысль! Художникъ бѣдный слова!
О жрецъ ея! тебѣ забвенья нѣтъ;
Все тутъ, да тутъ и человѣкъ, и свѣтъ,
И смерть, и жизнь, и правда безъ покрова.
Рѣзецъ, органъ, кисть! счастливъ, кто влекомъ
Къ нимъ, чувственнымъ, за грань ихъ не ступая!
Есть хмѣль ему на праздникѣ мірскомъ!
Но предъ тобой, какъ предъ нагимъ мечёмъ,
Мысль, острый лучъ! — блѣднѣетъ жизнь земная.

1840 г.

203. Мудрецу.

Тщетно, межъ бурною жизнью и хладною смертью, философъ,
Хочешь ты пристань найти, имя даешь ей: покой.
Намъ, изъ ничтожества вызваннымъ творчества словомъ тревожным
Жизнь для волненья дана: жизнь и волненье одно.
Тотъ, кого миновали общія смуты, заботу
Самъ вымышляетъ себѣ: лиру, палитру, рѣзецъ;
Міра невѣжда, младенецъ, какъ будто законъ его чуя,
Первымъ стенаньемъ качать нудитъ свою колыбель.

204. Риөма.

Когда на играхъ Олимпійскихъ,
На стогнахъ Греческихъ недавнихъ городовъ,
Онъ пѣлъ, питомецъ Музъ, онъ пѣлъ среди валовъ
Народа жаднаго восторговъ мусикійскихъ:
Въ немъ вѣра полная въ сочувствіе жила;
Свободнымъ и широкимъ метромъ,
Какъ жатва зыблемая вѣтромъ,
Его гармонія текла.
Толпа вниманіемъ окована была,
Пока могучимъ сотрясеньемъ
Вдругъ побѣжденная, плескала безъ конца
И струны звучныя пѣвца
Дарила новымъ вдохновеньемъ.
Когда на греческій амвонъ,
Когда на римскую трибуну
Ораторъ восходилъ, и славословилъ онъ
Или оплакивалъ народную судьбину,
И обращалися всѣ взоры на него,
И силой слова своего
Витія властвовалъ народнымъ произволомъ:
Онъ зналъ, кто онъ; онъ вѣдать могъ,
Какой могучій правитъ Богъ
Его торжественнымъ глаголомъ.

1840 г.

А нынѣ кто у нашихъ лиръ
Ихъ дружелюбной тайны проситъ?
Кого за нами въ горній міръ
Опальный голосъ ихъ уноситъ?
Межъ насъ не вѣдаетъ поэтъ,
Его полетъ высокъ иль нѣтъ!
Самъ судія и подсудимый,
Пусть молвитъ: пѣснопѣвца жаръ —
Смѣшной недугъ иль высшій даръ?
Рѣшитъ вопросъ неразрѣшимый!
Среди безжизненнаго сна,
Средь гробоваго хлада свѣта,
Своею ласкою поэта
Ты, риѳма, радуешь одна.
Подобно голубю ковчега,
Одна ему съ роднаго брега
Живую вѣтвь приносишь ты;
Одна съ божественнымъ порывомъ
Миришь его твоимъ отзывомъ
И признаешь его мечты!

205. *,*

Увы! Творецъ непервыхъ силъ,
На двухъ статейкахъ утомилъ
Ты кой-какое дарованье!
Лишенный творческой мечты,
Уже въ жару нездравомъ ты
Коверкать сталъ правописанье!

Неаполь возмутилъ рыбарь,
И, власть пріявъ, какъ мудрый царь,
Двѣнадцать дней онъ градомъ правилъ;
Но что же? — непривычный умъ,
Уставши отъ державныхъ думъ,
Его въ тринадцатый оставилъ!

206. ***

Филида съ каждою зимою,
Зимою новою своей,
Пугаетъ большей наготою
Своихъ старушечьихъ плечей.
И, Афродита гробовая,
Подходитъ, словно къ ложу сна,
За ризой ризу опуская,
Къ одру послѣднему она.

1841 г.

207. Предразсудокъ.

Предразсудокъ! онъ обломокъ
Давней правды. Храмъ упалъ,
А руинъ его потомокъ
Языка не разгадалъ.

Гонитъ въ немъ нашъ вѣкъ надменной,
Не узнавъ его лица,
Нашей правды современной
Дряхлолѣтняго отца.

Воздержи младую силу!
Дней его не возмущай;
Но пристойную могилу,
Какъ уснетъ онъ, предку дай.

1841 г.

208. Vanitas Vanitatum.

Что за звуки? Мимоходомъ
Ты поешь передъ народомъ,
Старецъ нищій и слѣпой!
И, какъ псовъ враждебныхъ стая,
Чернь тебя обстала злая,
Издѣваясь надъ тобой.

А съ тобой издавна тѣсенъ
Былъ союзъ Камены пѣсенъ,
И бесѣдовалъ ты съ ней,
Безымянной, роковою,
Съ дня, какъ въ первый разъ тобою
Былъ услышанъ соловей!

Бѣдный старецъ! Слышу чувство
Въ сильной пѣсни... Но искусство....
Старцевъ старѣе оно:
Эти радости, печали,—
Музыкальныя скрыжали
Выражаютъ ихъ давно!

Опрокинь же свой треножникъ!
Ты избранникъ, не художникъ!
Попеченья Геній твой
Да отложитъ въ здѣшнемъ мірѣ:
Тамъ, быть можетъ, въ горнемъ клирѣ
Звученъ будетъ голосъ твой!

209. Ропотъ.

Краснаго лѣта отрава, муха досадная, что ты
Вьешься, терзая меня, льнешь то къ лицу, то къ перстамъ?
Кто одарилъ тебя жаломъ, властнымъ прервать самовольно
Мощно-крылатую мысль, жаркой любви поцѣлуй?
Ты изъ мечтателя мирнаго, нѣгъ Европейскихъ питомца,
Дикаго Скифа творишь, жаднаго смерти врага.

1841 г.

210. Ахиллъ.

Влага Стикса закалила
Дикой силы полноту
И кипящаго Ахилла
Бою древнему явила
Уязвимымъ лишь въ пяту.

Обреченъ борьбѣ верховной,
Ты-ли долею своей
Равенъ съ нимъ, боецъ духовной,
Сынъ купели новыхъ дней?

Омовенъ ея водою,
Знай, страданью надъ собою
Волю полную ты далъ,
И одной пятой своею
Невредимъ ты, если ею
На живую вѣру сталъ.

211. Скульпторъ.

Глубокій взоръ вперивъ на камень,
Художникъ Нимфу въ немъ прозрѣлъ
И пробѣжалъ по жиламъ пламень,
И къ ней онъ сердцемъ полетѣлъ.

Но безконечно вожделѣнной,
Уже онъ властвуетъ собой:
Неторопливый, постепенной
Рѣзецъ съ богини сокровенной
Кору снимаетъ за корой.

Въ заботѣ сладостно-туманной
Не часъ, не день, не годъ уйдетъ,
А съ предугаданной, съ желанной
Покровъ послѣдній не падетъ.

1841 г.

Покуда страсть уразумѣя
Подъ лаской вкрадчивой рѣзца,
Отвѣтнымъ взоромъ Галатея
Не увлечетъ, желаньемъ рдѣя,
Къ побѣдѣ нѣги мудреца!

212. Память Поэту.

Когда твой голосъ, о Поэтъ,
Смерть въ высшихъ звукахъ остановитъ,
Когда тебя во цвѣтѣ лѣтъ
Нетерпѣливый рокъ уловитъ, —

Кого закатъ могучихъ дней
Во глубинѣ сердечной тронетъ?
Кто въ отзывъ гибели твоей
Стѣсненной грудію возстонетъ? —

И тихій гробъ твой посѣтитъ,
И надъ умолкшей Аонидой,
Рыдая, пепелъ твой почтитъ
Нелицемѣрной панихидой? —

Никто! — но сложится пѣвцу
Канонъ намеднишнимъ Зоиломъ,
Уже кадящимъ мертвецу,
Чтобы живыхъ задѣть кадиломъ.

213. ***

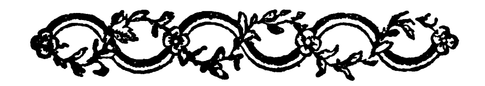
Здравствуй, отрокъ сладкогласной!
Твой разсвѣтъ зарей прекрасной
Озаряетъ Аполлонъ!
Честь возникшему Піиту!
Малолѣтную Хариту
Ранней лирой тронулъ онъ.

Съ утра дней счастливъ и славенъ,
Кто тебѣ, мой мальчикъ, равенъ?

Только жаворонокъ живой,
Чуткой грудію своею,
Съ первымъ солнцемъ, полный всею
Наступающей весной!

214. Коттеріи.

Братайтеся, къ взаимной оборонѣ
Ничтожностей своихъ вы рождены;
Но даръ прямой не братъ у васъ въ притонѣ,
Бездарные писцы хлопотуны!
Наоборотъ союзнымъ на благое,
Рѣченнаго достойные друзья:
Аминь, аминь, вѣщалъ онъ вамъ, гдѣ трое
Вы будете, — не буду съ вами я.

1842 г.

215. Съ книгою Сумерки.

С. Н. К[арамзиной].

Сближеньемъ съ вами на мгновенье
Я очутился въ той странѣ,
Гдѣ *въ оны дни* воображенье
Такъ сладко, складно лгало мнѣ.
На умъ, на сердце мнѣ излили
Вы благодатныя струи —
И чудотворно превратили
Въ день ясный *сумерки* мои.

1842 г.

216. ***

Спасибо злобѣ хлопотливой,
Хвала вамъ, недруги мои!
Я, не усталый, но лѣнивый,
Ужъ пилъ Летійскія струи.

Слегка сѣдѣющій мой волосъ
Любилъ за право на покой;
Но вотъ къ борьбѣ вашъ дикій голосъ
Меня зоветъ и будитъ мой.

Спасибо вамъ, я не въ утратѣ!
Какъ богоизбранный Еврей,
Остановили на закатѣ
Вы солнце юности моей!

Спасибо! молодость вторую,
И человѣческимъ сынамъ
Досель безвѣстную, пирую
Я въ зависть Флакку, въ славу вамъ!

217. (На посѣвъ лѣса.)

Опять весна; опять смѣется лугъ,
И веселъ лѣсъ своей младой одеждой,
И поселянъ неутомимый плугъ
Браздитъ поля съ покорствомъ и надеждой.

Но нѣтъ уже весны въ душѣ моей,
Но нѣтъ уже въ душѣ моей надежды,
Ужъ здѣшній міръ уходитъ изъ очей,
Предъ вѣчнымъ днемъ я опускаю вѣжды.

Ужъ та зима главу мою сребритъ,
Что грѣетъ сѣвъ для будущаго міра,
Но прагъ земли не перешелъ піитъ,—
Къ ея сынамъ еще взываетъ лира.

Великъ Господь! Онъ милосердъ, но правъ:
Нѣтъ на землѣ ничтожнаго мгновенья;

Прощаетъ онъ безумію забавъ,
Но никогда пирамъ злоумышленья.

Толкнулъ глупца души моей порывъ,
Онъ вызвать могъ меня на бой кровавой;
Но подо мной, сокрытый ровъ изрывъ,
Свои рога вѣнчалъ онъ падшей славой!

Летѣлъ душой я къ новымъ племенамъ,
Любилъ, ласкалъ ихъ пустоцвѣтный колосъ:
Я дни извелъ, стучась къ людскимъ сердцамъ,
Всѣхъ чувствъ благихъ я подавалъ имъ голосъ.

Отвѣта нѣтъ! Отвергнулъ струны я,
Да кряжъ другой мнѣ будетъ плодоносенъ!
И вотъ ему несетъ рука моя
Зародыши дубовъ, елей и сосенъ.

Пусть вѣрую, простясь я съ лирою моей,
Что нѣкогда ее замѣнятъ эти
Поэзіи таинственныхъ скорбей
Могучія и сумрачныя дѣти!

1843 г.

218. ***

Люблю я васъ, Богини пѣнья,
Но вашъ чарующій находъ,
Сей сладкій трепетъ вдохновенья, —
Предтечей жизненныхъ невзгодъ.

Любовь Каменъ съ враждой Фортуны —
Одно. Молчу! боюся я.

И снова
Звезда
Твой [illegible] луч
[illegible] равнины
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

[illegible] луч
[illegible]
[illegible]
[illegible]
В душе моей [illegible]
[illegible]
В душе моей [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

И снова [illegible]
Въ [illegible] тихій лучъ
[illegible] ласкающій
[illegible]
Младой [illegible] лазурной
[illegible]
[illegible] прекрасной [illegible]
[illegible] надеждъ

Какъ солнца лучъ
Межъ тучей лазурныхъ
Неуловимый [illegible]
Изъ [illegible] и [illegible]
Въ душѣ моей весна
~~[illegible] въ душѣ моей~~
Въ душѣ моей надежды
Мечты прекрасной опять [illegible]
И тѣни и [illegible] вершинъ

Ты ли [illegible] моею [illegible]

Чтобъ персты, падшіе на струны,
Не пробудили-бы перуны,
Въ которыхъ спитъ судьба моя.

И отрываюсь, полный муки,
Отъ музы ласковой ко мнѣ
И говорю: до завтра звуки,
Пусть день угаснетъ въ тишинѣ.

1844 г.

219. Молитва.

Царь небесъ! успокой
Духъ болѣзненный мой!
Заблужденій земли
Мнѣ забвенье пошли —
И на строгій твой рай
Силы сердцу подай!

220. ***

Когда, дитя и страсти и сомнѣнья,
Поэтъ взглянулъ глубоко на тебя, —
Рѣшилась ты дѣлить его волненья,
Въ немъ таинство печали полюбя.

Ты, смѣлая и кроткая, со мною
Въ мой дикій адъ сошла рука съ рукою, —
Рай зрѣла въ немъ чудесная любовь.

О, сколько разъ къ тебѣ, святой и нѣжной,
Я приникалъ главой моей мятежной,
Съ тобой себѣ и небу вѣря вновь.

1844 г.

221. Пироскафъ.

Дикою, грозною ласкою полны,
Бьютъ въ нашъ корабль средиземныя волны.
Вотъ надъ кормою сталъ капитанъ:
Визгнулъ свистокъ его. Братствуя съ паромъ,
Вѣтру нашъ парусъ раздался не даромъ:
Пѣнясь, глубоко вздохнулъ океанъ!

Мчимся. Колеса могучей машины
Роютъ волнистое лоно пучины.
Парусъ надулся. Берегъ исчезъ.
Наединѣ мы съ морскими волнами;
Только-что чайка вьется за нами
Бѣлая, рѣя межъ водъ и небесъ.

Только вдали, океана жилица,
Чайкѣ подобно — водъ его птица,
Парусъ развивъ, какъ большое крыло,
Съ бурной стихіей въ томительномъ спорѣ,
Лодка рыбачья качается въ морѣ:
Съ брегомъ набрежное скрылось, ушло!

Много земель я оставилъ за мною;
Вынесъ я много смятенной душою
Радостей ложныхъ, истинныхъ золъ;
Много мятежныхъ рѣшилъ я вопросовъ
Прежде, чѣмъ руки Марсельскихъ матросовъ
Подняли якорь, надежды символъ!

Съ дѣтства влекла меня сердца тревога
Въ область свободную влажнаго бога;
Жадныя длани я къ ней простиралъ.
Темную страсть мою днесь награждая,
Кротко щадитъ меня немочь морская:
Пѣною здравья брызжетъ мнѣ валъ!

Нужды нѣтъ, близко-ль, далеко-ль до брега!
Въ сердцѣ къ нему приготовлена нѣга.

1844 г.

Вижу Өетиду: мнѣ жребій благой
Емлетъ она изъ лазоревой урны:
Завтра увижу я башни Ливурны,
Завтра увижу Элизій земной.

222. Дядькѣ-Итальянцу.

Бѣглецъ Италіи, Жьячинто, дядька мой,
Янтарный виноградъ, лимонъ ея златой
Тревожно бросившій, корыстью уязвленный,
И въ край, суровый край, снѣгами покровенный,
Приставшій съ выборомъ загадочныхъ картинъ,
Гдѣ что-то различалъ и видѣлъ ты одинъ!
Прости нашъ здравый смыслъ, прости! мы та изъ націй
Гдѣ брату вашему всѣхъ меньше спекуляцій:
Никто ихъ не купилъ. Вздохнувъ, оставилъ ты
Въ глушь сѣвера тебя привлекшія мечты;
Зато воскресъ въ тебѣ сей умъ, на все пригодной,
Твой Итальянскій умъ, и съ нашимъ очень сходной!
Ты счастливъ былъ, когда тебѣ кое-что далъ
Почтенный, для тебя богатый Генералъ,
Чтобъ, въ силу строгаго съ тобою договора,
Ты далъ мнѣ благодать нерусскаго надзора.
Благодаря боговъ, съ тобой за этимъ вслѣдъ
Другъ другу не были мы чужды двадцать лѣтъ.

Москва насъ приняла, разставшихся съ деревней.
Ты былъ вожатый мой въ столицѣ нашей древней:
Всѣхъ макаронщиковъ тогда узналъ я въ ней,
Ментора моего полуденныхъ друзей.
Увы! оставивъ тамъ могилу дорогую,
Опять увидѣли мы вотчину степную,
Гдѣ волею небесъ узналъ я бытіе,
О сынъ Авзоніи, для бурь, какъ ты свое;
Но гдѣ, хотя вдали твоей отчизны знойной,
Ты мирный кровъ обрѣлъ, а позже гробъ спокойной.

Ты полюбилъ тебя призрѣвшую семью —
И, съ жизнію ея сливая жизнь свою,

1844 г. Ея событьями въ глуши чужого края
Былаго своего преданья заглушая,
Безропотно сносилъ морозы нашихъ зимъ;
Въ нашъ краткій лѣтній жаръ тобою былъ любимъ
Оврагъ подъ сѣнію дубовъ прохладовѣйныхъ.
Участникъ нашихъ слезъ и праздниковъ семейныхъ,
Въ дни траура главой сѣдой ты поникалъ;
Но ускорялъ шаги и членами дрожалъ,
Какъ въ утро зимнее, порой, съ предѣловъ свѣта,
Питомца твоего, недавняго корнета,
Къ колѣнамъ матери кибитка принесетъ,
И скорбный взоръ ея минутно оживетъ.

Но что, радушному предѣлу благодарной,
Нѣтъ! ты не забывалъ отчизны лучезарной!
Везувій, Колизей, гротъ Капри, храмъ Петра —
Имѣлъ ты на устахъ отъ утра до утра;
Именовалъ ты намъ и принцевъ, и прелатовъ
Земли, гдѣ зрѣлъ дивясь Суворовскихъ солдатовъ,
Входящихъ, вопреки тѣхъ пламенныхъ часовъ,
Что, по твоимъ словамъ, со стогновъ гонятъ псовъ,
Въ густой пыли побѣдъ, въ грозѣ небритыхъ бород
Рядами стройными въ классическій твой городъ;
Земли, гдѣ, годъ спустя, тебѣ предсталъ и онъ,
Тогда Буонапартъ, потомъ Наполеонъ,
Минутный Царь Царей, но дивный Кондотьери,
Ужъ зиждущій свои гигантскія потери.

Скрывая власти гладъ, тогда морочилъ васъ
Онъ звонкой пустотой революцьонныхъ фразъ;
Народъ ему зажегъ привѣтственныя плошки;
Но ты, ты не забылъ серебряныя ложки,
Которыя, среди блестящихъ общихъ грезъ,
Ты контрибуціи назначенной принесъ:
Едва ты узнику печальному Британца
Простилъ военную систему Корсиканца.

Что на твоемъ вѣку, то-ль благо, то-ли зло
Возникло, при тебѣ — въ преданье перешло.

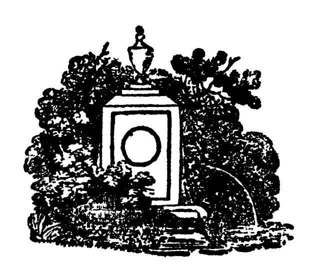
1844 г. Въ Альпійскихъ молніяхъ пріемлемый опалой,
Свой ратоборный духъ, на битвы не усталой,
Въ картечи эпиграммъ Суворовъ испустилъ.
Злодѣй твой на скалѣ пустынной опочилъ.
Ты самъ глаза сомкнулъ, когда мірскія сѣти
Ужъ поняли тобой взлелѣянныя дѣти;
Когда, свидѣтели превратностей земли,
Они глубокій взоръ уставить ужъ могли,
Забвенья чуждыя за жизненною чашей,
На Итальянскій гробъ въ оградѣ церкви нашей.

А я, я — съ памятью живыхъ твоихъ рѣчей —
Увидѣлъ роскоши Италіи твоей:
Во славѣ солнечной Неаполь твой нагорной,
Въ парахъ пурпуровыхъ и въ зелени узорной,
Неувядаемой; амфитеатръ дворцовъ
Надъ яркой пеленой лазоревыхъ валовъ;
И Цицероновъ домъ, и злачную пещеру,
Священную поднесь Камены суевѣру,
Гдѣ спитъ великій прахъ властителя стиховъ,
Того, кто въ сей землѣ волкановъ и цвѣтовъ,
И ужасовъ, и нѣгъ взлелѣялъ Эпопею,
Гдѣ въ мракѣ Тенара открылъ онъ путь Энею,
Явилъ его очамъ чудесный садъ утѣхъ,
Обитель сладкую тѣней блаженныхъ тѣхъ,
Что, крѣпки въ опытахъ земного треволненья,
Сподобились вкусить ѳирныхъ струй забвенья.

Неаполь! До него среди садовъ твоихъ
Сердца мятежныя отыскивали ихъ.
Сквозь занавѣсъ вѣковъ еще здѣсь помнятъ виллы
Пріюты отдыховъ и Марія и Сциллы.
И кто, безчувственный среди твоихъ красотъ,
Не жаждалъ въ ихъ раю обрѣсть навѣсъ иль гротъ,
Гдѣ-бъ скрылся не на часъ, какъ эти полубоги,
Здѣсь Лету пившіе, чтобъ крѣпнуть для тревоги,
Но чтобъ незримо слить въ безсмысліи златомъ
Сонъ нѣги сладостной съ послѣднимъ, вѣчнымъ сномъ.

1844 г. И въ сей Италіи, гдѣ все — каскады, розы,
Мелезы, тополи и даже эти лозы,
Чей безыменный листъ такъ преданно обникъ
Давно изъ божества разжалованный ликъ,
Потомъ съ чела его повиснулъ полусонно, —
Все беззаботному блаженству благосклонно,
Ужиться ты не могъ! и, помня сладкій югъ,
Духъ предалъ строгому дыханью нашихъ вьюгъ,
Не сѣтуя о томъ, что за предѣлы міра
Онъ улетѣть-бы могъ на крыліяхъ зефира!

О тайны душъ! межъ тѣмъ, какъ сумрачный поэтъ,
Дитя Британіи, влачившій столько лѣтъ
По знойнымъ берегамъ груди своей отравы,
У миртовъ, у оливъ, у моря и у лавы,
Моля разсѣянья отъ думы роковой,
Владѣющей его измученной душой, —
Напрасно! (устъ его, какъ древле устъ Тантала,
Струя желанная насмѣшливо бѣжала) —
Миръ сердцу твоему далъ пасмурный навѣсъ
Метелью полгода скрываемыхъ небесъ,
Отчизна тощихъ мховъ, степей и древъ иглистыхъ.
О, спи! безгрезно спи въ предѣлахъ нашихъ льдистыхъ
Лелѣй по-своему твой подземельный сонъ
Нашъ бурнодышущій, полночный аквилонъ,
Не хуже вѣющій забвеньемъ и покоемъ,
Чѣмъ вздохи южные съ душистымъ ихъ упоемъ!

Другія редакціи.

1. Въ Альбомъ.

Тебѣ на память въ книгѣ сей
Стихи пишу я съ думой смутной.
Увы! въ обители твоей
Я, можетъ статься, гость минутной!
Съ изнемогающей душой,
На неизвѣстную разлуку
Не разъ трепещущей рукой
Друзьямъ своимъ сжималъ я руку.
Ты помнишь милую страну,
Гдѣ жизнь и радость мы узнали,
Гдѣ зрѣли первую весну,
Гдѣ первой страстію пылали?
Покинулъ я предѣлъ родной!
Такъ и съ тобою, другъ мой милый,
Здѣсь проведу я день, другой,—
И, какъ узнать? въ странѣ чужой
Окончу я мой вѣкъ унылый.
А ты прибудешь въ домъ отцовъ,
А ты узришь поля родныя
И прошлыхъ счастливыхъ годовъ
Вспомянешь были золотыя.
Но гдѣ товарищъ, гдѣ поэтъ,
Тобой съ младенчества любимый?

Онъ совершилъ судьбы завѣтъ,
Судьбы враждебной съ юныхъ лѣтъ
И до конца непримиримой!
Когда-жъ стихи мои найдешь,
Гдѣ складу нѣтъ, но чувство живо,—
Ты ихъ задумчиво прочтешь,
Глаза потупишь молчаливо...
И тихо листъ перевернешь.

2. Къ ****

при отъѣздѣ въ армію.

Итакъ, мой милый, не шутя,
Сказавъ прости домашней нѣгѣ,
Ты усъ мечтательный крутя,
На шибко-скачущей телѣгѣ,
Отъ насъ, увы! далеко прочь,
О насъ, увы! не сожалѣя,
Летишь курьеромъ день и ночь
Туда, туда, къ шатрамъ Арея!
И тамъ, въ мундирѣ щегольскомъ,
Ты скоро станешь въ ратномъ строѣ
Межъ удальцами удальцомъ!
О милый мой! согласенъ въ томъ,
Завидно счастіе такое!
Не пріобщуся невпопадъ
Я къ мудрецамъ чрезъ мѣру важнымъ, —
Иди! воинственный нарядъ
Приличенъ юношамъ отважнымъ.
Люблю я Марсовы шатры
(Хотя подъ ними, слава Богу,
Не ночевалъ до сей поры),
Люблю красивые смотры,
Люблю военную тревогу,
Люблю безстрашныхъ, милый мой,
Люблю ихъ видѣть въ битвѣ шумной

Летящихъ въ пламень роковой
Толпой веселой и безумной!
Священный долгъ за ними вслѣдъ
Тебя зоветъ, любовникъ брани;
Ступай, служи богинѣ бѣдъ,
И къ ней съ мольбою твой поэтъ
Подыметъ трепетныя длани.
Лети, настала череда!
Да идетъ мимо рокъ-губитель;
Люби, рубись и будь всегда
Въ любви и брани побѣдитель.

3. Ропотъ.

Онъ близокъ, близокъ день свиданья,
Тебя, мой другъ, увижу я!
Скажи: восторгомъ ожиданья
Что-жъ не трепещетъ грудь моя?
Не мнѣ роптать; но дни печали,
Быть можетъ, поздно миновали:
Съ тоской на радость я гляжу, —
Не для меня ея сіянье,
И я напрасно упованье
Въ больной душѣ моей бужу.
Судьбы ласкающей улыбкой
Я наслаждаюсь не вполнѣ:
Все мнится, счастливъ я ошибкой,
И не къ лицу веселье мнѣ.

4. Разлука.

Разстались мы; на мигъ очарованьемъ,
На краткій мигъ была мнѣ жизнь моя;
Словамъ любви внимать не буду я,
Не буду я дышать любви дыханьемъ!
Я все имѣлъ—лишился вдругъ всего;
Лишь началъ сонъ,—исчезло сновидѣнье!
Одно теперь унылое смущенье
Осталось мнѣ отъ счастья моего!

5. Финляндія.

Въ свои разсѣлины вы приняли пѣвца,
Граниты Финскіе, граниты вѣковые,
Земли ледянаго вѣнца
Богатыри сторожевые.
Онъ съ лирой между васъ. Поклонъ его, поклонъ
Громадамъ, міру современнымъ:
Подобно имъ да будетъ онъ
Во всѣ годины неизмѣннымъ!
Какъ все вокругъ меня плѣняетъ чудно взоръ!
Тамъ, необъятными водами,
Слилося море съ небесами;
Тутъ съ каменной горы къ нему дремучій боръ
Сошелъ тяжелыми стопами,
Сошелъ — и смотрится въ зерцалѣ гладкихъ водъ!
Ужъ поздно, день погасъ; но ясенъ неба сводъ,
На скалы Финскія безъ мрака ночь нисходитъ,
И только-что себѣ въ уборъ
Алмазныхъ звѣздъ ненужный хоръ
На небосклонъ она выводитъ!
Такъ вотъ отечество Одиновыхъ дѣтей,
Грозы народовъ отдаленныхъ!
Такъ эта колыбель ихъ безпокойныхъ дней,
Разбоямъ громкимъ посвященныхъ!

Умолкъ призывный щитъ, не слышенъ Скальда гласъ,
Воспламененный дубъ угасъ,
Развѣялъ буйный вѣтръ торжественные клики;
Сыны не вѣдаютъ о подвигахъ отцовъ,
И въ дольномъ прахѣ ихъ боговъ
Лежатъ низверженные лики!

И все вокругъ меня въ глубокой тишинѣ!
О вы, носившіе отъ брега къ брегу бои,
Куда вы скрылися, полночные герои?
Вашъ слѣдъ исчезъ въ родной странѣ.

Вы-ль, на скалы ея вперивъ скорбящи очи,
Плывете въ облакахъ туманною толпой?
Вы-ль? Дайте мнѣ отвѣтъ, услышьте голосъ мой,
Зовущій къ вамъ среди молчанья ночи.
Сыны могучіе сихъ грозныхъ, вѣчныхъ скалъ!
Какъ отдѣлились вы отъ каменной отчизны?
Зачѣмъ печальны вы? зачѣмъ я прочиталъ
На лицахъ сумрачныхъ улыбку укоризны?
И вы сокрылися въ обители тѣней!
И ваши имена не пощадило время!
Что-жъ наши подвиги, что слава нашихъ дней,
Что наше вѣтреное племя?
О, все своей чредой исчезнетъ въ безднѣ лѣтъ!
Для всѣхъ одинъ законъ—законъ уничтоженья,
Во всемъ мнѣ слышится таинственный привѣтъ
Обѣтованнаго забвенья!

Но я, въ безвѣстности, для жизни жизнь любя,
Я, беззаботливый душою,
Вострепещу-ль передъ судьбою?
Не вѣчный для временъ, я вѣченъ для себя:
Не одному-ль воображенью
Гроза ихъ что-то говоритъ?
Мгновенье мнѣ принадлежитъ,
Какъ я принадлежу мгновенью!
Что нужды до былыхъ иль будущихъ племенъ?
Я не для нихъ бренчу незвонкими струнами:
Я, невнимаемый, довольно награжденъ
За звуки звуками, а за мечты мечтами.

6. Лидѣ.

Твой дѣтскій вызовъ мнѣ пріятенъ,
Но не желай моихъ стиховъ:
Не многимъ избраннымъ понятенъ
Языкъ поэтовъ и боговъ.
Когда подъ звонкіе напѣвы,
Подъ звукъ свирѣли плясовой,

Среди полей, рука съ рукой,
Кружатся юноши и дѣвы, —
Вмѣшавшись въ рѣзвый хороводъ,
Хариты, вѣтреный Эротъ,
Дріады, Фавны пляшутъ съ ними
И гонятъ прочь толпу заботъ
Воскликновеньями живыми; —
Поодаль Музы между тѣмъ,
Таяся въ сумракѣ дубравы,
Глядятъ, незримыя никѣмъ,
На ихъ невинныя забавы;
Но ихъ соборъ въ то время нѣмъ.
Пѣвцу-ли вѣтрено безславить
Плоды возвышенныхъ трудовъ
И легкомысліе забавить
Игрою гордою стиховъ?
И той нерѣдко, чье воззрѣнье
Даруетъ лирѣ вдохновенье,
Не повѣряетъ онъ его:
Поетъ одинъ, подобный въ этомъ
Пчелѣ, которая со цвѣтомъ
Не дѣлитъ меда своего.

7. Деліи.

Зачѣмъ, о Делія! сердца младыя ты
Игрой любви и сладострастья
Исполнить силишься мучительной мечты
Недосягаемаго счастья?
Я видѣлъ вкругъ тебя поклонниковъ твоихъ,
Полуизсохшихъ въ страсти жадной:
Достигнувъ ихъ любви, любовнымъ клятвамъ ихъ
Внимаешь ты съ улыбкой хладной.
Обманывай слѣпцовъ и смѣйся ихъ судьбѣ:
Теперь душа твоя въ покоѣ;
Придется нѣкогда, придется и тебѣ
Узнать пристрастье роковое!

Не опасаяся насмѣшливыхъ сѣтей,
Быть-можетъ, избранный тобою
Уже не ввѣрится огню любви твоей,
Не тронется ея тоскою.
Когда-жъ пора придетъ, и розы красоты,
Всеедневно свѣжестью бѣднѣя,
Погибнутъ, — отвѣчай: къ чему прибѣгнешь ты,
Къ чему, безчарная Цирцея?
Искусствомъ округлишь ты высохшую грудь,
Худыя щеки нарумянишь,
Дитя крылатое захочешь какъ-нибудь
Вновь приманить... но не приманишь!
Въ замѣну благъ младыхъ тебѣ не обрѣсти
Покоя, позднихъ лѣтъ отрады;
Куда бы ни пошла, взроятся на пути
Самолюбивыя досады!
Немирнаго душой на мирномъ ложѣ сна
Такъ убѣгаетъ усыпленье,
И гдѣ для каждаго доступна тишина, —
Страдальца ждетъ одно волненье.

8. Паденiе листьевъ.

Желтѣлъ печально злакъ полей,
Брега взрывалъ источникъ мутной,
И голосистый соловей
Умолкнулъ въ рощѣ безпрiютной.
На преждевременный конецъ
Суровымъ рокомъ обреченный,
Прощался такъ младой пѣвецъ
Съ дубравой сердцу драгоцѣнной:

„Судьба исполнилась моя,
„Прости, убѣжище драгое!
„О прорицанье роковое!
„Твой страшный голосъ помню я“:
—Готовься, юноша несчастной!

Во мракѣ осени ненастной
Глубокій мракъ тебѣ грозитъ;
Ужъ онъ зіяетъ изъ Эрева,
Послѣдній листъ падетъ со древа,
Твой часъ послѣдній прозвучитъ!
„И вяну я: лучи дневные
„Вседневно тягче для очей;
„Вы улетѣли, сны златые
„Минутной юности моей!
„Покину все, что сердцу мило.
„Ужъ мглою небо обложило,
„Ужъ позднихъ вѣтровъ слышенъ свистъ!
„Что медлить? время наступило:
„Вались, вались, поблекшій листъ!
„Судьбѣ противиться безсильный,
„Я жажду ночи гробовой.
„Вались, вались! мой холмъ могильный
„Отъ грустной матери сокрой!
„Когда-жъ вечернею порою
„Къ нему пустынною тропою,
„Вдоль незабвеннаго ручья,
„Придетъ поплакать надо мною
„Подруга нѣжная моя:
„Твой легкій шорохъ къ чуткой сѣни,
„На берегахъ Стигійскихъ водъ,
„Моей обрадованной тѣни
„Да возвѣститъ ея приходъ!“
Сбылось! Увы! судьбины гнѣва
Покорствомъ бѣдный не смягчилъ:
Послѣдній листъ упалъ со древа,
Послѣдній часъ его пробилъ.
Близъ рощи той его могила.
Съ кручиной тяжкою своей
Къ ней часто матерь приходила...
Не приходила дѣва къ ней!

9. Размолвка.

Мнѣ о любви твердила ты шутя
И холодно — сознаться можешь въ этомъ.
Я исцѣленъ: нѣтъ, нѣтъ, я не дитя!
Прости, я самъ теперь знакомъ со свѣтомъ.
Кого жалѣть? печальнѣй доля чья?
Кто отягченъ утратою прямою?
Легко рѣшить: любимымъ не былъ я,
Ты, можетъ быть, была любима мною.

10. Оправданіе.

Рѣшительно, печальныхъ строкъ моихъ
Не хочешь ты отвѣтомъ удостоить;
Не тронулась ты нѣжнымъ слогомъ ихъ
И прéзрѣла мнѣ сердце успокоить!
Не оживу я въ памяти твоей,
Не вымолю прощенья у жестокой!
Виновенъ я: я былъ невѣренъ ей;
Нѣтъ жалости къ тоскѣ моей глубокой!
Виновенъ я: я славилъ женъ другихъ...
Такъ! но когда ихъ слухъ предубѣжденной
Я обольщалъ игрою струнъ моихъ,
Къ тебѣ летѣлъ я думой умиленной,
Тебя я пѣлъ подъ именами ихъ.
Виновенъ я: на балахъ городскихъ,
Среди толпы весельемъ оживленной,
При гулѣ струнъ, въ безумномъ вальсѣ мча
То Делію, то Дафну, то Лилету,
И всѣмъ троимъ готовый сгоряча
Произнести по страстному обѣту;
Касаяся душистыхъ ихъ кудрей
Лицомъ моимъ; объемля жадной дланью
Ихъ стройный станъ;—такъ! въ памяти моей
Ужъ не было подруги прежнихъ дней,
И преданъ былъ я новому мечтанью!

Но къ нимъ-ли я любовію пылалъ?
Нѣтъ, милая! когда въ уединеньи
Себя потомъ я тихо повѣрялъ,
Ихъ находя въ моемъ воображеньи,
Тебя одну я въ сердцѣ обрѣталъ!
Виновенъ я: послушныхъ безъ ужимокъ
Призванію проказы молодой,
Изъ-за угла Паѳосскихъ пилигримокъ
Я сторожилъ вечернею порой;
На мигъ одинъ ихъ своевольный плѣнникъ,
Я только былъ шалунъ, а не измѣнникъ.
Нѣтъ! болѣе надменна, чѣмъ нѣжна,
Ты все еще обидъ своихъ полна...
Прости-жъ навѣкъ! но знай, что двухъ виновныхъ,
Не одного, найдутся имена
Въ стихахъ моихъ, въ преданіяхъ любовныхъ.

11. Г[нѣди]чу.

Врагъ суетныхъ утѣхъ и врагъ утѣхъ позорныхъ,
Не уважаешь ты бездѣлокъ стихотворныхъ;
Не угодитъ тебѣ сладчайшій изъ пѣвцовъ
Развратной прелестью изнѣженныхъ стиховъ:
Возвышенную цѣль поэтъ избрать обязанъ.

Къ блестящимъ шалостямъ, какъ прежде, не привязанъ,
Я правиламъ твоимъ послѣдовать бы могъ;
Но ты-ли мнѣ велишь оставить мирный слогъ
И, ѣдкой желчію напитывая строки,
Сатирою возстать на глупость и пороки?
Миролюбивый нравъ дала судьбина мнѣ,
И счастья моего искалъ я въ тишинѣ;
Зачѣмъ я удалюсь отъ столь разумной цѣли?
И звуки легкіе затѣйливой свирѣли
Въ неугомонный лай неловко превратя,
Зачѣмъ себѣ враговъ надѣлаю шутя?
Страшусь ихъ множества и злобы ихъ опасной.

Полезенъ обществу сатирикъ безпристрастной:
Дыша любовію къ согражданамъ своимъ,
На ихъ дурачества онъ жалуется имъ.
То, укоризнами возставъ на злодѣянье,
Его приводитъ онъ въ благое содроганье;
То ѣдкой силою забавнаго словца
Смиряетъ попыхи надутаго глупца;
Онъ нравовъ опекунъ и вмѣстѣ правды воинъ.

Все такъ; но кто владѣтъ перомъ его достоинъ?
Остротъ затѣйливыхъ, насмѣшекъ ѣдкихъ даръ,
Язвительныхъ стиховъ какой-то злобный жаръ
И ихъ старательно подобранные звуки —
За безпристрастіе забавныя поруки!
Но если полную свободу мнѣ дадутъ,
Того-ль я устрашу, кому не страшенъ судъ,
Кто въ сердцѣ должнаго укора не находитъ,
Кого и Божій гнѣвъ въ заботу не приводитъ,
Кого не оскорбитъ язвительный языкъ!
Онъ совѣсть усыпилъ, къ позору онъ привыкъ.

Но слушай: человѣкъ, всегда корысти жадный,
Берется-ли за трудъ, навѣрно безнаградный?
Купецъ расчетливый изъ добрыхъ барышей
Ввѣряетъ корабли случайностямъ морей;
Изъ платы, отогнавъ сладчайшую дремоту,
Поденщикъ до зари выходитъ на работу;
На славу громкую надеждою согрѣтъ,
Въ трудахъ возвышенныхъ возвышенный поэтъ;
Но рвенью моему что будетъ воздаяньемъ:
Не слава-ль громкая? я бѣденъ дарованьемъ.
Стараясь въ нѣкій умъ соотчичей привесть,
Я благодарность ихъ мечталъ-бы пріобрѣсть,
Но, право, смысла нѣтъ во словѣ: благодарность,
Хоть намъ и нравится его высокопарность.
Когда сей рѣдкій мужъ, вельможа-гражданинъ,
Отъ вѣка сихъ вельможъ оставшійся одинъ,
Но смѣло духъ его хранившій въ вѣкѣ новомъ,

Обширный разумомъ и сильный, громкiй словомъ,
Любовью къ истинѣ и къ родинѣ горя,
Въ совѣтахъ не робѣлъ оспаривать Царя,
Когда, прекрасному влеченiю послушный,
Внимать ему любилъ Монархъ великодушный,
Изъ благодарности о немъ у тѣхъ и тѣхъ
Какiе толки шли?—„Кричитъ онъ громче всѣхъ,
О благѣ общества какъ будто бы хлопочетъ,
А, право, риторствомъ похвастать больше хочетъ;
Катономъ смотритъ онъ, но тонкаго льстеца
Отъ насъ не утаитъ подъ строгостью лица“.
Такъ, лучшимъ подвигамъ людское развращенье
Придумать силится дурное побужденье;
Такъ, исключительно посредственность любя,
Спѣшитъ высокое унизить до себя;
Такъ, самыхъ доблестей завистливо трепещетъ
И, чтобъ не вѣрить имъ, на оныя клевещетъ!
. . . .
. . . .
Нѣтъ, нѣтъ! разумный мужъ идетъ путемъ инымъ
И, снисходительный къ дурачествамъ людскимъ,
Не выставляетъ ихъ, но сноситъ благонравно;
Онъ не пытается, увѣренный забавно
Во всемогуществѣ болтанья своего,
Имъ въ людяхъ измѣнить людское естество.
Изъ насъ, я думаю, не скажетъ ни единой
Осинѣ: дубомъ будь, иль дубу—будь осиной;
Межъ тѣмъ, какъ странны мы! межъ тѣмъ любой изъ насъ
Переиначить свѣтъ задумывалъ не разъ.

12. (Признанiе).

Притворной нѣжности не требуй отъ меня:
Я сердца моего не скрою хладъ печальной.
Ты права, въ немъ ужъ нѣтъ прекраснаго огня
Моей любви первоначальной.

(Признаніе).

Напрасно я себѣ на память приводилъ
И милый образъ твой, и прежнія мечтанья:
Безжизненны мои воспоминанья,
Я клятвы далъ, но далъ ихъ выше силъ.

Я не плѣненъ красавицей другою,
Мечты ревнивыя отъ сердца удали;
Но годы долгіе въ разлукѣ протекли,
Но въ буряхъ жизненныхъ развлекся я душою.
Ужъ ты жила невѣрной тѣнью въ ней;
Уже къ тебѣ взывалъ я рѣдко, принужденно,
И пламень мой, слабѣя постепенно,
Собою самъ погасъ въ душѣ моей.

Вѣрь, жалокъ я одинъ. Душа любви желаетъ,
Но я любить не буду вновь;
Вновь не забудусь я: вполнѣ упоеваетъ
Насъ только первая любовь.

Грущу я; но и грусть минуетъ, знаменуя
Судьбины полную побѣду надо мной:
Кто знаетъ? мнѣніемъ сольюся я съ толпой;
Подругу, безъ любви, кто знаетъ? изберу я.
На бракъ обдуманный я руку ей подамъ
И въ храмѣ стану рядомъ съ нею,
Невинной, преданной, быть можетъ, лучшимъ снамъ,
И назову ее моею;—
И вѣсть къ тебѣ придетъ, но не завидуй намъ:
Обмѣна тайныхъ думъ не будетъ между нами,
Душевнымъ прихотямъ мы воли не дадимъ:
Мы не сердца подъ брачными вѣнцами,
Мы только жребіи свои соединимъ.

Прощай! Мы долго шли дорогою одною,—
Путь новый я избралъ, путь новый избери;
Печаль безплодную разсудкомъ усмири
И не вступай, молю, въ напрасный судъ со мною.
Невластны мы въ самихъ себѣ
И въ молодыя наши лѣты

Даемъ поспѣшные обѣты,
Смѣшные, можетъ быть, всевидящей судьбѣ.

13. (Смерть.)

Тебя изъ тьмы не изведу я,
О смерть! и, дѣтскою мечтой
Гробовый станъ тебѣ даруя,
Не ополчу тебя косой.

Ты дочь верховнаго Эѳира,
Ты свѣтозарная краса!
Въ рукѣ твоей олива мира,
А не губящая коса.

Когда возникнулъ міръ цвѣтущій
Изъ равновѣсья дикихъ силъ,
Въ твое храненье Всемогущій
Его устройство поручилъ.

И ты летаешь надъ твореньемъ,
Согласье прямъ его лія
И въ немъ, прохладнымъ дуновеньемъ,
Смиряя буйство бытія.

Ты укрощаешь возстающій
Въ безумной силѣ ураганъ,
Ты, на брега свои бѣгущій,
Вспять повращаешь Океанъ.

Даешь предѣлы ты растенью,
Чтобъ не покрылъ безмѣрный лѣсъ
Земли губительною тѣнью,
Злакъ не возсталъ-бы до небесъ.

А человѣкъ! святая дѣва!
Передъ тобой съ его ланитъ
Мгновенно сходятъ пятна гнѣва,
Жаръ любострастія бѣжитъ.

(Смерть).

Дружится праведной тобою
Людей недружная судьба:
Ласкаешь тою же рукою
Ты властелина и раба.

Недоумѣнье, принужденье,
Условье смутныхъ нашихъ дней:
Ты всѣхъ загадокъ разрѣшенье,
Ты разрѣшенье всѣхъ цѣпей.

Приложеніе I.

Дѣтское стихотвореніе Е. А. Боратынскаго.

Je voudrais bien, ma mère,
Célébrer tes vertus,
Que de la main divine
En naissant tu reçus;
Pourrais-je m'en défendre
Voyant ta bonté,
Ton âme douce et tendre,
Ton esprit, ta beauté.
Je pense au nom de Flore,
De Vénus, de Psyché,
De Pallas et d'Aurore.
Mais, hélas, quel péché!
Comparerais-je un être
Si vrai, si beau, si bon,
Aux beautés, dont peut-être
N'existe que le nom.
Une beauté céleste
Si pleine de vertus,
Si douce et si modeste
Que toi — n'existe plus.

Приложенiе II.

Стихотворенiя Е. А. Боратынскаго, переведенныя имъ на французскiй языкъ.

1. (Far Niente.)

Merci, amis, pour votre indignation flatteuse, mais franchement je renonce à la lyre et me livre avec ivresse au bonheur sans conditions que m'offre la douce oisiveté. L'amour des vers a passé comme l'autre qui vaut bien mieux. Chanter encore, aimer encore.... je le voudrais.... mais mon âme est trop fatiguée. Je chéris mon pacte aves la désoeuvrance; doucement bercé par une somnolence bienheureuse, je ne veux pas tromper par des transports empruntés ni les douces filles de la terre, ni les austères vierges de l'Hélicon.

2. (A Aurore Chernval.)

Oh, qu'il te sied ce nom d'Aurore
Adolescente au teint vermeil!
Verse lumière, et plus encore
Aux coeurs dont tu romps le sommeil.
Entends la voix déjà souffrante
De la jeunesse prévoyante:
„Pour qui se lève ce beau jour?
Pour qui cette Aurore charmante
Sera-t-elle soleil d'amour?“

3. (La Fée.)

Quelquefois une fée m'apparaît en songe. Elle vient, souriante et pleine de sollicitude, m'offrir pour l'accomplissement de mes voeux toutes les ressources de sa puissante science. Plein d'allégresse, je me hasarde à lui bégayer mes mystérieux désirs, mais le dirai-je? même l'illusion du rêve ne me fait pas comprendre un bonheur inacheté. Toujours à ses magnifiques dons elle met une condition malicieuse qui les empoisonne ou les détruit. Ainsi notre âme est vaincue par l'esprit moqueur de la terre; ainsi toujours soumise aux despotiques impressions de la réalité, elle transporte ses habitudes journalières même dans le libre domaine de l'imagination.

4. (Les Frais de Route.)

La bonne mère qui veut pour nous le voyage de la vie a soin à notre départ de nous pourvoir de rêves d'or. Les rapides années nous mènent en poste de relais en relais, et c'est la monnaie dont nous payons les frais de route.

5. (La Sagesse des Nations.)

Aimons la science, étudions le monde, cherchons à sonder les abîmes du coeur humain.... Mais quel sera le fruit de nos longues années d'expérience et de méditation? Que saisira l'homme de la hauteur où il se sera placé? Rien peut-être que le véritable sens du plus vulgaire diction.

6. (L'Harmonie.)

Ton élu, o Dieu de lumière, peut au début de sa vie être aux mains de l'esprit des ténèbres: il lui soufflera les ardeurs insensées, il l'entraînera aux festins du désordre; mais il ne pourra détruire en lui l'idéal du beau et la conscience des conditions rigoureuses, auxquelles est soumise toute oeuvre d'harmonie. Si l'impétueux jéune homme se livrera aux orgies discordantes, l'amant de la lyre étudiera patiemment les lois de la juste cadence et les appliquera à ses chants.

Puis il cherchera à dompter ses passions; leur vapeur grossière n'offusquera plus sa vue, et l'horizon poétique s'agrandira sans bornes à ses yeux: l'harmonie de sa lyre, il voudra la donner à sa vie, il la rêvera pour l'humanité.

7. ***

Enfant, mon cri aigu éveillait les forêts et l'écho fidèle me troublait en me ravissant. Une autre époque suivit celle de l'enfance et la rime succéda à l'écho pour captiver l'adolescent. Jeu des rimes, jeu prestigieux! Comme les sons répondant aux sons m'enivraient de leur volupté! Mais tout passe. Je deviens froid même à l'harmonie des vers et je ne cherche plus des cadences sonores, comme je n'interpelle plus les forêts!

8. Mort de Goethe.

Elle vint, et le grand vieillard ferma doucement ses yeux d'aigle. Il s'endormit tranquille, car, ici bas, il avait accompli tout ce qui est de la terre. Ne versez pas de larmes sur cette tombe glorieuse, oubliez que le crâne du génie est désormais l'héritage des vers.

Il n'est plus, mais il n'a rien laissé sous le soleil des vivants, que sa lyre n'ait salué, mais son âme a répondu à tous les appels de l'âme, mais son esprit a embrassé le monde et n'a trouvé de bornes qu'aux rives de l'infini.

Tout avait son amour: systèmes laborieux des sages, créations des arts inspirés, testaments des siècles antiques, espérances des générations florissantes! Sa puissante imagination l'associait aux soucis du diadème comme aux chagrins de la masure délabrée.

Nature, une vie fraternelle l'unissait à toi: il savait interpréter le babil du ruisseau, il comprenait l'idiôme des feuilles frémissantes, son oreille entendait croître les gazons, il lisait aux livres des étoiles, et la vague marine conversait avec lui.

Il a connu, il nous a dit tout l'homme, et si notre existence est bornée à celle de la terre, si rien ne nous attend au delà des fugitives visions de ce monde: voyez sa tombe et dites si jamais Pharaon d'Egypte a élevé plus haute pyramide à sa mémoire.

Et s'il est une vie d'outre-tombe, lui qui a su répondre à toutes les voix de la terre et lui rendre ce qu'elle donnait en mélodies sonores et profondes, il s'élancera d'une âme légère vers celui qui était avant les siècles, et les vapeurs d'ici bas ne viendront pas troubler sa céleste félicité.

9. (Soumission.)

Pourquoi le captif aurait-il des rêves de liberté? Vois, les ondes puissantes de tes fleures coulent entre leurs rives immuables aussi résignées que majestueuses. Vois ton sapin rester superbe sur la plage qui l'a nourri, impuissant à se déplacer. Les astres du ciel sont mus par une loi impérative qui leur intime la voie immense qu'ils doivent parcourir: il n'est pas libre aussi le vent aux ailes légères, et une occulte loi dirige son haleine soit-disant capricieuse. Soumettons-nous donc à notre sort, sachons dompter, sachons oublier les insurrections de notre âme impatiente et nous aurons le repos et nous aurons le bonheur. Insensés, n'est ce pas aussi la volonté suprême qui a donné à l'homme la passion brûlante? Oh, qu'elle est pénible pour nous cette vie qui voudrait se répandre et que ressèrent des rives étroites posées par la fatalité!

10. ***

Crois moi, o toi, si aimante, je t'aime mieux que la gloire. L'inspiration souvent m'importune, son tumulte m'empêche d'appartenir uniquement à ton amour. Que le coeur se donne à l'union du coeur: viens, dissipe mes rêves, caresse, caresse-moi, o toi la consolation de mon âme et soumets à seule toi la muse rebelle!

11. ***

Qu'êtes - vous devenus, doux frémissements de mes forêts? murmure des cascades, fleurs des prés? Les arbres sont dépouillés; un tapis de neige recouvre les collines, les prés et les vallons. Le ruisseau demeure muet sous son écorce de glace; tout s'engourdit, seul le vent furieux se démène et couvre le ciel d'un sombre voile. Pourquoi suivais-je avec mélancolie la tourmente de l'ouragan? Le favori du sort tient de lui un toit contre les orages. Un feu pétillant bourdonne dans ma cheminée et ses brillants étincelles égayent mon regard insouciant. En paix je rêve devant son jeu plein de vie et j'oublie les cris de la tempête.

O Providence, merci! J'oublierai de même les orages du sort. La tristesse venue, j'appuierai ma tête sur son coeur, et sous la tourmente

des orages, ranimé par son amour, j'oublierai bien vite la sombre peine, comme en cet instant j'oublie la face sépulcrale de la nature et les cris furieux de l'ouragan.

12. ***

Nom de fantaisie, nom carressant, donné à ma chérie, création de ma tendresse enfantiné, tu n'as pas de sens palpable pour les autres, mais n'es-tu pas pour moi le symbole des sentiments que le langage humain ne saurait exprimer?—Toi, qui as dû ta naissance à l'amour, sois voué à l'amour, demeure inconnu au monde indifférent. Que ferait-il de tes sons? Mais si jamais le doute approchait de son coeur, oh, tu le vaincrais aussitôt! Mais dans cet autre monde où les formes des sens nous manqueront pour nous reconnaître, c'est de ce nom, oh ma bien aimée, que je saluerai l'immortalité, c'est de ce nom que je t'appelerai à moi et ton âme s'élancera au devant de la mienne.

13. Le dernier poète.

Siècle de fer, tu avances en ta voie: soif d'or, culte du quotidien et de l'utile, chaque jour plus habile et plus déhonté. L'éclat de la civilisation a fait fuir les songes naïfs de la poésie. Les générations les méprisent au sein de leurs préoccupations industrielles.

La Grèce renaît pour les joies de la liberté, elle ressemble ses peuples, elle rélève ses capitales. De nouveau les sciences y fleurissent, le commerce y envoie ses vaisseaux, mais il est veuf de chants, l'antique paradis des muses!

Vous régnez, neiges resplendissantes d'un monde qui vieillit: à vos lueurs, l'homme est sévère et pâle; mais la patrie d'Homère a des prairies verdoyantes, des fleuves azurés, des bocages odoriferans. Le Parnasse est en fleurs, vive et limpide, comme jadis, bouillonne à ses pieds l'onde castalienne. Enfant inattendu des derniers efforts de la nature, un poète naquit: il fait entendre sa voix.

Simple de coeur, il chante la beauté et l'amour, le vide et la vanité d'une science qui voudrait les proscrire; il chante l'insouciance des maux fugitifs de la vie: autrefois l'homme moins prévoyant goûtait plus de bonheur.

Aux froids adorateurs de la triste Uranie il ose vanter les passions impétueuses. Ainsi que le souffle orageux d'Éole féconde les guérets, elle féconde les coeurs. De leur sein agité s'élance la divine fantaisie, comme Vénus surgit autrefois du sein de la mer écumante.

Et pourquoi refuserez-vous votre foi à vos inspirations les plus intimes, les plus souriantes? Coeurs vaillants! Pourquoi souscrirez-vous à des traités pusillanimes? Oh, soumettez-vous aux douces convictions auxquelles vous envoie le tendre regard de la femme! Oh, acceptez les consolantes révélations d'un ciel compatissant.

Il entend un rire dédaigneux: ses doigts s'arrêtent sur les cordes de sa lyre, sa voix expire sur ses lèvres,—mais son âme n'est pas vaincue. Il portera ses pas en un désert sauvage; il oubliera les hommes au sein des fraîches inspirations d'une nature primitive; mais, hélas! le monde ne possède plus d'autre inhabité, mais il n'est plus de solitude sur la terre.

Seule, la profonde mer repousse le joug de l'homme. Libre, vaste, prestigieuse, elle ne change pas de face, depuis que Phoebus, le flambeau de jour à la main, se mira pour la première fois dans ses flots.

Du haut du rocher de Leucade, l'enfant de la lyre la contemple, rêveur et agité. Tout à coup ses yeux rayonnent de compréhension satisfaite: l'ombre de Sapho, cette roche célèbre, la voix de la vague harmonieuse qui chante une hospitalité souveraine.... C'est dans ces flots, où l'amante de Phaon éteignit les flammes d'un amour insulté, c'est dans ces flots qu'il éteindra son imagination trompée, son inspiration inutile.

Et le monde, comme avant, rayonne de luxe inanimé; il dore et redore son vieux squelette; mais l'homme rêve malgré lui au bord de l'Océan; mais le bruit des vagues l'interdit, mais il quitte la grève, l'âme mélancolique et troublée!

14. (Soucis matériels.)

La foule aime le jour qui l'appelle au tumulte, tandis qu'elle craint la silencieuse nuit qui accueille les fantômes d'une imagination insubordonnée. Mais nous, nous ne craignons point ces légères visions, filles diaphanes d'une ombre protectrice. L'aube du jour réveille des spectres

plus effrayants: ce sont les vanités humaines et les devoirs quotidiens.

Etends la main, touche du doigt aux ténèbres insurgées, et le fantôme qui t'effrayait glissera dans l'abîme, et tu n'auras qu'à rire de l'aberration momentanée de tes sens.

O vous, enfants de la fantaisie, vous, que dès le berceau ont visité des fées pleines de grâces; vous, les familiers de l'occulte, vous, hôtes journaliers de ses festins, sachez braver le fantôme du réel, allez à lui,—il fuira, et le nuage évanoui, la famille des esprits ouvrira de nouveau les portes de son Eden au vainqueur de la matière.

15. (Les Redites.)

Pourquoi luisez-vous, jours opiniâtres? la terre ne changera pas de face, ses phénomènes resteront les mêmes. L'avenir ne promet que des redites.

Ils ont été vains tes combats et tes tumultes, âme ardente de compréhensions! âme insensée, tu as fourni ta carrière avant le corps.

Tu as épuisé les impressions du vulgaire, tu connais son cercle retréci: bercé par les pâles ombres du passé, tu dors—et ton compagnon de voyage.

Contemple d'un oeil indifférent l'inutile soleil qui vient détrôner une nuit sans prestige, les ombres de la nuit engloutir un stérile soir, triste couronne d'un jour vide de sens.

16. (Le Crépuscule.)

Toujours éblouissante de parure, toujours puissante de passions inassouvies, tu ne soupçonnes pas même que ton printemps est bien loin de toi, et te voilà plus brillante que toutes nos grâces nouvelles, et ton crépuscule a plus de feu que leur froide aurore. L'esprit des voluptés l'anime mieux que leur existence végétative. Ombre ardente, tu soumets celles qui sont à celle qui n'est plus.

17. (Pas d'Oubli.)

Raison Souveraine! toi que prend pour guide l'artiste de la parole, que lui veux-tu? Pas d'oubli — c'est l'homme, c'est le monde, c'est la

vie, c'est la mort, et toujours la vérité sans voile! Orgue, palette, ciseau! Heureux celui qu'entraîne votre inspiration sensuelle sans le porter au delà. Il y a place pour lui au festin de la terre, il y a des coupes pour l'enivrer; mais devant toi, raison inéxorable, aigu rayon, ainsi que devant le glaive nu, pâlit toute humaine allégresse.

18. La Rime.

Lorsqu'aux jeux olympiques, au sein des jeunes villes de la Grèce, tu chantais, o fils d'Apollon, tu te faisais entendre à une multitude avide d'émotions généreuses; tu avais foi en la sympathie populaire, et un mètre large et libre cadençait sans la gêner ta puissante voix. La foule restait muette et attentive, jusqu'à ce qu'entraînée par une commotion victorieuse, elle éclatait en applaudissements et lui inspirait de nouveaux accords.

Mais de nos jours, hélas! qui interroge nos lyres proscrites? Qui voudrait quitter les sentiers du vulgaire en s'élevant sur nos ailes? De nos jours le poète ignore la portée de son essor. Juge et partie à la fois, est-ce à lui de résoudre si la voix qui lui parle est celle d'une fièvre bizarre, ou de la véritable inspiration, don souverain du ciel?

Au sein de ce sommeil de mort, au sein de cette glaciale indifférence du monde, toi seule, o rime! viens l'encourager par tes échos bienfaisants! Ainsi que la colombe de l'arche, seule tu lui présentes le rameau fleuri, seule tu viens approuver ses veilles solitaires et légitimer ses aspirations.

19. Le Prejugé.

Préjugé! tu es le dernier rayon d'une vérité qui va s'évanouissant dans la nuit des siècles; le temple est tombé et l'esprit de ses ruines parle une langue oubliée.

Une génération dédaigneuse poursuit en lui (ne pouvant reconnaître les traits de son visage) le grand aïeul de notre vérité contemporaine.

Arrêtez vos efforts parricides, respectez son agonie et accordez une honnête sépulture aux cendres qui vous ont donné la vie.

20. *⁎*

Fraternisez, veillez à la défense de vos médiocrités respectives, vous, ineptes et intrigants écrivassiers; mais ne conviez pas le vrai talent à

boire à votre coupe,—il retournera contre vous les paroles du Seigneur: amen, amen, vous dira-t-il, où vous serez trois je ne serai pas avec vous.

21. ***

Lorsque le poète, cet enfant du doute et de la passion, te consi déra de son profond regard, tu consentis à partager ses jours agités, aimant en lui le mystère de la douleur.

Toi, si timide et si courageuse à mes côtés, ta main dans ma main, tu me suivis dans mon sauvage enfer, et là ton divin amour voyait le paradis!

Oh toi, si sainte et si tendre! que de fois ma tête rebelle chercha l'appui de ton coeur et retrouva auprès de toi la croyance en moi-même et la foi au ciel.

Приложеніе III.

Стихотворенія, написанныя Е. А. Боратынскимъ въ сотрудничествѣ съ другими поэтами.

1. ***

Тамъ, гдѣ Семеновскій полкъ, въ пятой ротѣ, въ домикѣ низкомъ,
Жилъ поэтъ Баратынскій съ Дельвигомъ, тоже поэтомъ.
Тихо жили они, за квартиру платили не много,
Въ лавочку были должны, дома обѣдали рѣдко.
Часто, когда покрывалось небо осеннею тучей,
Шли они въ дождикъ пѣшкомъ, въ панталонахъ трикотовыхъ тонкихъ,
Руки спрятавъ въ карманъ (перчатокъ они не имѣли!),
Шли и твердили, шутя: какое въ россіянахъ чувство!

2. **Быль.**

Встарь жилъ-былъ пѣтухъ Индѣйскій,
Цаплѣ руку предложилъ,
При Дворѣ взялъ чинъ лакейскій
И въ супружество вступилъ.

Онъ дѣтей молилъ, какъ дара,—
И услышалъ богъ боговъ:
Родилася цаплей пара,
Не родилось пѣтуховъ.

Цапли выросли, отстали
От младенческихъ годовъ,
Длинны, очень длинны стали
И глядятъ на куликовъ.

Вотъ пришла отцу забота
Цаплей замужъ выдавать;
Онъ за каждой два болота
Могъ въ приданое отдать.

Кулики къ нему летали
Изъ сосѣднихъ, дальнихъ мѣстъ;
Но лишь кормъ они клевали —
Не глядѣли на невѣстъ.

Цапли вяли, цапли сохли,
Наконецъ, скажу вздохнувъ,
На болотѣ передохли,
Носикъ въ перья завернувъ.

3. ***

Нашъ пріятель, Пушкинъ Левъ,
Не лишенъ разсудка:
И съ шампанскимъ жирный пловъ,
И съ груздями утка —
Намъ докажутъ лучше словъ,
Что онъ болѣе здоровъ
Силою желудка.

4. ***

Князь Шаликовъ, газетчикъ нашъ печальный,
Элегію семьѣ своей читалъ,
А казачокъ огарокъ свѣчки сальной
Въ рукахъ со трепетомъ держалъ.
Вдругъ мальчикъ нашъ заплакалъ, запищалъ. —
Вотъ, вотъ съ кого примѣръ берите, дуры!
Онъ дочерямъ въ восторгѣ закричалъ. —
Откройся мнѣ, о милый сынъ натуры,
Ахъ! что слезой твой осребрило взоръ?
А тотъ ему въ отвѣтъ: *мнѣ хочется на дворъ.*

5. Куплеты на день рожденія княгини Зинаиды Волконской въ понедѣльникъ 3-го декабря 1828 года,

сочиненные въ Москвѣ: княземъ П. А. Вяземскимъ, Е. А. Баратынскимъ, С. П. Шевыревымъ, И. Ф. Павловымъ и И. В. Киреевскимъ.

Друзья! теперь видѣнья въ модѣ,
И я скажу про чудеса:
Не разъ явленьями въ народѣ
Намъ улыбались небеса.
Они намъ улыбнулись мило,
Небеснымъ гостемъ подаря:
Когда же чудо это было?
То было третье декабря.

Вокругъ эѳирной колыбели,
Гдѣ гость таинственный лежалъ,
Невидимые хоры пѣли,
Незримый дымъ благоухалъ.
Зимой, весеннее свѣтило
Взошло, безоблачно горя.
Когда же чудо это было? —
То было третье декабря.

Оно зашло, и звѣзды пали
Съ небесъ высокихъ — и свѣтло
Вѣнцомъ магическимъ вѣнчали
Младенца милое чело.
И ихъ сіяньемъ озарило
Судьбу младаго бытія:
Когда же чудо это было? —
То было третье декабря.

Одна ей пламя голубое
Въ очахъ плѣнительныхъ зажгла:
И вдохновеніе живое
Ей въ душу звучную влила.
Въ очахъ зажглось любви свѣтило,
Въ душѣ поэзіи заря:

Когда же чудо это было? —
То было третье декабря.

Звѣздой полуденной и знойной
Слетѣвшей съ Тассовыхъ небесъ,
Даны ей звуки пѣсни стройной,
Даръ гармоническихъ чудесъ:
Явленье это не входило
Въ невѣрный планъ календаря:
Но знаемъ мы, что это было
Оно на третье декабря.

Земли небесный поселенецъ,
Росла плѣнительно она,
И что пророчилъ въ ней младенецъ,
Свершила дивная жена.
Не даромъ геніевъ кадило
Встрѣчало утро бытія:
И утромъ чуднымъ утро было
Сегодня, третье декабря.

Мы, написавши эти строфы,
Еще два слова скажемъ вамъ,
Что если наши философы
Не будутъ вѣрить чудесамъ,
То мы еще хранимъ подъ спудомъ
Имъ доказательство, друзья:
Она насъ подарила чудомъ
Сегодня, въ третье декабря.

Такая власть въ ея владѣньѣ,
Какая Богу не дана:
Намъ сотворила воскресенье
Изъ понедѣльника она.
И въ праздникъ будни обратило
Веселье, кругъ нашъ озаря:
Да будетъ вѣчно такъ, какъ было,
Днемъ чуда третье декабря!

Приложенiе IV.

Стихотворенія, приписываемыя Е. А. Боратынскому

1. (Экспромптъ).

Съ неба чистая, золотистая,
Къ намъ слетѣла ты;
Все прекрасное, все опасное
Намъ пропѣла ты!

2. Стихи, написанные на манускриптѣ Поэта.

Быть можетъ, милый другъ, по волѣ Парки тайной,
Внезапно распрощусь я съ жизнію случайной, —
И свѣетъ легкій вѣтръ слѣды моихъ шаговъ;
Быть можетъ, ни одинъ изъ юношескихъ сновъ
Не сбудется со мной, быть можетъ, въ отдаленьѣ,
Какъ жертву, ждетъ меня холодное забвенье:
Пусть свитокъ сей хранитъ руки моей черты, —
И сбудется со мной хоть часть моей мечты!
Съ благоговѣніемъ потомокъ просвѣщенной
Начнетъ разсматривать твой свитокъ драгоцѣнной
И, любопытствуя по чуждому перу,
Прочтетъ мои стихи, — и я не весь умру!

3. Выздоровленіе.

(Подражаніе французскому).

Я видѣлъ: надъ главой моей
Гроза ужасная сбиралась, —
И солнце юныхъ дней
На западъ уклонялось.
Я видѣлъ смерть передъ собой:
Она меня крылами покрывала, —
И надъ моей подъятая главой,
Коса въ рукахъ ея сверкала.
Ужъ близокъ былъ послѣдній часъ,
И слышался во мракѣ ночи
Призывный къ гробу гласъ, —
И мракомъ одѣвались очи.
Въ послѣдній разъ изъ облаковъ
Луна унылая блистала;
Въ послѣдній разъ пріютный кровъ
И одръ печальный освѣщала,
Гдѣ, мнилось, я надъ бездною висѣлъ,
Болѣзнью къ ложу пригвожденный,
Обезображенный, страданьемъ отягченный,
И блѣдный свѣтъ луны въ глазахъ моихъ тускнѣлъ.
Уже въ послѣдній разъ
Прощаяся съ землею,
„Помедли, страшный Рокъ, помедли хоть на часъ!“
Молился я съ горячею слезою.
„Ахъ, дай ты мнѣ хоть разъ взглянуть,
Какъ солнышко взойдетъ, какъ закатится;
Дай мигъ еще мнѣ жизнью насладиться;
Дай утромъ разъ еще вздохнуть!“
И небо приняло усердное моленье,
Всевышній мнѣ послалъ у гроба исцѣленье:
Закрылась пропасть подо мной,
И радость свидѣлась съ моей душой;

Воскресли милыя надежды,
Сопутницы бывалыхъ лѣтъ, —
И скорбью скованныя вѣжды
Опять узрѣли свѣтъ.

4. *⁎*

Ни времяни медленье
Ни места отдаленье
Изъ сердца вернова
Васъ друга милова
Невсилахъ истребить
Вѣкъ буду васъ любить.

Наталья Аргунъ.

5. Какая это сторона?

Прекрасны тихія равнины!
Прохладны ясные ключи!
Какого солнца тутъ лучи?
Какого рая здѣсь картины?
Шумитъ прямой лавровый лѣсъ!
И синь — какъ яхонтъ — сводъ небесъ,
И съ синимъ виноградомъ лозы
И многолиственныя розы
Вездѣ сплелись, какъ братъ съ сестрой;
Гора круглится надъ горой...
И тянется, какъ дымъ, какъ ткани,
Голубоватый воздухъ раннiй...
Какъ здѣсь свѣжа краса полянъ!
Стѣна изъ скалъ имъ вмѣсто рамокъ;
И на горахъ, какъ великанъ,
Съ подворной башней давнiй зȁмокъ...
Какъ онъ пригожъ и какъ душистъ —
Въ своей отчизнѣ померанецъ!
Кристаллъ приморья тихъ и чистъ,
И милъ въ немъ вечера румянецъ...

Вездѣ полуденность видна,
И пахнетъ розой и лимономъ:
Какая-жъ это сторона?
Кто въ пѣснѣ мнѣ, съ сердечнымъ стономъ,
Поетъ на мой вопросъ отвѣтъ?
Поетъ дѣла минувшихъ лѣтъ
И набожной Европы цвѣтъ —
Героевъ въ шлемахъ оперенныхъ;
Поетъ, въ красахъ его священныхъ,
Для насъ заманчивый Востокъ:
Святыя волны Іордана,
Грозу и славу Соломона
И коловратный въ битвахъ рокъ...
Но онъ напѣвъ перемѣняетъ;
Затихнулъ на струнахъ Перунъ;
Поетъ иное голосъ струнъ,
И цитра, какъ любовь, вздыхаетъ:
Про что-жъ онъ сладкое звучитъ?
„Какъ макъ, ты закраснѣлась, Дѣва!“
Онъ въ пѣснѣ Дѣвѣ говоритъ:
„Но эта краска не отъ гнѣва,
„Другое на сердцѣ лежитъ!
„Повѣетъ сладкою весною
„Вездѣ, гдѣ ты, моя заря!...
„Зажглася Азія войною,
„И Графы кличутъ за моря
„Пѣвцовъ и рыцарей на битву...
„Я отнесу мою молитву
„Иконѣ Дѣвы пресвятой
„И съ цѣпью пѣсней золотой,
„Держа у сердца мандолину,
„Помчусь крестить съ мечами мечъ
„Въ Іоасафатову долину...
„Въ страну войны и грозныхъ сѣчъ!...
„Увижу кедръ съ красивой пальмой,
„Святой Солимъ въ его лучахъ
„И, гибнущій въ чужихъ поляхъ,

„Съ послѣдней пѣснію прощальной,
„Тебя, Аврора, вспомяну!...“
Я узнаю сію страну,
Холмы и памятныя рѣки:
Вотъ средніе Европы вѣки!
Вотъ ихъ полупрозрачный мракъ!...
Тамъ позже жилъ пѣвецъ Петраркъ,
И тамъ въ отчизнѣ Трубадура
Цвѣла прекрасная Лаура!

6. К. П. Брюлову.

(Экспромптъ).

Принесъ ты мирные трофеи
Съ собой въ отеческую сѣнь,—
И былъ послѣдній день Помпеи
Для русской кисти первый день!

7. Въ Альбомъ.

Что въ вашъ Альбомъ я напишу?
Вамъ похвалы не будутъ лестны:
Прелестны вы — я вамъ скажу,
Но всѣ твердятъ, что вы прелестны.

8. Къ N. N.

Для поэтическихъ мечтаній,
Для думъ возвышенныхъ твоихъ —
Не нуженъ громъ рукоплесканій,
Поэты счастливы безъ нихъ.

Въ себѣ одномъ презрѣвъ міръ цѣлый,
Пѣвца Британіи любя,
Какъ онъ, могучій, юный, смѣлый,
Ты намъ выказывалъ себя.

Стихи твои, какъ бурны тучи,
На человѣка мещутъ громъ:

Они то отгулъ злополучій,
То жизни быстрый переломъ.

****! жду иныхъ я звуковъ
Въ часы вакхическихъ отрадъ;
Пускай въ семействѣ нашихъ внуковъ
О нашихъ шалостяхъ твердятъ,

Узнаютъ пусть, какъ дѣды жили
На брегѣ царственной Невы,
И волочились, и шалили,
Но не теряли головы.

9. Эпиграмма.

Не то бѣда, Авдей Флюгаринъ,
Что родомъ ты не Русскій баринъ,
Что на Парнасѣ ты цыганъ,
Что въ свѣтѣ ты Видокъ Фигляринъ:
Бѣда, что скученъ твой романъ.

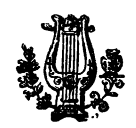
10. Эпиграмма.

Фигляринъ — вотъ полякъ примѣрный!
Въ немъ истинныхъ сарматовъ кровь:
Взгляните, какъ въ груди сей вѣрной
Хитра къ отечеству любовь!
То мало, что изъ злобы къ русскимъ,
Хоть отъ природы трусоватъ,
Бродилъ онъ подъ орломъ французскимъ
И въ битвахъ жизни былъ не радъ;
Патріотическій предатель,
Разстрига, самозванецъ сей,
Уже не воинъ, а писатель,
Ужъ русскій, — къ сраму нашихъ дней!
Двойной присягою играя,
Полякъ въ двойную цѣль попалъ:
Онъ Польшу спасъ отъ негодяя
И русскихъ братствомъ запятналъ.

11. Генріеттѣ Зонтагъ.

И къ намъ ты прилетѣлъ, волшебный соловей,
Изъ странъ счастливѣйшихъ Германіи своей,
Гдѣ долго средь похвалъ въ отчизнѣ вдохновенья
Твои воздушныя носились пѣснопѣнья.
Едва на Сѣверѣ раздался голосъ твой,
Какъ трели звучныя весеннія пѣвицы, —
И съ нетерпѣніемъ двѣ славныя столицы
Спѣшатъ хваленья дань излить передъ тобой,
Привѣтствуя тебя съ восторгомъ благороднымъ.
О Зонтагъ! Не однимъ талантомъ превосходнымъ,
Сей музыкой души, плѣнять умѣешь ты:
И прелестью очей и силой красоты,
Сирена дивная, ты насъ очаровала;
Всѣ совершенства вдругъ въ тебѣ природа-мать
Рукою щедрою волшебно сочетала.
Когда-жъ престанемъ мы тебѣ рукоплескать,
Когда престанешь ты гармоніей небесной
Нашъ духъ переносить въ какой-то міръ чудесной
И миловидностью лазоревыхъ очей,
Какъ небомъ лучшихъ странъ, плѣнять нашъ Сѣверъ хладный,—
Мы будемъ дорожить и памятью твоей,
Какъ сладостной мечтой, какъ мыслію отрадной.

С.-Петербургъ.
23-го августа 1830 г.

Примѣчанія къ стихотвореніямъ.

1. Хоръ, пѣтый въ день именинъ дяденьки Б[огдана] Андр[еевича Боратынскаго] его маленькими племянницами Панчулидзевыми (стр. 1). Издается по автографу, хранящемуся въ Татевскомъ архивѣ (Альбомъ автографовъ, собранныхъ С. А. Рачинскимъ). Напечатано (неточно) въ Татевскомъ Сборникѣ, стр. 60—62, со слѣдующими замѣчаніями: „Вотъ самое раннее изъ сохранившихся его русскихъ стихотвореній (1817 года), поражающее своею неумѣлостью, въ сравненіи со стихами французскими... Заслуживаютъ вниманія эти стихи лишь какъ свидѣтельство той усиленной обработки, коей, вслѣдъ за тѣмъ, поэтъ подвергъ свою стихотворную рѣчь".

О Богданѣ Андреевичѣ Боратынскомъ, игравшемъ значительную роль въ періодъ жизни поэта послѣ исключенія изъ Пажескаго Корпуса и до поступленія на военную службу — см. въ біографическомъ очеркѣ (а также въ „Русскомъ Біографическомъ Словарѣ", т. II, стр. 489—490); „маленькія племянницы Панчулидзевы" — дочери М. А. Панчулидзевой (см. ниже).

2. Мадригалъ пожилой женщинѣ и все еще прекрасной (стр. 3). Впервые напечатано въ журналѣ А. Е. Измайлова „Благонамѣренный" 1819 года, Февраль, № 4, стр. 210, подъ указаннымъ заглавіемъ и съ подписью *Е. Б.* (перепечатано безъ измѣненія въ „Опытѣ русской анѳологіи" М. Яковлева, 1828, стр. 78). Въ изданіяхъ 1827 г. (подъ заглавіемъ „Женщинѣ пожилой, но все еще прекрасной"; стр. 93), также въ сборникѣ „Вѣнокъ Грацій" (М. 1838, стр. 49) и 1835 г. (безъ заглавія, стр. 164) существенно измѣнены первые 4 стиха:

Взгляните: свѣжестью младой,
И въ осень лѣтъ она плѣняетъ,
И у нея летунъ сѣдой
Ланитныхъ розъ не похищаетъ;

Въ посмертныхъ собраніяхъ сочиненій Боратынскаго это стихотвореніе озаглавлено: М. А. Панчулидзевой (въ нѣкоторыхъ копіяхъ Н. Л. Боратынской—М. А. П.) и ошибочно датировано 1819-мъ годомъ: въ дѣйствительности оно написано въ Москвѣ въ 1818 году, и Боратынскій, по его свидѣтельству, пріѣхалъ въ Петербургъ „съ мадригаломъ" въ карманѣ.

Это первое напечатанное стихотвореніе Боратынскаго обращено къ его родной теткѣ и крестной матери — Маріи Андреевнѣ Панчулидзевой (урожд. Боратынской, род. въ 1771, умерла около 1844 г.).

Для иллюстраціи отношеній ея къ поэту приведемъ выдержку изъ письма ея къ родителямъ Боратынскаго: „Милаго бубиньку (такъ звали въ дѣтствѣ Е. А.) бубушу Милочьку я и сама незнаю какъ бы мнѣ его лудше назвать я его такъ много, такъ много люблю что мѣры нѣзнаю. поцѣлуйте его отъ меня и увѣдомляйте меня объ немъ чаще вѣрьте что мое первейшие удовольствіе будетъ знать и слышать объ его здаровьи которое для меня очень, и очень дорого.—Я посылаю бубиньки для лѣтнихъ платецъ штучьку каленькору. незнаю получилъ ли онъ игрушку которою я ему послала изъ *Москвы...*" (подлинникъ этого письма находится въ Казанскомъ архивѣ Боратынскихъ). Въ 1816 году, послѣ исключенія изъ Пажескаго корпуса, Боратынскій цѣлые дни проводилъ у М. А. Панчулидзевой, платя ей за любовь любовью (см. письма его къ матери), и М. А. писала А. Ѳ. Боратынской, что „Евгеніи всегдашніи нашъ товарищъ. Милый, и чувствительной Евгеніи. Я его да смѣрти люблю. Саверщенно увѣрена что онъ васъ милая Сестрица успакойтъ и утешитъ. — Онъ никогда небывайтъ празнымъ детей моихъ очень полюбилъ ими всякой день занимайтся и учитъ".

3. Портретъ В... (стр. 3). Напечатано въ „Благонамѣренномъ" 1819 г., № VI, мартъ, стр. 334 (вмѣстѣ съ двумя другими стихотвореніями: „Къ Алинѣ" и „Любовь и Дружба"), подъ этимъ заглавіемъ и съ полной подписью (впервые) *Е. Боратынскій.* При жизни поэта не перепечатывалось и вошло только въ собраніе сочиненій Боратынскаго подъ редакціей И. Н. Божерянова (изд. „Сѣверъ" 1894 г., стр. 8). Въ альбомѣ А. В. Лутковской (см. Извѣстія Имп. Акад. Наукъ 1911 года, статья Б. Л. Модзалевскаго „Списокъ рукописей и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ, принадлежащихъ Пушкинскому Дому"), составляющемъ собственность Пушкинскаго Дома, это стихотвореніе (автографъ) читается въ болѣе распространенной редакціи:

Тебя ль изобразить и ты-ль изобразима?
Вчера задумчива я помню ты была
Сегодня ветрена, забавна, весела,
Понятна сердцу ты, уму непостижима.
Не всѣ ль противности въ характерѣ твоемъ?
Въ тебѣ чувствительность съ холодностью совмѣстна
Непостоянна ты во всемъ
И постоянно ты прелестна.
Е. Б.

Мы приняли въ основномъ текстѣ чтеніе „Благонамѣреннаго", какъ несомнѣнно первоначальное, относящееся къ 1818—1819 гг.

4. Къ Алинѣ (стр. 3). Напечатано въ „Благонамѣренномъ" 1819 года, № VI, мартъ, стр. 332, подъ заглавіемъ „Къ Алинѣ" и съ подписью *Е. Боратынскій,* и при жизни поэта не перепечатывалось. Впервые вошло въ изданіе И. Н. Божерянова, стр. 7—8.

Возможно, что стихотвореніе написано въ 1818 году, но мы изъ осторожности относимъ его къ 1819 году.

№ VI „Благонамѣреннаго“ вышелъ 31 Марта 1819 г., и въ немъ публика впервые прочла полную подпись новаго поэта — *Е. Боратынскій.*

5. Любовь и Дружба (въ альбомъ) (стр. 4). Впервые напечатано въ „Благонамѣренномъ“ 1819 г., № VI, мартъ, стр. 334, подъ указаннымъ заглавіемъ и съ подписью *Е. Боратынскій*; перепечатано въ „Опытѣ Русской Анѳологіи“ М. Яковлева, 1828, стр. 77. Ни въ одно изъ изданій сочиненій Боратынскаго при его жизни не вошло и въ первый разъ появилось въ изданіи И. Н. Божерянова, стр. 8.

6. Эпиграмма (стр. 5). Напечатано въ „Благонамѣренномъ“ 1819 года, ч. VI, № IX, май, стр. 143, въ „Эпиграммахъ“ и съ подписью *Е. Бор... ій.* При жизни поэта не перепечатывалось и вошло только въ изданіе И. Н. Божерянова, стр. 11.

7. Къ Дельвигу (стр. 5). Впервые напечатано въ „Сынѣ Отечества“ 1819 года, ч. 55, стр. 228, подъ заглавіемъ „Къ Дельвигу“ и съ подписью *Евгеній Баратынской.* Вошло въ изданіе 1827 года (стр. 150—152) съ измѣненіями слѣдующихъ стиховъ:

5 Сыну милому Венеры,
8 Гордый лавръ и миртъ веселой
12 Хладно день за днемъ идетъ,
16 За свирѣль... а тутъ бѣды!
18 Обѣгаетъ ужь ряды,
19 Кличетъ ратниковъ по-свойски...
21 Твой поэтъ летитъ геройски,
23—34 Вамъ, свободные Піиты
Пѣть, любить; меня-же врядъ,
Иль Камены, иль Хариты
Въ караулѣ навѣстятъ.
Вольный баловень забавы,
Ты, которому даютъ
Говорливыя дубравы
Поэтическій пріютъ,
Для кого въ долинѣ злачной
Извиваясь ключь прозрачной
Вдохновительно журчитъ,
Ты, кого зовутъ къ свирѣли
Соловья живыя трели,
Пой, любимецъ Аонидъ!
Въ тихой сладостной кручинѣ
Слушать буду голосъ твой,
Какъ внимаютъ на чужбинѣ
Языку страны родной.

Такъ же напечатано это стихотвореніе И. С. Тургеневымъ въ „Современникѣ“ 1854 г., № 10, подъ заглавіемъ: „Посланіе къ Дельвигу“ и съ слѣдующей выноской: „Посланіе это, одно изъ самымъ раннихъ произведеній поэта, было, невѣдомо отъ него, помѣщено барономъ Дельвигомъ, въ 1819 году въ „Благонамѣренномъ“, вмѣстѣ съ другимъ небольшимъ стихотвореніемъ, и не

попало потомъ въ „Собраніе Сочиненій“. Баратынскій, котораго имя до тѣхъ поръ не появлялось въ печати, часто говорилъ о непріятномъ впечатлѣніи, испытанномъ имъ при внезапномъ вступленіи въ нежеланную извѣстность“. Это замѣчаніе весьма неточно: посланіе „Къ Дельвигу“ было напечатано въ 31 № „Сына Отечества“, вышедшемъ 2 августа, и вошло въ изданіе „Собранія Сочиненій“, но 1827, а не 1835 года, которое главнымъ образомъ имѣли въ виду издатели посмертныхъ собраній сочиненій Боратынскаго (кстати сказать, пропустившіе почему-то въ этомъ посланіи шестой стихъ); кромѣ того, первыя произведенія Боратынскаго появились въ печати 28 февраля 1819 года, и подъ стихотвореніемъ „Къ Алинѣ“ (въ 6 № „Благонамѣреннаго“, вышедшемъ 31 марта) уже стояло полное имя поэта: „*Е. Боратынскій*“.

По всей вѣроятности, однако, это посланіе было однимъ изъ первыхъ произведеній Боратынскаго и написано въ февралѣ-мартѣ 1819 года, вскорѣ по вступленіи на военную службу (8 февраля 1819), когда онъ думалъ, что ему придется промѣнять „музъ и грацій“ на „вахтпарадъ“.

Баронъ Антонъ Антоновичъ Дельвигъ (род. 6 августа 1798, умеръ 14 января 1831 г.) извѣстенъ не только своими поэтическими произведеніями, но и тѣмъ значеніемъ, какое имѣлъ онъ въ жизни Пушкина и Боратынскаго. Дельвигъ гордился этимъ значеніемъ, и въ 1823 году, обращаясь къ Языкову съ сонетомъ, онъ говорилъ:

Я Пушкина младенцемъ полюбилъ,
Съ нимъ раздѣлялъ и грусть и наслажденье,
И первый я его услышалъ пѣнье,
И за себя боговъ благословилъ.
Пѣвца *Пировъ* я съ Музой подружилъ,
И славой ихъ горжусь въ вознагражденье.

Боратынскій познакомился съ Дельвигомъ, повидимому, въ концѣ 1818 года, и вскорѣ они очень подружились. Баронъ А. И. Дельвигъ („Мои воспоминанія“, 1912, стр. 48) разсказываетъ о томъ, что „Дельвигъ жилъ нѣсколько времени съ извѣстнымъ поэтомъ Евгеніемъ Абрамовичемъ Баратынскимъ въ Семеновскомъ полку, гдѣ они и вмѣстѣ и порознь писали много стиховъ, не попавшихъ въ печать“. (См. также стих. „Тамъ, гдѣ Семеновскій полкъ“, Приложеніе III). О томъ, какъ сердечно привязался Боратынскій къ своему новому другу-поэту, можно судить по его письмамъ къ матери изъ Финляндіи: восторгаясь природой и посвящая описанію ея бо́льшую часть письма, Б. объясняетъ это тѣмъ, что „etant presque seul avec la nature, c'est elle qui est ma veritable compagne et je vous en parle à Rotschensalm *comme je Vous aurais parlé de Delvig à Petersbourg*“. Объ отношеніи Дельвига къ Боратынскому болѣе всего можно судить по письмамъ Дельвига (см. сочиненія Дельвига; къ сожалѣнію, бо́льшая часть сохранившихся писемъ Д. до сихъ поръ не напечатана. Письма Боратынскаго къ Дельвигу до насъ не дошли, т. к. Пушкинъ и Боратынскій, по смерти Дельвига, взяли у вдовы его свои письма и, не желая дѣлать общимъ достояніемъ интимную переписку, уничтожили ихъ).

Въ архивѣ с. Мары сохранилась копія идилліи Дельвига „Отставной солдатъ“ съ замѣчаніями Боратынскаго, свидѣтельствующими о критическомъ

чутьѣ его и о томъ, что Б. съ большимъ вниманіемъ относился къ поэтической дѣятельности своего друга и содѣйствовалъ отдѣлкѣ стиховъ Дельвига.

Можно думать, что такія замѣчанія Боратынскій дѣлалъ не разъ Дельвигу (а также, какъ намъ извѣстно, Д. В. Давыдову и князю П. А. Вяземскому), но случайность сберегла только одного „Отставного солдата", и потому мы лишены возможности говорить въ полной мѣрѣ о Боратынскомъ, какъ о критикѣ, такъ какъ онъ напечаталъ только одинъ разборъ („Тавриды" А. Н. Муравьева), хотя писалъ критическіе этюды весьма часто. На посланіе, обращенное къ нему Боратынскимъ, Дельвигъ отвѣчалъ въ 1819-же году посланіемъ „Къ Евгенію": За то ль, Евгеній, я Горацій (см. сочиненія Дельвига).

Замѣтимъ также, что дружба Боратынскаго и Дельвига не разъ давала поводъ къ довольно плоскимъ шуточкамъ „Благонамѣреннаго" (см. напр., „Союзъ Поэтовъ" 1822 г., т. XIX, № XXXIX, стр. 512—514).

Въ 1820 году Б. обратился къ Дельвигу съ посланіемъ „Гдѣ ты, безпечный другъ", въ 1821-мъ — „Напрасно мы, Делій, мечтаемъ найти", въ 1822— „Дай руку мнѣ, товарищъ добрый мой", въ 1824—„Я безразсуденъ и не диво", въ 1825—„Ты распрощался съ братствомъ шумнымъ"; кромѣ того, памяти Дельвига Б. посвятилъ въ 1831 году свое стихотвореніе „Не славь, обманутый Орфей", въ поэмѣ „Пиры" находится къ нему обращеніе, и упоминается Дельвигъ въ „Элизійскихъ поляхъ". (Въ сочиненіяхъ Дельвига см. также „Музамъ", „Евгенію", „Къ Е. Баратынскому" и „Друзья").

8. **Къ Креницыну** (стр. 6). Издается по копіи В. К. Кюхельбекера, хранящейся въ Имп. Публ. Библ. (Бумаги В. А. Жуковскаго). Въ этой копіи мы находимъ слѣдующія помѣтки Н. И. Греча, принимавшаго стихотвореніе: надъ заглавіемъ — „Принять", въ шестомъ стихѣ подчеркнуто слово „мечтанья" и исправлено на „желанья"; въ 9 ст. подчеркнуто „болѣзни" и поставлено подъ чертой NB NB NB; подчеркнутъ 14 стихъ; въ ст. 16 поставлено въ скобкахъ и подчеркнуто „стократъ теперь"; подчеркнутъ и отмѣченъ NB 17 стихъ; послѣ 26-го стиха помѣта: „кончить бы этимъ стихомъ". Напечатано въ „Сынѣ Отечества" 1819 г., ч. 55, стр. 181, подъ заглавіемъ „Къ Креницыну" и съ подписью *Евгеній Баратынской*, съ перестановкою словъ въ 16 стихѣ („теперь стократъ"), замѣною многоточіемъ 19-го стиха, съ опечаткою въ 21-мъ („внимаешь" вм. „внимать") и съ разночтеніемъ 31-го стиха:

Найти я радость мнилъ: нашелъ одну печаль.

При жизни поэта посланіе не перепечатывалось и вошло впервые въ изд. И. Н. Божерянова (стр. 8-9), по тексту „Сына Отечества", съ пропускомъ 19-го стиха. Чтеніе 19-го стиха было возстановлено въ „Русскомъ Архивѣ" 1898 г. (№ VIII, „А. Н. Креницынъ", стр. 644—648); это, однако, не помѣшало Д. В. Философову сдѣлать открытіе во второй разъ черезъ 13 лѣтъ („Сосѣди Пушкина" въ „Русскомъ Словѣ" 1911 года; перепечатано въ сборникѣ „Старое и Новое", 1912).

Александръ Николаевичъ Креницынъ (род. въ 1801, ум. въ 1865), авторъ нѣсколькихъ забытыхъ стихотвореній, былъ товарищемъ Боратынскаго по Пажескому Корпусу.

9. **Прощанье** (стр. 7). Напечатано въ „Благонамѣренномъ" 1819 г., августъ, часть VII, № XV, стр. 142—143, подъ заглавіемъ „Прощанье" и съ

подписью *Е—ъ Б—скій*. При жизни поэта не перепечатывалось и вошло впервые въ изданіе И. Н. Божерянова (стр. 11—12).

10. Прощаніе (Т—му въ Альбомъ) (стр. 8). Впервые напечатано въ „Сынѣ Отечества“ 1819 года, ч. 58, стр. 126, подъ заглавіемъ „Т—му. (Въ Альбомъ)“ и съ подписью *Е. Баратынскій;* перепечатано въ „Соревнователѣ Просвѣщенія и Благотворенія“ 1821 г., ч. XV, стр. 338—339, подъ заглавіемъ „Прощаніе“ и безъ подписи, съ варіантомъ 17 ст.: И можетъ быть, путеводимый.

Приготовляя къ печати собраніе своихъ стихотвореній, вышедшее въ 1827 году, Боратынскій значительно передѣлалъ это стихотвореніе (см. Другія редакціи, стр. 175).

11. Б[оратынско]му (при отъѣздѣ его въ армію) (стр. 9). Издается по тексту „Благонамѣреннаго“ 1820, № 11, стр. 117—118 (подпись *Е. Баратынской*). Впервые напечатано въ „Невскомъ Зрителѣ“ 1820, ч. I, Генварь, стр. 98—99, подъ заглавіемъ „Брату при отъѣздѣ въ армію“ и съ подписью *Е. Баратынскій*, но очевидный пропускъ 5—6 стиховъ заставилъ Боратынскаго перепечатать это стихотвореніе въ томъ же году въ „Благонамѣренномъ“ (въ „Невскомъ Зрителѣ“ 8 стихъ читается: Летишь на голосъ славы бранной). Перепечатано вторично въ „Новостяхъ Литературы“ 1823 г., кн. III, № 2, стр. 28, подъ заглавіемъ „Къ Б*“ и съ подписью *Баратынскій*, съ измѣненіями слѣдующихъ стиховъ:

14 Смотри, сомкнулись въ ратный строй!
20 Толпой веселою и бурной.
22 Дружины вѣтреныхъ Героевъ
23 Поютъ за чашей славу боевъ
32 Въ кипящей брани побѣдитель!

Приготовляя къ печати собраніе своихъ стихотвореній, вышедшее въ 1827 году, Боратынскій значительно измѣнилъ это стихотвореніе (см. Другія редакціи, стр. 176).

Посмертными изданіями Боратынскаго посланіе брату было ошибочно отнесено къ 1820 году, и, начиная съ изданія 1884 года, вкрадывается произвольное и явно ошибочное заглавіе „Брату Льву (при отъѣздѣ его въ армію)“ *), между тѣмъ Левъ Абрамовичъ Боратынскій былъ въ то время отрокомъ, уѣзжалъ же въ армію семнадцатилѣтній братъ его (непосредственно слѣдующій по старшинству за поэтомъ) Ираклій Абрамовичъ (такъ и въ отмѣткахъ С. А. Рачинскаго въ экземплярѣ изд. 1835 года, подаренномъ авторомъ В. А. Рачинской).

Ираклій Абрамовичъ Боратынскій (1802—1859) началъ свою службу адъютантомъ у графа Паскевича, впослѣдствіи былъ Казанскимъ военнымъ губернаторомъ (въ чинѣ генералъ-лейтенанта) и сенаторомъ. Женатый на извѣстной своею красотой княжнѣ А. Д. Абамелекъ, воспѣтой Пушкинымъ, и занятый своей карьерой, И. А., какъ можно судить по письмамъ Е. А. къ Н. Л. Боратынской, постепенно отходилъ отъ семьи, и дружественно-

---

*) Въ Казанскихъ изданіяхъ 1869 и 1900 гг. — „Брату (при отъѣздѣ его въ армію)“.

родственныя отношенія братьевъ — поэта и Ираклія Абрамовича — не были горячими.

Семейные альбомы Боратынскихъ даютъ возможность говорить объ И. А. Боратынскомъ, какъ о весьма недурномъ рисовальщикѣ; къ сожалѣнію, И. А. мало занимался развитіемъ своего художественнаго дарованія.

12. Элегія (стр. 10). Напечатано впервые въ „Невскомъ Зрителѣ" 1820 г., часть первая, Генварь, стр. 99—100, подъ заглавіемъ „Элегія" и съ подписью *Е. Баратынскій*; въ 1821 году безъ всякихъ измѣненій появилось въ „Сынѣ Отечества", № VII, стр. 320—321 (это обстоятельство можетъ объясняться тѣмъ, что Дельвигъ далъ Элегію Боратынскаго въ „Невскій Зритель", Боратынскій же, не подозрѣвая объ этомъ, послалъ въ „Сынъ Отечества" — или наоборотъ); перепечатано въ „Весеннихъ Цвѣтахъ" М. 1835, стр. 79—80.

Готовя собраніе своихъ стихотвореній изд. 1827 года, Боратынскій значительно передѣлалъ это стихотвореніе (см. Другія редакціи — „Ропотъ", стр. 177). Въ первоначальномъ своемъ видѣ элегія, по всей вѣроятности, была написана въ 1819 году, а не въ 1820-мъ, какъ полагаютъ всѣ издатели Боратынскаго, ибо врядъ-ли въ такомъ случаѣ она могла быть помѣщена въ январьскомъ № „Невскаго Зрителя".

13. К — ву (стр. 10). Напечатано въ „Соревнователѣ Просвѣщенія и Благотворенія" 1820, ч. IX, стр. 327, подъ заглавіемъ: „К—ву" и съ подписью *Баратынскій*, и при жизни поэта не перепечатывалось. Вошло въ изданіе И. Н. Божерянова (стр. 24—25; ошибочно отнесено къ 1820 году).

14. Эпиграмма (стр. 11). Впервые напечатано въ „Невскомъ Зрителѣ" 1820 г., ч. I, Генварь, стр. 103, подъ заглавіемъ „Эпиграмма" и съ подписью *Е. Б . . . . ій*. Вошло въ изданіе 1827 года (стр. 117) подъ тѣмъ же заглавіемъ и съ передѣлкою всего стихотворенія:

Поэтъ Графовъ въ стихахъ тяжеловатъ,
Но я люблю не злобнаго собрата:
Ей, ей! не онъ предъ свѣтомъ виноватъ,
А передъ нимъ природа виновата.

Въ изданіи 1835 года эпиграмма помѣщена безъ заглавія (стр. 141), и первый стихъ опять подвергся незначительному измѣненію:

Поэтъ Писцовъ въ стихахъ тяжеловатъ,

Эпиграмма эта отнесена во всѣхъ изданіяхъ ошибочно къ 1820 году: она написана въ 1819 г.

15. Къ Дѣвушкѣ, которая на вопросъ, какъ ее зовутъ, отвѣчала: не знаю (стр. 12). Подъ этимъ заглавіемъ было впервые напечатано въ „Невскомъ Зрителѣ" 1820 г., февраль, стр. 93, съ подписью *Е. Баратынскій*, и перепечатано безъ измѣненія въ „Новостяхъ Литературы" 1823 г., кн. V, № 34, стр. 128. Вошло въ изданія 1827 г. (стр. 104) и 1835 г. (въ послѣднемъ — безъ заглавія, стр. 81) со слѣдующимъ измѣненіемъ первыхъ двухъ стиховъ:

Незнаю, милая, незнаю,
Краса плѣнительна твоя;

перепечатано въ собраніи стиховъ „Вѣнокъ Грацій“, М. 1838 и въ „Опытѣ русской Анѳологіи“ 1828; въ послѣднемъ—второй стихъ читается по „Невскому Зрителю“. Послѣдующіе издатели, придерживавшіеся изд. 1835 г., заглавіе возстановили по изд. 1827 года.

Въ то время, какъ строгій критикъ „Библіотеки для Чтенія“ (1844, т. 66, отд. V) находилъ это стихотвореніе превосходнымъ, Бѣлинскій (соч., т. II, стр. 247) возмущался тѣмъ, что „поэтъ нашего времени“ можетъ написать и даже напечатать „такое стихотвореньице“.

16. Къ Кюхельбекеру (стр. 12). Напечатано въ „Сынѣ Отечества“ 1820 г., ч. 59, стр. 225, подъ заглавіемъ: „Къ Кюхельбекеру“ и съ подписью *Ев. Баратынскій, 18 января 1820,* и при жизни поэта не перепечатывалось. Вошло впервые (неточно) въ изданіе И. Н. Божерянова (стр. 12).

Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ род. въ 1797 году, умеръ 11 августа 1846. Боратынскій познакомился съ Кюхельбекеромъ въ началѣ 1819 года, скоро сошелся съ нимъ и съ тѣхъ поръ не переставалъ любить „своего милаго Вильгельма“. Сохранилось письмо Боратынскаго къ Кюхельбекеру (напечатано въ „Русской Старинѣ“ 1875 года, стр. 377), а также къ Н. В. Путятѣ (начала 1825 года), въ которомъ Б. даетъ слѣдующую характеристику „своего стараго товарища“: „онъ человѣкъ занимательный по многимъ отношеніямъ и рано или поздно въ родѣ Руссо очень будетъ замѣтенъ между нашими писателями. Онъ съ большими дарованіями и характеръ его очень сходенъ съ характеромъ женевскаго чудака: таже чувствительность и недовѣрчивость, тоже безпокойное самолюбіе, влекущее къ неумѣреннымъ мнѣніямъ дабы отличится особеннымъ образомъ мыслей; и порою таже восторженная любовь къ прекрасному, которой онъ все готовъ принести на жертву. Человѣкъ вмѣстѣ достойный уваженія и сожаленія, рожденный для любви къ славѣ (можетъ быть и для славы) и для нещастія“. (Цитируемъ по подлиннику, хранящемуся въ бумагахъ И. Ѳ. Тютчева; письмо это напечатано неточно во всѣхъ посмертныхъ собраніяхъ сочиненій Боратынскаго). Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ судьба показала, что Кюхельбекеръ дѣйствительно былъ рожденъ „для нещастія“...

17. Посланіе къ Б[арону] Дельвигу (стр. 13). Впервые напечатано въ „Невскомъ Зрителѣ“ 1820 г., мартъ, стр. 56—59, подъ заглавіемъ: „Посланіе къ Б... Дельвигу“ и съ подписью *Е. Баратынскій.* Вошло въ изданіе 1827 г. подъ заглавіемъ „Делію“ (стр. 69—72) и съ варіантами слѣдующихъ стиховъ:

1 Гдѣ ты, безпечный другъ? гдѣ ты, о Делій мой,
9 Гдѣ ты, о Делій мой! Ужель минувшихъ дней
23—24 На стогнахъ тишина! сіяютъ при лунѣ
Дворцы и башни Петрограда.
25 Къ знакомцу доброму стучится Купидонъ;
27 „Проснися, юноша, отвергни“ шепчетъ онъ,
29 „Взгляни! ты видишь-ли: покинувъ ложе сна,
31 „Томленья страстнаго въ душѣ своей полна,
32 „Счастливца ждетъ моя Лилета?“
33 Толпа безумная! напрасно ропщешь ты!
34 Блаженъ, кто легкою рукою

37 Кто безъ унынія глубоко жизнь постигъ
40 И наслажденья мигъ крылатый!
43 А баловня забавъ еще покоитъ лѣнь
49 И гдѣ-жъ брега Невы? гдѣ чашь веселый стукъ?
53 И я, пѣвецъ утѣхъ, пою утрату ихъ,
54 И вкругъ меня скалы суровы
56 И на ногахъ мои оковы.

45 стихъ печатается по изданію 1827 года, — въ „Невскомъ Зрителѣ“ онъ читается такъ:

И мило спать еще! Любовію горятъ (*опечатка?*)

Въ изданіи 1835 года это стихотвореніе напечатано безъ заглавія (стр. 36—38), и чтеніе перваго и девятаго стиховъ возстановлено по „Невскому Зрителю“. Въ посмертныхъ изданіяхъ это посланіе произвольно озаглавлено „Дельвигу“. Боратынскій былъ переведенъ (унтеръ-офицеромъ) въ Нейшлотскій полкъ въ январѣ 1820 г., и такимъ образомъ это стихотвореніе слѣдуетъ относить къ февралю-марту 1820 года.

См. примѣчаніе къ стихотворенію 1819 года „Къ Дельвигу“.

18. Элегія (стр. 14). Издается по тексту „Сына Отечества“ 1821 г., часть 70, № XXI, стр. 32—33, въ которомъ это стихотвореніе напечатано подъ заглавіемъ „Элегія“ и съ подписью *Баратынской*. Впервые напечатано въ „Соревнователѣ Просвѣщенія и Благотворенія“ 1820 г., ч. IX, стр. 196 (подъ тѣмъ же заглавіемъ и съ подписью *Баратынскій*), съ варіантами слѣдующихъ стиховъ:

8 Тоска разлуки годовой.
14 Едва заснулъ — исчезло сновидѣнье;

Стихъ 6-ой въ „Соревнователѣ“ пропущенъ.

Мы приняли чтеніе „Сына Отечества“ на томъ основаніи, что очевидно неисправное напечатаніе въ „Соревнователѣ“ побудило Боратынскаго въ слѣдующемъ же (1821) году перепечатать это стихотвореніе.

Въ 1826 году, работая надъ сборникомъ своихъ стихотвореній, Боратынскій такъ неузнаваемо передѣлалъ эту элегію (см. Другія редакціи—„Разлука“, стр. 177), что въ изданіи И. Н. Божерянова эти двѣ редакціи одного и того же стихотворенія были приняты за два самостоятельныхъ стихотворенія (при чемъ И. Н. Божеряновъ напечаталъ „Элегію“ по тексту „Соревнователя“).

19. Элегія (Подражаніе Лафару) (стр. 15). Издается по тексту „Сына Отечества“ 1821 г., ч. 71, № XXVII, стр. 39, гдѣ оно помѣщено подъ заглавіемъ „Элегія“ и съ подписью *Б—ій* (дата взята изъ „Невскаго Зрителя“). Впервые напечатано въ „Невскомъ Зрителѣ“ 1820 г., мартъ, стр. 54 (подпись *Евгеній Баратынскій*), съ варіантами слѣдующихъ стиховъ:

1 Заснули рощи надъ потокомъ,
7 Вокругъ, мѣшаясь съ темнотой,
9—11 „И такъ изчезли, думалъ я,
Весеннихъ лѣтъ мечты златыя
Часы приспѣли роковыя

14 Отъ нѣги съ праздною душой,
17 И мертвой сердца тишиной!"—
20–22 „Объ чемъ вздыхаешь, молвилъ онъ,
Объ чемъ грустишь неблагодарной?
Оставь печальныя мечты.

Изъ „Невскаго Зрителя" эта Элегія была перепечатана въ „Эвтерпѣ" 1831, стр. 129—130 (безъ заглавія и съ подписью *Е. Баратынскій*), и И. Н. Божеряновъ включилъ ее въ изданіе „Сѣвера" (стр. 18), какъ самостоятельное стихотвореніе, между тѣмъ явныя неисправности „Невскаго Зрителя" (*Отъ нѣги* — вм. отнынѣ, *объ чемъ* и т. д.) заставили Боратынскаго въ слѣдующемъ же году —1821— перепечатать Элегію въ „Сынѣ Отечества". Это стихотвореніе вошло въ изданія 1827 (подъ заглавіемъ „Утѣшеніе", стр. 49—50; въ оглавленіи подзаголовокъ: *подраж. Лафару*) и 1835 гг. („Подражаніе Лафару", стр. 155—156) съ слѣдующими значительными измѣненіями:

1–8 Свободу давъ тоскѣ моей,
Уединенный, я недавно
О наслажденьяхъ прежнихъ дней
Жалѣлъ и плакалъ своенравно.
12 Что было цвѣтомъ бытія!
13 Наставленъ истиной угрюмой,
16 Я замѣню холодной думой
24 Воскреснуть сердцемъ можешь ты;

Эта элегія представляетъ подражаніе стихамъ Лафара: „A la Comtesse de Caylus".

20. Финляндія (стр. 16). Издается по тексту „Сына Отечества" 1821 г., ч. 70, № XXII, стр. 81—84 (подпись *Баратынской*). Впервые напечатано въ „Соревнователѣ Просвѣщенія и Благотворенія" 1820 г., ч. X, стр. 168—170, подъ заглавіемъ „Финляндія" и съ подписью *Баратынскій*. Чтеніе „Соревнователя" отличается отъ „Сына Отечества" въ слѣдующихъ стихахъ:

18 И рощи шумъ глухой и волнъ неясной лепетъ,
21 Здѣсь освѣжаемый прохладной тишиной
36 О древнихъ сильныхъ племенахъ!
39 Блѣднѣетъ слава ихъ, и въ прахѣ ихъ Боговъ,
51 Зачѣмъ уныли вы? и я ли прочиталъ
60 Обѣтованнаго, глубокаго забвенья!
62 Могу-ль себя томить неясною тоскою?

Повидимому, неисправность текста „Соревнователя Просвѣщенія и Благотворенія" заставила Боратынскаго въ слѣдующемъ же году перепечатать „Финляндію" въ „Сынѣ Отечества".

Приготовляя къ печати собраніе своихъ стихотвореній, вышедшее въ 1827 году, Боратынскій существенно передѣлалъ это стихотвореніе (см. Другія редакціи, стр. 178).

Замѣтимъ, что это стихотвореніе, — одно изъ первыхъ, навѣянныхъ природой Финляндіи, — дало Боратынскому почетное мѣсто среди русскихъ

поэтовъ, и во всей литературѣ, какъ современной поэту, такъ и послѣдующей, мы не нашли ни одного неодобрительнаго отзыва объ этой пьесѣ: даже тѣ изъ критиковъ, которые въ 30-хъ и 40-хъ годахъ „вызывали на бой кровавый“ поэта и скорбѣли объ упадкѣ таланта его, укоряли Боратынскаго въ томъ, что „пѣвецъ Финляндіи“ пересталъ быть достойнымъ „Финляндіи“. Особенно диѳирамбическимъ характеромъ отличаются статьи Ѳ. Булгарина въ „Сѣверной Пчелѣ“ (1827 г., 3 и 6 декабря); Бѣлинскій считалъ Финляндію „особенно достойной памяти и вниманія“ (Соч., т. VII, стр. 494).

Въ своей „Финляндіи“ Боратынскій дѣлаетъ ошибку, общую тому времени, смѣшивая Финляндію съ Скандинавіей; первымъ замѣтилъ эту ошибку Я. К. Гротъ, который писалъ 12 февраля 1841 года П. А. Плетневу о томъ, что Батюшковъ, Боратынскій, Жуковскій и Державинъ „всѣ свои свѣдѣнія по этому предмету почерпнули (весьма ошибочно) изъ Оссіана“... („Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ“, С.-Пб. 1896, т. I, стр. 238—239).

21. Финскимъ Красавицамъ (Мадригалъ) (стр. 18). Подъ этимъ заглавіемъ и съ подписью *Баратынскій* было впервые напечатано въ „Соревнователѣ Просвѣщенія и Благотворенія“ 1820 г., ч. X, стр. 186; перепечатано въ „Опытѣ русской анѳологіи“ М. Яковлева, С.-Пб. 1828, стр. 100, съ исключеніемъ подзаголовка. Вошло въ собраніе сочиненій Боратынскаго подъ редакціей И. Н. Божерянова, стр. 26.

22. Весна (Элегія) (стр. 18). Подъ этимъ заглавіемъ и съ подписью *Баратынскій* было напечатано въ „Соревнователѣ Просвѣщенія и Благотворенія“ 1820 г., ч. X, стр. 88, и при жизни поэта не перепечатывалось; вошло въ изданіе И. Н. Божерянова, стр. 25—26.

23. Къ Коншину (стр. 19). Напечатано впервые въ „Сынѣ Отечества“ 1820 г., ч. 66, № XLIX, стр. 130—131, подъ заглавіемъ „Къ Коншину“ и съ подписью: *Е. Баратынскій. Фридрихсгамъ.* Въ альбомѣ Tendresse (Татевскій архивъ) незначительно измѣнены слѣдующіе стихи:

23 Въ ней благо лучшее Богами намъ дано
25 Какъ будетъ сладко, милый мой,
28 Все разслабленіе души твоей больной!

Вошло въ изданія 1827 („К—ну“, стр. 172—173) и 1835 гг. (безъ заглавія, стр. 181—182) съ измѣненіями слѣдующихъ стиховъ:

16 Печаль души своей внимательному другу?
21—23 Что, что даетъ любовь веселымъ шалунамъ?
Забаву легкую, минутное забвенье;
Въ ней благо лучшее дано богами намъ
25 Какъ будетъ сладко, милый мой,
27—29 Скажу-ль? всѣ раны, всѣ недуги,
Все разслабленіе души твоей больной;
Забывъ и свѣтъ и рокъ суровый,
31 И на устахъ ея, въ ея дыханьи пить.

Такъ же читается это стихотвореніе въ тетради Н. Л. Боратынской (Казанскій архивъ). Въ изданіи 1869 года посланіе это озаглавлено „Коншину“ и въ 30-ый стихъ вкралась опечатка:

Желаніе смутное въ одно желанье слить

и эта опечатка была пунктуально повторена всѣми послѣдующими изданіями.

Николай Михайловичъ Коншинъ (род. въ 1793 г., ум. 31 окт. 1859), второстепенный поэтъ, причислявшій себя къ друзьямъ Боратынскаго и къ Пушкинскому кружку, былъ въ то время (1819—1824) офицеромъ Нейшлотскаго полка (см. о немъ очерки Кирпичникова въ „Русской Мысли“, Май 1897 г., стр. 144—170).

Въ январѣ 1820 г. Боратынскій былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры и переведенъ въ тотъ же Нейшлотскій полкъ, стоявшій въ Фридрихсгамѣ; здѣсь познакомился молодой унтеръ-офицеръ поэтъ съ начинающимъ поэтомъ штабсъ-капитаномъ, и между ними завязались довольно короткія, но (какъ можно думать на основаніи писемъ Боратынскаго къ Н. М. Коншину, хранящихся въ Имп. Публ. Библіотекѣ) не слишкомъ прочныя отношенія. Видимо, Б. въ поэзіи покровительствовалъ своему старшему (по возрасту и по чину) товарищу, и черезъ посредство Боратынскаго Н. М. Коншинъ дебютировалъ въ печати своимъ посланіемъ „Баратынскому“ (напечатано въ „Благонамѣренномъ“ 1820 г., ч. II, № XVII, стр. 329).

28 сентября 1844 г. Коншинъ писалъ изъ Твери по поводу смерти Боратынскаго П. А. Плетневу:

„Смерть моего незабвеннаго Ангела—Евгенія освѣтила ярко мою старину, и у меня вылилась статья подъ названіемъ: *Воспоминаніе о Боратынскомъ или 4 года моей финляндской жизни*“... Къ сожалѣнію, эта статья не была напечатана и до насъ не дошла. (См. статью Н. Лернера „О смерти Боратынскаго“ въ „Русской Старинѣ“ 1909 г., январь, стр. 177—186).

Н. М. Коншину посвятилъ Боратынскій въ 1821 году еще два посланія: „Живи смѣлѣй, товарищъ мой“ и „Пора покинуть, милый другъ“.

24. Уныніе (стр. 20). Впервые напечатано въ „Сынѣ Отечества“ 1821 г., № III, стр. 128—129, подъ заглавіемъ: „Уныніе“ и съ подписью *Е. Баратынскій;* вошло въ изданія 1827 (стр. 36) и 1835 гг. (въ послѣднемъ, стр. 25, безъ заглавія) съ измѣненіями слѣдующихъ стиховъ:

3 Въ семействѣ дружескомъ соратныхъ шалуновъ
4 Мечталъ воскреснуть я душою.
7 Лишь мы не знали сна — и пѣнистый фіалъ
14 Всесильнымъ собственною силой;

Въ изданіи 1869 года (а также и во всѣхъ послѣдующихъ) стихотвореніе озаглавлено „Лагерь“ (по недошедшей до насъ рукописи?), и слѣдующіе стихи читаются иначе:

3 Средь братьевъ полковыхъ, въ ней утопивъ мой умъ,
4 Хотѣлъ воскреснуть я душою.
7 Лишь мы не знали сна, и пѣнистый бокалъ
14 Рокъ злобный къ намъ ревниво злобенъ:
16 Унылый чувствовать способенъ.

25. Родина (Сельская элегія) (стр. 21). Впервые напечатано въ „Сынѣ Отечества“ 1821, № VI, стр. 274—276, подъ заглавіемъ: „Сельская

Элегія“ и съ подписью *Баратынскій*. Вошло въ изданія 1827 (подъ заглавіемъ „Родина“, стр. 21—23) и 1835 гг. (безъ заглавія, стр. 12—14) съ измѣненіями слѣдующихъ стиховъ:

6 Свободный наконецъ отъ суетныхъ надеждъ,
7 Отъ безпокойныхъ сновъ, отъ вѣтреныхъ желаній,
20 Спокойный домосѣдъ, въ моей безвѣстной хатѣ,
22 Въ кругу друзей своихъ, въ кругу семьи своей,
24 Нѣтъ, нѣтъ, не отмѣню священнаго обѣта!
28 Наукѣ размѣрять окопы боевые:
38 Усердный пестунъ мой, ты, первый огородъ
49 Онѣ доступны всѣмъ, и мнѣ за легкій трудъ
59 И вмѣсто мрамора, положитъ на гробницу
60 И мирный заступъ мой, и мирную цѣвницу.

Въ копіи Н. Л. Боратынской (Казанскій архивъ) это стихотвореніе озаглавлено „Деревня“ (также и во всѣхъ посмертныхъ изданіяхъ).

Ѳ. Булгаринъ въ „Сѣверной Пчелѣ“ (1827, № 146, 6 декабря) находилъ „Родину“ исполненной „чувства и мыслей“, но обрушился на слово *хата*, встрѣчающееся въ этой сельской элегіи.

По свидѣтельству Н. Л. Боратынской (записка ея о жизни Е. А. Боратынскаго — хранится въ Казанскомъ архивѣ), принятому всѣми біографами, въ этой элегіи Б. обращается къ сельцу Подвойскому (имѣніе Богдана Андреевича Боратынскаго въ Смоленской губерніи), въ которомъ онъ проводилъ большую часть времени по исключеніи изъ Пажескаго Корпуса и до поступленія на военную службу. Это свидѣтельство Н. Л. Боратынской (равно какъ и другія въ ея запискѣ) можетъ быть подвергнуто сомнѣнію, т. к. сельцо Подвойское не было родиной поэта, тогда какъ и содержаніе стихотворенія, и названіе говорятъ за то, что онъ обращается къ своей родинѣ — имѣнію Марѣ (село Вяжля, Тамбовской губерніи); вѣрнѣе же всего, стихотвореніе это навѣяно не столько личными переживаніями, сколько литературными образцами.

26. Больной (стр. 22). Напечатано въ „Сынѣ Отечества“ 1821 года, № VIII, стр. 37, подъ заглавіемъ „Больной“ и съ подписью *Баратынскій;* при жизни поэта не перепечатывалось и впервые вошло въ изданіе И. Н. Божерянова (стр. 26—27). Автографъ этого стихотворенія мы видѣли въ С.-Петербургскомъ книжномъ магазинѣ Н. В. Соловьева.

27. Русская пѣсня (стр. 23). Впервые напечатано въ „Сынѣ Отечества“ 1821 г., № X, стр. 134—135, подъ заглавіемъ „Руская пѣсня“ и съ подписью *Баратынскій*. Вошло въ изданіе 1827 года (стр. 89—90) съ измѣненіями слѣдующихъ стиховъ:

3 По поднебесью далече
4 Тучи гонитъ.
7 Онъ уносится за ними
9 О, куда, куда васъ, тучи,
11 О, куда ведетъ судьбина
26 Жить на что мнѣ?

Перепечатано въ „Венерѣ“ (М. 1831, ч. 2, стр. 86—88), въ „Эвтерпѣ“ (М. 1831, стр. 142—144 — безъ заглавія), два раза въ „Полномъ новѣйшемъ

пѣсенникѣ въ тринадцати частяхъ“ И. Гурьянова, М. 1835 — въ третьей части (стр. 38—40) съ опечаткой въ послѣднемъ стихѣ:

Вѣтеръ *буйный*.

и въ двѣнадцатой части (стр. 135—136) съ пропускомъ 21—24 стиховъ; съ того же изданія 1827 г. „Русская пѣсня“ была перепечатана въ собраніи „Вѣнокъ Грацій“, М. 1838, стр. 46—48; сверхъ того, это стихотвореніе часто встрѣчается на страницахъ современныхъ альбомовъ.

Въ изданіи 1835 года напечатано подъ заглавіемъ „Пѣсня“, стр. 26—27, (такъ же и въ посмертныхъ собраніяхъ сочиненій Боратынскаго) и съ варіантами слѣдующихъ стиховъ:

5 На часахъ стоитъ печаленъ
22 Дни скончаю.

Обиліе перепечатокъ и альбомныхъ записей говоритъ о той популярности, какою пользовалась „Пѣсня“ въ свое время.

28. Лидѣ (стр. 24). Издается по автографу, хранящемуся въ Татевскомъ архивѣ (альбомъ съ золотою надписью на обложкѣ „Tendresse“). Впервые напечатано въ „Сынѣ Отечества“ 1821 г., № X, стр. 133—134, подъ заглавіемъ „Лидѣ“ и съ подписью *Баратынскій* и съ варіантами двухъ стиховъ:

16 Среди полей рука съ рукой
32 Душой высокое любя,

Приготовляя къ печати собраніе своихъ стихотвореній, вышедшее въ 1827 году, Боратынскій значительно сократилъ это стихотвореніе и существенно измѣнилъ окончаніе его (см. Другія редакціи, стр. 179).

Мы не имѣемъ опредѣленныхъ данныхъ относить къ какому-либо лицу это стихотвореніе: въ альбомѣ *Tendresse* рядомъ съ заглавіемъ написано (въ позднѣйшее время) карандашомъ въ скобкахъ — Лизаветѣ Купріяновой, въ экземплярѣ стихотвореній Боратынскаго въ 1827 г., подаренномъ авторомъ Варварѣ Абрамовнѣ Боратынской (впослѣдствіи Рачинской), С. А. Рачинскій отмѣчаетъ:

(Купріановой) Финлянкѣ.

29. Въ Альбомъ (стр. 25). Впервые напечатано въ „Соревнователѣ Просвѣщенія и Благотворенія“ 1821 г., ч. XIV, стр. 65, подъ заглавіемъ „Въ Альбомъ“ и съ подписью *Е. Б.* Боратынскій записалъ это стихотвореніе, по всей вѣроятности, въ 1824 году, въ альбомъ А. В. Лутковской (см. Б. Л. Модзалевскій „Списокъ рукописей и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ, принадлежащихъ Пушкинскому Дому“ въ „Извѣстіяхъ Имп. Академіи Наукъ“ 1911, стр. 523) съ нѣкоторыми измѣненіями:

2 Всѣхъ невозможно помнить вамъ.
3 Я справедливость имъ отдамъ:
6 Тогда не знали дружбы модной;
7 Тогда, какъ знать? иной дикарь
9 Почелъ бы выдумкой негодной.
10 Что толковать о старинѣ

и послѣ 10-го стиха вставлено еще:

Мы современники вполнѣ.

Издавая въ 1827 г. собраніе стихотвореній, Боратынскій вторично измѣнилъ нѣкоторые стихи (стр. 88):

2 Чтобы возможно было вамъ
3 Знать, помнить всѣхъ по именамъ;
7 Тогда, Богъ вѣсть! иной дикарь

Кромѣ того стихи 6, 9 и 10 читаются такъ же, какъ въ альбомѣ А. В. Лутковской.

Это стихотвореніе Боратынскій не включилъ въ изданіе 1835 года.

30. К[онши]ну (стр. 26). Впервые напечатано въ „Сынѣ Отечества" 1821 г., ч. 71, № XXIX, стр. 131, подъ заглавіемъ „К—ну" и съ подписью *Б—ій*. Вошло въ изданія 1827 („Добрый совѣтъ. Къ—ну", стр. 122—123) и 1835 гг. (безъ заглавія, стр. 149—150) съ измѣненіями слѣдующихъ стиховъ:

4 Пренебреги молвы болтливой
10—13 Всѣхъ смертныхъ ждетъ судьба одна:
14 Всѣхъ чередомъ поглотитъ Лета,
17 И въ молдаванкѣ шалуна
18 И въ рубищѣ Анахорета.
20 Лови пролетное мгновенье!
25 На что чиниться съ жизнью намъ,

См. примѣчаніе къ стихотворенію 1820 г. „Къ Коншину" (стр. 221).

31. Бдѣніе (стр. 26). Впервые напечатано въ „Соревнователѣ Просвѣщенія и Благотворенія" 1821 г., ч. XIV, стр. 61—62, подъ заглавіемъ „Бдѣніе" и съ подписью *Е. Б.* Вошло въ изданіе 1827 года (подъ тѣмъ же заглавіемъ, стр. 38) съ варіантами слѣдующихъ стиховъ:

1 Одинъ, и пасмурный душою
2 Я близъ окна сидѣлъ;
3 Свистѣла буря надо мною
8 Мечта въ душѣ моей.
13 „Дни пролетаютъ, годы тоже;
19 „Умру! и вѣтренная Лила
23 Склонился на руку главою,
27 И громкой пѣснью ранній пѣтелъ

Перепечатано безъ измѣненія въ сборникѣ „Венера", М. 1831, ч. 2, стр. 33. Въ изданіи 1835 года это стихотвореніе помѣщено безъ заглавія (стр. 65—66) и съ слѣдующими измѣненіями (сравнительно съ изд. 1827 г.):

2 Я предъ окномъ сидѣлъ;

Стихъ 8-й возстановленъ по „Соревнователю".

Сверхъ того, въ копіи Н. Л. Боратынской (Казанскій архивъ) мы находимъ слѣдующее чтеніе 7-го стиха, принятое также всѣми посмертными изданіями сочиненій Боратынскаго:

О дальномъ дѣтствѣ пробудилась.

Въ изданіи 1869 г. (и въ послѣдующихъ) возстановлено заглавіе по 1827 г.

„Бдѣніе“ дало поводъ многимъ „шуточкамъ Благонамѣреннаго“ (какъ говорилъ Пушкинъ), который находилъ въ этомъ стихотвореніи „противуестественность изображеній, пріятно изумляющихъ читателя“, а въ пародіи *Д. Вр—ва* „Союзъ Поэтовъ“ („Благонамѣренный“ 1822 г., т. XIX, № XXXIX, стр. 512—514) находимъ слѣдующую строфу:

Условныя желанья,
Нѣмыя ожиданья,
Кипящія лобзанья
И *сладострастье нѣгъ*
Твердите и твердите!
Увядши для утѣхъ,
Въ окно *не зря, глядите!* etc.

32. Цвѣтокъ (стр. 27). Впервые напечатано въ „Соревнователѣ Просвѣщенія и Благотворенія“ 1821 г., ч. XV, стр. 244—245, подъ заглавіемъ „Цвѣтокъ“ и съ подписью *Баратынскій.* Вошло въ изданіе 1827 года (стр. 95—96) съ варіантами слѣдующихъ стиховъ:

1 Съ восходомъ солнечнымъ Людмила
2 Сорвавъ себѣ цвѣтокъ,
5—8 „Что торопиться? мнѣ-ль наскучитъ
Лелѣять свой цвѣтокъ?
Нѣтъ! недостойный не получитъ
Душистый мой цвѣтокъ“.
18 У дѣвушки цвѣтокъ;
20 У дѣвушки цвѣтокъ;
21 Идетъ. Услада повстрѣчала:
25 Онъ что же дѣвѣ? Онъ спесиво:
26 „На что мнѣ твой цвѣтокъ?

Перепечатано безъ измѣненія въ собраніяхъ: „Эвтерпа“, М. 1831 (стр. 71—72), „Венера“, М. 1831 (ч. 3, стр. 25—26), въ „Полномъ новѣйшемъ пѣсенникѣ“ И. Гурьянова, М. 1835 (III ч., стр. 22—23), въ изданіи 1835 года (стр. 43—44) и во всѣхъ посмертныхъ собраніяхъ сочиненій Боратынскаго.

33. Булгарину (стр. 28). Впервые напечатано въ „Сынѣ Отечества“ 1821 г., ч. 70, № XXII, стр. 175—177, подъ заглавіемъ „Булгарину“ и съ подписью *Баратынскій.* Въ изданіи 1827 г. Боратынскій уничтожилъ посвященіе, озаглавилъ „Къ . . . . “ (стр. 156—157) и измѣнилъ слѣдующіе стихи:

1 Нѣтъ, нѣтъ! мой Менторъ, ты неправъ,
6 Себѣ мы правилъ не слагали,
13 Младую жизнь благодарили.
14 Во имя лучшихъ изъ боговъ,
16 Мы пѣли счастье шалуновъ;
17 Сердечно презря крикуновъ
23 Въ душѣ, больной отъ пищи многой,

24 Въ душѣ усталой, пламень гасъ
26 Засталъ насъ какъ-то опытъ строгой.
29 И предъ суровымъ оробѣвъ,
31 Такъ, разшалившихся дѣтей,
32 Среди веселыхъ ихъ затѣй,
34 Съ угрюмой важностью очей
35 Германца дядьки появленье.
38 Смиренно дни свои ведемъ

Не удовлетворившись этими исправленіями, Боратынскій помѣстилъ это стихотвореніе (безъ заглавія, стр. 135—136) въ изданіи 1835 года съ слѣдующими варіантами (сравнительно съ изд. 1827 г.):

1 Пріятель строгой, ты не правъ,
5 По своеволію страстей

Кромѣ того, стихи 31—35 выпущены вовсе.

Сверхъ того, въ копіи Н. Л. Боратынской (Казанскій архивъ) 29 стихъ читается:

Передъ суровымъ оробѣвъ,

Въ изданіи 1869 года (а также и въ послѣдующихъ) стихотвореніе озаглавлено „Б—ну".

Въ 1827 году, по поводу сборника стихотвореній Боратынскаго, Булгаринъ писалъ (въ „Сѣверной Пчелѣ", № 147, 8 декабря): „Изъ посланій лучшія къ Н. И. Гнѣдичу, къ Дельвигу (то, которое напечатано на стр. 160) и *ко мнѣ*. Посланіе ко мнѣ было напечатано въ Сынѣ Отечества и перепечатано въ Образцовыхъ Сочиненіяхъ съ моимъ именемъ: *Къ Булгарину;* имя мое было даже въ стихѣ. По переселеніи поэта въ Москву, онъ сталъ писать ко мнѣ Посланія другого рода, а въ прежнемъ имя мое замѣнено точками въ заглавіи, а въ стихѣ я пожалованъ въ *Менторы*. Пользуюсь этимъ почетнымъ званіемъ, и совѣтую Поэту болѣе слѣдовать внушенію своего генія, нежели внушеніямъ журнальныхъ сыщиковъ. Это будетъ лучше и для него, и для публики".

Булгаринъ ошибается: Боратынскій сталъ писать ему „посланія другого рода" до „переселенія" въ Москву, и виною этого были не Московскіе литераторы, вліянію которыхъ будто бы подпалъ поэтъ (какъ это хотѣлъ представить Булгаринъ): Боратынскій отвернулся отъ критика „Сѣверной Пчелы" и „Сына Отечества" тогда, когда нравственная и литературная физіономія Ѳаддея Венедиктовича достаточно выяснилась, и дѣятельность Булгарина и его компаньона Н. И. Греча развернулась во всей своей силѣ.

„Посланій другого рода" — эпиграммъ на Ѳ. Булгарина — у Боратынскаго, дѣйствительно, довольно много: „Эпиграмма" 1825 г. („Что ни болтай, а я великій мужъ!"), въ 1826 году — „Въ своихъ листахъ душонкой ты кривишь", въ 1827 году — „На некрасивую виньетку, представляющую Автора за письменнымъ столомъ, а подлѣ него Истину", въ 1829 — „Эпиграмма" („Повѣрьте мнѣ, Фигляринъ — моралистъ") и т. д.

34. Водопадъ (стр. 29). Впервые напечатано въ „Соревнователѣ Просвѣщенія и Благотворенія" 1821 года, ч. XV, стр. 90—91, подъ заглавіемъ

„Водопадъ“ и съ подписью *Баратынскій.* Такъ же читается „Водопадъ“ и въ альбомѣ Н. Л. Боратынской. Въ изданіяхъ 1827 (стр. 13—14) и 1835 гг. (въ послѣднемъ безъ заглавія, стр. 93—94) это стихотвореніе читается въ значительно измѣненномъ видѣ. Такъ, совершенно передѣланы 2-ая и 3-ья строфы:

Я слышу: свищетъ аквилонъ,
Качаетъ елію скрыпучей,
И съ непогодою ревучей
Твой ревъ мятежный соглашонъ.

Зачѣмъ, съ безумнымъ ожиданьемъ
Къ тебѣ прислушиваюсь я?
Зачѣмъ трепещетъ грудь моя
Какимъ-то вѣщимъ трепетаньемъ?

Измѣненъ также и 16 стихъ:

Рѣчь безглагольную твою.

35. Отъѣздъ (Элегія). (Стр. 30). Впервые напечатано въ „Соревнователѣ Просвѣщенія и Благотворенія“ 1821 г., ч. XV, стр. 236, вмѣстѣ съ другимъ стихотвореніемъ („Н. М. К“.—„Пора покинуть, милый другъ“) подъ общимъ заглавіемъ „Элегіи“ и съ подписью *Е. Б.* Вошло въ изданія 1827 (подъ заглавіемъ „Отъѣздъ“, стр. 44—45) и 1835 гг. (безъ заглавія, стр. 112—113) съ варіантами слѣдующихъ стиховъ:

2 Печальная страна,
3 Гдѣ дочь любимая природы,
5 Гдѣ солнце нехотя сіяетъ,
13 Гдѣ позабытъ молвой гремучей,
15 Своею Музою летучей
28 И шумъ угрюмый ихъ!
29 Я вспомню съ тайнымъ сладострастьемъ
30 Пустынную страну,
31 Гдѣ я въ размолвкѣ съ тихимъ счастьемъ
33 Но гдѣ порою житель неба,

Кромѣ того, стихи 17—20 вовсе выпущены.

Въ изданіи 1869 года (а также и во всѣхъ послѣдующихъ) эта элегія читается подъ заглавіемъ „Отъѣздъ“.

Въ тетради Н. Л. Боратынской (Казанскій архивъ) выпущены 25—28 стихи, и, сверхъ того, измѣненъ третій стихъ:

Гдѣ на развалинахъ природы

П. А. Плетневъ въ своей статьѣ „Финляндія въ русской поэзіи“ (Соч., т. I, стр. 445—456) выписываетъ это стихотвореніе, какъ эпилогъ жизни поэта въ Финляндіи, а Н. В. Путята (наброски біографіи въ бумагахъ И. Ѳ. Тютчева) видитъ въ „Отъѣздѣ“ выраженіе покорности судьбѣ.

36. Разувѣреніе. (Элегія) (стр. 31). Издается по тексту альманаха „Новыя Аониды“ на 1823 г. (стр. 101, подъ заглавіемъ „Элегія“ и съ

подписью *Баратынскій*); перепечатано въ „Весеннихъ Цвѣтахъ“, М. 1835, стр. 119—120, и въ „Венерѣ“, ч. 2, стр. 137—138, съ опечаткой въ 7 стихѣ — не *хочу*). Впервые напечатано въ „Соревнователѣ Просвѣщенія и Благотворенія“ 1821 г., ч. XVI, стр. 204—205, вмѣстѣ съ элегіей „Нѣтъ, не бывать тому“, подъ общимъ заглавіемъ „Элегіи“ и съ подписью **, при чемъ стихи 10—11 читаются нѣсколько иначе:

Прелестнымъ призракомъ былаго;
Воображенія больнаго

Въ изд. 1827 года („Разувѣреніе“, стр. 40), 10 стихъ — по „Новымъ Аонидамъ“, 11-ый:

Другъ попечительный, больнова

Въ изд. 1835 года (стр. 145—146) возстановленъ текстъ „Новыхъ Аонидъ“.

П. А. Плетневъ (въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1825, стр. 65—67—„Письмо къ графинѣ С. И. С. о русскихъ поэтахъ“), считалъ, что „Разувѣреніе“ болѣе всего характеризуетъ элегическую лиру Боратынскаго. М. Н. Лонгиновъ („Русскій Архивъ“ 1867, стр. 248—264) развилъ мысль Плетнева, сказавъ, что „эта элегія до того вѣрна натурѣ поэта, такъ сжато выражаетъ одно изъ господствующихъ въ немъ чувствъ, такъ типически воспроизводитъ процессъ его анализа и самую манеру его созданій, что она представляетъ какъ бы необходимый конспектъ его элегической поэзіи. Не вникнувшій въ эту превосходную пьесу читатель увидитъ, можетъ быть, въ ней не болѣе какъ обыкновенную элегію, подобную множеству другихъ. Сотни поэтовъ перепѣли потомъ эту тему на всѣ лады. Но сравните ихъ серьозно и внимательно, и вы увидите, что мотивъ Баратынскаго, полный и своебытный, а подражатели его разработывали только тотъ или другой его кадансъ. Это исторія Россини и его учениковъ. Нашъ славный Глинка превосходно понялъ значеніе этой элегіи Баратынскаго, избравши именно ее, чтобы создать на ея слова геніальную музыку, которая такъ удивительно гармонируетъ со стихами“. Бѣлинскій (т. VII, стр. 494) считалъ „Разувѣреніе“ особенно достойнымъ памяти и вниманія.

Замѣтимъ, что кромѣ знаменитаго романса Глинки на слова этой элегіи, въ 20—30-хъ годахъ пользовался популярностью романсъ князя В. Голицына (1828 года).

Сохранились рисунки Пушкина съ подписью: „Не искус(ш)ай меня безъ нужды“.

По мнѣнію С. А. Рачинскаго (отмѣтки его въ экземплярѣ изд. 1827 г.), съ этой элегіей Б. обратился къ своей дальней родственницѣ — m-elle Кучиной (сосѣдка по имѣнію Б. А. Боратынскаго).

37. Къ Делію. Ода. (Съ Латинскаго) (стр. 32). Впервые напечатано въ „Соревнователѣ Просвѣщенія и Благотворенія“ 1821 года, ч. XVI, стр. 78—79, подъ указаннымъ заглавіемъ и съ подписью *Баратынскій*. Вошло въ изданія 1827 (подъ заглавіемъ „Дельвигу“, стр. 109—110) и 1835 гг. (безъ заглавія, стр. 121—122) съ варіантами слѣдующихъ стиховъ:

1 Напрасно мы, Дельвигъ, мечтаемъ найдти
10 Питаться божественной жизнью,
22 Сіяетъ красою надъ нами,

Въ посмертныхъ изданіяхъ принято заглавіе по изд. 1827 года.

См. примѣчаніе къ стихотворенію 1819 года „Къ Дельвигу" (стр. 213).

38. Н. М. К[оншину] (стр. 33). Впервые напечатано въ „Соревнователѣ Просвѣщенія и Благотворенія" 1821 г., ч. XV, стр. 237, подъ заглавіемъ „(Н. М. К.)" и съ подписью *Е. Б.* (помѣщено вмѣстѣ съ „Отъѣздомъ" подъ общимъ заглавіемъ „Элегіи"). Въ „Славянинѣ „1827 г. (ч. IV, стр. 511; такъ же въ изданіи 1827 года, стр. 62—63) это стихотвореніе озаглавлено „Къ... ну" и имѣетъ слѣдующія разночтенія:

5 Чьихъ ожидать увѣщеваній?
6 Мы лишены старинныхъ правъ
11 Теперь ни въ чемъ, любезный мой,
16 Искать для сердца должно намъ.
32 Свою усталую главу!

Въ изданіи 1835 года стихотвореніе напечатано безъ заглавія (стр. 176—177), съ варіантами двухъ стиховъ:

13 Оставимъ юнымъ шалунамъ
17 Пресытясь буйнымъ наслажденьемъ,

и пропущенъ вовсе 21-ый стихъ, по всей вѣроятности, по недосмотру (какъ бы то ни было, но посмертныя изданія, давъ стихотворенію заглавіе „Коншину", не возстановили чтенія этого стиха; въ изданіяхъ 1869 и 1900 гг. онъ указанъ въ варіантахъ).

Какъ можно думать, разговоры Боратынскаго и Коншина часто касались „обреченной судьбою", на чьей груди они предполагали успокоить „свою усталую главу": въ этомъ насъ увѣряетъ переписка поэта съ Н. М. Коншинымъ.

Извѣстно, что Пушкинъ былъ высокаго мнѣнія объ элегіяхъ Боратынскаго; такъ, 2 января 1822 г. онъ писалъ князю П. А. Вяземскому: „... но каковъ Баратынской? признайся, что онъ превзойдетъ и Парни и Батюшкова — если впредь зашагаетъ какъ шагалъ до сихъ поръ — вѣдь 23 года — щастливцу! оставимъ всѣ ему эротическое поприще и кинемся каждый въ свою сторону а то спасенья нѣтъ..." (Переписка Пушкина, Академ, изданіе, т. I, стр. 37). Приблизительно въ это же время (въ концѣ 1821 года, повидимому) Пушкинъ заимствовалъ изъ этого стихотворенія два стиха въ посланіи къ „Алексѣеву":

Прошелъ веселой жизни праздникъ.
Какъ мой задумчивый проказникъ,
Какъ Баратынскій я твержу:
„Нельзя-ль найти подруги нѣжной?
„Нельзя ль найти любви надежной?"
И ничего не нахожу.

П. А. Плетневъ (Соч., т. I, стр. 547—572) видитъ въ этомъ стихотвореніи характерное для элегика-Боратынскаго превращеніе шутки „въ элегію, столь нѣжную и полную умилительнаго чувства, что нельзя читать ее безъ участія".

См. также примѣчаніе къ посланію 1820 года „Къ Коншину" (стр. 221).

39. Эпиграмма (стр. 34). Впервые напечатано въ „Благонамѣренномъ“ 1821 г., августъ, ч. 15, № XV, стр. 160, подъ заглавіемъ „Эпиграмма“ и съ подписью *Б.* Въ изданіи 1827 года (стр. 118) измѣнены первые два стиха:

Въ своихъ стихахъ онъ скукой дышетъ,
Ихъ слушая не спи, а сильно клонитъ сонъ.

Въ изданіи 1835 года 2-ой стихъ подвергся новому измѣненію:

Жужжаньемъ ихъ наводитъ сонъ

и стихотвореніе помѣщено безъ заглавія (стр. 126).

Всѣми издателями сочиненій Боратынскаго эта эпиграмма отнесена къ 1827 году, между тѣмъ какъ она была уже напечатана въ 1821 году.

40. Элегія (стр. 34). Напечатана въ „Соревнователѣ Просвѣщенія и Благотворенія“ 1821 г., ч. XVI, стр. 204—205, вмѣстѣ съ извѣстной элегіей „Не искушай меня безъ нужды“ подъ общимъ заглавіемъ „Элегіи“, и вмѣсто подписи поставлены двѣ звѣздочки; при жизни поэта не перепечатывалась и впервые вошла въ изданіе И. Н. Божерянова (стр. 38).

41. Доридѣ (стр. 34). Впервые напечатано въ „Новостяхъ Литературы“ 1822 г., кн. I, № VIII, стр. 126—127, подъ заглавіемъ „Доридѣ“ и съ подписью *Баратынскій.* Перепечатано въ альманахѣ „Новыя Аониды“ на 1823 г., стр. 96—97 (первый стихъ читается: „За чѣмъ нескромностью двумысленныхъ рѣчей“) и въ „Собраніи новыхъ русскихъ Стихотвореній“, ч. I, 1824 г., стр. 235—236. Приготовляя въ 1826 году собраніе своихъ стихотвореній, Боратынскій существенно передѣлалъ это стихотвореніе (см. Другія редакціи, стр. 180). Посмертными изданіями сочиненій „Доридѣ“ (подъ заглавіемъ „Къ Деліи“) ошибочно отнесено къ 1822 году.

Неизвѣстно, имѣлъ-ли Боратынскій въ виду какое-нибудь опредѣленное лицо, къ которому онъ обращался со своимъ посланіемъ, или нѣтъ. По мнѣнію П. О. Морозова (Соч. Пушкина, изд. „Просвѣщенія“, т. I, стр. 531), Боратынскій подражалъ въ своемъ посланіи стихотворенію Пушкина 1818 года „Прелестницѣ , напечатанному въ „Невскомъ Зрителѣ“ 1820 г. (№ 4, стр. 63).

42. Догадка (стр. 36). Впервые напечатано въ „Благонамѣренномъ“ 1822 г., ч. 17, № XI, стр. 443, подъ заглавіемъ „Догадка“ и съ подписью *Б;* перепечатано въ „Эвтерпѣ“ М. 1831. Такъ же читается это стихотвореніе въ автографѣ Е. А. Боратынскаго (тетрадь Н. Л. Боратынской въ Казанскомъ архивѣ, стр. 180). Вошло въ изданія сочиненій 1827 (стр. 59) и 1835 гг. (въ послѣднемъ безъ заглавія, стр. 32) съ слѣдующими варіантами:

11—14 Въ душѣ твоей
Ужъ нѣтъ покоя;
Давнымъ давно я
Читаю въ ней.

Посмертными изданіями стихотвореніе „Любви примѣты“ ошибочно отнесено къ 1827 году.

43. Поцѣлуй (Доридѣ) (стр. 36). Впервые напечатано въ „Благонамѣренномъ“ 1822 г., ч. 17, № XI, стр. 444, подъ заглавіемъ „Поцѣлуй (Доридѣ)“ и съ подписью *Б.* Вошло въ изданія 1827 г. (подъ заглавіемъ „Поцѣлуй“,

стр. 51); отсюда это стихотвореніе было перепечатано въ собраніи стихотвореній „Венера“, М. 1831, ч. 2, стр. 33) и 1835 г. (безъ заглавія, стр. 100; отсюда было перепечатано всѣми издателями сочиненій Боратынскаго), при чемъ 5—9 стихи были замѣнены слѣдующими тремя стихами:

Сойдетъ-ли сонъ и взоръ сомкнетъ-ли мой,
Мнѣ снишся ты, мнѣ снится наслажденье!
Обманъ изчезъ, нѣтъ счастья! и со мной

Отнесено всѣми издателями къ 1827 году, между тѣмъ какъ очевидно, что это стихотвореніе не могло быть написано позже 1822 года, т. к. въ этомъ году уже появилось въ печати.

44. Возвращеніе (стр. 37). Впервые напечатано въ „Благонамѣренномъ“ 1822, № XI, стр. 444, подъ заглавіемъ „Возвращеніе“ и съ подписью *Б.* Вошло безъ измѣненія въ изданіе 1827 г. (стр. 61; въ оглавленіи подзаголовокъ: *подражденіе Мильвуа*), въ „Опытъ русской Анѳологіи“ М. Яковлева, М. 1828 и въ изданіе 1835 года (безъ заглавія, стр. 96). Посмертными изданіями стихотвореніе отнесено къ 1827 году, заглавіе возстановлено, и, начиная съ изд. 1884 года, шестой стихъ читается:

Случится дѣвицѣ моей

Это стихотвореніе представляетъ собой подражаніе элегіи Мильвуа: „Le retour“.

45. Сестрѣ (стр. 37). Напечатано въ „Невскомъ Альманахѣ“ на 1825 г., стр. 63—64, подъ заглавіемъ „Сестрѣ“ и съ подписью *Е. Б.*, — и въ „Новостяхъ Литературы“ 1825 г., Апрѣль, стр. 50 („Сестрѣ“—*Б—ій*). Въ изданія 1827 и 1835 г.г. не вошло и, несмотря на это, было включено во всѣ посмертныя собранія сочиненій Боратынскаго (съ подзаголовкомъ „С. А. Боратынской“).

Въ изданіи 1869 года „Сестрѣ“ отнесено къ 1822 году; не знаемъ, какія данныя были у Л. Е. Боратынскаго для этого, но думаемъ, что сестра поэта, Софья Абрамовна Боратынская, въ этотъ именно годъ посѣтила поэта въ его невольномъ финляндскомъ уединеніи.

46. Весна (стр. 37). Впервые напечатано въ „Полярной Звѣздѣ“ на 1823 г., стр. 85—86, подъ заглавіемъ „Весна“ и съ подписью *Баратынскій.* Вошло въ изданія 1827 (стр. 77—78) и 1835 гг. (въ послѣднемъ — безъ заглавія, стр. 183—184; послѣдующіе издатели возстановили заглавіе) съ варіантами слѣдующихъ стиховъ:

14 И разломавъ оковы хлада
18 Пѣвцовъ пернатыхъ голоса,
22 Лишь ты въ печаль облечена,
26 Унынье въ грудь къ тебѣ тѣснится,
28 О если-бъ щедростью боговъ

Это стихотвореніе отнесено всѣми издателями сочиненій Боратынскаго къ 1823 году: въ дѣйствительности оно написано не позже 1822 г. (цензурное одобреніе „Полярной Звѣзды“ на 1823 годъ — отъ 30 ноября 1822 года).

„Соревнователь Просвѣщенія и Благотворенія“ (1823, ч. XXI, стр. 115) отмѣтилъ въ „Веснѣ“ отдѣлку стиховъ и „поэтическую ясность мыслей“.

47. Н. И. Гнѣдичу (стр. 38). Издается по копіи посланія къ Гнѣдичу, хранящейся въ Имп. Публ. Библіотекѣ (Собраніе автографовъ). Повидимому, пропущенъ одинъ стихъ послѣ 38-го; предлагаемъ слѣдующую коньюктуру (на основаніи текста „Новостей Литературы"):

Оно въ углу моемъ не длится для меня.

Въ измѣненномъ видѣ было впервые напечатано въ „Новостяхъ Литературы" 1823 г., кн. IV, № 41, стр. 29, подъ заглавіемъ „Н. И. Гнѣдичу" и съ подписью *Б—ій* (перепечатано въ „Собраніи новыхъ русскихъ Стихотвореній", ч. I, 1824 г., стр. 48—52). Измѣненія, сдѣланныя при печатаніи, коснулись слѣдующихъ стиховъ:

1—3 Столицей шумною въ изгнаньи позабытъ,
4 Я не забылъ тебя, любимецъ Аонидъ!
8 Не праздной суеты, прославленной толпой,
19 Искусства пылкія и дѣятельный трудъ,
20—21 Занявъ, украсили свободный твой пріютъ:
Живитель сердца — трудъ; Искусства — наслажденья!
28 Уже отвыкнувшимъ отъ грубаго труда
32—38 Какъ бѣденъ страждущій бездѣйствіемъ своимъ!
Печальный, жалкій рабъ тупого усыпленья,
Не постигаетъ онъ души употребленья;
Въ дремоту грубую всечасно погруженъ,
Отвыкнулъ чувствовать, отвыкнулъ мыслить онъ;
Клянетъ онъ дни свои и ропщетъ онъ украдкой,
Что длятся для него мгновенья жизни краткой.
Они въ углу моемъ не длятся для меня.
44 Залива бурнаго свинцовая равнина,
45 Напѣвы грустные протяжныхъ пѣсенъ Фина,
52 Всемірныхъ перемѣнъ читаю въ нихъ причины;
54 Учусь покорствовать судьбинѣ я моей.
56 Поступковъ ихъ ищу прямыя побужденья,
57 Вникаю въ сердце ихъ, слѣжу его движенья
58 И въ сердцѣ разуму отчетъ желаю дать.
61 На мигъ обвороженъ, на мигъ обманутъ ими,
62 Дышу свободнѣе — и лиру взявъ мою,
63 И дружбу и любовь и нѣгу я пою.
70—71 Кто блескомъ почестей плѣненъ въ душѣ своей;
Кто созданъ для войны и любитъ стукъ мечей.
76 Тамъ, очарованный, влюбился я въ искуство,
78 И не страшась толпы взыскательныхъ судей,
86 Ни пѣсни мирныя, ни легкія мечты,
90 И тихой грустію повременно объятъ,
91 Увидѣть бы желалъ я пышный Петроградъ;
92 Вести желалъ бы вновь мой вѣкъ непринужденной
94 Апелла, Фидія желалъ бы навѣщать;
98 Зато не въ первый разъ взываю я къ Судьбамъ.

Включая это посланіе въ изд. 1827 г. (стр. 174—178), Боратынскій подвергъ его вторичному измѣненію:

1—3 Такъ! для отрадныхъ чувствъ еще я не погибъ,
19 Искуства нѣжныя и дѣятельный трудъ,
37 На собственныхъ пирахъ вздыхаетъ онъ украдкой,
41 Призвалъ я украшать свое уединенье.
44 Чужихъ безбрежныхъ водъ свинцовая равнина,
54 Учусь покорствовать судьбинѣ я своей;
58 И въ сердцѣ разуму отчетъ стараюсь дать;
62 Дышу свободнѣе, и лиру взявъ свою,
93 Въ кругу дѣтей искуствъ и нѣги просвѣщенной
99 Отдайте мнѣ друзей: найду я счастье самъ!

Кромѣ того, первоначальное чтеніе было возстановлено въ стихахъ: 4, 8, 28, 90, 92 и 98.

Вошло безъ измѣненія въ изданіе 1835 года (стр. 106—110, опечатка въ 75 стихѣ: Тамъ къ хорамъ чистыхъ дѣвъ прислушиваюсь я).

Посмертными изданіями сочиненій Боратынскаго это посланіе отнесено къ 1823 году: въ виду того, что въ 1823 году посланіе было напечатано въ уже значительно измѣненномъ видѣ, намъ кажется, что оно написано во всякомъ случаѣ не позже 1822 года.

Ѳ. В. Булгаринъ („Сѣверная Пчела" 1827, 8 декабря, № 147) писалъ: „Въ посланіи къ *Н. И. Гнѣдичу* онъ говоритъ о наслажденіяхъ ума и сердца, смягчающихъ жестокость судьбы. Это Горацiанское, образцовое Посланіе. Для примѣра выпишу нѣсколько стиховъ... Не говорю о другихъ стихахъ и мысляхъ, заключающихся въ семъ отрывкѣ, но: „Чужихъ безбрежныхъ водъ свинцовая равнина" — есть совершенство Поэзіи. Этотъ свинецъ, оковывающій пришельца въ чужой странѣ — Поэзія!"

По мнѣнію М. Н. Лонгинова („Русскій Архивъ" 1867, „Баратынскій и его сочиненія", стр. 248—264), посланіе Боратынскаго напоминаетъ „блестящія произведенія въ этомъ родѣ Вольтера, І. Шенье, Де Лавиня и другихъ мастеровъ французской школы „здраваго смысла". Но замѣтимъ, — прибавляетъ М. Н. Лонгиновъ — что эти полу-сатирическія, полу-философскія „рѣчи въ стихахъ" рѣже впадаютъ у Баратынскаго въ резонерство, столь несвойственное Русскому духу и что въ нихъ живѣе пробивается поэтическая струя, чѣмъ у его учителей". П. О. Морозовъ (Соч. Пушкина, изд. „Просвѣщенія", т. I, стр. 501, то же въ Акад. изд., т. III, стр. 65—66) видитъ въ этомъ посланіи Боратынскаго подражаніе Пушкинскому посланію Чаадаеву, напечатанному въ „Сынѣ Отечества" 1821, № 35 („Ч***ву").

Николай Ивановичъ Гнѣдичъ (1784—1833), извѣстный переводчикъ „Иліады" Гомера, авторъ въ свое время прославленной идилліи „Рыбаки", относился съ большимъ участіемъ къ судьбѣ Боратынскаго. Намекомъ на характеръ отношеній Гнѣдича и Боратынскаго можетъ служить слѣдующая неизданная записка Боратынскаго къ Гнѣдичу (хранится въ Пушкинскомъ Домѣ): „Почтеннѣйшій Николай Ивановичь, больной Боратынской довольно еще здоровъ душою чтобъ ему глубоко быть тронутымъ вашей дружбою — Онъ благодаритъ васъ за одну изъ приятнѣйшихъ минутъ его жизни, за одну изъ тѣхъ минутъ которые дѣйствуютъ на сердце какъ кометы на землю,

какимъ то електрическимъ воскресеніемъ обновляя его отъ времени до времени.

Благодарю за рыбаковъ, благодарю за прокаженнаго Вы сдѣлали что все письмо состоитъ изъ однѣхъ благодарностей

— Еще болѣе буду вамъ благодарнымъ еже ли сдержите слово и навѣстите преданнаго вамъ Боратынскаго.

Назначте день а мы во всякое время будемъ рады и готовы".

Повидимому, Б. относился къ Гнѣдичу, какъ къ наставнику, послѣдній же покровительствовалъ молодому поэту (см. примѣчаніе къ „Пирамъ" во 2 томѣ). Къ Н. И. Гнѣдичу относится также посланіе 1823 года: „Г[нѣди]чу, который совѣтовалъ сочинителю писать сатиры".

48. Къ Дельвигу (стр. 41). Впервые напечатано въ „Полярной Звѣздѣ" на 1823 г., стр. 374—376, подъ заглавіемъ „Къ Дельвигу" и съ подписью *Баратынскій.* Вошло въ изданіе 1827 года подъ заглавіемъ „Дельвигу" (стр. 166—168) и съ измѣненіями слѣдующихъ стиховъ:

3—13 И тщетно намъ за грозною бѣдой
Бѣду грознѣй пошлетъ судьбины злоба.
15—17 Впервые ты узналъ мой уголокъ?
20 Я погибалъ: ты духъ мой оживилъ
21 Надеждою возвышенной и новой,
23 Дѣля досугъ межъ ими и тобою,
26—29 Ты самъ порой глубокую печаль
Въ душѣ носилъ; но что? не мнѣ-ли ввѣрить
Спѣшилъ ее? И дружба не всегда-ль
Хоть нѣсколько могла ее умѣрить?
36 О! вѣрь мнѣ въ томъ: чѣмъ жребій наградитъ (опечатка?)
49 Участіе въ судьбѣ своей тяжелой:
50 Чего-жь робѣть на жизненномъ пути?

Кромѣ того, въ изд. 1827 г. выпущены вовсе стихи 32—33.

Въ изданіи 1835 года (стр. 131—133) 36 стихъ возстановленъ по чтенію „Полярной Звѣзды". Посмертными изданіями сочиненій Боратынскаго это стихотвореніе ошибочно отнесено къ 1823 году.

См. примѣчаніе къ посланію 1819 года „Къ Дельвигу" (стр. 213).

49. Паденіе листьевъ (стр. 43). Впервые напечатано въ „Новостяхъ Литературы" 1823 г., книжка III, № 12, стр. 186, подъ заглавіемъ „Паденіе листьевъ" и съ подписью *Баратынскій.* Издавая въ 1827 г. сборникъ своихъ стихотвореній, Б. значительно передѣлалъ это стихотвореніе (см. Другія редакціи, стр. 181). Варіанты къ первой редакціи „Паденія листьевъ" мы находимъ въ автографѣ Боратынскаго (Татевскій архивъ, альбомъ „Tendresse"):

17—19 Не умолить богинь Эрева
Наперсницъ доли роковой
26—29 Отъ взоровъ матери печальной
Сокрой мой камень погребальной
Когда же въ милыхъ ей мѣстахъ
Съ привычной грустію блуждая

31 Ко мнѣ приблизится въ слезахъ
36 Сказалъ; сбылось. Судьбины гнѣва
37 Слезами бѣдный не смягчилъ
41—43 Къ ней не пришла Краса-Дѣвица
Сердечной грусти волю дать;
Но зрѣла каждая денница

„Паденіе листьевъ“ представляетъ подражаніе элегіи Мильвуа „La chute des feuilles“; сравн. элегію Боратынскаго съ переводомъ Милонова и элегіей Батюшкова 1815 года „Послѣдняя весна“ (Соч. К. Н. Батюшкова, изд. П. Н. Батюшкова, т. I, стр. 231—232).

50. Къ *** (стр. 44). Впервые напечатано въ „Новостяхъ Литературы“ 1823 г., кн. IV, № 18, стр. 78, подъ заглавіемъ „Къ ***“ и съ подписью *Баратынскій.* Вошло въ изданія 1827 года (подъ заглавіемъ „Эпилогъ“, стр. 66) и 1835-го (безъ заглавія, стр. 114) съ слѣдующими варіантами:

3—8 И признаюсь: не прихотливой лѣни
Мнѣ нравится приманчивый законъ;
Охота пѣть ужь не владѣетъ мною:
Она прошла, погасла, какъ любовь.
Опять любить, играть струнами вновь,
Желалъ бы я, но утомленъ душою.
10 Съ бездѣйствіемъ любезенъ мнѣ союзъ;

Стихотвореніе это относится всѣми издателями къ 1827 году, между тѣмъ какъ оно было уже напечатано въ 1823 году.

51. Лета (стр. 45). Впервые напечатано въ „Новостяхъ Литературы“ 1823 г., кн. IV, № 19, стр. 95, подъ заглавіемъ „Къ Летѣ“ и съ подписью *Баратынскій* (перепечатано отсюда въ „Опытѣ русской анѳологіи“, 1828, стр. 53). Мы не удержали заглавія „Новостей Литературы“, т. к. оба изданія — 1827 (стр. 34; въ оглавленіи подзаголовокъ: *подраж. Мильвуа*) и 1835 гг. (стр. 22), а также и всѣ копіи Н. Л. Боратынской (хранящіяся въ Казанскомъ архивѣ) — имѣютъ заглавіе „Лета“.

„Лета“ представляетъ близкое подражаніе октавѣ Millevoye „Le fleuve d'oubli“.

52. Двѣ доли (стр. 45). Впервые напечатано въ „Новостяхъ Литературы“ 1823 г., кн. IV, № 22, стр. 141, подъ заглавіемъ „Стансы“ и съ подписью *Баратынскій.* Вошло въ изданіе 1827 года (стр. 24—25; перепечатано отсюда въ „Весеннихъ цвѣтахъ“, М. 1835, стр. 171—173, съ опечаткою въ 17 стихѣ: Гоните прахъ ихъ, рай прельстительной) подъ заглавіемъ „Двѣ доли“ и съ варіантами слѣдующихъ стиховъ:

6 Кто сердцемъ бодръ и бодръ умомъ,
28 Для боли новой прежнихъ ранъ.

Въ изданіи 1835 года (въ которомъ стихотвореніе помѣщено безъ заглавія, стр. 63—64) этотъ стихъ читается опять иначе:

Кто бодръ неопытнымъ умомъ,

Въ изданіи 1900 года (Казанское изд., I ч., стр. 74) 23 стихъ читается (по недошедшей до насъ рукописи?):

Христа словами пробужденные,

Бѣлинскій въ 1835 году (Соч., т. II, стр. 247) относилъ это стихотвореніе къ числу нѣсколькихъ, особенно замѣчательныхъ.

53. Безнадежность (стр. 46). Впервые напечатано въ „Новостяхъ Литературы" 1823 г., книжка V, № 38, стр. 190, подъ заглавіемъ „Безнадежность" и съ подписью *Баратынскій;* перепечатано въ „Собраніи новыхъ русскихъ Стихотвореній", ч. II, 1826 г., стр. 24, и въ „Опытѣ русской анѳологіи" М. Яковлева, 1828. Вошло въ изданія 1827 (стр. 113) и 1835 гг. (въ послѣднемъ безъ заглавія, стр. 39) съ варіантами слѣдующихъ стиховъ:

4 Жизнь перешелъ до полъ-дороги;
5 Но прихотямъ судьбы я болѣ не служу:
7 Отнынѣ съ рубежа на поприще гляжу —

Въ посмертныхъ изданіяхъ заглавіе возстановлено.

54. Размолвка (стр. 46). Напечатано впервые въ „Новостяхъ Литературы" 1823 г., кн. V, № 38, стр. 190, подъ заглавіемъ „Размолвка" и съ подписью *Баратынскій;* перепечатано въ „Собраніи новыхъ русскихъ Стихотвореній", ч. II, 1826 г., стр. 23, и въ „Опытѣ русской анѳологіи" Яковлева, М. 1828, стр. 145. Приготовляя къ печати собраніе своихъ стихотвореній, вышедшее въ 1827 году, Боратынскій значительно измѣнилъ эту элегію (см. Другія редакціи, стр. 183).

55. Хлоѣ (стр. 47). Впервые напечатано въ „Новостяхъ Литературы" 1823 г., кн. VI, № 40, стр. 14, подъ заглавіемъ „Хлоѣ" и съ подписью *Баратынскій.* Въ альманахѣ „Уранія" 1826 г., стр. 194, это стихотвореніе озаглавлено „Клименѣ" и имѣетъ слѣдующія разночтенія:

3 Климена! многихъ вы милѣй;
10 Но лишній плѣнникъ вамъ дороже!

(перепечатано въ „Розѣ грацій", М. 1831, стр. 5). Вошло въ изданія 1827 г. (подъ заглавіемъ „Къ.. О.", стр. 80—81; перепечатано въ „Венерѣ", 1831, ч. 2, стр. 111—112) и 1835 г. (безъ заглавія, стр. 287), съ варіантами слѣдующихъ стиховъ:

3 Конечно, многихъ вы милѣй,
7 Не нѣжность, прихоть вашу я

10 стихъ читается такъ же, какъ въ „Ураніи".

Въ посмертныхъ изданіяхъ собранія сочиненій Боратынскаго этому стихотворенію дано произвольное заглавіе „С. Д. П." (т.-е. Софьѣ Дмитріевнѣ Пономаревой). С. Д. Пономарева отличалась необыкновенной привлекательностью и умомъ (скончалась въ 1824 году). Сохранилось нѣсколько альбомовъ С. Д. Пономаревой съ записями барона А. А. Дельвига, Е. А. Боратынскаго, А. Е. Измайлова, В. И. Панаева, М. Л. Яковлева и др., и по этимъ альбомамъ можно составить себѣ представленіе о тѣхъ литературныхъ вечерахъ у „жестокой красавицы",

Гдѣ не кладутъ оковъ тяжелыхъ
Намъ ни на сердце, ни на умъ

— которые не оставляли холодными къ молодой хозяйкѣ извѣстныхъ литераторовъ того времени. См. „Мои воспоминанія“ барона А. И. Дельвига (1912 г., стр. 48), а также „Воспоминанія В. И. Панаева“ („Вѣстникъ Европы“, 1867, т. III) и „Замѣтки на воспоминанія В. И. Панаева“ — Н. В. Путяты (въ „Русскомъ Архивѣ“ 1868, стр. 141—147).

Къ С. Д. Пономаревой обращены и другія стихотворенія Боратынскаго: „Къ жестокой“, „Въ Альбомъ“ („Когда бъ вы менѣе прекрасной“), „Софіи“ и — по свидѣтельству С. А. Рачинскаго (отмѣтки въ экземплярѣ В. А. Рачинской) — „Вы слишкомъ многими любимы“ (Въ альбомъ).

56. Въ Альбомъ (стр. 47). При жизни поэта не издавалось; найдено барономъ Н. В. Дризеномъ въ альбомѣ С. Д. Пономаревой и напечатано въ „Вѣстникѣ Европы“ 1894, № 3 („Два неизданныхъ стихотворенія Е. А. Баратынскаго“). Перепечатано (съ ошибками) въ изданіи Іогансона.

Относимъ предположительно къ 1823 году, по сходству съ стихотвореніемъ этого года „Къ Хлоѣ“, обращеннымъ также къ С. Д. Пономаревой (см. предыдущее примѣчаніе, стр. 237).

57. Г[нѣди]чу, который совѣтовалъ сочинителю писать сатиры (стр. 48). Издается по копіи посланія къ Н. И. Гнѣдичу, хранящейся въ Имп. Публ. Библіотекѣ. В. Я. Брюсовъ отыскалъ въ одной старинной тетради, которую онъ относитъ къ 30-мъ годамъ, текстъ посланія, близкій къ издаваемому нами („Вѣсы“ 1908, № 5, стр. 53—58, „Неизданные стихи Е. А. Баратынскаго“). Въ виду того, что тетрадь Брюсова (анонимная?) относится къ 30-мъ годамъ, мы отдаемъ предпочтеніе рукописи Имп. Публ. Библіотеки и приводимъ варіанты, касающіеся, главнымъ образомъ, собственныхъ именъ (можетъ быть, произвольно поставленныхъ переписчикомъ Брюсовской тетради, знакомымъ съ литературными явленіями своего времени; возможно однако и то, что Боратынскій, узнавъ о неодобрительномъ отзывѣ Пушкина, нѣсколько измѣнилъ свою сатиру; въ послѣднемъ случаѣ текстъ Брюсова является первоначальнымъ, а нашъ — позднѣйшаго происхожденія):

Гнѣдичу отъ Боратынскаго (?).

44 Кому-либо изъ насъ владѣть подобнымъ правомъ?
105 Сказать Панаеву: не Музами тебѣ
107 Сказать Измайлову: болтунъ еженедѣльной,
111 И Цертелевъ блажной и Яковлевъ трактирный
112 И пошлый Федоровъ и Сомовъ безмундирный
121 Измайловъ, напримѣръ, знакомецъ давній мой,
122 Въ Журналѣ плоскій враль, ругатель площадной,
127 Панаевъ — въ обществѣ любезенъ безъ усилій
134 И сострадательный ко слабостямъ людскимъ,
138 Столь нужной вѣрности и разума и глазъ;

Къ стиху 106-му сдѣлано въ рукописи (тетрадь Брюсова) слѣдующее примѣчаніе: „Въ гербѣ Панаева, данномъ еще предкамъ его, находится свирѣль. — Г. Че — кій прочитавъ стихи сіи, сказалъ:

Сказать сатирику: за этотъ судъ тебѣ
Достойно вырѣзать пукъ палокъ на гербѣ.

Впервые напечатано въ изданіи 1827 года (стр. 139—144) съ значительными измѣненіями. Издавая въ 1835 году собраніе своихъ сочиненій, Баратынскій вторично многое измѣнилъ и сократилъ въ своемъ посланіи. Въ Другихъ редакціяхъ мы даемъ окончательное чтеніе, здѣсь же приводимъ варіанты изд. 1827 года сравнительно съ рукописью Имп. Публ. Библіотеки:

1—4 Врагъ суетныхъ утѣхъ и врагъ утѣхъ позорныхъ,
Не уважаешь ты бездѣлокъ стихотворныхъ;
17—27 Спокойный, кроткій нравъ дала судьбина мнѣ
И счастья моего искалъ я въ тишинѣ;
За чѣмъ я удалюсь отъ столь разумной цѣли?
И звуки легкіе затѣйливой свирѣли
Въ неугомонный лай неловко превратя,
За чѣмъ себѣ враговъ надѣлаю шутя?
Страшусь ихъ множества и злобы ихъ опасной.
31—32 То укоризнами возставъ на злодѣянье,
Его приводитъ онъ въ благое содроганье;
33 То ѣдкой силою забавнаго словца
35—38 Онъ нравовъ опекунъ и вмѣстѣ правды воинъ.
39—44 Все такъ; но кто владѣть перомъ его достоинъ?
52 Архонтъ убогъ умомъ и явно сумазбродитъ;
53 Положимъ, съ горяча скажу ему я такъ:
59 Гдѣ въ двадцати строфахъ твердитъ ему безстыдно,
61 Друзья и недруги! скажите, въ добрый часъ
66 Ввѣряетъ корабли случайностямъ морей;
67 Изъ платы, отогнавъ сладчайшую дремоту,
71—76 Но рвенью моему, что будетъ воздаяньемъ:
Не слава-ль громкая? я бѣденъ дарованьемъ.
Стараясь въ нѣкій умъ соотчичей привесть,
Я благодарность ихъ мечталъ-бы пріобрѣсть,
Но право смысла нѣтъ въ семъ словѣ: благодарность,
Хоть намъ и нравится его высокопарность.
78 Отъ вѣка сихъ вельможъ оставшійся одинъ,
84 Внимать ему любилъ Монархъ великодушный,
85—88 Изъ благодарности, о немъ у тѣхъ и тѣхъ
Какіе толки шли?—„Кричитъ онъ громче всѣхъ,
О благѣ общества какъ будто-бы хлопочетъ,
А право риторствомъ похвастать больше хочетъ;
92 Придумать силится дурное побужденье;
99 Сказать, хоть на ухо, журнальнымъ забіякамъ:
100 Утихнуть-бы пора печатнымъ вашимъ дракамъ!
101 Не стыдно-ль ремесло безславить на подрядъ
103 Когда въ отечествѣ все тихо и спокойно,
104 Одни писатели воюютъ непристойно!
107 Сказать Паясину: болтунъ еженедѣльной!

110 Съ любовію даришь услужливымъ листкомъ.
120 Хоть жалкій риѳмоплетъ, душой предобрый малый.
121 Шушиловъ, на примѣръ, знакомецъ давный мой,
122 Въ журналѣ пошлый шутъ, ругатель площадной,
125 Въ свой имянинный день, виномъ разгорячонъ,
128 И вѣрно во сто кратъ милѣй своихъ идиллій.
129 Ихъ много таковыхъ. За чѣмъ-же голосъ мой
133—143 Нѣтъ, нѣтъ! разумный мужъ идетъ путемъ инымъ,
И снисходительный къ дурачествамъ людскимъ,
Не выставляетъ ихъ, но сноситъ благонравно;
Онъ не пытается, увѣренный забавно
Во всемогуществѣ болтанья своего,
Имъ въ людяхъ измѣнить людское естество.
145—150 Межъ тѣмъ, какъ странны мы! межъ тѣмъ любой изъ насъ
Переиначить свѣтъ задумывалъ не разъ.

Выпущены вовсе стихи 7—10 и 111—118.

Посмертными изданіями это посланіе къ Гнѣдичу отнесено къ 1827 году, между тѣмъ какъ оно написано въ 1823-мъ.

Дата устанавливается письмомъ Пушкина къ барону А. А. Дельвигу отъ 16-го ноября 1823 г.; въ этомъ письмѣ Пушкинъ пишетъ между прочимъ: „Раздѣляю твои надежды на Языкова и давнюю любовь къ непорочной Музѣ Баратынскаго..... — Сатира къ Гнѣд. мнѣ не нравится, даромъ что стихи прекрасные; въ нихъ мало перца; Сомовъ безмундирный непростительно. Просвѣщенному ли человѣку, Рускому ли сатирику пристало смѣяться надъ независимостію писателя? Это шутка, достойная кол. совѣт. Измайлова“.... (Переписка Пушкина, т. I, стр. 87). Вполнѣ вѣроятно предположеніе В. Брюсова, что подъ вліяніемъ отзыва Пушкина (который, конечно, баронъ Дельвигъ могъ передать своему другу), Боратынскій передѣлалъ свое посланіе (исключивъ какъ разъ стихъ о безмундирномъ Сомовѣ) и напечаталъ впервые только въ 1827 году. Дата—1823—находится и въ рукописи, сообщенной В. Брюсовымъ въ „Вѣсахъ“ (См. также „Пушкинъ и его современники“, вып. XI, стр. 99).

Бѣлинскій негодующе писалъ въ 1835 году: „Скажите, Бога ради, можетъ-ли *поэтъ* нашего времени написать два длинныхъ, вялыхъ, прозаическихъ посланія, каковы къ Богдановичу и Гнѣдичу, въ которыхъ самый механизмъ стиховъ скрыпитъ, какъ тяжелыя ворота на вереяхъ, и въ которыхъ нѣтъ не только ни искры чувства, но даже и порядочной мысли?“ (Соч., т. II, стр. 247; см. также т. VII, стр. 486—487). Противоположнаго мнѣнія о достоинствѣ названныхъ посланій былъ М. Н. Лонгиновъ (см. примѣчаніе къ посланію 1822 года „Н. И. Гнѣдичу“).

Ст. 18 „Французъ Буало“ — извѣстный законодатель поэзіи XVII вѣка авторъ „L'art poétique“.

(Ст. 35—38). Возможно, что Б. имѣетъ въ виду И. И. Дмитріева (1760—1837), „сатирика“ и „Министра Юстиціи“.

Въ стихахъ 77—90 подразумѣвается подъ „вельможей-гражданиномъ“ — графъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ (1754—1845), съ посланіемъ къ кото-

рому обратился въ 1825 году Пушкинъ (см. монографію В. С. Иконникова: „Графъ Н. С. Мордвиновъ“, СПб. 1873).

(ст. 104). „Инвалидъ“ — журналъ А. Ѳ. Воейкова „Русскій Инвалидъ“; „Архивъ“ — „Сѣверный Архивъ“ — Ѳ. Булгарина и Н. Греча.

(Ст. 105). Аркадинъ—„Панаевъ“—Владиміръ Ивановичъ Панаевъ (1792—1859), забытый поэтъ, „русскій Гесснеръ“, какъ его называлъ Пушкинъ, помѣщавшій свои идилліи съ 1817 года въ „Благонамѣренномъ“ и „Сынѣ Отечества“. Какъ извѣстно, у Б. были непріязненныя отношенія съ нимъ (см. „Воспоминанія“ В. И. Панаева въ „Вѣстникѣ Европы“ 1867, №№ 9 и 12).

(Ст. 107—127). „Сапайловъ“—„Измайловъ“—„Паясинъ“—„Шушиловъ“—Александръ Ефимовичъ Измайловъ (1779—1831), баснописецъ, издатель журнала „Благонамѣренный“. Замѣтимъ, что около этого времени (1823) и начинаются извѣстныя „шуточки Благонамѣреннаго“, направленныя противъ Боратынскаго.

(Ст. 111). „Фертелевъ“ — „Цертелевъ“ — князь Цертелевъ, собиратель малороссійскихъ пѣсенъ.

„Фофановъ“ (у Брюсова „Яковлевъ“ — товарищъ Пушкина по Лицею, М. Л. Яковлевъ) — забытый поэтъ 20—30 гг.; о немъ Боратынскій рѣзко выражался и въ стихотвореніи „Къ — ву отвѣтъ“ упоминаетъ о Фофановѣ, который „напрасно о славѣ хлопочетъ“.

(Ст. 112). „Пасквинель“ — „пошлый Федоровъ“ — Борисъ Михайловичъ Федоровъ, извѣстный „Борька Федоровъ“ (какъ его называли въ литературныхъ кругахъ), посредственный писатель и издатель многочисленныхъ альманаховъ.

(Ст. 112). „Арфинъ заклейменой“ врядъ-ли замѣнилъ собою „безмундирнаго Сомова“ (Орестъ Михайловичъ Сомовъ, псевдонимъ „Байскій“), критика, доброжелательно относившагося къ Боратынскому.

Посланіе Гнѣдичу нѣсколько напоминаетъ Millevoye „L'indépendance de l'homme de lettres“.

Вообще, какъ намъ кажется, вмѣстѣ съ другими мастерами французскими, Millevoye своими „Poèmes divers“ имѣлъ значительное вліяніе на посланія Боратынскаго.

См. другую редакцію этого посланія (стр. 181), а также примѣчаніе къ посланію 1822 года „Н. И. Гнѣдичу“ (стр. 225).

58. Истина (ода) (стр. 52). Впервые напечатано въ „Полярной Звѣздѣ“ на 1824 г., стр. 19—21, подъ заглавіемъ „Истина. Ода“ и съ подписью *Баратынскій*. Такъ же читается эта ода въ альбомѣ Н. Л. Боратынской. Въ изданіи 1827 года („Истина“, стр. 15—17) находятся слѣдующіе варіанты:

3 Или во вѣкъ его не обрѣту я
4 Въ пустынѣ бытія?
7 Надеждъ своихъ лишенъ я прежней цѣли
18 Я тяжкій жребій свой;
41 Нѣтъ, я не твой! въ твоей наукѣ строгой

То же чтеніе имѣетъ изданіе 1835 года (въ которомъ это стихотвореніе

было напечатано безъ заглавія, стр. 16—18) и одна копія Н. Л. Боратынской; въ другой копіи ея имѣются варіанты слѣдующихъ стиховъ:

10 Мнѣ первый опытъ рекъ;
18 Я дольный жребій свой
35 Промолвилъ ей: „о гостья роковая!
38 Всѣхъ радостей земныхъ!

Сходное съ этой копіей чтеніе принято въ изданіи 1869 г. (а также и во всѣхъ послѣдующихъ — съ заглавіемъ по изд. 1827 г.); различие заключается только въ чтеніи 15—16 стиховъ, которые читаются въ изданіи 1869 г. такъ:

О юныхъ снахъ слѣпое сожалѣнье
Зачѣмъ живетъ во мнѣ?

„Истина“ ошибочно относится всѣми издателями къ 1824 году: она напечатана въ „Полярной Звѣздѣ“ на 1824 г., цензурное одобреніе которой дано 20 декабря 1823 года.

Бѣлинскій, относя „Истину“ къ числу „нѣсколькихъ замѣчательныхъ стихотвореній“ (т. II, стр. 247), видѣлъ въ этомъ стихотвореніи яркій примѣръ того „несчастнаго раздора мысли съ чувствомъ, истины — съ вѣрованіемъ“, который, по мнѣнію Бѣлинскаго, составляетъ основу поэзіи Боратынскаго. (Соч. т. VII, стр. 482—483). П. А. Плетневъ („Современникъ“ 1844, т. XXXV, стр. 298—329) считаетъ это стихотвореніе „въ нѣкоторомъ смыслѣ драмою, гдѣ передъ нами дѣйствуетъ самъ поэтъ, его жизнь и наставница ихъ — истина“.

59. *** (стр. 54). Издается по автографу (подпись „Е. Б.“) въ альбомѣ С. Д. Пономаревой, составляющемъ собственность Пушкинскаго Дома. Мы приняли это чтеніе, какъ несомнѣнно-подлинное и исправное (не черновой набросокъ): оно находится въ альбомѣ лица, къ которому обращался съ своимъ стихотвореніемъ поэтъ (посвященіе, а не пріуроченіе къ С. Д. Пономаревой подтверждаетъ С. А. Рачинскій, да это можно доказать и данными стихотворенія). Печатая свое стихотвореніе въ „Полярной Звѣздѣ“ на 1824 г. (стр. 27—28, съ подписью *Баратынскій*), поэтъ значительно измѣнилъ его въ силу какъ цензурныхъ требованій, такъ и съ цѣлью исключенія всего личнаго; стихотвореніе озаглавлено „Аглаѣ“, и измѣнены слѣд. стихи:

1 О своенравная Аглая!
3 Хотя другимъ неподражая
4 Довольно рѣдко васъ хвалю.
8 Ни на безумье, ни на умъ;
9 Гдѣ для глупца или невѣжды
10—11 Словъ неразмѣриваемъ мы —
13 И счастье будущей зимы.
16 Разсудку, шалости, уму
19 И притѣснительную моду
32—33 Самолюбивѣе другова,
Отъ упоенія слѣпова,

Въ изданіяхъ 1827 (стр. 148—149) и 1835 гг. (въ послѣднемъ безъ заглавія, стр. 123—124) стихотвореніе помѣщено со слѣдующими (сравнительно съ „Полярной Звѣздой“) варіантами:

8 Намъ ни на сердце, ни на умъ,
12 Я основалъ свои надежды
13 И счастье нынѣшней зимы.
16 И остроумью и уму,
32 И, щекотливѣе другаго,
34 Спасти разсудокъ свой желалъ.

Посмертными изданіями стихотвореніе (съ заглавіемъ „Аглаѣ“) ошибочно отнесено къ 1824 году.

Стихи 5—11 прибавляютъ лишнюю черточку къ характеристикѣ кружка Пономаревой, „жестокой красавицы“ (въ особенности 9—11 ст., которымъ можно безусловно довѣрять, не считая ихъ поэтическимъ „вымысломъ“, т. к. подобнаго рода заявленія о своемъ вольномысліи были вообще чужды Боратынскому).

60. Римъ (стр. 55). Напечатано впервые въ „Полярной Звѣздѣ“ на 1824 г., стр. 63, подъ заглавіемъ „Римъ“ и съ подписью *Баратынскій* (такъ же читается это стихотвореніе въ альбомѣ Н. Л. Боратынской). Вошло въ изданія 1827 (стр. 20) и 1835 гг. (въ послѣднемъ — безъ заглавія, стр. 15) съ варіантами слѣдующихъ стиховъ:

4 Подходитъ съ грустію ихъ чуждый навѣститель.
9 Тебѣ-ли измѣнилъ побѣды мощный геній?
13 Кому еще грозишь съ твоихъ семи холмовъ?

Издатели сочиненій Боратынскаго ошибочно относятъ это стихотвореніе къ 1824 году: оно написано не позже 1823-го (цензурное одобреніе „Полярной Звѣзды“ 20 декабря 1823 г.).

Ѳ. Булгаринъ писалъ въ „Сѣверной Пчелѣ“ по поводу этого стихотворенія восторженныя строки (1827 г., № 146, 6 декабря).

Боратынскому суждено было увидѣть Италію, къ которой онъ съ дѣтства стремился (подъ вліяніемъ своего воспитателя — итальянца Боргезе), только черезъ 21 годъ.

61. Лутковскому (стр. 55). Впервые напечатано въ „Полярной Звѣздѣ“ на 1824 г., стр. 259—261, подъ заглавіемъ „Къ ***“ и съ подписью *Б.* Вошло въ изданія 1827 (подъ заглавіемъ „Л—му“, стр. 163—165) и 1835 гг. („Лутковскому“, стр. 68—70) съ измѣненіями слѣдующихъ стиховъ:

15 Вы мчитесь грозно..... дымъ и громъ!
16—17 Бѣгущій врагъ покрытъ стыдомъ
26 Ты, воинъ мой, защитникъ ихъ:
29—35 Ты сна не знаешь: чуть проглянулъ
День лучезарный сквозь туманъ,
Ужь рыцарь мой на вражій станъ

Сверхъ того, стихи 50—53 выпущены вовсе.

Въ копіи Н. Л. Боратынской (Казанскій архивъ) находится исправленіе 15-го стиха:

Вы мчитесь, (грозно) блескъ.... (дымъ) огонь и громъ!

Это исправленіе принято всѣми посмертными изданіями, въ которыхъ мы находимъ исправленіе 8-го стиха (галлицизмъ Боратынскаго „тебя внимая“ замѣненъ выраженіемъ „тебѣ внимая“) и слѣдующія разночтенія:

28 Толпа красавицъ городскихъ.
48 И ты не разъ увѣнчанъ былъ

Отнесено всѣми изданіями ошибочно къ 1824 году.

Георгій Алексѣевичъ Лутковскій (ум. въ 1831 г., будучи генералъ-маіоромъ), командиръ Нейшлотскаго пѣхотнаго полка, въ которомъ служилъ поэтъ. Отношеніе полковаго командира къ подчиненному ему унтеръ-офицеру - поэту были самыя дружественныя.

Лутковскій былъ стариннымъ знакомымъ Боратынскихъ, сосѣдомъ по имѣнію Богдана Андреевича Боратынскаго и всячески старался облегчить положеніе поэта, который запросто бывалъ у Лутковскихъ и навсегда сохранилъ чувство признательности къ своему командиру.

62. Признаніе (стр. 57). Впервые напечатано въ „Полярной Звѣздѣ“ на 1824 г., стр. 312—313, подъ заглавіемъ „Признаніе“ и съ подписью *Баратынскій.* Приготовляя къ печати собраніе своихъ стихотвореній, вышедшее въ 1835 году, Боратынскій значительно передѣлалъ „Признаніе“ (см. Другія редакціи, стр. 186).

Всѣми издателями это стихотвореніе отнесено къ 1824 году, между тѣмъ какъ „Признаніе“ было помѣщено въ „Полярной Звѣздѣ“ *на 1824 годъ,* и уже 12 января 1824 года Пушкинъ писалъ изъ Одессы А. А. Бестужеву: „Баратынскій — прелесть и чудо; Признаніе — совершенство. Послѣ него никогда не стану печатать своихъ элегій, хотя бы наборщикъ клялся мнѣ Евангеліемъ поступать со мною милостивѣе“. (Переписка Пушкина, т. I, стр. 96).

63. *** (стр. 58). При жизни поэта не печаталось. Впервые издается въ настоящемъ изданіи по автографу въ альбомчикѣ, хранящемся въ Татевскомъ архивѣ. Къ этому стихотворенію сдѣлана приписка: „composé par Eugène Boratinsky, mon cousin. Nathalie“ и сбоку: *on joue aujourd'hui Freyshütz.*

64. Къ жестокой (стр. 59). Впервые напечатано въ „Полярной Звѣздѣ“ на 1825 г., стр. 190 –191, подъ заглавіемъ „Къ жестокой“ и съ подписью *Б.* Вошло безъ измѣненія въ изданіе 1827 г., стр. 86—87 (перепечатано въ „Венерѣ“, М. 1831, ч. 2, стр. 84—85). Въ изданіи 1835 г. стихотвореніе читается безъ заглавія (стр. 61—62) и съ варіантами слѣдующихъ стиховъ:

13 Къ толпѣ соперниковъ моихъ?
14 Еще-же нужно размышленье! (опечатка?)
17 Но съ упоеньемъ поклоненье

Въ копіи Н. Л. Боратынской (Казанскій архивъ) стихотвореніе озаглавлено „С. Д. П.“ и имѣетъ разночтеніе 12-го стиха:

И строгой быть, какъ прежде были,

Такъ же читается это стихотвореніе и во всѣхъ посмертныхъ изданіяхъ, отнесшихъ его ошибочно къ 1827 году: С. Д. Пономарева умерла въ маѣ

1824 года, и очевидно нельзя относить „Къ жестокой“ позже первой половины 1824 года.

См. примѣчаніе къ стихотв. 1823 года „Хлоѣ“ (стр. 230).

65. Къ — (стр. 60). Впервые напечатано въ „Новостяхъ Литературы“ 1824 г., кн. IX, Іюль, стр. 40, подъ заглавіемъ „К —“ и съ подписью *Б—скій* (перепечатано въ „Собраніи новыхъ русскихъ Стихотвореній“, ч. II, 1826 г., стр. 115—117); въ изданіи 1827 года это стихотвореніе озаглавлено „Къ. . . .“ (стр. 169—171), и значительно измѣнены нѣкоторые отдѣлы:

1—9 Мнѣ съ упоеніемъ замѣтнымъ
Глаза поднять на васъ бѣда:
Вы ихъ встрѣчаете всегда
Съ лицомъ сердитымъ, непривѣтнымъ.
Я полонъ страстною тоской,
10 Но нѣтъ! разсудка не забуду
11 И на нескромный пламень мой
16 И къ вамъ не ими я влекомъ.
18 И счастливъ тѣмъ, что вы прекрасны.
31—35 Япетовъ сынъ, гласитъ преданье,
Одушевилъ свое созданье
И наказалъ его Зевесъ.
Неумолимый, Прометея
Къ скаламъ Кавказа приковалъ,
37—45 Но что-жь? несчастнаго жалѣя,
Кто на Зевеса не роптал!
Въ огнѣ волшебныхъ вашихъ взоровъ
Я занялъ сердца бытіе,
Вашъ гнѣвъ достойнѣе укоровъ,
Чѣмъ дерзновеніе мое;
Но нѣтъ, утѣшьтесь, шутка водитъ
Моимъ проказливымъ перомъ:
46 Я захожу въ вашъ милый домъ,
49 Еще твержу любезный вздоръ,
50—53 Еще беру прельщенья мѣры,
Какъ по привычкѣ прежнихъ дней,
Онъ ароматы сжетъ безъ вѣры
Богамъ, чужимъ душѣ своей.

Въ изданіи 1835 года стихотвореніе помѣщено безъ заглавія (стр. 40—42) (сравнительно съ изд. 1827 г.) съ незначительными измѣненіями:

36 И сердце вранъ ему клевалъ;
49 Еще твержу любовный вздоръ,

Во всѣхъ посмертныхъ изданіяхъ сочиненій Боратынскаго это стихотвореніе озаглавлено *Г. З.* (Графинѣ Закревской? — см. примѣчаніе къ стихотворенію 1825 г. „Къ . . .“ — ***Какъ много ты въ немного дней***), и читаются нѣсколько иначе слѣдующіе стихи:

37 Но дерзость жертвы разумѣя
38 Кто приговоръ не осуждалъ?
42 Чѣмъ преступленіе мое.
43 Но не сержусь я, шутка водитъ
44 Моимъ догадливымъ перомъ.
52 Онъ ароматы жжетъ безъ вѣры.

Эти измѣненія оправдываются (кромѣ 52-го стиха — опечатка? толкованіе произвольное?) копіей Н. Л. Боратынской (хранящейся въ Казанскомъ архивѣ), въ которой мы находимъ переправку чтенія изд. 1835 г. на чтеніе, принятое послѣдующими издателями.

66. *** (стр. 61). Извлечено изъ письма И. И. Дмитріева къ М. Н. Загоскину отъ 28 мая 1824 года, въ которомъ Дмитріевъ сообщаетъ между прочимъ своему другу: „Въ Петербургѣ прозвали Вяземскаго *неистовымъ Роландомъ;* а Баратынской написалъ на него два куплета прекрасные! Въ первомъ говоритъ, что есть у насъ *Графъ*, который пишетъ неудачно; а во второй — почти такъ:

Хоть Графъ и князь не все есть тоже;
Однакожь есть у насъ и князь,
Который нѣсколько моложе,
Nо посидѣвши, потрудясь,
Nа Графа пишетъ онъ похоже!

Nе помню стиховъ и изломалъ ихъ; но содержаніе или смыслъ тотъ, только какъ-то сказано живѣе...“ (Подлинникъ письма хранится въ Имп. Публ. Библіотекѣ).

О князѣ П. А. Вяземскомъ см. примѣчаніе къ стихотворенію „Князю Петру Андреевичу Вяземскому“.

67. Богдановичу (стр. 62). Печатается по тексту изданія 1827 года (стр. 158—162). Впервые напечатано въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1827 г., стр. 335—339, подъ заглавіемъ „Богдановичу“ и съ подписью *Е. Баратынскій*, съ варіантами слѣдующихъ стиховъ:

5 И, надоѣвъ живымъ посланьями моими,
6 Несчастнымъ мертвецамъ теперь скучаю ими.
19—21 Всего усерднѣе поютъ свою тоску:
На свѣтѣ тошно жить, такъ бростеся въ рѣку!
Иной бы молвилъ имъ. Увы, не въ этомъ дѣло!
36 У вѣка дряхлаго испортилось чутье.
39—45 И видимъ мы его, въ примѣръ себѣ и срамъ,
Непотакающимъ безсмысленнымъ писцамъ;
Я думаю, въ садахъ, гдѣ вѣчна зелень блещетъ,
49—51 Екатерина, дворъ, семьею торопливой
Такъ лестно встрѣтили, изъ Душеньки игривой
Отрывки цѣлые читая наизусть!
59—62 Судей особенныхъ на то имѣемъ мы,
Свой вкусъ услужливый пускающихъ въ наймы
И, способовъ другихъ не зная къ пропитанью,

Торгующихъ у насъ хвалой своей и бранью;
61 Голоднымъ бѣшенствомъ внушенный приговоръ;
72 Избрать въ совѣтники кота иль пѣтуха
78 Какъ нѣжный Батюшковъ, Жуковскій живописной,
88 Между мохнатыхъ пѣлъ повѣрье старыхъ дней.
91—94 Въ замѣну красоты, даю стихамъ моимъ
Я силу истины — а въ нихъ на блажъ людскую
Не ловко можетъ быть, но смѣло негодую,
96 Я славилъ на зарѣ моихъ цвѣтущихъ дней

Въ изданіи 1835 года (стр. 82—86) находятся варіанты слѣдующихъ стиховъ:

20 И на лицѣ земли все какъ то не по нихъ.
49 Она, друзья ея, достойно наградили
50 И скромнаго его такъ лестно изумили
98 Другія времена, другія вдохновенья;
99 Теперь важнѣй мой умъ, зрѣлѣе мысль моя.

Сверхъ того, возстановлено первое чтеніе въ 36 стихѣ.

Въ изданіи 1869 года (а также и во всѣхъ послѣдующихъ) 39 стихъ (по недошедшей до насъ рукописи?) читается такъ:

Вѣнцы свои дарилъ, и простъ и толковитъ

(кромѣ того, въ изданіи 1869 года пропущенъ 89 стихъ).

Всѣми издателями это посланіе отнесено къ 1827 году, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности оно написано въ 1824 году: 17-го іюня этого года А. И. Тургеневъ писалъ князю П. А. Вяземскому („Остафьевскій Архивъ князей Вяземскихъ", т. III, стр. 55): „Третьяго дня обѣдали у насъ на Черной Рѣчкѣ: Жуковскій, Блудовъ, Дашковъ, слѣпой Козловъ, а потомъ пришли Гречъ, Боратынскій и Дельвигъ. Боратынскій читалъ прекрасное посланіе къ Богдановичу..." 10-го сентября 1824-го же года баронъ А. А. Дельвигъ писалъ Пушкину: „Посланіе къ Богдановичу" исполнено красотами; но ты угадалъ: оно въ нещастномъ родѣ дидактическомъ. Холодъ и суевѣріе французское пробиваются кой-гдѣ. Что дѣлать? Это пройдетъ! Баратынской недавно познакомился съ романтиками, а правила французской Школы всосалъ съ материнскимъ молокомъ. Но ужъ онъ начинаетъ отставать отъ нихъ..." (Переписка Пушкина, т. I, стр. 130).

Мы отдали предпочтеніе тексту 1827 года въ виду явной неисправности текста „Сѣверныхъ Цвѣтовъ".

Къ посланію „Богдановичу" критика отнеслась не единодушно: въ то время, какъ „Московскій Вѣстникъ" (1827 г., ч. 3, № XII, стр. 374—376) находилъ, что „быть можетъ, эта піеса есть лучшее изъ Русскихъ сатирическихъ посланій", и Ѳ. Булгаринъ въ „Сѣверной Пчелѣ" (1827, № 39, 31 марта) расточалъ посланію похвалы, — В. И. Туманскій писалъ Пушкину 12 апрѣля 1827 года: „Чтò за идея пришла Баратынскому писать столь негодными стихами, каковы напечатаны въ Сѣверной Пчелѣ изъ его посланія къ Богдановичу! Мараки — задумчивые враки и проч. похоже на лай собаки, а не на напѣвъ его сладкогласной лиры. Да и что за водевильныя мысли во

всей пьесѣ! Словно шуточки Благонамѣреннаго. Я его уважаю и люблю, а потому прошу ему попенять за эти поступки...“ (Переписка Пушкина, т. II, стр. 23).

Суровѣе всѣхъ отнесся къ посланію „Богдановичу“ Бѣлинскій (Соч. т. II, стр. 247; см. примѣч. къ посланію Н. И. Гнѣдичу).

По мнѣнію М. Н. Лонгинова („Русскій Архивъ“ 1867, стр. 248—264), посланіе къ Богдановичу напоминаетъ „блестящія произведенія въ этомъ родѣ Вольтера, І. Шенье, Де Лавиня“, но превосходитъ ихъ тѣмъ, что рѣже впадаетъ въ резонерство.

Богдановичъ — Ипполитъ Ѳедоровичъ (1743 — 1802), авторъ извѣстной шутливо-эротической поэмы „Душенька“.

Нѣкоторое вліяніе оказалъ Богдановичъ и на самого Боратынскаго (см. „Послѣднюю смерть“).

Жуковскій — Василій Андреевичъ; облегченію своей участи Боратынскій въ значительной степени былъ обязанъ хлопотамъ Жуковскаго и до конца дней своихъ хранилъ къ нему чувство глубокой признательности. Вмѣстѣ съ тѣмъ Б. цѣнилъ Жуковскаго и какъ поэта и въ 1830 году писалъ князю П. А. Вяземскому: „Земной поклонъ Василію Андреевичу, котораго я столько же люблю, сколько Жуковскаго. Съ радостью услышалъ я голосъ любимаго моего поэта въ стихахъ, вами присланныхъ; когда-то приведетъ меня Богъ увидѣть человѣка, къ которому я привязанъ всѣмъ сердцемъ и къ которому храню глубокую привязанность?“ („Старина и Новизна“, кн. V, стр. 52).

Батюшковъ — Константинъ Николаевичъ (род. 18 мая 1787 г., ум. 7 іюля 1855) — извѣстный поэтъ.

Пушкинъ — Александръ Сергѣевичъ. Рѣчь идетъ о посланіи Пушкина „Къ Овидію“ 1821 года, напечатанномъ въ „Полярной Звѣздѣ“ на 1823 годъ, стр. 81—84.

68. Невѣстѣ. (А. Я. В.) (стр. 65). Впервые напечатано въ альманахѣ Н. Коншина и бар. Розена „Царское Село“ на 1830 г., стр. 234, подъ указаннымъ заглавіемъ и съ подписью: *Е. Б—ій. Роченсальмъ 1824;* перепечатано въ сборникѣ „Венера“, 1831, ч. 4, стр. 34. Боратынскій не включилъ этого стихотворенія ни въ одно изъ своихъ собраній стихотвореній, и оно было напечатано только въ изд. И. Н. Божерянова (стр. 48—49).

А. Я. В. — Авдотья Яковлевна Васильева, дочь инженернаго генералъ-маіора, была въ то время невѣстой Н. М. Коншина.

По поводу женитьбы Н. М. Коншина на А. Я. Васильевой Боратынскій писалъ своему товарищу по финляндской жизни: „Получилъ я письмо твое милой Коншинъ: оно дышетъ щастіемъ и я сердечно радъ что хоть кто нибудь изъ нашихъ наконецъ нашолъ исполненіе сердечныхъ надеждъ своихъ. Я одного съ тобою мнѣнія о милой спутницѣ твоей жизни, какое то чувство, чувство никогда ни тебя, ни меня не обманывавшее говоритъ мнѣ й говорило прежде что она доставитъ тебѣ всю отраду возможную. Дай богъ чтобы дни послѣдующіе были подобны первымъ и почему не надѣятся!...“

(Подлинникъ этого письма находится въ Имп. Публ. Библіотекѣ).

69. Л[утковск]ой. (стр. 65). Напечатано впервые въ „Полярной Звѣздѣ“ на 1825 г., стр. 276, подъ заглавіемъ „Л—ой“ и съ подписью *Б*. Вошло въ изданія 1827 (стр. 111) и 1835 гг. (въ послѣднемъ безъ заглавія, стр. 56; послѣдующими издателями заглавіе было возстановлено) съ варіантомъ первыхъ четырехъ стиховъ:

Когда неопытенъ я былъ,
У красоты самолюбивой,
Мечтатель слишкомъ прихотливой,
Я за любовь любви молилъ;

Баронъ Н. В. Дризенъ нашелъ въ альбомѣ Софіи Дмитріевны Пономаревой одну изъ первоначальныхъ редакцій этого стихотворенія и принялъ ее за „неизданное стихотвореніе“ („Вѣстникъ Европы“ 1894 г., № 3, стр. 437 и слѣд.; изданіе Ф. Іогансона 1894, стр. 404, перепечатало этотъ варіантъ также, какъ новое, „неизданное“ стихотвореніе).

Приводимъ варіанты этой альбомной редакціи:

2—4 Любви и нѣги сынъ безпечный,
Я несъ ей въ даръ восторгъ сердечный
И сладострастныя мечты
10 Покинувъ знамя купидона,
11 Я промѣнялъ альковъ любви (так же читается этотъ стихъ и въ одномъ современномъ альбомѣ).
16 Мнѣ поцѣлуй волшебныхъ устъ!

Стихотвореніе это ошибочно отнесено всѣми издателями къ 1825 году: въ дѣйствительности оно написано не позже 1824-го. „Л[утковск]ой“ посвящено Аннѣ Васильевнѣ Лутковской (замужемъ за А. Г. Морозовымъ; скончалась 26 октября 1879 г.), племянницѣ Г. А. Лутковскаго, подъ начальствомъ котораго Боратынскій служилъ въ Финляндіи, въ Нейшлотскомъ пѣхотномъ полку.

70. * * * (стр. 65). Издается по автографу въ альбомѣ А. В. Лутковской, хранящемся въ Пушкинскомъ Домѣ. При жизни поэта не печаталось и не вошло ни въ одно изъ собраній сочиненій Боратынскаго. Напечатано Б. Л. Модзалевскимъ въ „Извѣстіяхъ Имп. Академіи Наукъ“ 1911 („Списокъ рукописей и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ, принадлежащихъ Пушкинскому Дому“, стр. 523—524, съ опечаткой въ ст. 14-мъ).

См. примѣчаніе къ стихотворенію „Л[утковск]ой“.

71. * * * (стр. 66). Издается по автографу Боратынскаго въ альбомѣ А. В. Лутковской, составляющемъ собственность Пушкинскаго Дома (подпись въ альбомѣ *Евгеній Бора*). При жизни поэта это стихотвореніе не печаталось и не вошло ни въ одно изъ полныхъ собраній сочиненій Боратынскаго. Напечатано Б. Л. Модзалевскимъ въ „Извѣстіяхъ Имп. Академіи Наукъ“ 1911 г. („Списокъ рукописей и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ, принадлежащихъ Пушкинскому Дому“, стр. 522—523).

Относимъ предположительно къ 1824 году.

См. примѣчаніе къ стихотворенію „Л[утковск]ой“.

72. (Въ Альбомъ Софіи) (стр. 66). Издается по автографу въ альбомѣ А. В. Лутковской, хранящемся въ Пушкинскомъ Домѣ (см. „Извѣстія

Императорской Академіи Наукъ" 1911, стр. 523). Впервые напечатано въ „Славянинѣ" 1827 г., ч. I, № 3, отд. 2, стр. 35, подъ заглавіемъ „Въ Альбомъ Софіи", съ подписью *Баратынскій* и съ примѣчаніемъ къ 7-му стиху: „Въ оперѣ *Сандриліона,* Король влюбляется и женится на Сандриліонѣ".

Вошло въ изданіе 1835 года безъ заглавія, стр. 53; послѣдующіе издатели озаглавили это стихотвореніе „Въ альбомъ" (И. Н. Божеряновъ возстановилъ заглавіе „Славянина").

Отнесено всѣми издателями къ 1827 году: судя по тому, что всѣ стихотворенія въ альбомѣ А. В. Лутковской вписывались Боратынскимъ въ 1824 году, слѣдуетъ относить это стихотвореніе не позже какъ къ 1824 году (помѣтка поэта въ этомъ альбомѣ *Н. С.* говоритъ, повидимому, о томъ, кому посвящено стихотвореніе, но что это за лицо — мы не могли доискаться). Софія — С. Д. Пономарева?

Сандрильона — опера Россини, пользовавшаяся у насъ въ 20-хъ гг. большимъ успѣхомъ.

73. Звѣздочка (стр. 67). Впервые напечатано въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ" на 1825 г., стр. 313—314, подъ заглавіемъ „Звѣздочка" и съ подписью *Е. Б—ій 24 сентября 1824;* такъ же читается это стихотвореніе (подъ заглавіемъ „Звѣзда") въ автографахъ Боратынскаго (Альбомы Н. Л. Боратынской, Казанскій архивъ; въ одномъ автографѣ „*Звѣздочки*" пятая строфа замѣнена четырьмя строчками точекъ). Въ изданіи 1827 года стихотвореніе озаглавлено „Звѣзда" (стр. 115—116) и имѣетъ слѣдующія разночтенія:

13 Она на небѣ чуть видна;
14 Но съ думою глядитъ,
15 Но взору шлетъ отвѣтный взоръ
17 Съ нее въ торжественную ночь

Перепечатано безъ измѣненія въ собраніяхъ стихотвореній „Венера" (М. 1831, ч. 3, стр. 19—21) и „Эвтерпа" (М. 1831, стр. 58 — безъ заглавія).

Въ изданіи 1835 года „Звѣздочка" помѣщена безъ заглавія (стр. 173—174), и (сравнительно съ изд. 1827 г.) измѣненъ 17-ый стихъ:

Съ нее въ лазоревую ночь

Послѣдующіе издатели возстановили заглавіе по изд. 1827 г. и отнесли это стихотвореніе къ 1825 году, между тѣмъ какъ самъ поэтъ выставилъ подъ нимъ дату: 24 Сентября 1824. Въ дѣйствительности же стихотвореніе написано еще раньше, — 5-го августа 1824 года А. И. Тургеневъ писалъ князю П. А. Вяземскому: „Выписалъ бы нѣсколько стиховъ и изъ „Звѣзды" Боратынскаго, но боюсь, чтобы письмо мое не перебило у моего сосѣда Греча. Вотъ одна строфа:... (и Тургеневъ приводитъ пятую строфу). Я просилъ его свести со второго стиха *очеса* и замѣнить ихъ очами, но жаль прекрасныхъ *небесъ*..." („Остафьевскій Архивъ князей Вяземскихъ", т. III, стр. 69); 22 августа (1825) А. И. Тургеневъ послалъ уже кн. Вяземскому „Звѣзду" — „самимъ авторомъ писанную" (idem, стр. 79).

74. Дѣвушкѣ, которой имя было: Аврора (стр. 68). Впервые было напечатано въ „Полярной Звѣздѣ" на 1825 г., стр. 116, подъ указаннымъ

заглавіемъ и съ подписью *Б.;* перепечатано въ „Опытѣ русской анѳологіи“ М. Яковлева, 1828, стр. 158.

Въ изданіи 1827 года это стихотвореніе, подъ заглавіемъ „Дѣвушкѣ, имя которой было Аврора“ (стр. 82), имѣетъ слѣдующее разночтеніе первыхъ четырехъ стиховъ:

Соименница Авроры,
О царица красоты!
Не сама-ль Аврора ты?
Для тебя всѣ наши хоры
И куренья и цвѣты!

(Такъ же въ „Венерѣ“, М. 1831, ч. 3, стр. 30, и въ автографѣ поэта).

Въ изданіи 1835 г. стихотвореніе возстановлено въ первой редакціи и озаглавлено „Аврорѣ Ш.....“, стр. 168; въ посмертныхъ изданіяхъ оно ошибочно отнесено къ 1825 году.

П. А. Плетневъ въ статьѣ „Финляндія въ русской поэзіи“ (Соч., т. I, стр. 445—456) беретъ это стихотвореніе эпилогомъ своихъ выписокъ отраженія Финляндіи въ русской поэзіи и говоритъ о стихахъ, столь извѣстныхъ и въ Гельсингфорсѣ, „гдѣ были они написаны, въ которыхъ юношеское чувство и дыханіе свѣжей красоты такъ очаровательно сливаются, не пугая воображенія ни одною чертою угрюмой вашей родины“.

Аврора — извѣстная своей красотой Аврора Карловна Шернваль (въ первомъ бракѣ была за П. Н. Демидовымъ, во второмъ — за А. Н. Карамзинымъ); въ Финляндіи, среди сослуживцевъ и друзей Боратынскаго, было много жертвъ этой красоты (изъ которыхъ первое мѣсто принадлежитъ А. А. Муханову).

С. А. Соболевскому принадлежитъ слѣдующій экспромптъ, относящійся къ „соименницѣ Зари“:

Сіяетъ Аврора,
Свѣжа и румяна.
Въ ней много для взора
И шишъ для кармана.

Боратынскій часто упоминаетъ объ „Аврорѣ“ въ своихъ финляндскихъ письмахъ.

Существуютъ предположенія (довольно глухія), что первоначально Боратынскій написалъ ей стихотвореніе на французскомъ языкѣ (см. Приложеніе II).

75. Оправданіе (стр. 68). Впервые напечатано въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1825 г., стр. 263—265, подъ заглавіемъ „Оправданіе“ и съ подписью *Е. Б—ій.* Приготовляя къ печати собраніе своихъ стихотвореній въ 1826 году, Боратынскій существенно передѣлалъ это стихотвореніе (см. Другія редакціи, стр. 183).

Издатели сочиненій Боратынскаго ошибочно относятъ это стихотвореніе къ 1825 году: оно написано не позже 1824 года.

76. (Сонетъ) (стр. 69). Впервые напечатано въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1825 г., стр. 265—266, подъ заглавіемъ „Сонетъ“ и съ подписью *Е. Б—ій.* Вошло въ изданія 1827 г. (подъ заглавіемъ „Любовь“, стр. 124) и 1835 (безъ заглавія, стр. 134) съ измѣненіемъ послѣдняго стиха:

Тебѣ открылъ бы душу вновь.

Посмертными изданіями ошибочно отнесено къ 1825 году.

Въ „Соревнователѣ Просвѣщенія и Благотворенія" 1825 г., ч. XXIX, стр. 107, писали объ этомъ стихотвореніи (а также объ „Оправданіи", „Черепѣ" и „Звѣздочкѣ"), какъ объ исполненномъ „поэтической живости, силы чувствованій и прекраснаго, гармоническаго слога".

77. Черепъ (стр. 70). Впервые напечатано въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ" на 1825 г., стр. 282—283, подъ заглавіемъ „Черепъ" и съ подписью *Е. Б.* (пропущена предпослѣдняя строфа); перепечатано въ „Собраніи Россійскихъ Стихотвореній", Вильно, 1827, стр. 376—377. Изъ „Сѣверныхъ Цвѣтовъ" было переписано Н. Л. Боратынской въ ея тетради (Казанскій архивъ), при чемъ Боратынскій сдѣлалъ слѣдующія исправленія (въ скобкахъ помѣщаемъ стихи и слова, зачеркнутые Боратынскимъ):

20 Намъ почитать (издавна) издревле повелѣвшій.
21 (Гробъ вопрошать дерзаетъ человѣкъ) —
22 (О суетный, безумный изыскатель)!
23 („Живи живой, тлѣй мертвой! вотъ что рекъ)
24 (Всего яснѣй таинственный Создатель)
29 (Его судьбамъ покорно гробъ молчитъ) Живи живой, тлѣй мертвой, возскорбитъ
30 (Зачѣмъ же насъ несбывшееся мучитъ?) Кто до поры открытый взоръ получитъ

Стихи 25—28 выпущены вовсе

и съ этими исправленіями „Черепъ" (подъ заглавіемъ „Могила", стр. 18—19) былъ напечатанъ въ изд. 1827 года (измѣнено въ 10 стихѣ: надъ ямой). Включая въ свое изд. 1835 года это стихотвореніе (стр. 186—187), Боратынскій вторично измѣнилъ его:

10 Надъ ямою безумно хохотала
21—24 Живи живой, спокойно тлѣй мертвецъ!
Всесильнаго ничтожное созданье,
О человѣкъ! увѣрься наконецъ
Не для тебя, ни мудрость, ни всезнанье!
29 Природныхъ чувствъ мудрецъ не заглушитъ
30 И отъ гробовъ отвѣта не получитъ:

Стихи 25—28 возстановлены (впервые ихъ сообщилъ Б. въ письмѣ къ Н. В. Путятѣ въ началѣ 1825 года)

Такъ же читается это стихотвореніе въ автографѣ Боратынскаго, хранящемся въ Казанскомъ архивѣ, въ автографѣ Музея П. И. Щукина и во всѣхъ посмертныхъ изданіяхъ, отнесшихъ ошибочно „Черепъ" къ 1825 году.

Объ этомъ стихотвореніи существуетъ весьма обширная литература, открывающаяся разборомъ въ „Соревнователѣ Просвѣщенія и Благотворенія" 1825 г., въ которомъ говорилось: „Подобный предметъ есть въ стихотвореніяхъ знаменитаго Байрона. Мы изъ любопытства сравнивали сіи два произ-

веденія. Русскій стихотворецъ въ этомъ случаѣ гораздо выше англійскаго. Байронъ, сильный, глубокій и мрачный, почти шутя говорилъ о Черепѣ умершаго человѣка. Нашъ поэтъ извлекъ изъ этаго предмета поразительныя истины". Подобные отзывы мы встрѣчаемъ и въ другихъ современныхъ журналахъ, и даже неблагосклонный къ Боратынскому „Дамскій Журналъ" отнесся очень благожелательно къ „Черепу".

Пушкинъ, посылая въ 1827 году барону А. А. Дельвигу свой „Черепъ", бодро и шутливо совѣтуетъ превратить „издѣлье гроба" „въ увеселительную чашу" —

Или, какъ Гамлетъ-Баратынскій,
Надъ нимъ задумчиво мечтай:
О жизни мертвый проповѣдникъ,
Виномъ ли полный, иль пустой,
Для мудреца, какъ собесѣдникъ,
Онъ стоитъ головы живой.

(Соч. Пушкина, изд. „Просвѣщенія", т. II, стр. 52—57).

78. Стансы (стр. 71). Впервые напечатано въ „Полярной Звѣздѣ" на 1825 г., стр. 316—317, подъ заглавіемъ „Стансы" и съ подписью *Б.* Въ изданіяхъ 1827 (стр. 126—127) и 1835 гг., равно какъ и въ перепечаткахъ съ этого изданія, первые 24 стиха вовсе отсутствуютъ; кромѣ того въ изданіи 1827 г. 34 стихъ читается (опечатка?)

Какъ наслаждаться имъ прилично,

а въ изданіи 1835 года стихотвореніе напечатано безъ заглавія (стр. 179—180). „Стансы" отнесены издателями ошибочно къ 1825 году.

Въ 41—42 ст. говорится о солдатской службѣ Боратынскаго, стихъ же 39—

Нашелъ отраду въ пѣсняхъ Музъ

находитъ подтвержденіе себѣ и въ другихъ свидѣтельствахъ: какъ извѣстно, Боратынскій, послѣ исключенія изъ Пажескаго Корпуса, находился въ состояніи, близкомъ къ отчаянію, и „пѣсни Музъ" очень способствовали тому, что онъ „не упалъ передъ рокомъ".

79. Элизійскія поля (стр. 72). Печатается по изданію 1827 года (стр. 52—54). Впервые напечатано въ „Полярной Звѣздѣ" на 1825 г., стр. 103—105, и вошло въ изданіе 1835 года (стр. 97—99).

Въ „Полярной Звѣздѣ" мы находимъ слѣдующіе варіанты:

2 И каждый часъ готовлюсь я
12 Веселой юности моей!
15 И тамъ я буду отъ бездѣлья
16 Хвалить забавы и вино.
18 И тамъ порой на тихой лирѣ
22—27 О Д... слёзы мнѣ не нужны;
Любимъ я жребіемъ — и весь
Я не умру ни тамъ, ни здѣсь:
Со мною Музы были дружны.

Не жалки мнѣ земные дни!
У тихихъ водъ спокойной Леты
40 А къ вамъ — молитва объ одномъ:
47 И вамъ, извѣстною порой
49 Велитъ оставить міръ земной.

Въ изданіи 1835 года Боратынскій перепечаталъ стихотвореніе съ изданія 1827 года, возстановивъ по тексту „Полярной Звѣзды“ 2 и 40 стихи.

Въ копіи Н. Л. Боратынской (Казанскій архивъ) 27 стихъ читается:

(Гдѣ блаженствуютъ) Уструй, гдѣ нѣжатся поэты,—

и это чтеніе, впервые напечатанное въ изданіи 1869 года, принято всѣми издателями.

Стихотвореніе ошибочно отнесено къ 1825 году: оно написано въ 1824 г. и послано въ „Полярную Звѣзду“ на 1825 годъ.

О Дельвигѣ см. при стихотвореніи „Дельвигу“ (стр. 213).

80. Буря (стр. 74). Издается по автографу Боратынскаго, хранящемуся въ Казанскомъ архивѣ (Альбомъ Н. Л. Боратынской). Впервые напечатано въ „Мнемозинѣ“ ч. IV, 1825 г., стр. 214—215, подъ заглавіемъ „Буря“ и съ подписью ****. Текстъ „Мнемозины“, неисправный (см. ниже), отличается отъ принятаго нами слѣдующими разночтеніями:

3 Идутъ, другъ на друга сердито налегая,
6 Чья *мощная* рука
26 Я лучшей доли не умѣю;
27 Вновь не могу душей моею
30 Межъ тѣмъ отъ подлинной отравы бытія
38 Волнуйся, опѣняй утесистыя грани,

Въ изданіи 1827 года (стр. 28—29) текстъ отличается отъ напечатаннаго нами въ слѣдующихъ стихахъ:

21 Когда придетъ желанное мгновенье,
32 Ждать не хочу своей кончины;

Въ изданіи 1835 года стихотвореніе это помѣщено безъ заглавія (стр. 10—11), и вмѣсто 11—20 стиховъ поставлено десять строкъ точекъ (издатели Боратынскаго, придерживавшіеся изд. 1835 года, тѣмъ не менѣе возстановили чтеніе 1827 года).

Намъ не удалось найти „Бури“ въ томъ ея первоначальномъ и полномъ видѣ, котораго не пропустила цензура, какъ о томъ свидѣтельствуютъ Н. В. Путята и самъ Боратынскій въ письмѣ къ первому отъ 29 марта 1825 г.: „...Московская цензура либо невинна какъ пятилѣтняя дѣвочка, либо весела какъ пьяная сводня: можно-ли позволить напечатать такую непристойную поэму какъ Леда!....... Пиши послѣ этого! Леда моя публично цѣлуется съ своимъ Лебедемъ, а бурѣ шумѣть не позволено! Неисповѣдимы судьбы твои, о Цензура русская!.....“ (Боратынскій отвѣчалъ Н. В. Путятѣ на извѣщеніе послѣдняго о томъ, что цензура затруднялась въ пропускѣ „Бури“ и что надо было измѣнить нѣкоторыя мѣста).

Стихотвореніе это всѣми издателями ошибочно относится къ 1825 году: въ дѣйствительности оно написано осенью 1824 г., какъ о томъ свидѣтельствуетъ Н. В. Путята („Русскій Арх.“ 1864 г., стр. 1056—1057).

„Буря“ была встрѣчена современниками Боратынскаго очень восторженно, и его часто называли пѣвцомъ Финляндіи, Эды и Бури.

Бѣлинскій (соч. т. VII, стр. 494) причислилъ „Бурю“ къ числу стихотвореній особенно достойныхъ памяти и вниманія.

81. **Леда** (стр. 75). Напечатана въ „Мнемозинѣ“ (изд. князя В. Одоевскаго и В. Кюхельбекера), ч. IV, 1825 г., стр. 221—223, подъ заглавіемъ „Леда“ и съ подписью ****, при жизни поэта не перепечатывалась и не вошла ни въ одно собраніе сочиненій Боратынскаго (отрывокъ изъ „Леды“ помѣщенъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1899 г., № 11, „Позабытыя произведенія Е. А. Баратынскаго“, стр. 447—448).

Дата устанавливается сообщеніемъ Н. В. Путяты („Русскій Архивъ“ 1864 г., „О стихотвореніи Баратынскаго: „Леда“, стр. 1056—1057), вызваннымъ статьей В. В. Гаевскаго „Пушкинъ въ Лицеѣ и Лицейскія его стихотворенія“, въ которой Гаевскій приписалъ „Леду“ князю П. А. Вяземскому. См. предыдущее примѣчаніе.

„Леда“ представляетъ довольно близкое подражаніе стихотворенію Парни: „Dans la forêt silencieuse où l’Eurotas parmi les fleurs roule son onde paresseuse.....“. Этому же стихотворенію Парни вольно подражалъ Пушкинъ въ 1814 году (Акад. изд., т. I, стр. 29—31, „Леда“ (кантата).

82. **Веселье и Горе** (стр. 77). Издается по автографу, хранящемуся въ Казанскомъ архивѣ. Впервые напечатано въ „Московскомъ Телеграфѣ“ 1825 г., № 4, февраль, стр. 310, подъ заглавіемъ „Веселье и Горе“ и съ подписью *Бар — скій* (текстъ не отличается отъ автографа). Вошло въ изданія 1827 (стр. 79) и 1835 гг. (въ послѣднемъ — безъ заглавія, стр. 127) съ варіантами слѣдующихъ стиховъ:

4 Во всемъ несходные друзья!
5 Лишь перекрестокъ улучили,
7 Недолго розно побродили,

Во всѣхъ посмертныхъ изданіяхъ сочиненій Боратынскаго возстановлено заглавіе, и стихотвореніе отнесено ошибочно къ 1825 году: по свидѣтельству самого поэта (Казанскій архивъ), оно написано въ 1824 г.

83. **Увѣреніе** (стр. 77). Впервые напечатано въ „Сѣверной Звѣздѣ“ на 1829 г., стр. 121, подъ заглавіемъ „Увѣреніе“ и съ подписью *Баратынскій 1824;* вошло въ изданіе 1835 г. (стр. 73) безъ заглавія и съ измѣненіемъ седьмого стиха:

Молился новымъ образамъ,

Перепечатано въ „Карманномъ пѣсенникѣ“ М. С., СПб., 1838, кн. II, стр. 116—117, подъ заглавіемъ „Романсъ“, безъ подписи и съ варіантами двухъ стиховъ:

2 По прежнему я занятъ вами!
7 Ввѣрялся новымъ я мечтамъ,

Въ экземплярѣ автора изд. 1835 года въ первомъ и третьемъ стихѣ зачеркнуты первые слоги („Нѣтъ“ „И“), что дало поводъ изданію 1900 года (Казанскому) въ варіантахъ печатать это стихотвореніе въ новомъ видѣ, а В. Я. Брюсову — говорить о первонанальномъ чтеніи его, въ которомъ чередовались ямбы съ хореями („Русскій Архивъ“ 1900, № 4, стр. 545—555).

Высказываемъ большое сомнѣніе въ правильности даты, выставленной самимъ авторомъ, и видимъ въ этомъ преднамѣренное скрываніе истиннаго времени написанія: „Увѣреніе“ и „Фея“ относятся къ графинѣ А. Ѳ. Закревской, и любопытно, что въ обоихъ случаяхъ поэтъ очень заботится о датировкѣ стихотвореній 1824-мъ годомъ; „Увѣреніе“ впервые напечатано въ 1829, „Фея“ — въ 1830, и Боратынскій проситъ Н. М. Коншина поставить 1824, т. к. ему это очень „нужно“. Укрѣпляетъ насъ въ этомъ предположеніи также и то обстоятельство, что Боратынскій познакомился съ графиней Закревской осенью 1824 г. и врядъ-ли могъ бы говорить въ томъ же году (черезъ одинъ — два мѣсяца): „надо мной свои права вы не утратили съ годами“.

Бѣлинскій въ своей рецензіи 1835 г. (т. II, стр. 246) приводитъ это стихотвореніе, какъ наиболѣе характеризующее „свѣтскую, паркетную музу Г. Баратынскаго“ и восклицаетъ: „Скажите, Бога ради, неужели это чувство, фантазія, а не игра ума?“.

См. примѣчаніе къ стихотворенію 1825 года „Къ —“ (стр. 257).

84. Фея (стр. 78). Впервые напечатано въ альманахѣ Н. Коншина и барона Розена „Царское Село“ на 1830 г., стр. 157, подъ заглавіемъ „Фея“ и съ подписью *Е. Баратынскій. 1824-го года*; перепечатано въ „Розѣ Грацій“, М. 1831, стр. 28—29; вошло въ изданіе 1835 года безъ заглавія (стр. 9).

Е. А. Боратынскій, посылая стихи Н. М. Коншину, писалъ: „подъ стихотвореніемъ моимъ *Фея* выставленъ годъ: не забудь его напечатать въ твоемъ альманахѣ — это мнѣ нужно“. См. примѣчаніе къ „Увѣренію“.

85. Д[ельвиг]у (стр. 78). Впервые напечатано въ „Полярной Звѣздѣ“ на 1825 г., стр. 148—150, подъ заглавіемъ „Д — у“ и съ подписью *Б.* Вошло въ изданіе 1827 г. („Д—гу“, стр. 119—121) съ измѣненіями слѣдующихъ стиховъ:

30 Или все, все въ безумномъ снѣ
51 Шутить съ любовью, какъ она?
55 „Мнѣ не пошлетъ въ отраду рокъ?

Въ изданіи 1835 года стихотвореніе помѣщено безъ заглавія (стр. 157—159) и возстановлено чтеніе 5-го и послѣдняго стиха по тексту „Полярной Звѣзды“.

Въ копіи Н. Л. Боратынской, хранящейся въ Казанскомъ архивѣ, мы находимъ варіантъ 15-го стиха:

Душа стѣсненная моя.

См. примѣчаніе къ посланію 1819 года „Къ Дельвигу“ (стр. 213).

86. Эпиграмма (стр. 80). Издается по автографу Боратынскаго, хранящемуся въ Казанскомъ архивѣ Боратынскихъ. Напечатано въ „Московскомъ Телеграфѣ“ 1826 г., ч. VII, стр. 60, подъ заглавіемъ „Эпиграмма“ и съ под-

писью *Баратынскій*, и при жизни поэта не перепечатывалось. Текстъ „Московскаго Телеграфа" значительно отличается отъ автографа, что объясняется, конечно, цензурными условіями:

1 Что ни толкуй, а я великій мужъ!
5 Я знаю свѣтъ: не все держусь и бѣса:
9 Макаръ, мой другъ, Макаръ, душа моя,

Эта эпиграмма не вошла ни въ одно изъ „полныхъ" собраній стихотвореній Боратынскаго, хотя и была перепечатана изъ „Московскаго Телеграфа" въ „Библіотекѣ для Чтенія" 1859 г., № 6, съ письмомъ *Александра Пятковскаго,* въ которомъ послѣдній не могъ объяснить даже догадками цѣли эпиграммы, т. к. *Ѳаддей* былъ скрытъ подъ именемъ *Макара.*

См. о Булгаринѣ въ примѣчаніи къ стихотворенію „Булгарину" (стр. 226).

87. *** (стр. 81). При жизни поэта не печаталось и не вошло ни въ одно изъ собраній сочиненій Боратынскаго. Извлечено изъ письма А. И. Тургенева къ князю П. А. Вяземскому отъ 2-го мая 1825 года: „Вотъ что пишетъ о тебѣ Боратынскій въ письмѣ къ —: „Всего досаднѣе Вяземскій. Онъ образовался въ безпокойныя времена междоусобій Карамзина съ Шишковымъ, и военный духъ не покидаетъ его и нынѣ.

Войной журнальною...

Это — impromptu...." („Остафьевскій Архивъ князей Вяземскихъ", т. III, стр. 119—120).

О князѣ П. А. Вяземскомъ — см. примѣчаніе къ стихотворенію „Князю П. А. Вяземскому" (Посвященіе сборника стихотвореній „Сумерки").

88. Къ . . . (стр. 81). Издается по копіи Н. Л. Боратынской, хранящейся въ Казанскомъ архивѣ (свидѣтельство Н. В. Путяты подтверждаетъ подлинность чтенія этой копіи). Впервые напечатано въ изданіи 1827 года, подъ заглавіемъ „Къ..." (стр. 76) и съ измѣненіемъ послѣднихъ двухъ стиховъ (измѣненіе вызвано цензурными соображеніями):

Какъ покаянье плачешь ты
И какъ безумье ты хохочешь!

Въ изданіи 1835 года (безъ заглавія, стр. 78) эти два стиха читаются такъ:

. . . .
И какъ русалка ты хохочешь.

Посмертными изданіями сочиненій Боратынскаго это стихотвореніе ошибочно отнесено къ 1827 году: въ дѣйствительности оно написано лѣтомъ 1825 года, когда поэтъ былъ увлеченъ „Магдалиной" („Феей", „Альсиной" — одной подъ множествомъ именъ — графиней А. Ѳ. Закревской) и писалъ Н. В. Путятѣ: „Спѣшу къ ней: ты будешь подозрѣвать что и я нѣсколько увлеченъ. Нѣсколько, правда; но я надѣюсь, что первые часы уединенія возвратятъ мнѣ разсудокъ. Напишу нѣсколько элегій и засну спокойно. Поэзія чудесный талисманъ, очаровывая сама, она обезсиливаетъ чужіе вредныя чары".

Стихотвореніе это обращено къ графинѣ Аграфенѣ Ѳедоровнѣ Закревской (рожд. гр. Толстой, род. въ 1800 г., ум. въ 1879), женѣ Финляндскаго генерал-

губернатора (впослѣдствіи Министра внутреннихъ дѣлъ); Пушкинъ посвятилъ ей „Портретъ“ 1828 г. (Изд. „Просвѣщеніе“, т. II, стр. 70), въ которомъ говоритъ о графинѣ Закревской, какъ о „беззаконной кометѣ въ кругу расчисленномъ свѣтилъ“, и стихотвореніе „Когда твои младыя лѣта“. Въ 1824—1825 гг. Финляндскіе друзья — Боратынскій и Н. В. Путята — увлекались ею, и увлеченіе это оставило слѣды въ стихотвореніяхъ и письмахъ Боратынскаго. Приводимъ нѣкоторые отзывы послѣдняго о графинѣ Закревской, представляющіе тѣмъ бо́льшій интересъ, что во всѣхъ изданіяхъ сочиненій Боратынскаго (а также и въ повременныхъ изданіяхъ) почти все, касающееся „Магдалины“, „Альсины“ и „Феи“ Закревской, выпущено.

Въ февралѣ-мартѣ 1825 года Боратынскій писалъ Путятѣ: „Вспоминаю общую нашу Альсину съ грустнымъ размышленіемъ о судьбѣ человѣческой. Другъ мой она сама нещастна: это роза, это царица цвѣтовъ; но поврежденная бурею — листья ее чуть держатся и безпрестанно опадаютъ. Боссюетъ сказалъ не помню о какой принцессѣ указывая на мертвое ее тѣло: *La voilà telle que la mort nous l'a faite!* Про нашу Царицу можно сказать: *la voilà telle que les passions l'ont faite!* Ужасно! Я видѣлъ ее вблизи и никогда она не выдетъ изъ моей памяти. Я съ нею шутилъ и смѣялся; но глубокое унылое чувство было тогда въ моемъ сердцѣ. Вообрази себѣ пышную мраморную гробницу, подъ щастливымъ небомъ полудня, окруженную миртами и сиренями — видъ очаровательный, воздухъ благоуханный; но гробница все гробница и вмѣстѣ съ нѣгою печаль вливается въ душу: вотъ чувство съ которымъ я приближался къ женщинѣ тебѣ еще больше нежели мнѣ знакомой“. (Этотъ отрывокъ, равно какъ и послѣдующіе, нигдѣ не напечатанъ; приводимъ его по подлиннику письма, хранящагося въ бумагахъ И. Ѳ. Тютчева).

Въ іюнѣ 1825 года Боратынскій писалъ изъ Петербурга: „Аграф. Фед. обходится со мною очень мило и хоть я знаю что опасно и глядѣть на нее и ее слушать я ищу и жажду этого мучительнаго удовольствія“. Гораздо спокойнѣе говоритъ о графинѣ Закревской поэтъ въ началѣ 1826 года, сообщая Н. В. Путятѣ о томъ, что „въ Москвѣ пронесся необычайный слухъ: говорятъ, что Магдалина беременна? Я былъ поражонъ этимъ извѣстіемъ. Не знаю почему беременность ея кажется непристойною. Не смотря на это я очень радъ за Магдалину: дитя познакомитъ ее съ естественными чувствами и дастъ какую нибудь нравственную цѣль ея существованію. До сихъ поръ еще эта женщина преслѣдуетъ мое воображеніе, я люблю ее и желалъ бы видѣть ее щастливою“.

Намъ кажется, что приведенные отрывки изъ писемъ Боратынскаго болѣе оттѣняютъ образъ „беззаконной кометы“, „Магдалины“ и „русалки“. Существуютъ предположенія, не лишенныя вѣроятности, что къ графинѣ А. Ѳ. Закревской относятся также и слѣдующія стихотворенія Боратынскаго: „Къ—“ (Зачѣмъ живыя выраженья), „Фея“ (Порою ласковую Фею), „Нѣтъ, обманула васъ молва“ и „Въ борьбѣ съ тяжелою судьбой“.

89. *** (стр. 81). Извлечено изъ письма Боратынскаго къ князю П. А. Вяземскому („Старина и Новизна“, кн. V, стр. 44). При жизни поэта не печаталось и не вошло ни въ одно собраніе сочиненій.

Датируется 1825 годомъ на основаніи письма.

Парни — Эваристъ-Дезирэ Дефоржъ шевалье де-Парни (род. 6 Февр. 1753, умеръ 5 декабря 1814) — французскій поэтъ, извѣстный преимуще-

ственно своими эротическими стихотвореніями, оказавшими большое вліяніе на юную русскую литературу — главнымъ образомъ, на „россійскаго Парни“ — Батюшкова, а также на лицеиста Пушкина.

Боратынскій, по свидѣтельству современниковъ, прекрасно зналъ французскую литературу, и его не разъ упрекали въ томъ, что онъ слѣдуетъ правиламъ французской школы, которыя онъ „всосалъ съ молокомъ матери“ (Дельвигъ, князь Вяземскій и др.). Нѣкоторые слѣды французской школы XVIII в. дѣйствительно отразились на литературныхъ взглядахъ Боратынскаго (такъ, это вліяніе сказалось на его осужденіи „Сказки о царѣ Салтанѣ“ Пушкина), и посланія его тѣсно примыкаютъ къ классическимъ образцамъ французскихъ мастеровъ XVIII вѣка.

Это стихотвореніе относится къ первой порѣ сближенія Боратынскаго съ княземъ П. А. Вяземскимъ, когда Б. писалъ князю Вяземскому: „Сближеніе съ вами есть живѣйшее мое желаніе, и мнѣ очень хочется напроситься на доброе ваше расположеніе“. („Старина и Новизна“, кн. V, стр. 44).

90. Къ Д[ельвигу] на другой день послѣ его женитьбы (стр. 81). Издается по тексту „Славянина“ 1827 г., ч. II, стр. 77. Впервые напечатано въ собраніи сочиненій „Сиріусъ“ 1826 г., стр. 76, подъ заглавіемъ „Въ Альбомъ N. N. *на другой день его свадьбы*“ и съ подписью *Баратынскій*. Поэтъ не включилъ этого стихотворенія въ изд. 1835 года, и оно вошло впервые въ изд. И. Н. Божерянова, ошибочно отнесшаго его къ 1827 году: стихотвореніе это было напечатано уже въ 1826 году, дата же просто опредѣляется (31 октября 1825) днемъ свадьбы барона А. А. Дельвига (30 октября 1825 на Софьѣ Михайловнѣ Салтыковой, во второмъ бракѣ — за Сергѣемъ Абрамовичемъ Боратынскимъ, братомъ поэта).

См. примѣчаніе къ стихотворенію 1819 года „Къ Дельвигу“ (стр. 213).

91. Къ Аннетѣ (стр. 82). Напечатано въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1826 г., стр. 15, подъ заглавіемъ „Къ Аннетѣ“ и подписью *Е. Баратынскій*. При жизни поэта не перепечатывалось и вошло только въ изданіе И. Н. Божерянова (стр. 65). Относимъ предположительно къ 1825 году.

92. Надпись (стр. 82). Впервые напечатано въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1826 г., стр. 68, подъ заглавіемъ „Надпись“ и съ подписью *Е. Баратынскій*. Подъ тѣмъ же заглавіемъ вошло въ изданіе 1827 г. (стр. 100) и въ „Опытъ русской анѳологіи“ М. Яковлева, 1828 г., безъ заглавія въ изд. 1835 г., стр. 111. Издатели посмертныхъ собраній сочиненій Боратынскаго относятъ ошибочно это стихотвореніе къ 1826 году. Съ изданія 1869 года всѣми перепечатывается другое заглавіе: „Надпись на портретъ Грибоѣдова“, между тѣмъ какъ совершенно отсутствуютъ указанія на то, что надпись имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ А. С. Грибоѣдову, кромѣ намека въ одной копіи Н. Л. Боратынской (Казанскій архивъ), въ которой стихотвореніе озаглавлено: „А. С. Г . . . . “ П. А. Плетневъ видитъ въ этой „Надписи“ отраженіе вліянія природы Финляндіи на поэта. („Финляндія въ русской поэзіи“ — напеч. въ „Альманахѣ въ память двухсотлѣтняго юбилея Александровскаго Университета. Гельсингфорсъ 1842; перепечатано въ „Сочиненіяхъ и перепискѣ П. А. Плетнева“ СПб. 1885, т. I, стр. 445—456).

93. Дорога жизни (стр. 83). Печатается по изданію 1835 года (безъ заглавія, стр. 54), т. к. исправленіе касается только технической стороны: въ

предшествующемъ чтенiи 4-хстопный ямбъ риѳмовался съ шестистопнымъ. Впервые напечатано въ „Невскомъ Альманахѣ“ на 1826 годъ, стр. 71, подъ заглавiемъ „Дорога жизни“ и подписью *Е. Баратынскiй;* перепечатано въ „Листкахъ Грацiй“ 1829 г. и „Зимцерлѣ“ на 1829 г. съ тѣмъ же заглавiемъ и подписью. Во всѣхъ этихъ изданiяхъ, а также въ автографѣ 7 стихъ читается:

И снами оными прогоны дорогiе —

Въ „Зимцерлѣ“, сверхъ того, находимъ разночтенiя ст. 5—6:

И быстро годы почтовые
Мчатъ отъ кормчы насъ до корчмы,

Въ одной изъ копiй Н. Л. Боратынской (Казанскiй архивъ) находится варiантъ 7-го стиха:

И снами тѣми роковые —

И это чтенiе (равно какъ и заглавiе „Прогоны жизни“ — произвольное?) принято всѣми издателями, ошибочно датирующими „Дорогу жизни“ 1826 годомъ.

П. О. Морозовъ (Соч. Пушкина, изд. Просвѣщенiя, т. I, стр. 655) считаетъ стихотворенiе Боратынскаго „Дорога жизни“ подражанiемъ Пушкинской „Телѣгѣ жизни“ 1823 г. (т. I, стр. 347).

94. Д. В. Давыдову (стр. 83). Впервые напечатано въ „Московскомъ Телеграфѣ“ 1826 г., ч. X, № 14, стр. 55, подъ заглавiемъ „Д. В. Давыдову“ и съ подписью *Баратынскiй.* Вошло въ изданiе 1827 года (подъ заглавiемъ „Д. Давыдову“, стр. 153) и 1835 г. (стр. 160—161) съ измѣненiями слѣдующихъ стиховъ:

5 Покуда Русскiй я душою,
7 Когда прiятельской рукою
8 Пожалъ Давыдовъ руку мнѣ!

Въ копiи Н. Л. Боратынской, хранящейся въ Казанскомъ архивѣ, 14-ый стихъ выпущенъ вовсе (и такимъ образомъ нѣтъ стиха, риѳмующаго съ 16-мъ), а въ примѣчанiяхъ изд. 1869 года указано, что этотъ стихъ зачеркнутъ въ авторскомъ экземплярѣ изданiя 1835 года; вслѣдствiе этого, издатели сочиненiй Боратынскаго, начиная съ 1884 года, печатали это стихотворенiе безъ 14-го стиха (возможно, что поэтъ зачеркнулъ стихъ, предполагая исправить его, но не исполнилъ своего намѣренiя).

Посмертными собранiями сочиненiй посланiе „Д. Давыдову“ относится къ 1826 году: дата точно устанавливается — 14 ноября 1825 — письмомъ Н. Муханова отъ 16-го ноября 1825 г. изъ Москвы, въ которомъ онъ сообщаетъ: „4-го дня вечеромъ прiѣхалъ ко мнѣ Денисъ Вас. и Баратынскiй, которые просидѣли весь вечеръ; ты не можешь себѣ представить какъ первый былъ хорошъ. На другой день Барат. прислалъ мнѣ къ нему посланiе: когда оно будетъ исправлено отъ погрѣшностей вкравшихся отъ поспѣшности, я тебѣ перешлю его“. („Письма братьевъ Мухановыхъ“, Щукинскiй сборникъ, вып. X, стр. 347).

Денисъ Васильевичъ Давыдовъ (род. 6 iюня 1784, ум. 22 апрѣля 1839) — извѣстный поэтъ - партизанъ, „счастливый пѣвецъ вина, любви и славы“,

по выраженію князя П. А. Вяземскаго. Боратынскій гостилъ въ его подмосковной лѣтомъ 1825 года, и дружескія отношенія ихъ еще болѣе упрочились женитьбой Боратынскаго на Н. Л. Энгельгардтъ, родственницѣ Давыдова. Интересно для характеристики дружескихъ отношеній поэтовъ пушкинской плеяды письмо Д. Давыдова къ Н. М. Языкову, въ которомъ Д. В., посылая свои стихи, проситъ Языкова бранить ихъ и изъявить свое мнѣніе, „гдѣ въ нихъ что надо исправить и какъ исправить? такъ со мною поступаютъ друзья мои: Баратынскій, Пушкинъ, Вяземскій; того и отъ васъ прошу". Въ другомъ письмѣ къ Языкову Давыдовъ жалуется на то, что онъ посылалъ стихи свои Боратынскому, а послѣдній „ихъ не исправилъ и тѣмъ огорчилъ меня". („Письма Ден. Вас. Давыдова къ А. и Н. М. Языковымъ" въ „Русской Старинѣ" 1884 г., кн. 3, стр. 140, 145).

95. Къ * Посылая тетрадь стиховъ** (стр. 84). Издается по автографу въ тетради Н. Л. Боратынской (Казанскій архивъ). Впервые напечатано въ альманахѣ М. П. Погодина „Уранія 1826", стр. 73, подъ указаннымъ заглавіемъ и съ подписью *Баратынскій.*

Въ альманахѣ „Зимцерла" на 1829 г. (стр. 12 „*** При посылкѣ тетради стиховъ") Боратынскій помѣстилъ это стихотвореніе, переставивъ 3 и 4 стихи и значительно измѣнивъ окончаніе:

Когда-бъ тогда вы мнѣ предстали,
Быть можетъ, грустный мой удѣлъ
Вы облегчили-бъ... нѣтъ, едва-ли!
Но я бы пламеннѣе пѣлъ.

Такъ же (но безъ заглавія) читается оно въ изданіи 1835 года (стр. 67). Въ посмертныхъ изданіяхъ это стихотвореніе явно ошибочно отнесено къ 1826 году (Б. относилъ его къ 1825 г.) и—не знаемъ на какихъ основаніяхъ—дано заглавіе „Г. З." (Графинѣ Закревской?); въ изд. 1900 года стихотвореніе помѣщено безъ заглавія и съ перестановкой словъ въ третьемъ стихѣ:

Холодные стихи дышали

Предположеніе, что подъ „Къ***" подразумѣвается Графиня А. Ѳ. Закревская, не лишено вѣроятности (см. примѣчаніе къ стихотворенію 1825 же года „Къ***", стр. 250).

96. Ожиданіе (стр. 84). Издается по тексту изд. 1827 года (стр. 60, въ оглавленіи подзаголовокъ: *подраж. Парни).* Впервые напечатано въ альманахѣ М. Погодина на 1826 годъ „Уранія", стр. 101, подъ заглавіемъ „Ожиданіе" и съ подписью *Баратынскій.* Въ „Ураніи" встрѣчаемъ варіанты слѣдующихъ стиховъ:

3 Пріютъ надежный будетъ намъ
8 Мы ими нѣжности вредимъ.

Чтеніе этого стихотворенія въ изданіи 1835 года (стр. 95) ничѣмъ не отличается отъ изд. 1827 года, кромѣ того, что въ 1835 г. оно напечатано безъ заглавія (послѣдующіе же издатели прибавили еще къ заглавію подзаголовокъ: „Подражаніе Парни").

Относимъ къ 1825 году (а не къ 1826 г.).

„Ожиданіе“ представляетъ собой подражаніе элегіи Парни „Réflexion amoureuse“.

Это стихотвореніе возмущало Бѣлинскаго (Соч. т. II, стр. 248), который — въ 1835 году — находилъ, что „два послѣдніе стиха похожи на заключеніе хріи“.

97. Л. С. П[ушки]ну (стр. 84). Впервые напечатано въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1826 г., стр. 40—41, подъ заглавіемъ „Л. С. П—ну“ и съ подписью *Е. Баратынскій.* Вошло въ изданіе 1827 г. подъ заглавіемъ Л. П—ну (стр. 64—65) и съ варіантами слѣдующихъ стиховъ:

13 Она торопитъ пробужденье
14 Младаго сердца твоего
15 И вынуждаетъ у него
17 Что добраго въ моей судьбѣ
18 И что я пріобрѣлъ красавицъ воспѣвая?

Въ изданіи 1835 г. это стихотвореніе помѣщено безъ заглавія (стр. 74—75) и (сравнительно съ изд. 1827 г.) съ измѣненіемъ 4-го стиха:

На утренней зарѣ ты юности прекрасной.

Въ изданіи 1869 г. (а также и въ послѣдующихъ) это стихотвореніе озаглавлено „Л. С. Пушкину“ и ошибочно отнесено къ 1826 году: въ дѣйствительности оно написано въ 1825 году (по всей вѣроятности, въ ноябрѣ или декабрѣ) — во время сближенія Боратынскаго съ Львомъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ (скonч. 19 Іюля 1852 г.).

О томъ, какія отношенія были у Е. А. съ братомъ поэта Пушкина, болѣе всего можно судить по письму Боратынскаго къ А. С. Пушкину (въ декабрѣ 1825 года): „...За что ты Левушку называешь Львомъ Сергѣевичемъ? Онъ тебя искренно любитъ и ежели по вѣтренности какъ-нибудь провинился передъ тобою — твое дѣло быть снисходительнымъ. Я знаю, что ты давно на него сердишься; но долго сердится не хорошо. Я вмѣшиваюсь въ чужое дѣло; но ты простишь это моей привязанности къ тебѣ и твоему брату...“ (Переписка т. I, стр. 310).

Любопытно письмо Л. С. Пушкина къ С. А. Соболевскому по поводу женитьбы Боратынскаго; приводимъ выдержку изъ этого письма „брата Пушкина“: „...все это время я проклиналъ тебя, Москву, Московскихъ, судьбу и Б. Нужно было вамъ, олухамъ и сводникамъ, женить его! Чему вы обрадовались? Для того, чтобы заняться сватовствомъ, весьма похвальнымъ препровожденіемъ времени, вы ни за грошъ погубили порядочнаго человѣка. Б. въ теченіи трехъ лѣтъ былъ тридцать разъ на шагъ отъ женидьбы; тридцать разъ она ему не удавалась; en était-il plus malheureux? Онъ ни минуты, никогда не жилъ безъ любви, и отлюбивши женщину, она ему становилась противна. Я все это говорю въ доказательство непостояннаго характера Б., котораго молодость не должна бы быть обречена семейственной жизни. Ты скажешь, что онъ счастливъ. Вѣрю, mais attendons la fin, говоритъ басня, а тяжело заплатить цѣлымъ вѣкомъ скуки и отвращенія много много за годъ благополучія. Б. вѣчно преслѣдовала мысль, что жениться ему необходимо; но кто же изъ порядочныхъ вѣрилъ ему? Не говоря объ характерѣ Б., спрашиваю тебя,

обстоятельства его допускали ли его до этой глупости. Какую онъ выбралъ себѣ дорогу? Какъ онъ хочетъ себя устроить? ..... Для поэзіи онъ умеръ; его родъ т. е. эротическій, не къ лицу мужу; и теперь изъ издаваемаго собранія своихъ сочиненій онъ выкидываетъ лучшія пьэсы по этой самой причинѣ, а исключить Б. изъ области поэзіи, это штука Эрострата, и тебѣ подобаетъ слава сія—радуйся!...“ („Русскій Архивъ“ 1878 г., кн. 3, стр. 397—398).

98. А. А. В[оейков]ой. (стр. 85). Впервые напечатано въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1827 г., стр. 226, подъ заглавіемъ „А. А. В—ой“ и съ подписью *Е. Баратынскій*, почти одновременно съ появленіемъ („А. А. В....ой“) въ „Литературномъ Музеумѣ“ на 1827 г. (стр. 60). Перепечатано въ „Опытѣ русской анѳологіи“ 1828 (А. А. В—ой). Вошло безъ измѣненія въ изданія 1827 (стр. 73) и 1835 гг. (стр. 87; въ послѣднемъ — безъ заглавія). Автографъ этого стихотворенія находится въ альбомѣ Н. Л. Боратынской (Казанскій архивъ) въ числѣ „сочиненій Евгенія Баратынскаго *1824 и 1825* года“ и имѣетъ слѣдующій (очевидно, черновой) видъ (зачеркнутое авторомъ помѣщаемъ въ скобкахъ):

А. А. В — ой.

Очарованье красоты
(Въ тебѣ не странно) Твоей во благо намъ:
Не будишь насъ какъ солнце ты
Къ мятежнымъ суетамъ;
Отъ дольной жизни какъ луна,
Манишь за край земной
(И при тебѣ) Съ тобой какъ ты душа полна
(Священной) (Святою) (Прекрасной) Высокой тишиной.

Посмертными изданіями стихотвореніе озаглавлено „А. А. Воейковой“ и ошибочно отнесено къ 1827 году: по свидѣтельству автора, оно написано не позже 1825 года.

Стихотвореніе это посвящено Александрѣ Андреевнѣ Воейковой (рожд. Протасовой, род. въ 1797 г., ум. въ 1829 году), женѣ писателя А. Ѳ. Воейкова и племянницѣ Жуковскаго (а также и крестницѣ его), которой послѣдній посвятилъ свою „Свѣтлану“. Всѣ отзывы современниковъ говорятъ о необыкновенной душевной красотѣ А. А. Воейковой, умершей 32-хъ лѣтъ отъ чахотки, развившейся вслѣдствіе страшной нравственной пытки, которую доставляло ей ея неудачное замужество. В. А. Жуковскій называлъ ее „добрымъ животворнымъ геніемъ“.

99. Эпиграмма (стр. 85). Печатается по автографу Боратынскаго, хранящемуся въ Казанскомъ архивѣ (Альбомъ Н. Л. Боратынской). Впервые напечатано, подъ заглавіемъ „Эпиграмма“ въ изданіи 1827 (стр. 91); въ изданіи 1835 года эпиграмма была помѣщена безъ заглавія (стр. 90) и съ варіантомъ 1-го стиха: „Идилликъ новый на искусъ“. Всѣ издатели ошибочно относятъ эпиграмму къ 1827 году: въ дѣйствительности она написана не позже 1825 года, какъ о томъ свидѣтельствуетъ надпись въ альбомѣ Н. Л. Боратынской рукой поэта: „Сочиненія Евгенія Баратынскаго *1824 и 1825 года*“.

100. Пѣсня (стр. 86). Печатается по изданію 1827 года (стр. 102—103; перепечатано безъ измѣненій въ изданіи 1835 года, стр. 103—104, но выпу-

щено заглавіе). Впервые напечатано въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1827 г., стр. 265—266, подъ заглавіемъ „Пѣсня“ и съ подписью *Е. Баратынскій.*

Всѣми издателями „Пѣсня“ ошибочно отнесена къ 1827 году: дата стихотворенія устанавливается альбомомъ Н. Л. Боратынской съ автографами поэта.

„Сѣверная Пчела“ (1827 г., № 40, 2 апрѣля) признала „Пѣсню“ истиннымъ украшеніемъ альманаха „Сѣверные Цвѣты“.

101. Эпиграмма (стр. 87). Впервые напечатано въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1827 г., стр. 332, подъ заглавіемъ „Эпиграмма“ и съ подписью *Е. Б—й* и вошло безъ измѣненія въ изданіе 1827 года (стр. 125).

Въ автографѣ Боратынскаго (Альбомъ Н. Л. Боратынской, хранящійся въ Казанскомъ архивѣ) эпиграмма эта (безъ заглавія) читается иначе:

И ты поэтъ и онъ Поэтъ;
Но разницу межъ васъ находятъ
Его стихи выходятъ въ свѣтъ
Твои стихи въ печать выходятъ

Послѣднее чтеніе принято также всѣми издателями сочиненій Боратынскаго, и эпиграмма отнесена ошибочно къ 1827 году: по свидѣтельству самого поэта, она написана не позже 1825 года.

102. *** (стр. 87). Издается впервые по копіи Л. С. Пушкина, хранящейся въ бумагахъ П. Я. Дашкова (сообщено П. Е. Щеголевымъ). Дата эпиграммы приблизительно опредѣляется стихотвореніями Пушкина и Боратынскаго, находящимися на четвертушкѣ листа (изъ нихъ одно—„Очарованье красоты“— автографъ Боратынскаго, остальныя стихотворенія въ записи Л. С. Пушкина). Черезъ одну неизданную эпиграмму Пушкина записана эпиграмма, отнесенная издателями Пушкина къ 1820 году:

Какъ брань тебѣ не надоѣло:
Росчетъ коротокъ мой съ тобой,
Ну такъ, я празденъ, я безъ дѣла,
А ты бездѣльникъ дѣловой

Повидимому, эпиграмма Боратынскаго имѣетъ связь съ эпиграммой Пушкина и направлена на одно и то же лицо (быть можетъ, Булгарина?).

103. *** (стр. 87). При жизни поэта не печаталось; извлечено изъ письма Е. А. Боратынскаго къ Н. В. Путятѣ, въ январѣ 1826 года, хранящагося въ бумагахъ И. Ѳ. Тютчева (это письмо неточно напечатано во всѣхъ изданіяхъ сочиненій Боратынскаго). Шестой стихъ читается въ автографѣ такъ:

(Какой) Срамецъ, срамецъ! всѣ (вопютъ) шепчутъ – Вотъ извѣстье!

Что Боратынскій имѣлъ въ виду именно Ѳ. Булгарина, опредѣляется этимъ письмомъ, въ которомъ Боратынскій между прочимъ пишетъ: „Любезнаго Буткова, нѣжнаго обожателя Ф. В. Булгарина, благодарю за замечаніе.... Между тѣмъ вотъ ему на потѣху маленькое посланьице къ его пріятелю....“

104. Эпиграмма (стр. 88). Впервые напечатано въ „Московскомъ Телеграфѣ“ 1826 г., ч. VII, стр. 124, подъ заглавіемъ „Совѣтъ“ и съ подписью *Баратынскій*. Вошло въ изданія 1827 (подъ заглавіемъ „Эпиграмма“, стр. 97)

и 1835 гг. (безъ заглавія, стр. 151) Въ „Московскомъ Телеграфѣ“ (также и въ письмѣ къ Н. В. Путятѣ) второй стихъ читается такъ:

Не трогайте, смазливыя вострушки!

Дата этой эпиграммы опредѣляется письмомъ Е. А. Боратынскаго къ Н. В. Путятѣ (въ январѣ 1826 года), въ которомъ поэтъ, ожидая отставки, говоритъ: „Стихи у меня что-то не пишутся и я почти ни чѣмъ не занятъ. Когда рѣшится судьба моя, болѣе спокойный духомъ, снова примусь за перо. Вотъ тебѣ покуда эпиграмма на поэтовъ прекраснаго пола...“ (Подлинникъ письма находится въ бумагахъ И. Ѳ. Тютчева).

105. Наяда (стр. 88). Напечатано впервые въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1827 г., стр. 330, и въ „Сѣверной Лирѣ“ (альманахъ Раича и Ознобишина) на 1827 г., стр. 26, подъ заглавіемъ „Наяда“ и съ подписью *Е. Баратынскій*; перепечатано въ „Опытѣ русской Анѳологіи“ М. Яковлева, 1828. „Наяда“ вошла въ изданія 1827 (стр. 108; въ оглавленіи подзаголовокъ *подраж. Шенье)* и 1835 гг. (въ послѣднемъ безъ заглавія, стр. 192).

Отнесено издателями ошибочно къ 1827 году: стихотвореніе написано не позже 1826 года.

Въ „Сѣверной Пчелѣ“ (1827, 2 апрѣля, № 40) о „Наядѣ“ (и „Пѣснѣ) отозвались, какъ объ истинномъ украшеніи „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“. Наяда представляетъ собою переводъ слѣдующаго стихотворенія А. Шенье:

Ie sais, quand le midi leur fait désirer l'ombre,
Entrer à pas muets sous le roc frais et sombre,
D'ou parmi le cresson et l'humide gravier
La naiade se fraye un oblique sentier.
Là j'épie à loisir la nymphe blanche et nue
Sur un banc de gazon mollement átendue,
Qui dort, et sur sa main, an murmure des eaux
Laisse tomber son front couronné de roseaux.

Отличаясь близостью къ оригиналу, переводъ Боратынскаго вмѣстѣ съ тѣмъ превосходитъ его сжатостью и скульптурной отчетливостью антологическаго стихотворенія.

106. *** (стр. 88). Впервые издается эта эпиграмма на В. Л. Пушкина, извлеченная нами изъ письма князя П. А. Вяземскаго къ А. И. Тургеневу и В. А. Жуковскому (отъ 6-го января 1827 года изъ Москвы), хранящагося въ Архивѣ Тургеневыхъ. Мы печатаемъ эту эпиграмму вслѣдъ за „Наядой“ на томъ основаніи, что князь Вяземскій, выписавъ „нѣсколько скоромностей Баратынскаго“ (эпиграмму на В. Л. Пушкина и слѣдующее стихотвореніе—107), добавляетъ: А вотъ прелесть его, переводъ изъ André Chénier—и выписываетъ „Наяду“. „Василій непотѣшный“ — Василій Львовичъ Пушкинъ, дядя А. С. Пушкина; „Буяновъ потѣшный“ — герой его извѣстной повѣсти „Опасный сосѣдъ“.

107. *** (стр. 88). Издается впервые. Извлечено изъ письма князя Вяземскаго къ А. И. Тургеневу и В. А. Жуковскому. См. примѣчаніе къ предыдущему стихотворенію.

108. Въ Альбомъ (стр. 89). Печатается по изданію 1827 г. (стр. 85). Впервые появилось въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ 1827 г., ч. 2, стр. 9, подъ заглавіемъ „Эпиграмма“ и съ подписью *Б.* Вошло безъ заглавія въ изд. 1835 г., стр. 50 (въ посмертныхъ изданіяхъ по 1827 г. — „Въ Альбомъ“). Это стихотвореніе было напечатано въ собраніи стихотвореній для альбомовъ „Листки грацій“, М. 1829, стр. 35, 36, съ подписью Ал. Галаховъ (!) и съ измѣненіемъ двухъ послѣднихъ стиховъ:

Что многіе о милой Катѣ мыслятъ,
Когда она не мыслитъ ни о комъ!

Всѣми издателями стихотвореніе „Въ Альбомъ“ ошибочно отнесено къ 1827 г. „Милая Лиза“, по всей вѣроятности, Е. Купріянова (такъ и въ отмѣткахъ С. А. Рачинскаго въ экземплярѣ изд. 1827 г., подаренномъ поэтомъ своей сестрѣ В. А. Рачинской).

109. Эпиграмма (стр. 89). Напечатано впервые въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ 1827 г., ч. I, стр. 254, подъ заглавіемъ „Эпиграмма“ и съ подписью *2;* вошло въ изданія 1827 (стр. 112) и 1835 гг. (стр. 105, въ послѣднемъ — безъ заглавія).

Издатели посмертныхъ собраній сочиненій Боратынскаго ошибочно относятъ „Эпиграмму“ къ 1827 году: она написана не позже 1826 года.

110. Эпиграмма (стр. 89). Издается по тексту изд. 1827 г., стр. 101 (перепечатано безъ заглавія въ изд. 1835 г., стр. 130). Впервые напечатано въ альманахѣ А. Измайлова „Литературный Музеумъ на 1827 г.“, стр. 259, подъ заглавіемъ „Эпиграмма“ и съ подписью *Е. Баратынскій,* съ разночтеніемъ первыхъ двухъ стиховъ:

Не любишь, важный журналистъ,
Ты наше модное маранье;

Посмертными собраніями сочиненій Боратынскаго эта эпиграмма отнесена ошибочно къ 1827 году: въ дѣйствительности она написана не позже 1826 года.

Высказываемъ предположеніе, что „Эпиграмма“ имѣетъ въ виду М. Т. Каченовскаго.

111. Эпиграмма (стр. 89). Впервые напечатана въ изданіи 1827 года (стр. 114) и при жизни поэта не перепечатывалась.

Отнесена издателями къ 1827 году.

Въ „Приложеніяхъ“ къ „Московскому Телеграфу“ 1830 г., № 2, появилась слѣдующая пародія на эту эпиграмму, подписанная псевдонимомъ—*Гамлетовъ:*

Эпиграмма.

Зачѣмъ мою хорошенькую музу,
Голубчикъ мой, ты вздумалъ освистать?
Зачѣмъ, скажи, схоластики обузу
На жаръ ума ты вздумалъ промѣнять?
Тебя спасалъ сто разъ, скажи, не я ли?
Не я ль тебя лелѣялъ и берегъ,
Когда тебя въ толчки съ Парнаса гнали,
Душа моя, Парнасскій простачекъ.

112. *** (стр. 90). Впервые напечатано въ изданіи 1827 года (стр. 83); перепечатано въ „Опытѣ русской Анѳологіи“ М. Яковлева, 1828; вошло безъ измѣненій въ изданіе 1835 года (стр. 89).

Посмертными изданіями эпиграмма эта ошибочно отнесена къ 1827 году.

113. Эпиграмма (стр. 90). Напечатана въ изданіи 1827 года (стр. 92) и при жизни поэта не перепечатывалась. Въ изданіи 1869 года (а также и во всѣхъ послѣдующихъ) эпиграмма помѣщена безъ заглавія и съ иной редакціей 1 стиха:

Свои стихи То—въ піитъ

и въ примѣчаніяхъ приведенъ варіантъ по „рукописной тетрадкѣ“ (чьей?):

Свои стихи Дренцовъ, піитъ

114. Къ *** (стр. 90). Впервые напечатано въ „Московскомъ Телеграфѣ“ 1827 года, ч. 13, № 3, стр. 96, подъ заглавіемъ „Къ ***“ и съ подписью *Баратынскій;* вошло безъ измѣненія въ изданія 1827 (стр. 98—99) и 1835 гг. (въ послѣднемъ — безъ заглавія, стр. 139). Посмертными изданіями сочиненій Боратынскаго этому стихотворенію дано заглавіе „А. Н. М.“ (т. е. Андрею Николаевичу Муравьеву, ученику Боратынскаго въ поэзіи; „Тавридѣ“ Муравьева Боратынскій посвятилъ въ „Московскомъ Телеграфѣ“ 1827 года доброжелательный разборъ), хотя и прибавлено въ примѣчаніяхъ, что правильнѣе было бы отнести ее къ „А. С. П.“ (т. е. Пушкину). Остается открытымъ вопросъ — къ кому обратился поэтъ съ этимъ стихотвореніемъ: за Муравьева говоритъ 1) тонъ наставленія, напутствія, 2) почти полное совпаденіе времени выступленія А. Н. Муравьева на литературную дѣятельность съ временемъ написанія этого стихотворенія и 3) то, что почти во всѣхъ копіяхъ Н. Л. Боратынской стихотворенію дано заглавіе „А. Н. М.“; съ другой стороны выраженіе „наставникъ и пророкъ“ мало примѣнимо къ начинающему поэту и гораздо болѣе умѣстно по отношенію къ Пушкину, которому Боратынскій приписывалъ желаніе приноровляться къ публикѣ, брать у моды „на вѣнокъ своей Каменѣ ея тафтяные цвѣты“ и, кромѣ того, врядъ ли Боратынскому нужны были ширмы трехъ звѣздочекъ, если бы рѣчь шла дѣйствительно объ Андреѣ Николаевичѣ Муравьевѣ.

Въ автографѣ (бумаги проф. Помяловскаго, хранящіяся въ Имп. Публ. Библіотекѣ) 3 и 4 стихи имѣютъ слѣдующее разночтеніе:

Не разъ въ чаду ихъ пылкой Геній
Сномъ непробуднымъ засыпалъ

а въ нѣкоторыхъ копіяхъ Н. Л. Боратынской (Казанскій архивъ) иначе читается послѣдній стихъ:

Его критическимъ перомъ.

Издатели сочиненій Боратынскаго неправильно относятъ это стихотвореніе къ 1827 году: въ дѣйствительности оно написано въ 1826-мъ.

См. замѣтку М. Л. Гофмана „Боратынскій о Пушкинѣ“ („Пушкинъ и его современники“, вып. XVI, стр. 143—160).

115. Въ альбомъ (стр. 91). Впервые напечатано въ изданіи 1827 года (стр. 84) подъ этимъ заглавіемъ, перепечатано въ „Опытѣ русской анѳологіи“

М. Яковлева, 1828, стр. 175. Въ изданіи 1835 года это стихотвореніе помѣщено безъ заглавія (стр. 35) и съ варіантами слѣдующихъ стиховъ:

2 Любой удѣлъ, любое счастье въ мірѣ,
6 Но блага всѣ единымъ именуя,
8 Чѣмъ Д..... понравиться могу я.

Въ копіи Н. Л. Боратынской (Казанскій архивъ) послѣдній стихъ читается опять иначе:

Чѣмъ Машинькѣ понравиться могу я.

Эти разночтенія указываютъ на то, что Боратынскій, повидимому, не имѣлъ въ виду опредѣленнаго лица, которому онъ писалъ „Въ Альбомъ“.

116. Случай (стр. 91). Впервые напечатано въ изданіи 1827 г. (стр. 94); перепечатано въ „Эвтерпѣ“, М. 1831 и „Венерѣ“, М. 1831, ч. I. Въ изданіи 1835 года это стихотвореніе помѣщено безъ заглавія (стр. 80). Это стихотвореніе почему то не вошло ни въ одно „полное собраніе сочиненій“ и только въ 1899 году появилось на страницахъ „Русскаго Архива“ (1899, № 11, „Позабытыя произведенія Е. А. Боратынскаго“, стр. 447).

Относимъ предположительно къ 1826 году.

Въ рецензіи 1835 года Бѣлинскій выписалъ это стихотвореніе (т. II, стр. 247—248) и возмущенно писалъ: „Чѣмъ это сантиментальное стихотвореніе лучше „Тріолета Лилетѣ“ написаннаго Карамзинымъ?.... И это поэзія?.... И это хотятъ насъ заставить читать, насъ, которые знаютъ наизусть стихи Пушкина?.. И говорятъ еще иные, что XVIII вѣкъ кончился!..“

117. Къ Амуру (стр. 91). Впервые напечатано подъ этимъ заглавіемъ въ изданіи 1827 года (стр. 107), повторено въ изданіи 1835 г., стр. 140, но безъ заглавія (какъ и печатается во всѣхъ полныхъ собраніяхъ сочиненій, кромѣ изд. 1900 г., ошибочно отнесшихъ стихотвореніе къ 1827 году).

Бѣлинскій (Соч. т. II, стр. 248) выписалъ это стихотвореніе въ своей рецензіи 1835 года, какъ одно изъ самыхъ неудачныхъ.

118. Товарищамъ (стр. 92). Впервые напечатано въ изданіи 1827 года (стр. 105—106); вошло безъ измѣненія въ изд. 1835 г. (безъ заглавія, стр. 90—91; посмертными изданіями заглавіе возстановлено). Впослѣдствіи (когда именно — неизвѣстно) Боратынскій сталъ передѣлывать это стихотвореніе, замѣняя четырехстопный ямбъ четырехстопнымъ хореемъ, но бросилъ это исправленіе, и въ копіи Н. Л. Боратынской (Казанскій архивъ) сохранилась эта *попытка* измѣнить размѣръ въ слѣдующихъ стихахъ:

1—9 Отставнаго шалуна
Вновь шалить не убѣждайте,
Иль златыя времяна
Юныхъ шалостей отдайте!
Измѣняютъ годы насъ
За одно и наши нравы
Отъ души люблю я васъ
Но не прежнія забавы.
Вакхъ, увѣнчанный плющемъ,
11 И шатаясь, вечеркомъ

12 Къ вашимъ нимфамъ не заводитъ.
13 Я гулякамъ заперъ дверь
17—20 Въ первомъ буйствѣ юныхъ дней
Неудержны наши страсти:
И тогда мы не въ своей
Въ неоспоримой ихъ власти.

Такимъ образомъ, изъ 24 стиховъ 8 остались неисправленными; это однако не помѣшало изданію 1869 года внести попытку исправленія въ основной текстъ, въ которомъ самымъ неправильнымъ образомъ смѣшаны ямбы съ хореями. Изданіе 1884 года (и позднѣйшія перепечатки) исправили эту ошибку, принявъ основнымъ текстомъ изданіе 1835 года, но приведенные варіанты въ изд. 1900 г. подали поводъ В. Брюсову ошибочно утверждать, что стихотвореніе „Товарищамъ" „теперь переложенное въ ямбы, было *первоначально* набросано хореями" („Русскій Архивъ" 1900, № 4, стр. 545—555).

Замѣтимъ также, что въ концѣ 1826 года Боратынскій уже вполнѣ закончилъ приготовленіе къ печати своего собранія стихотвореній (почему въ это собраніе и не вошли стихотворенія, написанныя въ началѣ 1827 года), вслѣдствіе чего намъ кажется неправильнымъ относить это стихотвореніе къ 1827 году.

Высказываемъ предположеніе, что это стихотвореніе находится въ связи съ женитьбой поэта въ 1826 году, и въ немъ Б. прощается съ товарищами своей холостой жизни — Л. С. Пушкинымъ, С. А. Соболевскимъ и другими....

119. Къ — ву. Отвѣтъ (стр. 93). Впервые напечатано подъ этимъ заглавіемъ въ изданіи 1827 года (стр. 145—147); вошло въ изд. 1835 года безъ заглавія (стр. 142—144). Въ копіи Н. Л. Боратынской, хранящейся въ Казанскомъ архивѣ, послѣдній стихъ измѣненъ:

Но полюби ты Феба прежде.

Такъ же читается это стихотвореніе и во всѣхъ посмертныхъ собраніяхъ сочиненій Боратынскаго, возстановившихъ заглавіе по изд. 1827 г. и неправильно отнесшихъ „Отвѣтъ" къ 1827 году.

120. Она (стр. 94). Напечатано въ „Славянинѣ" 1827 г., ч. II, стр. 293, подъ заглавіемъ „Она" и съ подписью *Баратынскій;* при жизни поэта не перепечатывалось, но вошло (безъ измѣненія) во всѣ посмертныя изданія сочиненій Боратынскаго.

121. На некрасивую виньетку, представляющую Автора за письменнымъ столомъ, а подлѣ него Истину (стр. 95). Печатается по копіямъ Н. Л. Боратынской въ ея тетрадяхъ, хранящихся въ настоящее время въ Казанскомъ архивѣ Боратынскихъ. Напечатано въ „Московскомъ Телеграфѣ" 1827, ч. XV, стр. 5, подъ заглавіемъ „Журналистъ Фигляринъ и Истина", съ варіантомъ 2 стиха:

Зотовъ журналистъ

Такъ же читается эта эпиграмма въ „Современникѣ" 1854 г., № 10, стр. 159, но съ инымъ заглавіемъ: „На виньетку представляющую господина за письменнымъ столомъ, а возлѣ него Истину" (сообщено въ „Современникъ"

И. С. Тургеневымъ). Эпиграмма при жизни Боратынскаго не перепечатывалась и впервые вошла въ полное собраніе сочиненій Боратынскаго подъ редакціей И. Н. Божерянова, (стр. 77), въ которомъ принято чтеніе „Московскаго Телеграфа".

Фигляринъ — Ѳ. В. Булгаринъ. Прозвище это придумано было княземъ П. А. Вяземскимъ и, въ первый разъ пущенное въ печать Е. А. Боратынскимъ, очень привилось въ литературныхъ кругахъ.

Въ томъ же 1827 году, въ которомъ была напечатана эта эпиграмма, вышло изданіе стихотвореній Боратынскаго, и Булгаринъ помѣстилъ (въ „Сѣверной Пчелѣ", 3 декабря, № 146) восторженный отзывъ объ этомъ сборникѣ; между прочимъ Булгаринъ писалъ: „Прочелъ разъ, прочелъ другой — и критическое перо полетѣло подъ столъ. Честь вамъ и слава, Г. Поэтъ! Вы побѣдили меня звуками своей лиры! Вы сдѣлали пародію въ стихахъ, изъ предисловія къ моимъ сочиненіямъ: Истина и Авторъ. Теперь вы удостовѣритесь, что я точно такъ поступаю, какъ сказалъ: могу, какъ человѣкъ, ошибаться, но никогда съ умысломъ не отступаю отъ истины, и не слѣдую внушенію страстей — въ общемъ дѣлѣ..."

Необходимо прибавить, что вскорѣ послѣ этого отзыва Булгаринъ пересталъ выказывать свои рыцарскія наклонности.

122. *** (стр. 95). Извлечено изъ письма Е. А. Боратынскаго 1827 года къ Н. В. Путятѣ.

Николай Васильевичъ Путята (1802—1877) — близкій другъ Боратынскаго (см. о немъ въ біографическомъ очеркѣ). Н. В. Путята, игравшій большую роль въ жизни поэта, послѣ смерти его сдѣлалъ очень многое для изученія творчества и жизни Боратынскаго. Крайне бережно относившійся ко всему, что выходило изъ-подъ пера его друга-поэта, Н. В. Путята, какъ можно думать, сберегалъ каждую записку Боратынскаго, вклеивая записки и письма поэта въ свои тетради и сопровождая ихъ замѣчаніями. Къ сожалѣнію, и для насъ, и для самого Путяты, кое-что въ письмахъ къ нему Боратынскаго оказалось зачеркнутымъ Н. Л. Боратынской, которой онъ давалъ (по смерти поэта) для прочтенія свои тетради. Письма къ Путятѣ (а также наброски послѣдняго біографіи Боратынскаго, нѣкоторые автографы — стихотворенія и переводы стихотвореній на французскій языкъ), напечатанныя до сихъ поръ далеко не полно (и далеко не всѣ), хранятся въ настоящее время въ бумагахъ И. Ѳ. Тютчева (архивъ сельца Муранова).

123. Послѣдняя Смерть (стр. 95). Впервые напечатано въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ" на 1828 г., стр. 89—93, подъ заглавіемъ „Послѣдняя Смерть" и съ подписью *Е. Баратынскій*. Въ изданіе 1835 года (стр. 200—204) оно вошло съ измѣненіемъ слѣдующихъ стиховъ:

9 Какъ будто бы своей отчизны давней
33 Ужъ разсѣкалъ небесныя равнины
74 Открылася ужасная картина:
77 Гдѣ люди? гдѣ? скрывалися въ гробахъ!
86 Торжественно повсюду воцарилась,

Стихотвореніе это ошибочно отнесено къ 1828 году: оно написано не позже 1827 года („Сѣверные Цвѣты" на 1828 г. были отпечатаны въ 1827 году).

Въ рецензіи „Московскаго Телеграфа“ (1828, январь, стр. 125) на „Сѣверные Цвѣты“—„Послѣдняя смерть“ была названа „первою пьесою по предмету, гдѣ вдохновенная поэзія сливается съ философической идеею, и по выраженію поэтическому“; Ѳ. Булгаринъ (въ „Сѣверной Пчелѣ“ 1828, 12 января, № 5) писалъ, что „*Послѣдняя Смерть*, стихотвореніе Г. Боратынскаго, обратило на себя вниманіе любителей, и заставило говорить объ немъ въ обществахъ. Оно припоминаетъ Мракъ, соч. Бейрона. Стихотвореніе отличное во многихъ отношеніяхъ, но предметъ такъ богатъ, что кажется, будто піеса не кончена, будто что-то не досказано, и картины представлены въ однихъ очеркахъ...“

В. Бѣлинскій (Соч. т. VII, стр. 483—484) считаетъ это стихотвореніе, „отличающееся превосходными стихами“ — „апоѳеозой всей поэзіи Баратынскаго“ и полнымъ выраженіемъ его міросозерцанія; но въ „Послѣдней смерти“ Бѣлинскій видитъ только „великолѣпную фантазію“ и упрекаетъ поэта и его эпоху въ раздорѣ мысли съ чувствомъ—раздорѣ, являющемся, по мнѣнію критика, причиною недолговѣчности поэзіи Боратынскаго, „выразившей собой ложное состояніе переходнаго поколѣнія“.

По нашему мнѣнію, „Послѣдняя Смерть“ Боратынскаго нѣсколько напоминаетъ поэму И. Богдановича „Сугубое блаженство“ (сокращенную авторомъ въ поэму „Блаженство народовъ“) какъ по формѣ, такъ иногда и по мысли. Конечно, и мысль и стихъ Боратынскаго иные, но, какъ намъ кажется, можно усмотрѣть въ нихъ общія мѣста съ нѣкоторыми отрывками изъ „Сугубаго Блаженства“ (Изд. Смирдина 1848, т. I, стр. 175—196).

Намъ не представляется страннымъ воздѣйствіе Богдановича на Боратынскаго: Боратынскій, шедшій своимъ независимымъ путемъ въ XIX вѣкѣ, былъ многимъ обязанъ XVIII в., литературу котораго онъ хорошо зналъ. Въ частности, Боратынскій зналъ и любилъ И. Ѳ. Богдановича, какъ о томъ свидѣтельствуется посланіе его „Богдановичу“ 1824 года.

124. Мара (стр. 98). Печатается по изданію 1835 года (стр. 189—191; заглавіе дано автографомъ Боратынскаго въ тетради Н. Л. Боратынской (Казанскій архивъ). Впервые напечатано (повидимому, не совсѣмъ исправно) въ „Московскомъ Телеграфѣ“ 1828 г., январь, № 2, стр. 191, подъ заглавіемъ „Стансы“ и съ подписью *Е. Баратынскій.* Въ „Московскомъ Телеграфѣ“ 6-ая строфа опущена, и стихотвореніе имѣетъ слѣдующія разночтенія:

1 Обременительныя цѣпи
15 Я наблюдалъ людское племя,
17 Ко благу чистое стремленье
31 Мою подругу молодую
34 Съ ней милый бытъ мой утая,
38–40 Въ любовь послѣднюю мою
Немногихъ добрыхъ восприму я
И семью малую мою!

Въ автографѣ мы читаемъ (въ скобкахъ помѣщаемъ зачеркнутое авторомъ):

1 Самовластительные цѣпи
19 Но (находило) обрѣло ли раздѣленье
20 (Въ немногихъ братіяхъ оно) Но принесло ли плодъ

21 (И то восторги молодые) Я братьевъ звалъ, но сны младые
23 Далече странствуютъ иные

Послѣдніе три стиха читаются въ автографѣ такъ же, какъ и въ „Московскомъ Телеграфѣ".

Изданіе 1869 года (а равно и всѣ послѣдующія) дало этому стихотворенію заглавіе „Родина" (произвольное? — въ копіяхъ Н. Л. Боратынской мы встрѣчаемъ тоже только одно заглавіе „Мара") и отнесло его ошибочно къ 1828 году, между тѣмъ какъ „Мара" написана въ 1827 году.

Въ „Дамскомъ Журналѣ" (1828 г., ч. 22, № 8, „Письмо къ Лужницкому старцу о быстрыхъ успѣхахъ Русской Поэзіи", стр. 67—75, статья, подписанЮ—гъ К—въ) былъ произведенъ очень подробный и мелочный разборъ въ такомъ родѣ: „Не правда ли, что начальный стансъ — превосходенъ? Вы, можетъ быть, спросите: „Изъ какихъ цѣпей вырвался поэтъ? гдѣ онъ находился?" Читателю нѣтъ надобности знать объ этомъ; первые два стиха картинны, новы и слѣдовательно чудесны! Далѣе, вы вѣрно скажете, что *„родныя степи* не могутъ быть ни *начальною,* ни *среднею,* ни *конечною любовью,* равно какъ любовь не бываетъ ни *степью,* ни *лугомъ,* ни *полемъ".* Согласенъ; да это по старинному; міръ романтическій есть міръ превращеній: тамъ небылицы являются въ лицахъ... Возскорбимъ со вздыханіемъ теперь и мы, что высокостепный авторъ нашъ, *бродя по свѣту и наблюдая людское племя возскорбилъ* и прервалъ свои наблюденія: онъ лишилъ потомство многаго. Можетъ быть, онъ не возскорбилъ бы, наблюдая *племя* обезьянъ, *племя* попугаевъ, *племя* рыбъ, *племя* червей и прочія *племена* царствъ ископаемаго и прозябаемаго. Возскорбимъ же съ сокрушеніемъ и о томъ, что языкъ Русской Поэзіи больно, больно скорбитъ въ стихотворныхъ узахъ нашего писателя!"... и т. д. и т. д. Не можемъ не согласиться съ мнѣніемъ М. Н. Лонгинова („Русскій Архивъ" 1867 г., стр. 248—264 — „Баратынскій и его сочиненія"), что чувство успокоенія, явившееся вслѣдствіе сознанія, что цѣлая сторона земной жизни имъ разгадана, внушило поэту этотъ „торжественный гимнъ любви и умиленія".

Мара — имѣніе Боратынскихъ въ Тамбовской губ. (Кирсановскаго уѣзда), въ которомъ родился Е. А. Боратынскій.

„Супруга молодая съ младенцемъ тихимъ на рукахъ" — Н. Л. Боратынская (см. о ней въ біографическомъ очеркѣ) съ первою дочерью поэта — Александрой Евгеніевной.

125. Смерть (Подражаніе А. Шенье) (стр. 102). Напечатано впервые въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ" на 1829 г., стр. 46, подъ этимъ заглавіемъ и съ подписью *Баратынскій.* Вошло въ изданіе 1835 года подъ заглавіемъ „Изъ А. Шенье" (стр. 172) и варіантомъ 6-го стиха:

И цѣпи отряхнуть я самъ себя молю.

Въ автографѣ Боратынскаго (тетрадь Н. Л. Боратынской, Казанскій архивъ) имѣется варіантъ 4-го стиха:

Гляжу съ любовію на сладкую могилу,

Это стихотвореніе отнесено всѣми издателями ошибочно къ 1829 году: оно написано не позже 1828 г., т. к. появилось въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ" *на 1829 г.*

„Смерть“ Боратынскаго представляетъ собою подражаніе (сокращенное) „Elégie XXV“ А. Шенье.

126. Деревня (стр. 102). Впервые напечатано въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1829 г., стр. 59, подъ заглавіемъ „Деревня“ и съ подписью *Баратынскій;* вошло въ изданіе 1835 года безъ заглавія (стр. 125).

Стихотвореніе это ошибочно относится къ 1829 году: оно написано не позже 1828 г.

127. Старикъ (стр. 102). Впервые напечатано въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1829 г., стр. 64, подъ заглавіемъ „Старикъ“ и съ подписью *Баратынскій;* вошло безъ измѣненія въ изданіе 1835 года (стр. 152—153).

Всѣ издатели сочиненій Боратынскаго ошибочно относятъ это стихотвореніе къ 1829 году.

128. *** (стр. 103). Впервые напечатано въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1829 г., стр. 170, вмѣстѣ съ другими стихотвореніями („Старательно мы наблюдаемъ свѣтъ“, „Мой даръ убогъ“, „Глупцы не чужды вдохновенья“ и „Не подражай: своеобразенъ геній“) подъ общимъ заглавіемъ „Антологическія стихотворенія“ и съ подписью *Е. Баратынскій.* Въ изданіи 1835 года (стр. 221) другое чтеніе имѣютъ стихи 5—8:

Ты самъ себя, и простъ и поделъ вкупѣ,
Ипитимьей затѣйливой казнишь:
Заботливо толчешь ты уголь въ ступѣ.

Стихотвореніе это ошибочно отнесено къ 1829 году.

129. *** (стр. 103). Впервые напечатано въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1829 г., стр. 170, вмѣстѣ съ другими стихотвореніями Боратынскаго подъ общимъ заглавіемъ „Антологическія стихотворенія“ и съ подписью *Е. Баратынскій;* вошло безъ измѣненія въ изданіе 1835 г. (стр. 222). Въ автографѣ Боратынскаго (Тетрадь Н. Л. Боратынской, Каз. арх.) послѣдній стихъ читается:

Что? старый смыслъ народной поговорки.

Издатели сочиненій Боратынскаго ошибочно относятъ это стихотвореніе къ 1829 году.

130. ***. (стр. 103). Впервые напечатано въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1829 г., стр. 170, вмѣстѣ съ другими стихотвореніями, подъ общимъ заглавіемъ „Антологическія стихотворенія“ и съ подписью *Е. Баратынскій.* Въ изданіи 1835 года (стр. 198) 4—5 стихи читаются:

Его найдетъ далекой мой потомокъ
Въ моихъ стихахъ: какъ знать? душа моя

Стихотвореніе это ошибочно отнесено къ 1829 году.

131. *** (стр. 104). Впервые напечатано въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1829 г., стр. 170, вмѣстѣ съ другими стихотвореніями подъ общимъ заглавіемъ „Антологическія стихотворенія“ и съ подписью *Е. Баратынскій;* вошло безъ измѣненій въ изданіе 1835 года (стр. 55). Въ копіи Н. Л. Боратынской (очевидно, съ позднѣйшаго исправленія поэтомъ) 2 и 3 стихи читаются нѣсколько иначе:

Какъ свѣтлымъ дѣтямъ Аонидъ
И имъ оно благоволитъ:

Это чтеніе принято въ изданіи 1869 года (также и во всѣхъ послѣдующихъ); сверхъ того, редакція 1869 г. въ примѣчаніяхъ даетъ варіантъ этихъ двухъ стиховъ по недошедшей до насъ рукописи:

И имъ оно благоволитъ,
Какъ и любимцамъ Аонидъ:

Стихотвореніе это ошибочно отнесено всѣми издателями къ 1829 году. Бѣлинскій относилъ это стихотвореніе къ числу особенно достойныхъ памяти и вниманія (Соч. т. VII, стр. 494) и называлъ его „прекрасной эпиграммой“ (Соч. т. VI, стр. 328).

132. *** (стр. 104). Впервые напечатано въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1829 г., стр. 170, вмѣстѣ съ другими стихотвореніями, подъ общимъ заглавіемъ „Антологическія стихотворенія“ и съ подписью *Е. Баратынскій.* Вошло (безъ заглавія) въ изданіе 1835 г. (стр. 178).

Посмертными изданіями сочиненій Боратынскаго это стихотвореніе датируется ошибочно 1829-мъ годомъ: въ дѣйствительности оно написано въ 1828 г. во время пребыванія А. Мицкевича въ Москвѣ (въ 1828-мъ году Мицкевичъ уѣхалъ въ Петербургъ).

Повидимому, Боратынскій познакомился съ Адамомъ Мицкевичемъ въ 1828 году въ салонѣ княгини З. А. Волконской и находился съ извѣстнымъ польскимъ поэтомъ въ дружескихъ отношеніяхъ: объ этомъ свидѣтельствуетъ какъ это стихотвореніе, такъ и участіе Боратынскаго въ прощальномъ ужинѣ при отъѣздѣ Мицкевича въ Петербургъ; на этомъ ужинѣ Мицкевичу былъ поднесенъ золотой кубокъ, на которомъ были вырѣзаны имена: Боратынскаго, И. В. и П. В. Кирѣевскихъ, А. А. Елагина, Н. М. Рожалина, Н. А. Полеваго, С. П. Шевырева и С. А. Соболевскаго. И. В. Кирѣевскій прочелъ при этомъ свои стихи. Когда впослѣдствіи въ Москвѣ узнали, что Мицкевичъ, живя подъ Парижемъ, очень нуждается, Хомяковъ собралъ пять тысячъ рублей и послалъ ихъ бѣдному и больному поэту. И въ числѣ немногочисленныхъ жертвователей мы опять встрѣчаемъ имя Е. А. Боратынскаго („Русскій Архивъ“ 1874, кн. 2, стр. 223—224).

133. Бѣсенокъ (стр. 104). Впервые напечатано въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1829 г., стр. 187, подъ названіемъ „Бѣсенокъ“ и съ подписью *Баратынскій.* Въ изданіи 1835 года это стихотвореніе помѣщено безъ заглавія (стр. 207—209) и съ варіантами слѣдующихъ стиховъ:

5—8 Но не пугайтесь: подружился
Я не съ проклятой сатаной,
Кому душою поклонился
За деньги старой Громобой;
16 Случится ль горе иль бѣда,
31 Насильемъ сверженный законъ,

Въ изданіи 1869 года (также и во всѣхъ послѣдующихъ) заглавіе возстановлено, и стихотвореніе это ошибочно отнесено къ 1829 году: въ дѣйстви-

тельности, оно написано не позже 1828 г., т. к. было уже напечатано въ альманахѣ „Сѣверные Цвѣты“ *на 1829 г.*

„Громобой“ — 1-ая часть баллады Жуковскаго „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ“.

134. Княгинѣ З. А. Волконской, на отъѣздъ ея въ Италію (стр. 106). Впервые напечатано въ „Подснѣжникѣ“ на 1829 г., стр. 151—153, подъ указаннымъ заглавіемъ и съ подписью *Баратынскій*. Вошло въ изданіе 1835 г., подъ заглавіемъ „К. З. А. Волконской“ (стр. 137—138) и съ измѣненіемъ слѣдующихъ стиховъ:

12 Гдѣ въ новой, чистой красотѣ
22 Сжимаетъ сердце по неволѣ?
31 Душѣ стѣсненной тяжело

Посмертными изданіями сочиненій Боратынскаго это стихотвореніо отнесено къ 1829 году, между тѣмъ какъ баронъ Дельвигъ писалъ въ 1828 году Боратынскому: „Подснѣжникъ выйдетъ на дняхъ. Я напечаталъ стихи твои къ Зенендѣ. Она согласна была, а ты дай кому обѣщалъ ихъ, другую пьесу“.

Княгиня Зинаида Александровна Волконская (урожд. кн. Бѣлосельская-Бѣлозерская, 1792—1862), поэтесса; въ ея салонѣ собирались представители литературнаго, ученаго и артистическаго міра (см. о ней статью Н. А. Бѣлозерской въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1897, №№ 3 и 4). См. также въ Приложеніи „Куплеты“.

135. Смерть (стр. 107). Впервые напечатано въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ 1829 г., ч. I, стр. 45—46, подъ заглавіемъ „Смерть“ и съ подписью *Баратынскій*. Приготовляя къ печати собраніе своихъ сочиненій, вышедшее въ 1835 году, Боратынскій передѣлалъ это стихотвореніе (см. другія редакціи).

„Смерть“ относится всѣми издателями къ 1829 году; правильнѣе относить это стихотвореніе къ 1828, т. к. оно появилось въ печати уже въ первой книжкѣ „Московскаго Вѣстника“.

136. Въ Альбомъ. (Стр. 108). Впервые напечатано въ „Галатеѣ“, 1829 года, ч. I, № 2, подъ заглавіемъ „Въ альбомъ“ и съ подписью *Баратынскій*. Въ изданіи 1835 года стихотвореніе помѣщено безъ заглавія (стр. 92) и съ слѣдующими варіантами:

1—5 По замѣчанью моему
Альбомъ походитъ на кладбище?
И не подобно ли ему
Онъ всѣмъ открытое жилище?
Не также-ль множествомъ именъ
9 Несетъ надежду жизни вѣчной
10 И трепетъ страшнаго суда.

Въ копіи Н. Л. Боратынской мы находимъ то же чтеніе, съ замѣною 3 и 4 стиховъ однимъ:

Онъ всѣмъ открытое жилище?

Въ изданіи 1869 года первые 4 стиха замѣнены двумя:

Альбомъ походитъ на кладбище:
Для всѣхъ открытое жилище,

и въ примѣчаніяхъ приведенъ варіантъ по недошедшей до насъ рукописи 15—16 стиховъ:

И знаю я и понимаю
Я все ничтожество мое.

Стихотвореніе отнесено издателями къ 1829 году; правильнѣе, однако, относить его къ 1828 г.

Стихотвореніе „Въ Альбомъ“ обращено къ Каролинѣ Карловнѣ Янишъ-Павловой (род. 10 іюля 1807, ум. 2 дек. 1893), женѣ извѣстнаго въ свое время писателя Н. Ф. Павлова; она переводила на нѣмецкій языкъ стихотворенія Пушкина, Боратынскаго, Жуковскаго, бар. Дельвига, Веневитинова, Языкова и др. См. ея Das Nordlicht. Proben der neueren russischen Litteratur von Karoline von Jaenisch, Erste Zieserung, Dresden und Leipzig, in der Arnoldischen Buchgandlung, 1833, (8), ss. 256; въ это собраніе вошли переводы стихотвореній Боратынскаго: „Пѣсня“ (Страшно воетъ, завываетъ); Выдь, дохни намъ упоеньемъ; Переселеніе душъ; Когда взойдетъ денница золотая и Отрывокъ изъ поэмы „Балъ“.

Въ 1832 году Боратынскій писалъ И. В. Кирѣевскому: „Поблагодари за меня милую Каролину за переводъ „Переселенія душъ“. Никогда мнѣ не бывало такъ досадно, что я не знаю по нѣмецки. Я увѣренъ, что она перевела меня прекрасно, и мнѣ бы веселѣе было читать себя въ ея переводѣ, нежели въ своемъ оригиналѣ: какъ въ нѣсколько флатированномъ портретѣ охотнѣе узнаешь себя, нежели въ зеркалѣ“ (Татевскій Сборникъ, Спб. 1899, стр. 44).

137. Vсторіческая Епіграмма (стр. 109). Впервые напечатана въ „Московскомъ Телеграфѣ“ 1829 г., № 7, Апрѣль, стр. 257—258, подъ заглавіемъ „Vсторіческая Епіграмма“ и съ подписью *; вошло въ изданіе 1835 года безъ заглавія, стр. 154, съ обычной орѳографіей, перестановкой словъ въ 5 стихѣ („Вотъ Пушкинъ бѣситъ“) и съ измѣненіемъ двухъ стиховъ:

3 Тебя счастливыми стихами,
6 Какъ отличенъ ты небесами!

Эпиграмма эта написана на Михаила Трофимовича Каченовскаго (род. 1 ноября 1775, ум. 19 апрѣля 1842)— извѣстнаго не столько своею ученою и профессорской дѣятельностью, сколько изданіемъ „Вѣстника Европы“; въ немъ „Лужницкій старецъ“ не щадилъ „красы вѣнцовъ“ тѣхъ поэтовъ, которыхъ высоко цѣнилъ Боратынскій. Орѳографія, принятая въ этой эпиграммѣ Боратынскимъ (і, ѵ), объясняется тѣмъ, что Каченовскій писалъ въ своемъ журналѣ і, ѵ, ѳ въ словахъ, заимствованныхъ съ греческаго языка, и надъ этой орѳографіей Каченовскаго въ современныхъ журналахъ достаточно потѣшались. Въ слѣдующемъ N-рѣ „Московскаго Телеграфа“ (девятомъ) Пушкинъ помѣстилъ свою эпиграмму „Тамъ, гдѣ древній Кочерговскій...“

Дмитріевъ — Иванъ Ивановичъ (род. 10 октября 1760 г., ум. 3 окт. 1837), извѣстный одописецъ и сатирикъ, отвѣчалъ на неблагопріятный разборъ его сочиненій М. Т. Каченовскимъ (въ „Вѣстникѣ Европы“ 1806 г., ч. 26, № 8 и ч. 27, № 9) эпиграммой, очень популярной въ свое время (изъ нея Пушкинъ взялъ послѣдній стихъ въ свою первую эпиграмму на Каченовскаго), но впервые напечатанной только въ „Русскомъ Архивѣ“ 1867 г. (№ 5—6, стр. 985):

Нахальство, Аристархъ, таланту не замѣна;
Я буду все поэтъ, тебѣ наперекоръ,
А ты останешься все тотъ-же крохоборъ,
Плюгавый выползокъ изъ... Дефонтена.

138. Эпиграмма (стр. 109). Напечатана въ альманахѣ „Денница" на 1831 г., стр. 197, вмѣстѣ съ другой эпиграммой на Ѳ. Булгарина („Не то бѣда, Авдѣй Флюгаринъ") подъ общимъ заглавіемъ „Эпиграммы" и безъ подписи; при жизни Боратынскаго не перепечатывалась. Сохранилась эпиграмма въ нѣсколькихъ копіяхъ Н. Л. Боратынской (Казанскій архивъ); въ нѣкоторыхъ изъ нихъ первые два стиха читаются иначе:

Повѣрьте мнѣ — Зоиловъ моралистъ
Намъ говоритъ (вдругъ сталъ оно педагогомъ)

Послѣднее чтеніе напечатано также и И. С. Тургеневымъ въ „Современникѣ" 1854 г., № 10, стр. 159; впервые вошло въ полное собраніе сочиненій подъ редакціей И. Н. Божерянова (стр. 101), въ которомъ принято чтеніе „Денницы", и эпиграмма отнесена къ 1831 году.

Дата эпиграммы, а также и поводъ ея написанія, устанавливается письмомъ М. П. Погодина къ С. П. Шевыреву („Русскій Архивъ" 1882, кн. 3, стр. 80) отъ 28 Апрѣля 1829 года: „...Булг. почитаетъ себѣ соперникомъ теперь одного Пушкина и выступилъ противъ его Полтавы съ ужасно-нелѣпою статьею. Лучшее мѣсто въ поэмѣ, говоритъ онъ, есть пѣснь о козакѣ, и еслибы десять такихъ мѣстъ было, то поэма была бы въ десятеро лучше... Кир[ѣевскій] написалъ противъ него для Галатеи... Боратынскій написалъ презлую эпиграмму на него: „Б. увѣряетъ насъ, что красть грѣшно, лгать стыдно..."

См. примѣчаніе къ эпиграммѣ 1827 г. „На некрасивую виньетку, представляющую Автора за письменнымъ столомъ, а подлѣ него Истину" (стр. 269).

139. Эпиграмма (стр. 109). Напечатана въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ" на 1830 г. стр. 7, и при жизни поэта не перепечатывалась. Эта эпиграмма перепечатана впервые въ „Библіотекѣ для Чтенія" 1859 г., № 6, и вошла только въ изд. И. Н. Божерянова, ошибочно отнесшаго ее къ 1830 году.

А. Пятковскій („Библ. для Чтенія" 1859, № 6) высказываетъ предположеніе, что эпиграмма направлена на Н. И. Надеждина, начавшаго съ 1829 г. писать свои рецензіи въ Вѣстникѣ Европы.

140. Эпиграмма (стр. 110). Впервые напечатано въ альманахѣ Н. Коншина и барона Розена „Царское Село" на 1830 г., стр. 140, подъ заглавіемъ „Эпиграмма" и съ подписью *Е. Баратынскій*; вошло въ изданіе 1835 года (стр. 45) безъ заглавія и съ незначительнымъ измѣненіемъ въ 3 стихѣ (опечатка?):

Побѣды нѣтъ! Сказать — и почему?

Изданіемъ 1869 года дано этой эпиграммѣ заглавіе „Журналисты" (принятое также всѣми послѣдующими издателями) и дата 1830 года: въ дѣйствительности стихотвореніе не могло быть написано позже 1829 года, т. к. въ этомъ году Боратынскій отослалъ его вмѣстѣ съ письмомъ и другими стихотвореніями Н. М. Коншину.

141. При посылкѣ Бала С. Э[нгельгардтъ] (стр. 110). Напечатано въ изданіи 1835 г. (стр. 212) и при жизни поэта не перепечатывалось. Посмертными собраніями сочиненій Боратынскаго стихотвореніе это отнесено, очевидно, ошибочно къ 1834 году: поэма „Балъ" вышла въ концѣ 1828 года, и поэтъ не могъ послать ее позже 1829 года свояченицѣ, съ которой у него были дружественныя отношенія.

Софія Львовна Энгельгардтъ (1811—1884), сестра жены Боратынскаго; въ 1837 году она вышла замужъ за близкаго друга поэта — Н. В. Путяту. Къ ней же обращены и другія стихотворенія Боратынскаго: „Кольцо" и „Нежданное родство съ тобой даруя".

142. Въ альбомъ отъѣзжающей (К. А. Свербеевой) (стр. 111). Впервые напечатано въ альманахѣ „Царское село" на 1830 г., стр. 133, подъ заглавіемъ „Въ Альбомъ отъѣзжающей" и съ подписью *Е. Баратынскій.* Вошло въ изданіе 1835 года подъ заглавіемъ „К. А. Свербеевой" (стр. 205—206) и съ измѣненіями слѣдующихъ стиховъ:

9—12 Небо наше покидая
Ты ли, милая звѣзда,
Небесамъ другова края
Передашся навсегда?

(такъ и во всѣхъ посмертныхъ изданіяхъ). Въ тетради Н. Л. Боратынской (Казанскій архивъ) это стихотвореніе читается въ нѣсколько иной редакціи (первые 11 стиховъ записаны рукою поэта, послѣдніе 5 — Н. Л. Боратынской):

Я слыхалъ: звѣзда иная
Неба нашего краса
Изчезаетъ, востекая
На другіе небеса;
Но на вѣкъ ли съ ней простится?
Нѣтъ, предписанъ ей законъ
Рано-ль, поздно-ль воротится
На старинный небосклонъ.
Небо наше покидая
Ты ли милая звѣзда
Небесамъ другаго края
Заблистаешь навсегда?
Свѣтлой Божіей звѣздою
Новымъ людямъ покажись
Но плѣнивъ своей красою
Рано-ль поздно-ль воротись...

Ошибочно отнесено издателями посмертныхъ собраній сочиненій Боратынскаго къ 1830 году.

Екатерина Александровна Свербеева (1808—1892), урожд. кн. Щербацкая, съ 1828 года была замужемъ за Николаемъ Дмитріевичемъ Свербеевымъ (см. его „Записки", М. 1899); у Боратынскаго были дружественныя отношенія съ этой семьей, онъ часто бывалъ тамъ и неоднократно говорилъ о Свербеевыхъ въ письмахъ своихъ къ Н. Л. Боратынской.

143. Смерть Багговута (стр. 111). Напечатано въ „Сѣверномъ Архивѣ" 1829 г., № 5, стр. 171, подъ заглавіемъ „*Смерть Баговута* 6 октября 1812 г." и съ подписью *Баратынскій*. При жизни поэта не печаталось и не вошло ни въ одно изъ посмертныхъ собраній сочиненій Боратынскаго.

Мы совершенно затрудняемся указать причины созданія „военнаго" стихотворенія, чуждаго Е. А. Боратынскому.

Багговутъ—Карлъ Ѳеодоровичъ (1761—1812), генералъ-лейтенантъ, участникъ 2-ой турецкой войны при Екатеринѣ II, извѣстенъ своими подвигами въ борьбѣ съ Наполеономъ: Багговутъ былъ убитъ ядромъ 6 октября 1812 г. въ сраженіи подъ Тарутинымъ.

144. Муза (стр. 112). Впервые напечатано въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ" на 1830 г., стр. 94, подъ заглавіемъ „Муза" и съ подписью *Баратынскій*. Въ изданіи 1835 года это стихотвореніе помѣщено безъ заглавія (стр. 185) и съ очень существеннымъ разночтеніемъ трехъ послѣднихъ стиховъ:

Ея рѣчей спокойной простотой;
И онъ, скорѣй чѣмъ ѣдкимъ осужденьемъ,
Ее почтитъ небрежной похвалой.

Всѣми издателями сочиненій Боратынскаго „Муза" отнесена къ 1830 г.; въ дѣйствительности это стихотвореніе написано не позже 1829 года.

Прямо противоположныя оцѣнки этого стихотворенія произвели „Галатея" и „Библіотека для Чтенія": въ то время, какъ въ „Галатеѣ" (1830, часть XII, № 8, стр. 88—89) упрекали Боратынскаго въ отсутствіи скромности и говорили, что „бѣда поэту, если онъ самъ станетъ называть себя поэтомъ", „Библіотека для Чтенія" (1835, т. X, V отд., стр. 1—9) находила, что, „поэтъ слишкомъ строгъ къ самому себѣ.... Въ Музѣ его точно — необщее выраженіе лица и необычайная простота рѣчей: но кто же, познакомившись съ ней покороче, вздумаетъ почтить ее только небрежной похвалою? (Любопытно замѣтить, что та же „Библіотека для Чтенія" черезъ девять лѣтъ почтила Боратынскаго болѣе чѣмъ „небрежной похвалой"). Мы полагаемъ, что въ нее можно влюбиться...."

Бѣлинскій (Соч. т. VII, стр. 494) писалъ, разбирая всѣ стихотворенія Боратынскаго: „Нельзя вѣрнѣе и безпристрастнѣе охарактеризовать безотносительное достоинство поэзіи Боратынскаго, какъ онъ сдѣлалъ это самъ въ слѣдующемъ прекрасномъ стихотвореніи:

Не ослѣпленъ я музою моею (и т. д. приведена полностью „Муза). И всѣ (или почти всѣ) послѣдующіе критики и изслѣдователи Боратынскаго сходились въ томъ взглядѣ, что лучше всѣхъ охарактеризовалъ музу поэта самъ поэтъ въ своей „Музѣ".

145. *** (стр. 113). Печатается по автографу Боратынскаго въ тетради Н. Л. Боратынской (Казанскій архивъ); такъ же читается и въ копіи Н. Л. Боратынской. Напечатано въ альманахѣ „Радуга" на 1830 годъ, стр. 160, подъ названіемъ „Чудный градъ" и съ подписью *Е. Баратынскій;* въ этомъ альманахѣ второй стихъ читается иначе:

Изъ блестящихъ облаковъ.

Въ изданіи 1835 года, стр. 169 (а равно и во всѣхъ послѣдующихъ) находимъ разночтеніе въ этомъ же стихѣ:

Изъ летучихъ облаковъ.

Посмертными изданіями стихотвореніе ошибочно отнесено къ 1830 г.: оно написано не позже 1829 года.

146. Подражателямъ (стр. 113). Печатается по автографу, хранящемуся въ Имп. Публ. Библіотекѣ (Погодинское древлехранилище). Впервые напечатано въ „Московскомъ Вѣстникѣ" 1830 г., ч. I, № 1, стр. 7, подъ заглавіемъ „Подражателямъ" и подписью *Боратынскій*. Текстъ „Московскаго Вѣстника" не отличается отъ напечатаннаго нами. Въ изданіи 1835 года это стихотвореніе помѣщено безъ заглавія (стр. 71—72) и съ варіантами слѣдующихъ стиховъ:

1–4 Когда печалью вдохновенный
Пѣвецъ печаль свою поетъ,
Скажите: отзывъ умиленный
Въ какомъ онъ сердцѣ не найдетъ?
8 Плачъ подражательный досаденъ,
14 Въ борьбѣ съ тяжелою судьбою
20 И чтимъ земными племенами
22—26 А ваша муза площадная
Тоской заемною мечтая
Родить участіе въ сердцахъ,

Стихотвореніе ошибочно относится издателями къ 1830 году: оно написано не позже 1829 года.

Извѣстно, что Боратынскій относился безпощадно-жестоко къ подражателямъ и гордился тѣмъ, что онъ идетъ своею дорогою, не слѣдуя за Пушкинымъ (см. предисловіе къ первому изданію „Эды", стихотвореніе, обращенное къ Мицкевичу: „Не подражай: своеобразенъ геній" и т. д.).

147. *** (стр. 114). Напечатано въ изданіи 1835 года (стр. 46) и при жизни поэта не перепечатывалось.

Отнесено издателями къ 1835 году, между тѣмъ какъ это стихотвореніе написано во всякомъ случаѣ не позже 1829 года. Въ неизданной части дневника А. Н. Вульфа мы читаемъ подъ 11 ноября 1829 г. слѣдующее: „...живой же языкъ сладостныхъ осязаній я не имѣлъ времени ей (своей кузинѣ) дать"; къ „сладостнымъ осязаніямъ" А. Н. Вульфъ дѣлаетъ выноску: „Стихи Баратынскаго:—

И сладострастныхъ осязаній
Живой языкъ употребилъ".

Замѣтимъ кстати, что въ печати Боратынскій замѣнилъ осязанія — лобызаніями.

148. Къ.... (стр. 114). Издается по копіи Н. Л. Боратынской (Казанскій архивъ). Впервые напечатано И. С. Тургеневымъ въ „Современникѣ" 1854 г., № 10, подъ заглавіемъ „С. Л. Энгельгардтъ", и съ этимъ заглавіемъ вошло во всѣ посмертныя собранія сочиненій Боратынскаго, которыя отнесли это стихотвореніе къ 1830 году.

Не имѣя данныхъ опровергать эту датировку, мы высказываемъ сомнѣніе въ правильности ея, такъ какъ судьба даровала Боратынскому „нежданное родство" съ С. Л. Энгельгардтъ въ 1826 году. См. примѣчаніе къ стихотворенію 1828 года „При посылкѣ Бала С. Э[нгельгардтъ]" (стр. 278).

149. Эпиграмма (стр. 115). Напечатано въ „Литературной Газетѣ" 1830 г., т. I, № 32, 5 іюня, стр. 258, подъ заглавіемъ „Эпиграмма" и съ подписью *Е. Баратынскій*, и при жизни поэта не перепечатывалась. Перепечатано изъ „Литературной Газеты" въ „Библіографическихъ Запискахъ" 1859, № 20, стр. 632—634, и высказано предположеніе, что эпиграмма направлена на Ѳ. Булгарина. Изъ посмертныхъ изданій сочиненій вошло только въ изд. И. Н. Божерянова (стр. 98). Пушкинъ въ своей замѣткѣ „О неблаговидности нападокъ на дворянство" (Соч. Пушкина, изд. „Просвѣщеніе", т. VI, стр. 62—63) выписываетъ эту эпиграмму, какъ иллюстрацію къ своей мысли.

Совершенно очевидно, что эта эпиграмма имѣетъ въ виду Ѳ. В. Булгарина (см. примѣчаніе къ стихотворенію „Булгарину", стр. 226), полемизировавшаго съ „Литературной Газетой" и упрекавшаго сотрудниковъ ея въ „аристократизмѣ".

150. Эпиграмма (стр. 115). Напечатана въ „Литературной Газетѣ" 1830 г., № 33, стр. 264, подъ названіемъ „Эпиграмма" и съ подписью *Баратынскій*. При жизни поэта эпиграмма не перепечатывалась и не вошла ни въ одно изъ полныхъ собраній сочиненій Боратынскаго, хотя и появлялась по смерти Боратынскаго два раза въ печати: въ „Библіографическихъ Запискахъ" 1859 г., № 20, стр. 632—634 („Замѣтки мимоходомъ") и въ „Русскомъ Архивѣ" 1899 г., № 11, стр. 448 („Позабытыя произведенія Е. А. Боратынскаго"). Въ копіи Н. Л. Боратынской (Казанскій архивъ) эта эпиграмма имѣетъ слѣдующіе варіанты:

2 „Довольно глупъ онъ", Фебъ шепнулъ,
4 „Пускай приходитъ, дайте стулъ
8 И забуянилъ; но раздался
10 „Вонъ дурня, вонъ невѣжу, вонъ!

Надоумко — псевдонимъ Н. И. Надеждина.

Эпиграмма направлена, повидимому, противъ Н. А. Полевого, съ „Московскимъ Телеграфомъ" котораго въ то время полемизировала „Литературная Газета" (большое участіе въ этой полемикѣ принималъ и Пушкинъ). Въ томъ же 1830 году князь П. А. Вяземскій велъ переговоры о денежныхъ дѣлахъ съ Н. А. Полевымъ черезъ Е. А. Боратынскаго, и Боратынскій писалъ князю Вяземскому: „Вы можете быть увѣрены, что я употребилъ себя усердно въ этомъ дѣлѣ: мнѣ въ то же время хотѣлось и оправдать вашу довѣренность и найти Полевого честнымъ человѣкомъ" (Старина и Новизна" кн. V, стр. 51).

Вообще, сколько мы знаемъ изъ писемъ Е. А. Боратынскаго къ Н. А. Полевому, поэтъ хорошо относился къ послѣднему и при его посредствѣ издавалъ въ 1827 году собраніе своихъ стихотвореній. См. „Записки К. А. Полеваго". Спб. 1888.

151. Эпиграмма (стр. 115). Впервые напечатано въ „Литературной Газетѣ" 1830 г., № 47, стр. 85, подъ заглавіемъ „Эпиграмма" и съ подписью *Е. Б—скій;* вошло въ изданіе 1885 года безъ заглавія (стр. 227) и съ варіантомъ 12-го стиха:

Всѣмъ этимъ хвастать не спѣши.

Въ копіи Н. Л. Боратынской (Казанскій архивъ) мы находимъ еще варіантъ восьмого стиха:

Ты пастушкомъ добросердечнымъ

152. Имя (стр. 116). Напечатано въ „Литературной Газетѣ“ 1830 г., т. II, № 51, стр. 116, подъ заглавіемъ „Имя“ и съ подписью *Б**** и при жизни поэта не перепечатывалось. Вошло въ изданіе И. Н. Божерянова (стр. 99).

153. Лазурныя очи (стр. 117). Впервые напечатано въ альманахѣ „Сиротка“ на 1831 г., стр. 21—22, подъ заглавіемъ „Лазурные очи“ и съ подписью *Е. Баратынскій;* вошло въ изданіе 1835 года безъ заглавія (стр. 20—21).

Послѣдующіе издатели возстановили заглавіе и ошибочно отнесли это стихотвореніе къ 1831 году: оно написано не позже 1830 года.

154. *** (стр. 118). Издается по копіямъ Н. Л. Боратынской (4 въ Казанскомъ архивѣ). При жизни поэта не печаталось. Впервые напечатано И. С. Тургеневымъ въ „Современникѣ“ 1854 г., № 10, откуда и было перепечатано всѣми издателями сочиненій Боратынскаго, отнесшими это стихотвореніе къ 1831 году (И. Н. Божеряновъ озаглавилъ его „Экспромптъ“).

Эта октава какъ нельзя болѣе говоритъ о томъ, что мечта, внушенная поэту его „дядькой“ Боргезе, — увидѣть Италію, никогда не ослабѣвала въ душѣ Боратынскаго.

155. Н. М. Языкову (стр. 118). Напечатано въ „Европейцѣ“ 1832 г., часть первая, № 2, стр. 204—205, подъ заглавіемъ „Н. М. Языкову“ и съ подписью *Баратынскій,* и при жизни поэта не перепечатывалось. И. С. Тургеневъ помѣстилъ это стихотвореніе въ „Современникѣ“ 1854 г., № 10, и съ этимъ заглавіемъ оно вошло во всѣ посмертныя собранія сочиненій Боратынскаго (въ изд. Суворина — „Языкову“). Въ одной копіи Н. Л. Боратынскій (Казанскій архивъ) мы находимъ варіанты слѣдующихъ стиховъ:

16 Дай руку мнѣ: ты добрый малый,
31 Затѣи музы удалой.

Посмертными изданіями это стихотвореніе ошибочно отнесено къ 1832 г.: Боратынскій, въ 1831 году, выписывая въ письмѣ къ И. В. Кирѣевскому два стихотворенія („Не славь, обманутый Орфей“ и „Въ дни безграничныхъ увлеченій“), говоритъ: „Эти пьесы, равно какъ и та, которую я написалъ Языкову—для тебя и для твоихъ. Не показывай и не давай ихъ постороннимъ“ (Татевскій Сборн., стр. 19).

Николай Михайловичъ Языковъ (род. 4 марта 1803 г., умеръ 26 декабря 1846)—поэтъ, дарованіе котораго очень высоко цѣнилъ Пушкинъ. Въ письмахъ къ И. В. Кирѣевскому Боратынскій безпрестанно освѣдомляется объ Языковѣ. (Письма Боратынскаго къ Н. М. Языкову до насъ не дошли, но имѣются несомнѣнныя данныя за то, что поэты находились въ перепискѣ).

16 февраля 1834 года Д. В. Давыдовъ сообщалъ Языковымъ слова Боратынскаго о поэзіи Н. М. Языкова: „Дай Богъ здоровья ему и его Музѣ. Онъ поэтъ въ душѣ. У насъ не умѣютъ его цѣнить; но когда гнилая наша поэзія еще будетъ гнилѣе и будетъ пахнуть мертвечиной, мы почувствуемъ все достоинство его безсмертной свѣжести“. („Письма Ден. Вас. Давыдова къ А. и Н. М. Языковымъ“ въ Русской Старинѣ 1884 г., кн. 3, стр. 145).

Въ 1831 году Боратынскій обратился и съ другимъ посланіемъ къ Языкову (Бывало, свѣтъ позабывая).

156. Мой Элизій (стр. 119). Впервые напечатано въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1832 г., стр. 98, подъ заглавіемъ „Мой Элизій“ и съ подписью

Е. Баратынскій. Вошло безъ заглавія въ изд. 1835, стр. 217 (заглавіе возстановлено въ посмертныхъ изданіяхъ сочиненій Боратынскаго).

Это стихотвореніе Боратынскій сообщаетъ въ письмѣ къ И. В. Кирѣевскому (осенью 1831 года) въ нѣсколько иномъ видѣ:

2 Мнѣ залетійскія селенья
4 И въ немъ не льется водъ забвенья.

(Татевскій сборникъ, стр. 18).

Въ то время, какъ въ „Гирляндѣ“ (1831, №№ 3 и 4, ч. III, стр. 77) отнеслись очень сочувственно къ этому стихотворенію и находили, что въ немъ „особенно трогаютъ душу послѣдніе четыре стиха“, „Сѣверная Пчела“ (1832, 25 января, № 9) осуждала „Мой Элизій“ и говорила о немъ, какъ о „незначительномъ, альманачномъ, чтобъ не сказать плохомъ, стихотвореніи“.

Баронъ А. А. Дельвигъ умеръ 14 января 1831 года, и Пушкинъ писалъ 21 января П. А. Плетневу: „... Изо всѣхъ связей дѣтства онъ одинъ оставался на виду — около него собиралась наша бѣдная кучка. Безъ него мы точно осиротѣли. Щитай по пальцамъ: сколько насъ? ты, я, Боратынскій, вотъ и все... Боратынскій боленъ съ огорченія..“ (Переписка Пушкина, т. II, стр. 220).

См. примѣчаніе къ стихотворенію 1819 года „Къ Дельвигу“ (стр. 213).

157. *** (стр. 119). Впервые напечатано въ „Европейцѣ“ 1832 г., часть первая, № 1, стр. 52, подъ заглавіемъ „Элегія“ (заглавіе дано И. В. Кирѣевскимъ) и подписью *Е. Баратынскій.* Въ изданіи 1835 года (стр. 231—232) 14-й стихъ читается нѣсколько иначе:

Страстей мятежныя мечты

Ошибочно относится издателями къ 1832 году: Боратынскій прислалъ И. В. Кирѣевскому это стихотвореніе съ письмомъ 1831 года (осень).

158. Языкову (стр. 120). Напечатано въ изд. 1835 года (стр. 47—48) и при жизни поэта не перепечатывалось. Въ копіи Н. Л. Боратынской мы находимъ исправленіе пятаго стиха:

И (пѣсни вѣтреныя) веселыя пѣсни пѣла,

На это посланіе Н. М. Языковъ отвѣчалъ „Е. А. Боратынскому“ стихотвореніемъ, напечатаннымъ въ „Московскомъ Наблюдателѣ“ 1836 г. (ч. VI, стр. 433—434).

См. примѣчаніе къ посланію 1831 года „Н. М. Языкову“ (стр. 282). Дата опредѣляется письмомъ Боратынскаго къ И. В. Кирѣевскому (всѣми издателями стихотвореніе ошибочно отнесено къ періоду 1834—1835 гг.).

159. *** (стр. 121). Впервые напечатано въ изданіи 1835 года (стр. 240) и при жизни поэта не перепечатывалось. Въ автографѣ Боратынскаго (тетрадь Н. Л. Боратынской) 8 стихъ читается:

Пора стиховъ, пора златая!

Въ большой статьѣ, помѣщенной въ „Библіотекѣ для Чтенія“ 1844 года, критикъ восклицаетъ по поводу этого стихотворенія: „Такъ ли прощается

поэтъ истинный съ тѣмъ, что̀ было дороже ему жизни? *Плѣняющая звуками риѳма, отвѣтъ звука звуку, созвучные слова*—вотъ все, о чемъ помнитъ поэтъ!".

„Бывало, отрокъ, звонкимъ кликомъ" — имѣетъ, несомнѣнно, автобіографическій характеръ и свидѣтельствуетъ о глубокомъ душевномъ разладѣ Боратынскаго. Посмертными изданіями стихотворенія отнесено ошибочно къ 1834—1835 гг.: дата опредѣляется письмомъ Боратынскаго къ И. В. Кирѣевскому.

160. Н. Е. Б...... (стр. 123). Издается по копіи Н. Л. Боратынской (въ Казанскомъ архивѣ). При жизни поэта не печаталось; сообщено И. С. Тургеневымъ въ „Современникѣ" 1854 г., № 10, и отсюда было перепечатано всѣми посмертными изданіями, отнесшими это стихотвореніе къ 1832 г.

161. На смерть Гёте (стр. 123). Впервые напечатано въ „Новосельи" 1833 г., ч. I, стр. 179—180, подъ заглавіемъ „На смерть Гёте" и съ подписью *Е. Баратынскій*, и вошло безъ измѣненія въ изд. 1835 года, стр. 213—215.

Посмертными изданіями это стихотвореніе отнесено къ 1833 году, между тѣмъ какъ 30-го мая 1832 года Боратынскій писалъ И. В. Кирѣевскому: „Это время я писалъ все мелкія пьесы. Теперь у меня ихъ пять, въ томъ числѣ одна, на смерть Гёте, которою я болѣе доволенъ, чѣмъ другими" (Татевскій Сборникъ, стр. 46).

„На смерть Гёте" вызвало обширную литературу, въ которой не разъ указывалось, что смерть великаго мірового писателя вдохновила на лучшее произведеніе русскаго поэта, сдѣлавшаго очень вѣрную оцѣнку творчества Гёте. Уже „Сѣверная Пчела" (1833, № 78, 11 апрѣля) находила, что стихотвореніе Боратынскаго лучшее во всей книгѣ „Новоселья"; наиболѣе строго отнесся къ нему Бѣлинскій (неоднократно, между тѣмъ, цитировавшій изъ этой оды нѣкоторые стихи въ подтвержденіе своихъ мыслей). Въ 1842 году Бѣлинскій писалъ: „На смерть Гёте" есть одно изъ лучшихъ между мелкими стихотвореніями г. Боратынскаго. Стихи въ немъ удивительны; но стихотвореніе, не смотря на то, не выдержано, и потому не производитъ того впечатлѣнія, какого бы можно было ожидать отъ такихъ чудесныхъ стиховъ. Причина этого очевидна: неопредѣленность идеи, невѣрность въ содержаніи. Поэтъ слишкомъ много и слишкомъ бездоказательно приписалъ Гёте... Прекрасно сказано, но не справедливо! Не было, нѣтъ и не будетъ никогда генія, который бы *одинъ* все постигъ, или все сдѣлалъ.... Вмѣсто безотчетнаго гимна Гёте — поэту слѣдовало бы охарактеризовать его, — и онъ сдѣлалъ это только въ четвертомъ куплетѣ, въ которомъ довольно удачно схваченъ *пантеистическій* характеръ жизни и поэзіи Гёте.... Слѣдующіе за тѣмъ заключительные куплеты слабы выраженіемъ, темны и неопредѣленны мыслію, а потому и разрушаютъ эффектъ всего стихотворенія. Все, что̀ говорится въ пятомъ куплетѣ, такъ же можетъ быть примѣнено ко всякому великому поэту, какъ и къ Гёте, а что́ говорится въ шестомъ, то̀ ни къ кому не можетъ быть примѣнено, за темнотою и сбивчивостію мысли" (Соч. Т. VII, стр. 487—488) Замѣтимъ, что этотъ отзывъ стоящій особнякомъ въ литературѣ обусловленъ въ большой степени взглядомъ Бѣлинскаго на Гёте, выраженнымъ въ этой же статьѣ словами: „многіе не безъ основанія догадываются уже, что Гёте, поэтъ прошедшаго, въ настоящемъ умеръ развѣнчаннымъ царемъ...." Въ 1834 Бѣлинскій же называлъ „На смерть Гёте" „образцовою элегіей" и часто цитиро-

валъ ее), а въ 1840 г., говоря о стихотвореніяхъ Лермонтова, Бѣлинскій приводилъ выдержку изъ стихотворенія „На смерть Гёте“ и прибавлялъ: „Въ этихъ двадцати стихахъ Боратынскаго о Гёте заключается высшій идеалъ человѣческой жизни и все, что можно сказать о жизни внутренняго человѣка“. (Соч. т. VI, стр. 9).

Іоганнъ-Вольфгангъ Гёте (1749—1832) — великій нѣмецкій поэтъ.

162. Кольцо. С. Э[нгельгард]тъ (стр. 124). Впервые напечатано въ сборникѣ „Новоселье“. 1833 г., ч. I, стр. 351—352, подъ указаннымъ заглавіемъ и съ подписью *Е. Баратынскій*. Вошло въ изданіе 1835 г. безъ заглавія (стр. 228—230) и съ варіантами двухъ стиховъ:

25 Мое счастливое кольцо
34 Творецъ тебя благослови.

Въ изданіи 1869 года было возстановлено заглавіе, но выпущены послѣднія двѣ строфы, вслѣдствіе чего „Русская Старина“ въ 1870 году перепечатала полностью это стихотвореніе и присоединила къ нему слѣдующее примѣчаніе: „Стихотвореніе это написано поэтомъ по поводу подарка кольца, сдѣланнаго супругою его Н. Л. Боратынской сестрѣ ея С. Л. Энгельгардтъ, нынѣ въ замужествѣ за Н. В. Путята“.

Мы не сочли возможнымъ относить это стихотвореніе къ 1833 году, такъ какъ „Новоселье“ поступило уже въ продажу въ февралѣ 1833 года. Въ „Сѣверной Пчелѣ“ (1833 г., № 78, 11 апрѣля) нашли „Кольцо“ „милымъ и привлекательнымъ“.

См. примѣчаніе къ стихотворенію 1828 года „При посылкѣ Бала С. Э[нгельгардтъ] (стр. 278).

163. Эпиграмма (стр. 125). Напечатана безъ подписи въ журналѣ И. В. Кирѣевскаго „Европеецъ“, 1832 г., № 3, стр. 397; при жизни поэта не перепечатывалась и не вошла ни въ одно изъ полныхъ собраній сочиненій Боратынскаго.

Принадлежность этой эпиграммы Боратынскому удостовѣряется его письмомъ къ И. В. Кирѣевскому 1832 года, въ которомъ Боратынскій между прочимъ пишетъ: „Вотъ тебѣ въ заключеніе эпиграмма, которую должно напечатать безъ имени

Кто непремѣнный мой ругатель“ etc.

(„Татевскій Сборникъ“ С. А. Рачинскаго, С.-Петербургъ, 1899, стр. 35).

Возможно, что эта эпиграмма была вызвана нападками Н. А. Полевого въ „Телескопѣ“ на поэму Боратынскаго „Наложница“.

164. *** (стр. 126). Издается по автографу, хранящемуся въ тетради Н. Л. Боратынской (Казанскій архивъ). Напечатано въ изданіи 1835 года (стр. 199), при чемъ 7—9 стихи были вовсе выпущены и измѣненъ 13-й стихъ:

И ихъ разсѣянно рисуя,

Отнесено посмертными изданіями къ 1834 году: въ дѣйствительности въ этомъ году Боратынскій передѣлалъ стихотвореніе, написано же оно значительно раньше (во всякомъ случаѣ, не позже 1833 года).

Въ альбомѣ, хранящемся въ Татевскомъ Архивѣ, мы имѣемъ такіе наброски „печальной Финляндіи", сдѣланные поэтомъ по памяти.

165. А. А. Ф...ой. (стр. 127). Издается по копіи Н. Л. Боратынской (Казанскій архивъ). Впервые напечатано въ изданіи 1835 года (стр. 147—148; при жизни поэта не перепечатывалось) съ измѣненіемъ слѣдующихъ стиховъ:

1 Вы дочерь Евы какъ другая:
2 Какъ передъ зеркаломъ своимъ
9 Вы угадать могли свое предозначенье?
19 Гдѣ исполненіе находятъ всѣ желанья.

Въ посмертныхъ изданіяхъ сочиненій Боратынскаго выпущены 17—21 стихи и чтеніе 9-го стиха отличается отъ принятаго нами:

Вы-ль угадать могли свое предназначенье?

Издатели ошибочно относятъ это стихотвореніе къ 1834 году: въ дѣйствительности оно написано не позже 1833 года.

А. А. Ф...ой — Александрѣ Андреевнѣ Фуксъ или, какъ было принято въ то время называть, Фуксовой (ум. 4 февраля 1853). А. А. Фуксъ, поэтесса, казанская знакомая Боратынскихъ, бывала у нихъ часто и въ Москвѣ, и черезъ Боратынскаго съ нею познакомился Пушкинъ во время своего проѣзда черезъ Казань въ началѣ сентября 1833 года. (См. о ней монографію Е. А. Боброва въ „Русской Старинѣ" 1904, іюнь—іюль). Очевидно объ этомъ стихотвореніи „А. А. Ф...ой" Пушкинъ писалъ своей женѣ (отъ 12 сентября 1833 г. изъ села Языково): „Она (А. А. Фуксъ) развернула тетрадь и прочла мнѣ стиховъ съ двести, какъ ни въ чемъ не бывало. Боратынскій написалъ ей стихи и съ удивительнымъ безстыдствомъ разхваливалъ ея красоту и геній". (Переписка Пушкина, т. III, стр. 44).

166. *** (стр. 128). Напечатано въ изданіи 1835 года (стр. 19) и при жизни поэта не перепечатывалось.

Издателями сочиненій Боратынскаго это стихотвореніе отнесено къ 1834—35 гг.

Крилъ — двойственное число (церк.-слав.).

167. *** (стр. 128). Напечатано въ изданіи 1835 года (стр. 24) и при жизни поэта не перепечатывалось.

168. *** (стр. 129). Напечатано въ изданіи 1834 года и при жизни поэта не перепечатывалось.

Отнесено издателями къ 1834—35 гг.

И. С. Аксаковъ въ біографическомъ очеркѣ „Ѳ. И. Тютчевъ", („Русскій Архивъ", 1874, кн. 2, стр. 119—120) сравниваетъ это стихотвореніе съ „Весенними водами" Ѳ. Тютчева; Аксаковъ находитъ въ нихъ „очень схожіе стихи" и отдаетъ безусловное преимущество Тютчеву.

169. (Монастыркѣ) (стр. 130). Напечатано безъ заглавія въ изданіи 1835 года, стр. 79; при жизни поэта не перепечатывалось и вошло во всѣ изданія подъ заглавіемъ „Монастыркѣ" (это же заглавіе имѣетъ и копія Н. Л. Боратынской). Это стихотвореніе отнесено посмертными изданіями къ 1834—35 гг.

Мы не знаемъ, къ какой „монастыркѣ", т. е. воспитанницѣ Смольнаго института, обращался Боратынскій съ этимъ стихотвореніемъ.

170. * * * (стр. 130). Напечатано въ изданіи 1835 года (стр. 119—120) и при жизни поэта не перепечатывалось.

Отнесено издателями сочиненій Боратынскаго къ 1834—35 гг.

171. * * * (стр. 131). Напечатано въ изданіи 1835 года (стр. 170—171) и при жизни поэта не перепечатывалось.

Въ „Воспоминаніи о Московскомъ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ" Н. Сушкова находимъ слѣдующіе варіанты:

1—8 Я не любилъ ея, я вѣдалъ, что другая
Нужна для счастья моего;
За чѣмъ же въ ней искалъ его,
Роптанью сердца не внимая?
Ея восторженной хвалой
За чѣмъ стихи мои звучали
И малодушно возвѣщали
Ея владычествъ и жаръ безумный мой?
16 Привѣтствуемъ его съ растроганнымъ лицомъ
17 Въ восторгѣ жалкомъ изливаемъ
21 Безсильнымъ разумомъ своимъ.

172. * * * (стр. 132). Впервые напечатано въ изданіи 1835 года (стр. 175) и при жизни поэта не перепечатывалось.

Стихотвореніе это отнесено посмертными изданіями къ 1834—35 гг.

173. * * * (стр. 132). Напечатано въ изданіи 1835 года (стр. 188) и при жизни поэта не перепечатывалось. Въ изданіи 1869 года стихотвореніе нѣсколько измѣнено (по недошедшей до насъ рукописи?):

2 Сегодня манитъ мотылька,
6 Утратилъ свѣжесть молодую

174. * * * (стр. 133). Напечатано въ изданіи 1835 года (стр. 210—211) и при жизни поэта не перепечатывалось.

„Милая страна" — имѣніе Мара (село Вяжля) Кирсановскаго уѣзда Тамбовской губерніи — родина поэта.

Въ стихахъ 31—40 поэтъ говоритъ о своей сестрѣ — Натальѣ Абрамовнѣ Боратынской, умершей отъ чахотки.

175. Мадонна (стр. 134). Впервые напечатано въ изданіи 1835 года (стр. 193—196) и при жизни поэта не перепечатывалось. Въ изданіи 1869 года находимъ разночтенія:

1 Въ Италіи гдѣ-то, но въ полѣ пустомъ,
22 Дочь плачетъ и ропщетъ, старушка молчитъ.
47 Такъ, Вѣру и Геній въ едино сливая,
48 Равно оправдала ихъ Дѣва святая. —

и въ примѣчаніяхъ указаны еще варіанты по недошедшей до насъ рукописи:

47 Искусство высокое, вѣра простая
48 Равно оправдала васъ Дѣва святая.
Васъ чудно сроднила Мадонна святая.

Восторженный отзывъ о Мадоннѣ встрѣчаемъ въ рецензіи „Библіотеки для Чтенія“ на собраніе стихотвореній Боратынскаго 1835 г. (1835 г., томъ X, V отд., стр. 1—9).

176. * * * (стр. 135). Напечатано въ изданіи 1835 года безъ заглавія (стр. 197) и при жизни поэта не перепечатывалось. Заглавіе „Къ Н. Л. Баратынской“ было дано изданіемъ 1869 года и принято всѣми послѣдующими издателями. Въ автографѣ поэта (тетрадь Н. Л. Баратынской, Казанскій архивъ) пятый стихъ читается нѣсколько иначе:

Я сердцемъ преданный сердечному союзу:

Стихотвореніе это обращено къ Н. Л. Боратынской, супругѣ поэта, которая покоряла себѣ „бунтующую музу“ его, т. е. была строгой судьей, къ отзывамъ которой очень прислушивался Боратынскій.

177. К. А. Тимашевой (стр. 135). Напечатано въ изданіи 1835 года (стр. 216) и при жизни поэта не перепечатывалось.

Екатерина Александровна Тимашева—не безызвѣстная въ свое время поэтесса; Пушкинъ посвятилъ ей въ 1826 году стихотвореніе: „Я видѣлъ васъ, я ихъ читалъ“ (изд. Просвѣщенія, подъ ред. П. Морозова, т. II, стр. 41).

178. * * * (стр. 136). Напечатано въ изданіи 1835 года (стр. 218—220) и при жизни поэта не перепечатывалось. Въ автографѣ Боратынскаго (тетрадь Н. Л. Боратынской, Казанскій архивъ), а равно и въ альбомѣ Анны Николаевны Вульфъ, находимъ слѣдующія разночтенія:

33 Мятели вой
36 Утишу я.

179. * * * (стр. 137). Напечатано въ изданіи 1835 года (безъ заглавія) стр. 225—226 и при жизни поэта не перепечатывалось. Въ копіи Н. Л. Боратынской (Казанскій архивъ) стихотвореніе озаглавлено „Своенравное прозванье“, и стихи 22—23 читаются нѣсколько иначе:

Къ безднамъ имъ воскликну я
Да душѣ моей навстрѣчу

Такъ же читается это стихотвореніе въ изданіи 1869 года и во всѣхъ послѣдующихъ и стихотворенію дано заглавіе „Н. Л. Боратынской.

Поэтъ обращается въ своемъ стихотвореніи къ женѣ — Н. Л. Боратынской; высказываемъ догадку, что „своенравное прозванье“, которымъ авторъ хочетъ „привѣтить небеса“ переводится на языкъ прозы словомъ „Попинька“: въ этомъ предположеніи насъ укрѣпляютъ письма Е. А. Боратынскаго (хранящіяся въ Казанскомъ архивѣ), въ которыхъ онъ всегда называетъ Н. Л. Боратынскую этимъ именемъ „Попиньки“.

180. Запустѣніе. Элегія (стр. 138). Впервые напечатано въ „Библіотекѣ для чтенія“ 1835 года, т. 8, стр. 19—20, подъ указаннымъ заглавіемъ и съ подписью *Е. Баратынскій*. Вошло въ изданіе 1835 г. безъ заглавія (стр. 115—118) и съ измѣненіемъ двухъ стиховъ:

11 Хрустѣла подъ ногой замерзлая трава,
16 А прошлыхъ лѣтъ воспоминанья.

Въ копіи Н. Л. Боратынской это стихотвореніе имѣетъ заглавіе „Запустѣніе“ и варіанты слѣдующихъ стиховъ:

50 Тотъ не былъ мыслію, тотъ не былъ сердцемъ хладенъ,
51 Кто безымянной нѣги жаденъ
53 Кто, преклоняя слухъ къ таинственному шуму
65 Гдѣ я наслѣдую несрочную весну,

Такъ же читается эта элегія во всѣхъ посмертныхъ собраніяхъ сочиненій Боратынскаго.

Въ „Запустѣніи“ поэтъ говоритъ о своей родинѣ—Марѣ, имѣніи въ селѣ Вяжля, Кирсановскаго уѣзда, Тамбовской губерніи; въ 50—69 стихахъ — о своемъ отцѣ—Абрамѣ Андреевичѣ Боратынскомъ. По словамъ Б. Н. Чичерина („Изъ моихъ воспоминаній. По поводу дневника Н. И. Кривцова“ — въ Русскомъ Архивѣ“ 1890, кн. I, стр. 108): „Абрамъ Андреевичъ поселился въ той части Вяжли, которая носитъ названіе Мары, и здѣсь зажилъ на широкую барскую ногу. Недалеко отъ дома лежитъ оврагъ покрытый лѣсомъ, съ бьющимъ на днѣ его ключемъ. Здѣсь были устроены пруды, каскады, каменный гротъ, съ ведущимъ въ нему изъ дому потаеннымъ ходомъ, бесѣдки, мостики, искусно проведенныя дорожки. Поэтъ Боратынскій, въ своемъ стихотвореніи *Запустѣніе*, въ трогательныхъ чертахъ описываетъ эту мѣстность, гдѣ протекли первые дни его дѣтства, но которое было болѣе или менѣе заброшено послѣ смерти его отца, случившейся въ 1810 году. Вдова не думала уже о поддержаніи красоты усадьбы, о старыхъ барскихъ затѣяхъ; она вся предалась воспитанію дѣтей, и надобно сказать, что эта цѣль была достигнута ею вполнѣ“.

181. Послѣдній Поэтъ (стр. 140). Впервые напечатано въ „Московскомъ Наблюдателѣ“ 1835 г., ч. I, стр. 30—32, подъ заглавіемъ „Послѣдній Поэтъ“ и съ подписью *Е. Баратынскій.* Вошло въ сборникъ стихотвореній Боратынскаго „Сумерки“ (стр. 15—20) съ варіантами слѣдующихъ стиховъ:

6 Поэзіи ребяческіе сны,
23 Нежданный сынъ послѣднихъ силъ природы
52 Но гордыя главы не преклонилъ:
54 Въ нѣмую глушь, въ безлюдный край; но свѣтъ
66 На ней, пѣвецъ, мятежной думы полнъ,
77 Но въ смущеніе приводитъ

Въ изданіи 1869 года (а также и во всѣхъ послѣдующихъ) стихотвореніе это читается въ иной редакціи (чтеніе недошедшей до насъ рукописи, копіи, современнаго списка?). Приводимъ варіанты сравнительно съ текстомъ „Сумерекъ“:

14 Носитъ понтъ торговли грузъ
43 Гордымъ сердцемъ покоримся
44 Думамъ робкимъ, а не имъ!
68 Сія скала...... тѣнь Сафо!... пѣсни волнъ

Это стихотвореніе отнесено всѣми издателями къ періоду 1835—1842 гг.; кажется, однако, его нужно относить къ 1834 году, такъ какъ оно было уже напечатано въ *первомъ* номерѣ „Московскаго Наблюдателя“ 1835 года.

И. Н. Божеряновъ, по какому-то недоразумѣнію, считаетъ, что это стихотвореніе было вызвано смертью Лермонтова († 1841).

Бѣлинскій (Соч. т. VII, стр. 475—476) посвятилъ „Послѣднему Поэту" подробный анализъ, т. к. видѣлъ въ немъ profession de foi поэта, тайну поэзіи Боратынскаго со всѣми ея достоинствами и недостатками. И въ разборѣ Бѣлинскаго поминутно мелькаютъ слова и выраженія: „энергія", „поэтическая красота", „огненное слово", „какіе чудные, гармоническіе стихи!", „Сила грустнаго чувства словно молнія проблеснула".... „Эти стихи такъ хороши, такъ хороши".... и т. д. Итакъ, Бѣлинскій отдалъ должное прекрасной формѣ и въ слѣдующихъ словахъ призналъ глубину содержанія, глубину мысли: „видно, что мысль стихотворенія явилась въ скорбяхъ рожденія! Видно, что она вышла не изъ праздно-мечтающей головы, а изъ глубоко-растерзаннаго сердца..." Но въ этомъ произведеніи Бѣлинскій увидѣлъ вражду къ просвѣщенію, въ защиту просвѣщенія напалъ на поэта и „жгучую мысль" Боратынскаго назвалъ „ложною мыслью". Вотъ окончательный приговоръ строгаго критика: „Опять повторяемъ: какіе дивные стихи! Что, если бы они выражали собой истинное содержаніе! О, тогда это стихотвореніе казалось бы произведеніемъ огромнаго таланта! А теперь, чтобы насладиться этими гармоническими, полными души и чувства, стихами, надо сдѣлать усиліе: надо *заставить себя* стать на точку зрѣнія поэта, согласиться съ нимъ на минуту, что онъ правъ въ своихъ воззрѣніяхъ на поэзію и науку; а это теперь рѣшительно невозможно. И оттого впечатлѣніе ослабѣваетъ, удивительное стихотвореніе кажется обыкновеннымъ".

Послѣдующая критика не вполнѣ согласилась съ судомъ Бѣлинскаго и признала достойнымъ въ стихотвореніи не только прекрасную форму (интересную мѣну ритма, музыку стиха и необычайное красочное богатство образовъ) и глубокое чувство — но и мысль, которой суждено было оправдаться въ „желѣзномъ" вѣкѣ утилитаризма.

182. [Изъ черновыхъ набросковъ] (стр. 142). Извлечено нами изъ тетради черновиковъ поэта, находящейся въ Казанскомъ архивѣ Боратынскихъ. Послѣдній стихъ въ этой тетради читается такъ:

(Рука) Судьбы рука запечатлела.

Судя по тому, что этотъ набросокъ находится между черновыми исправленіями „Признанія", слѣдуетъ датировать его не позже, какъ 1834 годомъ.

183. Недоносокъ (стр. 143). Печатается по „Московскому Наблюдателю", стихи 43—44 и 63—64 (выпущенные въ „Московскомъ Наблюдателѣ" по цензурнымъ соображеніямъ) — по копіи „Сумерекъ", представленной въ цензуру. Впервые напечатано въ „Московскомъ Наблюдателѣ" 1835 г., ч. I, стр. 526—528. Въ копіи „Сумерекъ" отсутствуетъ вторая строфа (также и въ „Сумеркахъ"), и находятся слѣдующія исправленія рукою Боратынскаго (частью—добровольныя, самостоятельныя, частью—недобровольныя, вызванныя требованіями цензора):

3 (И едва) Подымусь до облаковъ
4 (Возлетѣвъ) (И тотчасъ) и паду крыломъ слабѣя.

Послѣдній стихъ первоначально написанъ

О, безсмысленная вѣчность —

но цензоръ (Флеровъ) зачеркнулъ весьма энергично слово „безсмысленная“, и Боратынскій принужденъ былъ надписать сверху:

Въ тягость твой просторъ, о вѣчность!

И это чтеніе имѣютъ какъ „Сумерки“ (стр. 31—35), такъ и всѣ собранія стихотвореній Боратынскаго. Въ „Сумеркахъ“ мы встрѣчаемъ кромѣ того слѣдующіе варіанты:

3 И едва до облаковъ
4 Возлетѣвъ, паду слабѣя
44 Подъ грозой ихъ переходовъ,
60 Оживилъ я недоносокъ

Оживилъ, вм. оживлялъ—повидимому, опечатка, но это чтеніе сохранено во всѣхъ собраніяхъ сочиненій, а также и 53 стихъ:

Въ тучу кроюсь я и въ ней (такъ, впрочемъ, и въ копіи „Сумерекъ“)

Стихотвореніе это отнесено къ періоду 1835—1842 гг., между тѣмъ очевидно, что его ни въ какомъ случаѣ нельзя отодвигать дальше 1835 года, т. к. оно было уже напечатано въ *первой* части 1835 года „Московскаго Наблюдателя“.

184. Бокалъ (стр. 145). Печатается по тексту „Сумерекъ“ (стр. 43—46). Впервые напечатано въ „Московскомъ Наблюдателѣ“ 1835 г., ч. V, стр. 24—26, съ нѣкоторыми измѣненіями (часть ихъ, можетъ быть, объясняется цензурою, какъ можно думать изъ нижеслѣдующаго):

35 Пошлой жизни ощущенья,
39 Или грезы преисподней
45 Не въ безпутномъ развлеченьи

Въ копіи „Сумерекъ“, представленной въ цензуру (Казанскій архивъ), цензоръ отмѣтилъ стихи:

30 Благодатно оживи
39 Откровенья преисподней

И Боратынскій, быть можетъ для того, чтобы провести свое чтеніе, заявляетъ, что стихотвореніе въ этомъ видѣ было „напечатано въ Московскомъ Вѣстникѣ“ (sic!).

„Бокалъ“ относился издателями сочиненій Боратынскаго къ періоду 1835—1842; очевидно, что „Бокалъ“ написанъ не позже 1835 года.

185. Алкивіадъ (стр. 146). Печатается по тексту сборника „Сумерки“ (стр. 36—37), такъ какъ измѣненіе вызвано только требованіемъ размѣра. Впервые напечатано въ „Московскомъ Наблюдателѣ“ 1835 г., ч. V, стр. 27, подъ заглавіемъ „Алкивіадъ“ и съ подписью *Баратынскій*, съ слѣдующими различіями: въ третьемъ стихѣ вмѣсто *горделиво* — читается *гордо*, въ шестомъ вм. *хмурили* — *жмурили*.

Стихотвореніе это отнесено всѣми издателями къ періоду 1835—1842 гг.

186. На Н[адеждина] (стр. 146). Издается по автографу, хранящемуся въ бумагахъ И. Ѳ. Тютчева (Мурановскій архивъ). Напечатано И. С. Тургеневымъ въ „Современникѣ“ 1854 г., № 10, подъ заглавіемъ „На Н.***“; перепечатано въ „Русскомъ Архивѣ“ 1899 г. (№ 11, Позабытыя произведенія Е. А. Баратынскаго, стр. 448) съ неправильной ссылкой на альманахъ „Утренняя Заря“ 1840, въ которомъ это стихотвореніе не было помѣщено. Несмотря на то, что эта эпиграмма два раза появлялась въ печати и относительно принадлежности ея Боратынскому не было никакихъ сомнѣній, она не вошла ни въ одно изъ посмертныхъ изданій полнаго собранія сочиненій поэта.

Относимъ предположительно эту эпиграмму къ 1835 году на томъ основаніи, что въ рукописи она слѣдуетъ непосредственно за „Риѳмой“ (даже не отдѣлена чертой).

Николай Ивановичъ Надеждинъ (род. 5 окт. 1804, ум. 11 янв. 1856) — извѣстный критикъ, подписывавшійся псевдонимомъ „Надоумка“ (см. эпиграммы на него Пушкина); подъ двумя журналами, которыхъ онъ похоронилъ, подразумѣваются, по всей вѣроятности, „Московскій Телеграфъ“ и „Телескопъ“.

187. Романсъ (стр. 147). Впервые напечатано въ „Полномъ новѣйшемъ пѣсенникѣ“ въ тринадцати частяхъ.... собранномъ И—мъ Гурьяновымъ“, М. 1835, ч. XII, стр. 50—51, подъ заглавіемъ „Романсъ“ и съ подписью *Баратынскій;* перепечатано (безъ заглавія, съ тою же подписью) въ сборникѣ „Вѣнокъ Грацій“, М. 1838, стр. 19.

Не вошло ни въ одно изъ полныхъ собраній сочиненій Боратынскаго.

Относимъ предположительно этотъ романсъ къ 1835 году; возможно впрочемъ, что онъ написанъ гораздо раньше.

188. Князю Петру Андреевичу Вяземскому (стр. 147). Впервые напечатано въ „Современникѣ“ 1836 года, т. IV, стр. 216—218, подъ заглавіемъ „Къ князю П. А. Вяземскому“ и съ подписью *Е. Баратынскій.* Этимъ стихотвореніемъ, набраннымъ курсивомъ, открывался сборникъ „Сумерки“ (стр. 5—13) (первоначально названный поэтомъ „Сонъ земной ночи“), который былъ посвященъ „Князю Петру Андреевичу Вяземскому“.

Стихотвореніе отнесено издателями къ періоду 1835—1842 гг. (въ дѣйствительности оно написано не позже 1836 года), и эта неопредѣленность, а также и то, что оно явилось посвященіемъ „Сумерекъ“, послужило поводомъ для многихъ считать его выраженіемъ чувствъ Боратынскаго въ то время, когда онъ остался „звѣздой разрозненной Плеяды“, т. е. послѣ смерти барона Дельвига, Пушкина и т. д., между тѣмъ какъ Пушкинъ былъ еще живъ. Болѣе того, Боратынскій называетъ „звѣздой разрозненной Плеяды“ даже не себя, а князя П. А. Вяземскаго, принадлежавшаго еще старому поколѣнію.

Посылая свой сборникъ князю П. А. Вяземскому, Боратынскій писалъ: „Это небольшое собраніе стихотвореній предано тисненію почти, если не единственно, для того, чтобы воспользоваться позволеніемъ вашимъ напечатать посвященіе. Примите то и другое съ обычнымъ вашимъ благоволеніемъ къ автору“ („Старина и Новизна“, кн. 5, стр. 55).

Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій (род. 12 іюля 1792 года, сконч. 10 ноября 1878) — извѣстный критикъ и поэтъ; по свидѣтельству П. А. Плет-

нева (Соч. т. I, стр. 547—572, статья напечатанная въ „Современникѣ“ 1844 г., т. XXXV, стр. 298—329 — „Евгеній Абрамовичъ Баратынскій“), „онъ вполнѣ цѣнилъ талантъ Баратынскаго и любилъ его замѣчательный, тонкій умъ. Ихъ неоднократныя свиданія въ Москвѣ утвердили дружбу, основанную на взаимномъ душевномъ уваженіи. Два таланта, столь извѣстные у насъ остроуміемъ, вкусомъ, образованностію, лучшимъ тономъ, игривостію и силою слога, чуждые мелочнаго соперничества, съ удовольствіемъ сообщали другъ другу мнѣнія свои о предметахъ, занимавшихъ ихъ любознательность“. И кн. Вяземскій сохранилъ это дружелюбное чувство къ Боратынскому до конца дней своихъ и въ 1869 году сердечно привѣтствовалъ изданіе сочиненій своего друга, поэтическій талантъ котораго онъ очень цѣнилъ (Соч. Вяземскаго, изд. гр. С. Д. Шереметева, Спб. 1882, т. VII, стр. 268—269).

См. также отзывы князя Вяземскаго о Боратынскомъ въ Остафьевскомъ Архивѣ и письма Боратынскаго въ 5 книгѣ „Старины и Новизны“.

189. Осень (стр. 149). Впервые напечатано въ „Современникѣ“ 1837 г., т. V, стр. 278—280, подъ заглавіемъ „Осень“ и съ подписью *Е. Баратынскій.* Включая эту пьесу въ свой сборникъ „Сумерки“ (стр. 67—83), Боратынскій нѣсколько измѣнилъ ее. Въ копіи, представленной въ цензуру (нынѣ эта копія находится въ Казанскомъ архивѣ Боратынскихъ), мы находимъ слѣдующія разночтенія:

15 Пробудится ненастливый эолъ;
29 Своихъ дубровъ и холмовъ зимній видъ
30 Недвижный токъ туманно отразитъ.
56 Трудъ бытія вознаграждая,
62 И ты, какъ онъ, съ надеждой сѣялъ;
63 И ты, какъ онъ, о дальнемъ днѣ наградъ
117—120 Угомонитъ, и тщетныхъ жалобъ въ немъ
Удушитъ запоздалый лепетъ
И, примешь ты, какъ лучшій жизни кладъ,
Даръ опыта, мертвящій душу хладъ;
124 Цвѣтущій брегъ за мглою чорной,
128—130 Въ великомъ гимнѣ примиреннымъ,
Внимающій какъ арфамъ, коихъ строй
Превыспренній, не понятъ былъ тобой;
136 Не передашь живому звуку
137 И, легкихъ чадъ житейской суеты,
139 Знай горняя, иль дольная, она
146—150 Изъ (умиленія) усыпленія выводитъ (исправлено рукою
Гласъ, пошлый гласъ, вѣщатель общихъ думъ, [поэта)
И звучный отзывъ въ ней находитъ;
Но не найдетъ отзыва тотъ глаголъ
Что страстное земное перешолъ.
153 Звѣзда небесъ въ бездонность утечетъ
154 Пусть замѣнитъ ее другая!
157 Паденія ея далекой вой,
158 Равно какъ въ высотахъ Эѳира

Кромѣ того, въ копіи „Сумерекъ“ вовсе исключены стихи 75—84.

Не удовлетворившись этими измѣненіями, поэтъ (въ корректурѣ?) передѣлалъ 30 стихъ:

Застылый токъ туманно отразитъ

и возстановилъ по „Современнику" чтеніе 135 и 136 стиховъ.

Въ изданіе 1869 года вкралась существенная опечатка въ 7-мъ стихѣ:

Желтѣетъ сѣнь кудрявая дубровъ,

и эта опечатка была пунктуально повторена всѣми послѣдующими издателями.

„Осень" относится всѣми издателями сочиненій Боратынскаго къ періоду 1835—1842 гг.; въ дѣйствительности она окончена въ январѣ 1837 года (а начата гораздо раньше), что удостовѣряется письмомъ Е. А. Боратынскаго князю П. А. Вяземскому, въ которомъ поэтъ говоритъ: „Препровождаю вамъ дань мою Современнику. Извѣстіе о смерти Пушкина застало и меня на послѣднихъ строфахъ этого стихотворенія..... Брошенную на бумагу, но далеко не написанную, я на долго оставилъ мою элегію. Многимъ въ ней я теперь не доволенъ, но рѣшаюсь быть къ самому себѣ снисходительнымъ, тѣмъ болѣе, что небрежности мною оставленныя, кажется, угодны судьбѣ".... („Старина и Новизна", кн. V, стр. 54).

Наиболѣе подробный разборъ посвятилъ этому стихотворенію С. Шевыревъ въ „Московскомъ Наблюдателѣ" (1837 г., ч. XII, стр. 319—324), выдержку изъ котораго мы и приводимъ: „Въ этомъ глубокомысленномъ стихотвореніи сходятся два Поэта: прежній и новый, Поэтъ формы и Поэтъ мысли. Прежній заключилъ бы прекраснымъ описаніемъ осени, которое напоминаетъ своими стихами лучшія произведенія Боратынскаго-описателя, его Финляндію особенно. Новый Поэтъ переводитъ пейзажъ въ міръ внутренній и даетъ ему обширное, современное значеніе: за осенью природы рисуетъ Поэтъ осень человѣчества, намъ современную, время разочарованія, жатву мечтаній. Осень природы есть, такъ сказать, одно число, когда написана піеса. Слѣдя стихи, мы видимъ совершенно естественное развитіе думъ поэтическихъ. Осень только намекнула Поэту на мысль, которая уже прежде таилась въ душѣ его. Когда Поэтъ нарисовалъ пейзажъ, схваченный опытными глазами съ внѣшняго міра, и перешелъ въ міръ внутренній, спустился въ свою душу: тогда раскрылась картина другая, картина мрачная и знаменательная. Мы не считаемъ лишними всѣхъ этихъ подробностей, потому что на рѣдкомъ произведеніи удается намъ психологически прослѣдить возникновеніе и развитіе поэтическаго произведенія. Піеса, подающая поводъ къ такимъ наблюденіямъ, свидѣтельствуетъ зрѣлость таланта. Поэтъ не хотѣлъ окончить хладною картиною разочарованія: онъ чувствовалъ необходимость предложить утѣшеніе. Мысль, развитая далѣе и едва ли для всѣхъ доступная, есть слѣдующая: чѣмъ бы ни кончилось твое разочарованіе — совершеннымъ ли охлажденіемъ души или напротивъ высшимъ ея просвѣтлѣніемъ, знай, что ты не передашь тайны жизни міру. Ея не можетъ обнять земной звукъ. Сія тайна:

Намъ на землѣ *не для* земли дана....."

Бѣлинскій относилъ „Осень" къ числу стихотвореній, особенно достойныхъ памяти и вниманія (т. VII, стр. 494).

„Осень“ Боратынскаго не однажды сравнивалась въ нашей литературѣ съ „Осенью“ Пушкина, при чемъ мажорному тону „Осени“ Пушкина, характерному для его поэзіи, противопоставлялось глубоко-мрачное раздумье Боратынскаго. Въ послѣднее время Валерій Брюсовъ сталъ довольно настойчиво говорить (въ „Русскомъ Архивѣ“ 1900, № 8, въ новомъ „Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза и Ефрона“, т. VI) о другой связи этого стихотворенія съ Пушкинымъ, а именно: по мнѣнію В. Брюсова, въ 13 строфѣ Боратынскій сопоставляетъ себя съ „вѣщателемъ общихъ думъ“, съ „пошлымъ гласомъ“ — Пушкинымъ. Нечего и говорить о томъ, насколько произвольно и ни на чемъ не основано это утвержденіе: въ 1836 году и въ началѣ 1837-го, когда Пушкинъ былъ еще живъ, Боратынскій говорилъ не о „пошломъ“ гласѣ, а о „дикомъ“ гласѣ, и не сталъ бы онъ послѣ смерти Пушкина, когда вполнѣ оцѣнилъ *глубину* мыслей великаго поэта (къ сожалѣнію, письма поэта къ Н. Л. Боратынской, въ которыхъ онъ говоритъ о Пушкинѣ, напечатаны *очень* неполно), измѣнять первоначальный эпитетъ на оскорбительный для памяти погибшаго поэта — „пошлый“. Если и есть связь между этимъ стихотвореніемъ и Пушкинымъ, то она заключается въ послѣднихъ строфахъ Осени, на которыхъ застало Боратынскаго извѣстіе о смерти его великаго друга: мы бы сказали, что безотрадно и безвыходно мрачное окончаніе

Передъ тобой таковъ отнынѣ свѣтъ;
Но въ немъ тебѣ грядущей жатвы нѣтъ

вызвано смертью Пушкина, тѣмъ впечатлѣніемъ, какое произвело извѣстіе объ этой смерти на Боратынскаго (что̀, кстати сказать, вполнѣ гармонируетъ съ письмомъ Б. къ кн. Вяземскому, напечатанному въ 3 книгѣ „Старины и Новизны“, стр. 341—342).

Укажемъ, что стихи 149—150 исправлены поэтомъ по указанію современной критики, отмѣтившей затемненность смысла вслѣдствіе грамматической неправильности (Долъ носится, не отзываясь долъ).

190. (Новинское). А. С. Пушкину (стр. 154). Издается по копіи „Сумерекъ“, представленной въ цензуру (хранится въ Казанскомъ архивѣ Боратынскихъ). Напечатано въ „Сумеркахъ“ подъ заглавіемъ „Новинское. А. С. Пушкину“ (стр. 23—24; въ цензурной копіи заглавіе „А. С. Пушкину“) и съ передѣлкою перваго четверостишія:

Она улыбкою своей,
Поэта въ жертвы пригласила,
Но не любовь, отвѣтомъ ей,
Взоръ ясный думой осѣнила.

Первоначально Боратынскій записалъ это стихотвореніе въ альбомъ своей кузины Натали (этотъ альбомъ съ автографами Боратынскаго хранится въ настоящее время въ Татевскомъ архивѣ Рачинскихъ) въ такомъ видѣ:

Какъ взоры томныя свои
Ты на пѣвцѣ остановила,
Не думай чтобъ мечта любви
Въ его душѣ заговорила!

Нетъ это былъ сей легкій сонъ
Сей чудный сонъ воображенья
Что посылаетъ Аполлонъ
Не для любви, для вдохновенья.

Посмертными собраніями сочиненій Боратынскаго это стихотвореніе отнесено къ періоду 1835—1842 гг.; относимъ предположительно къ 1837 году на основаніи мѣста, какое занимаетъ оно въ цензурной копіи „Сумерекъ", а также и по слѣдующимъ соображеніямъ: Боратынскій обращался мысленно къ Пушкину въ 1837 и 1840 гг.; предположеніе, что стихотвореніе написано въ 1840 году, по нашему мнѣнію, исключается наличностью трехъ различныхъ редакцій, которыхъ нельзя помѣщать въ двухлѣтній промежутокъ. Вѣроятнѣе всего, это стихотвореніе написано въ 1837 году и было вызвано смертью Пушкина, которая произвела на Боратынскаго „громовое впечатлѣніе" и глубоко потрясла его (Письмо къ кн. П. А. Вяземскому, „Старина и Новизна" кн. III, стр. 341—342).

Объ отношеніи Боратынскаго къ Пушкину см. замѣтку М. Л. Гофмана „Баратынскій о Пушкинѣ" („Пушкинъ и его современники", вып. XVI, стр. 143—160).

Заглавіе „Новинское" остается до сихъ поръ невыясненнымъ, и для выясненія его мы не можемъ предложить даже догадокъ.

191. Мысль (стр. 154). Впервые напечатано въ „Современникѣ" 1837 г., т. IX, стр. 154, подъ заглавіемъ „Мысль" и съ подписью *Е. Баратынскій;* вошло въ „Сумерки" безъ заглавія (стр. 53—54).

Всѣми издателями стихотвореніе это отнесено къ періоду 1835—1842 гг.; правильнѣе, кажется, отнести его къ 1837 г.

Встрѣченная очень сочувственно „Библіотекой для Чтенія" (1842, т. 53, отд. VI, стр. 1—8), „Мысль" вызвала возмущеніе въ Н. А. Полевомъ („Сынъ Отечества", 1838, т. 2, отд. IV, стр. 165), который, приведя эту эпиграмму, восклицалъ: „Вообразите, что это стихи Баратынскаго!! Не плодя журнальной полемики, какъ не сказать, что такіе стихи, какъ искушенная жена, какъ темная дѣва, не подъемлютъ и не воплощаютъ никакой мысли, кромѣ одной только: зачѣмъ писать стихи, если время ихъ для насъ прошло? О, Лесажъ! какъ ты былъ уменъ".

Бѣлинскій въ 1838 г. писалъ, что Мысль—„особенно отличается необыкновенною художественностію своихъ поэтическихъ формъ: это истинная творческая красота" (Соч. т. III, стр. 394); въ 1839 году знаменитый критикъ восклицалъ, приводя это стихотвореніе: „Что это такое? неужели стихи, поэзія, мысль?... лучше совсѣмъ не писать поэту, чѣмъ писать такія напр. стихотворенія..." (Соч. т. VIII, стр. 19—20).

192. *** (стр. 155). Впервые напечатано въ „Современникѣ" 1839 года, т. XV, стр. 157, вмѣстѣ съ другими двумя стихотвореніями „Были бури, непогоды" и „Еще какъ патріархъ не древенъ я" подъ общимъ заглавіемъ „Антологическія стихотворенія" и съ подписью *Ев. Баратынскій.* Въ копіи сборника „Сумерки", представленной въ цензуру (эта копія хранится въ Казанскомъ архивѣ), послѣдній стихъ читается:

Насъ, въ страхъ ему, одинъ его намекъ.

Въ „Сумеркахъ“ этотъ же стихъ читается иначе:

Насъ иногда одинъ его намѣкъ.

Мы приняли предложеніе В. Брюсова—послѣ неправедный поставить запятую, т. к. „Баратынскій говоритъ о *неправедномъ*, т. е. порочномъ человѣкѣ, сохранившемъ въ глубинѣ разврата живую душу, даръ творчества. Такой человѣкъ раскроетъ передъ своими читателями новыя тайны души, особый изгибъ сердецъ. Наблюденію и изученію подлежатъ обѣ области жизни: и свѣтъ и мракъ, и добродѣтель и порокъ. Близкія къ этому мысли Баратынскій развиваетъ и въ предисловіи къ *Наложницѣ*. Въ своихъ произведеніяхъ онъ самъ хотѣлъ принести откровенія изъ области тьмы; въ этомъ отношеніи замѣчательно, что почти всѣ герои и героини его поэмъ — люди падшіе, отвергнутые обществомъ: Эда, княгиня Нина, Елецкой, Цыганка Сара...“ („Русскій Архивъ“, 1899 г., 11 выпускъ, стр. 437—446, „О собраніяхъ сочиненій Е. А. Баратынскаго“).

Издателями отнесено это стихотвореніе къ 1835—1842 гг.; между тѣмъ очевидно, что его нельзя отодвигать дальше 1839 года, т. к. въ этомъ году оно уже было напечатано въ „Современникѣ“.

193. *** (стр. 155). Впервые напечатано въ „Современникѣ“ 1839 года, т. XV, стр. 157, вмѣстѣ съ стихотвореніями „Благословенъ святое возвѣстившій“ и „Еще какъ патріархъ не древенъ я“ подъ общимъ заглавіемъ „Антологическія стихотворенія“ и съ подписью *Ев. Баратынскій*. Вошло въ собраніе стихотвореній Боратынскаго „Сумерки“ (стр. 47—48) съ слѣдующими варіантами:

5 Бойкой пѣснью разольется:
9 Грузъ двойной съ груди усталой.

Возможно, что эти измѣненія обусловлены цензурными требованіями, такъ какъ въ копіи „Сумерекъ“, представленной въ цензуру, мы находимъ противъ всего стихотворенія помѣту цензора (Флерова); Боратынскій, какъ бы оправдываясь, дѣлаетъ надпись „Напечатано въ Современникѣ 1841 года“ (sic!) и исправляетъ „вольную“ пѣснь на „бойкую“ и „крупный грузъ“ на „грузъ двойной“. Въ тетради стихотвореній Боратынскаго, принадлежащей перу Н. Л. Боратынской (эта тетрадь хранится въ Казанскомъ архивѣ), оно озаглавлено „Молодые годы“.

Издатели Боратынскаго относятъ это стихотвореніе къ періоду 1835—1842 гг.; очевидно (см. „Благословенъ святое возвѣстившій“), что оно написано не позже 1839 года.

194. *** (стр. 155). Впервые напечатано въ „Современникѣ“ 1839 года, т. XV, стр. 157—158, вмѣстѣ съ другими двумя стихотвореніями („Благословенъ святое возвѣстившій“ и „Были бури, непогоды“), подъ общимъ заглавіемъ „Антологическія стихотворенія“ и съ подписью *Ев. Баратынскій*. Вошло въ сборникъ стихотвореній „Сумерки“ (стр. 55) съ варіантомъ въ шестомъ стихѣ:

Подъ этой розою главой склонись, о ты

Стихотвореніе это отнесено издателями къ періоду 1835—1842 гг.; между тѣмъ очевидно, что его нельзя отодвигать дальше 1839 года.

195. (стр. 156). Издается по тексту „Сумерекъ“ (стр. 56—57). Въ цензурной копіи этого сборника 18-й стихъ читается нѣсколько иначе:

Видѣнья грознаго коснись твоей рукою

Зпервые напечатано въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1839, т. 2, Отд. III, стр. 1, безъ заглавія и съ подписью *Е. Баратынскій*, съ варіантами слѣдующихъ стиховъ:

1 Толпѣ—стогласый день привѣтенъ; но страшна
3 Раскованной мечты владѣній своевольныхъ,
6 Земныхъ суетъ, заботъ юдольныхъ.
12 Счастливый баловень, и тамъ, въ духовномъ мірѣ,
15–16 Передъ заботою земною
Мужайся, не робей изнѣженной душою;
18 Призрака грубаго коснись твоей рукою, —
20 Заочной области откроются врата.

Мы не приняли чтенія „Отечественныхъ Записокъ“, такъ какъ въ немъ встрѣчаются техническіе недочеты (четырехстопный ямбъ риѳмуется съ шестистопнымъ). Всѣми посмертными изданіями сочиненій Боратынскаго это стихотвореніе отнесено къ періоду 1835—1842 гг.; очевидно, что его нельзя отодвигать дальше 1839 года.

Въ „Сынѣ Отечества“ (1839, т. 7, отд. IV, стр. 87) возмущенно писали по поводу этого стихотворенія: „О. З. за стихи г-на Лермонтова заставляютъ читателей прочитать стихи г-на Баратынскаго и г-на Бенедиктова. Боже великій! что это такое? Неужели Баратынскаго стихи! А мысль ихъ? „Толпѣ страшна безмолвная ночь, своевольное владѣніе мечты“ и друг.“ Иначе отнеслись къ этому стихотворенію позднѣйшіе критики.

196. Примѣты (стр. 156). Впервые напечатано въ альманахѣ В. Владиславлева „Утренняя Заря“ на 1840 годъ, стр. 117—118, подъ заглавіемъ „Примѣты“ и съ подписью *Е. Баратынскій.* Вошло въ „Сумерки“ (стр. 25—27) съ измѣненіями слѣдующихъ стиховъ:

9 Почуя бѣду надъ его головой,
11 И замысла, въ пору смирясь предъ судьбой,
12 Воздерживалъ онъ дерзновенье
18 Блаженство любви прорицала:
20 Нечуждая жизнь въ ней дышала.

Издатели Боратынскаго относятъ „Примѣты“ къ періоду 1835—1842 гг.: очевидно, что ихъ нельзя отодвигать дальше 1839 года.

Это стихотвореніе было встрѣчено очень сочувственно „Библіотекой для Чтенія“ (1840, т. 38, стр. 1—2 и 1842, т. 53, стр. 1—8) и „Сыномъ Отечества“ (1840, т. I, отд. X), нашедшимъ наконецъ въ этомъ стихотвореніи прежняго Боратынскаго.

Извѣстно, какое негодованіе вызвали „Примѣты“ въ Бѣлинскомъ (Соч., т. VII, стр. 279—280), усмотрѣвшемъ въ этомъ стихотвореніи призывъ къ невѣжеству и ополчившемся на поэта въ защиту науки. (См. также „Переписку Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ“).

197. Обѣды (стр. 157). Напечатано въ альманахѣ В. Владиславлева „Утренняя Заря" на 1840 г., стр. 184, подъ заглавіемъ „Обѣды" и съ подписью *Е. Баратынскій*, и при жизни поэта не перепечатывалось; изъ посмертныхъ собраній сочиненій вошло только въ изданіе И. Н. Божерянова (стр. 119).

Въ Казанскомъ архивѣ Боратынскихъ хранится автографъ-черновикъ этого стихотворенія (на синей плотной бумагѣ), значительно отличающійся отъ печатнаго текста. (См. воспроизведеніе этого автографа въ настоящемъ изданіи).

198. Звѣзды (стр. 157). Напечатано въ альманахѣ В. Владиславлева „Утренняя Заря" на 1840 г., стр. 226, подъ заглавіемъ „Звѣзды" и съ подписью *Е. Баратынскій;* при жизни поэта не перепечатывалось. Въ нѣсколькихъ копіяхъ Н. Л. Боратынской (Казанскій архивъ) это стихотвореніе не озаглавлено, и въ немъ встрѣчаются слѣдующія разночтенія:

5 Судьбѣ гоненья, злобѣ свѣта
11 Не помню я ни звѣздъ небесныхъ

Такъ же напечатано оно и И. С. Тургеневымъ (имѣвшимъ въ своемъ распоряженіи бумаги Н. Л. Боратынской) въ „Современникѣ" 1854 г., № 10. Впервые вошло въ изданіе И. Н. Божерянова (стр. 120) — по тексту „Утренней Зари".

Мы относимъ это стихотвореніе только предположительно къ 1839 году: вполнѣ возможно, что оно написано гораздо раньше.

199. *** (стр. 158). Издается впервые по копіямъ Н. Л. Боратынской, хранящимся въ Казанскомъ архивѣ.

Эта неизданная эпиграмма относится, повидимому, къ 1840 году, т. е. къ тому времени, когда Боратынскій находился въ Петербургѣ, и когда у него опредѣлилось явно-отрицательное отношеніе къ Москвѣ и московскому обществу. Такъ, 10 февраля 1840 г., поэтъ пишетъ Н. Л. Боратынской: „Общій тонъ общества истинно удовлетворяетъ идеалу, который составляешь себѣ о самомъ изящномъ, въ молодости по книгамъ. Полная непринужденность и учтивость обратившаяся въ нравственное чувство. Въ Москвѣ объ этомъ и понятія не имѣютъ". (Письма поэта къ Н. Л. Боратынской хранятся въ Казанскомъ архивѣ, и только незначительные отрывки были напечатаны въ посмертныхъ изданіяхъ сочиненій Боратынскаго).

200. *** (стр. 158). Впервые напечатано въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1840 г., т. IX, отд. III, стр. 1, безъ заглавія и съ подписью *Е. Баратынскій;* перепечатано въ „Сумеркахъ" (стр. 49—50) съ варіантами:

1 На что вы дни! Юдольный міръ явленья
3 Всѣ вѣдомы, и только повторенья
9 И тѣсный кругъ подлунныхъ впечатлѣній

Въ копіи этого сборника, представленной въ цензуру (въ настоящее время она находится въ Казанскомъ архивѣ Боратынскихъ), находятся варіанты слѣдующихъ стиховъ:

3 Все тѣжъ они, и только повторенья
9 И бѣдный кругъ подлунныхъ впечатлѣній.

Относимъ предположительно къ 1840 году (всѣми издателями отнесено къ періоду 1835—1842 гг.).

Бѣлинскій (Соч. т. VII, стр. 494), въ числѣ другихъ стихотвореній, называлъ „На что вы дни!“ особенно достойнымъ памяти и вниманія, а въ 1843 году прибавлялъ: „Страшно чувство, которымъ внушено это выстраданное стихотвореніе! не обѣщаетъ оно новыхъ и живыхъ вдохновеній (Соч., т. VIII, стр. 19). Критикъ „Отечественныхъ Записокъ“ (1844, т. 66, стр. 1—22) видѣлъ въ этомъ стихотвореніи „*эпилогъ* всей жизни и всей поэзіи“ Боратынскаго и добавлялъ: „Безсильная грусть младенца трогаетъ насъ, но сознаніе безсилія мужа — чуждо нашей душѣ: оно оскорбляетъ ее, по крайней мѣрѣ, оно губитъ очарованіе поэзіи, если и вся поэзія въ самомъ дѣлѣ обманъ“...

201. *** (стр. 159). Печатается по тексту „Сумерекъ“ (стр. 28); впервые напечатано въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1840 г., т. IX, отд. III, стр. 150, безъ заглавія и съ подписью *Е. Баратынскій*, съ варіантомъ 6-го стиха:

И ночь твоя свѣтлѣй чѣмъ день:

(1 стихъ: Всегда, и въ пурпурѣ, и въ златѣ)

Отнесено издателями къ періоду 1835—1842 гг.

202. *** (стр. 159). Издается по тексту „Сумерекъ“ (стр. 63—64). Впервые напечатано въ „Современникѣ“ 1840 г., т. XVIII, стр. 253, вмѣстѣ съ другими стихотвореніями подъ общимъ заглавіемъ „Антологическія стихотворенія“ и съ подписью *Е. Баратынскій.* Чтеніе „Современника“ отличается отъ „Сумерекъ“ (а также и отъ копій) простой перестановкой словъ въ 4-мъ стихѣ:

И жизнь, и смерть, и правда безъ покрова

и варіантомъ 5-го:

Рѣзецъ, клавиръ, кисть! счастливъ, кто влекомъ

Отнесено издателями къ періоду 1835—1842 гг.; очевидно, что это стихотвореніе написано не позже 1840 года.

Этотъ глубокій разладъ художника-мыслителя, обозначившійся вполнѣ опредѣленно уже въ серединѣ 30-хъ годовъ, въ большой степени объясняетъ намъ, почему творчество Боратынскаго количественно сокращается къ 40-мъ годамъ, когда поэтъ увидѣлъ правду „безъ покрова“. Этотъ разладъ возбудилъ въ Бѣлинскомъ (Соч., т. VII, стр. 480—482) только одно негодованіе, и онъ разразился по поводу этого стихотворенія тирадой, смыслъ которой сводился къ тому, что искусство безъ мысли — трупъ, что если они враждебны, то одно изъ нихъ — лишнее бремя для человѣка и т. д. и т. д.

203. Мудрецу (стр. 160). Впервые напечатано въ „Современникѣ“ 1840 г., т. XVIII, стр. 253, вмѣстѣ съ стихотвореніемъ „Все мысль, да мысль“ подъ общимъ заглавіемъ „Антологическія стихотворенія“ и съ подписью *Е. Баратынскій.* Вошло въ сборникъ стихотвореній Боратынскаго „Сумерки“ (стр. 40—41) съ измѣненіемъ 3-го стиха:

Намъ, изволеньемъ Зевеса брошеннымъ въ міръ коловратный,

Измѣненіе вызвано помѣтой цензора „словомъ тревожнымъ“, сдѣланной имъ въ копіи „Сумерекъ“, хранящейся нынѣ въ Казанскомъ архивѣ Боратынскихъ.

Относится издателями къ періоду 1835—1842 гг.; очевидно, что стихотвореніе „Мудрецу“ написано не позже 1840 года.

204. Риѳма (стр. 160). Печатается по тексту сборника стихотворенiй Боратынскаго „Сумерки“, стр. 86—88), а стихи 14—23-й — по копiи Н. Л. Боратынской (Казанскiй архивъ; въ этой копiи 14—23-й стихи выписаны послѣ всего стихотворенiя съ замѣчанiемъ „пропущенные стихи цензурой“). Впервые напечатано въ „Современникѣ“ 1841 года, т. XXI, стр. 241—242, подъ заглавiемъ „Риѳма“ и съ подписью *Е. Баратынскiй;* 12-й стихъ въ „Современникѣ“ (а также и въ рукописи Е. А. Боратынскаго, бумаги И. Ѳ. Тютчева въ архивѣ сельца Муранова) читается нѣсколько иначе:

И лиру звучную пѣвца

Въ изданiи 1869 года (а также и во всѣхъ послѣдующихъ) возстановлено пропущенное при жизни Боратынскаго мѣсто, и въ слѣдующихъ стихахъ имѣются разночтенiя съ нашимъ текстомъ:

17 Или оплакивалъ народную фортуну
18 И устремлялися всѣ взоры на него,
24—27 Но нашей мысли торжищъ нѣтъ,
Но нашей мысли нѣтъ форума.
29 Высокъ полетъ его иль нѣтъ,
Велика-ль творческая дума?
31 Скажи: твой безпокойный жаръ —
33 Рѣши вопросъ неразрѣшимый.

Кромѣ того, въ изданiи 1869 года въ примѣчанiяхъ приводятся варiанты по неизвѣстной намъ рукописи:

2 На стогнахъ древнихъ городовъ
6 И вольнымъ и широкимъ метромъ
41 Одна съ восторжественнымъ порывомъ

„Риѳма“ относится всѣми издателями къ перiоду 1835—1842 гг.; очевидно, что ее нельзя отодвигать дальше 1840 года (напечатана въ январѣ 1841 года).

Первый стихъ „Риѳмы“ представляетъ собой, повидимому, безсознательное заимствованiе изъ стихотворенiя К. Н. Батюшкова „Н. М. Карамзину“. П. А. Плетневъ, возражая Я. К. Гроту, утверждалъ, что *Риѳму* „надобно почитать символомъ поэтическихъ ощущенiй, которыя дѣйствительны сами по себѣ только и служатъ возмездiемъ поэта за его никому не радостныя усилiя“. (Приблизительно то же писали въ 1844 году въ „Библiотекѣ для Чтенiя“).

205. *** (стр. 161). Издается по цензурной копiи „Сумерекъ“ (такъ же это стихотворенiе читается почти во всѣхъ копiяхъ Н. Л. Боратынской). Напечатано въ сборникѣ Боратынскаго „Сумерки“ (стр. 29—30) съ варiантомъ 11-го стиха:

Уставъ отъ вѣнценосныхъ думъ,

Сверхъ того, въ нѣкоторыхъ копiяхъ Н. Л. Боратынской (въ примѣчанiяхъ изданiя 1869 года указано, что и въ рукописи), иначе читается второй стихъ:

На двухъ романахъ утомилъ

Отнесено всѣми издателями къ періоду 1835—1842 гг., — предположительно считаемъ эту эпиграмму написанной въ 1840 году.

Варіанты „на двухъ романахъ“ и „на двухъ статейкахъ утомилъ“ какъ будто указываютъ на то, что Боратынскій своей эпиграммой не имѣлъ въ виду опредѣленнаго лица.

206. ******* (стр. 162). Напечатано въ сборникѣ стихотвореній Боратынскаго „Сумерки“ (стр. 42).

Относимъ предположительно къ 1840 году.

Въ „Библіотекѣ для Чтенія“ 1842 г., т. 53, отд. 11, стр. 1—8, это стихотвореніе было названо „очень ѣдкой“ эпиграммой.

207. Предразсудокъ (стр. 162). Печатается по тексту „Сумерекъ“ (стр. 21—22), заглавіе дано нами по автографу и по „Отечественнымъ Запискамъ“. Впервые напечатано въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1841 г., т. XV, отд. III, стр. 258, подъ заглавіемъ „Предразсудокъ“ и съ подписью *Е. Баратынскій.* Въ автографѣ Боратынскаго, хранящемся въ бумагахъ И. Ѳ. Тютчева (Мурановскій архивъ), а также и въ „Отеч. Зап.“, мы находимъ слѣдующія разночтенія:

3 Прагъ остался; а потомокъ
4 Смыслъ его не разгадалъ.
6 Не признавъ его лица,
10 Дней ему не сокращай;

Въ посмертныхъ изданіяхъ сочиненій Боратынскаго это стихотвореніе отнесено къ періоду 1835—1842 гг.; кажется, правильнѣе относить его къ 1841 году. Въ „Библіотекѣ для Чтенія“ (1842, т. 53, отд. VI, стр. 1—3) „Предразсудокъ“ былъ выписанъ цѣликомъ, т. к., по мнѣнію критика, — „эти прекрасныя строки заключаютъ мысль, почти поэтическую“.

208. Vanitas Vanitatum (стр. 163). Впервые напечатано въ „Отеч. Запискахъ“ 1841, т. XVI, отд. III, стр. 71, подъ заглавіемъ „Vanitas Vanitatum“ и съ подписью *Е. Баратынскій;* вошло въ „Сумерки“, безъ заглавія, стр. 60—62. Отнесено издателями къ періоду 1835—1842 гг. — мы относимъ предположительно къ 1841 году.

Въ собраніяхъ сочиненій Боратынскаго *произвольная* пунктуація начальныхъ стиховъ

Что за звуки мимоходомъ
Ты поешь передъ народомъ —

совершенно затемняетъ смыслъ первой строфы.

209. Ропотъ (стр. 163). Печатается по тексту „Сумерекъ“ (стр. 38—39); впервые напечатано въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1841 г., т. XVII, отд. III, стр. 155, безъ заглавія и съ подписью *Е. Баратынскій,* съ варіантомъ въ 3-мъ стихѣ:

Кто одарилъ тебя жаломъ, властнымъ прервать своевольно

Посмертными изданіями „Ропотъ“ отнесенъ къ періоду 1835—1842 гг.

210. Ахиллъ (стр. 164). Впервые напечатано въ „Современникѣ“ 1841 г., т. XXIII, и вошло въ „Сумерки“ (стр. 51—52). Варіанты въ „Современникѣ“:

2 Древней силы полноту
4 Сопротивникомъ явила

Во всѣхъ изданіяхъ „Ахиллъ“ отнесенъ къ періоду 1835—1842 г.; предположительно относимъ къ 1841 г.

Валерій Брюсовъ („Русскій Архивъ“ 1900, № 4, „Къ столѣтію со дня рожденія Е. А. Баратынскаго“; см. также другія его статьи въ „Русскомъ Арх.“) видитъ въ Ахиллѣ, въ которомъ Боратынскій „говоритъ о необходимости современному духовному бойцу опереться на живую вѣру“, начало пути послѣдняго озаренія души, развитіе котораго было прервано неожиданной смертью поэта.

211. Скульпторъ (стр. 164). Печатается по тексту „Сумерекъ“ (стр. 65—66). Впервые напечатано въ „Современникѣ“ 1841 года, т. XXIII, стр. 182, подъ заглавіемъ „Скульпторъ“ и съ подписью *Е. Баратынскій.* Въ „Современникѣ“ имѣемъ варіанты слѣдующихъ стиховъ:

10 И въ нѣгѣ сладостно-туманной
14 Пока невольно пламенѣя
17—18 Осмѣлитъ страстнаго творца.

Стихотвореніе относится всѣми издателями къ періоду 1835—1842 гг., между тѣмъ какъ оно написано въ 1841 году.

212. Память Поэту (стр. 165). Издается по копіямъ Н. Л. Боратынской, хранящимся въ Казанскомъ архивѣ. Впервые напечатано въ „Современникѣ“ 1843 г., т. 32, подъ заглавіемъ „Когда твой голосъ“ и съ подписью *Е. Баратынскій.* И. С. Тургеневъ помѣстилъ это стихотвореніе въ „Современникѣ“ 1854 г., № 10, подъ заглавіемъ „На смерть Лермонтова“ (заглавіе, принятое также И. Н. Божеряновымъ въ изданіи „Сѣвера“).

Въ посмертныхъ собраніяхъ сочиненій Боратынскаго „Память Поэту“ отнесена къ періоду 1842—1843 г.; датируемъ предположительно 1841 годомъ на основаніи свидѣтельства М. Н. Лонгинова („Русскій Архивъ“ 1864 г., стр. 1103—1111): „Стихотвореніе „Когда твой голосъ, о поэтъ“ написано Боратынскимъ въ 1841 году на смерть Лермонтова“.

Съ Лермонтовымъ Боратынскій познакомился въ 1840 году въ Петербургѣ у кн. Одоевскаго и такъ сообщалъ женѣ о впечатлѣніи, произведенномъ на него Лермонтовымъ: „Познакомился съ Лермонтовымъ который прочелъ прекрасную новую пьесу; человѣкъ безъ сомнѣнія съ большимъ талантомъ, но мнѣ морально не понравился. Что то нерадушное, Московское“. (Цитируемъ по подлиннику, хранящемуся въ Казанскомъ архивѣ Боратынскихъ; письмо неточно напечатано во всѣхъ собраніяхъ сочиненій Боратынскаго).

Замѣтимъ, что нѣтъ прямыхъ указаній на то, чтобы это стихотвореніе относилось къ Лермонтову, но недумаемъ, чтобы въ этомъ можно было сомнѣваться.

Я. К. Гротъ писалъ Плетневу объ этомъ стихотвореніи, что оно „оригинально и сильно, но въ первомъ куплетѣ (особливо) разстановка словъ сбивчива“. (Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, т. II, стр. 165).

213. *** (стр. 165). Напечатано въ „Сумеркахъ“ (стр. 58—59) и при жизни поэта не перепечатывалось. Въ копіи „Сумерекъ“, представленной въ цензуру (хранится въ Казанскомъ архивѣ) мы находимъ слѣдующія разночтенія:

4 Честь разцвѣтшему Піиту!
8 Кто тебѣ мой (отрокъ) мальчикъ равенъ?

Въ изданіи 1869 года приведенъ въ примѣчаніяхъ еще одинъ варіантъ четвертаго стиха по рукописи:

Честь грядущему Піиту.

Въ изданіи 1885 г. (а также и въ послѣдующихъ) сдѣлана выноска къ этому стихотворенію: „Сыну своему Льву Евг. по поводу первой его стихотворной этюды".

Въ этомъ стихотвореніи поэтъ обращается къ своему старшему сыну Льву Евгеніевичу (род. 18 іюля 1829 г., ум. 16 мая 1906 г.), „стихотворные этюды" котораго сохранились въ бумагахъ Н. Л. Боратынской: большинство изъ нихъ написано блѣдно, лучшіе представляютъ собой подражанія поэту-отцу. Л. Е. Боратынскій извѣстенъ, главнымъ образомъ, какъ издатель произведеній Е. А. Боратынскаго (1869 и 1900 гг.). См. о немъ статью Евг. Боброва въ сборникѣ „Дѣла и люди" (Юрьевъ, 1907, стр. 161—171).

Мы относимъ это стихотвореніе къ 1841 году на томъ основаніи, что врядъ-ли можно предположить, чтобы Л. Е. началъ писать стихи раньше 12-ти лѣтъ.

214. Коттеріи (стр. 166). Печатается по рукописному экземпляру „Сумерекъ", представленному въ цензуру (нынѣ находится въ Казанскомъ архивѣ Боратынскихъ); это стихотвореніе, какъ не пропущенное цензурой, при жизни поэта въ печати не появлялось. Впервые напечатано въ Русскомъ Архивѣ 1890, кн. 1, стр. 326, „Изъ рукописнаго стихотворнаго сборника" подъ заглавіемъ „Е. А. Баратынскій объ одномъ литературномъ кружкѣ" и съ слѣдующими варіантами:

3 Но здравый смыслъ не братъ у васъ въ притонѣ,
5 На оборотъ союзнымъ во благое
7 „Аминь, аминь", сказалъ Онъ вамъ: гдѣ двое

Сверхъ того, мы имѣемъ до пяти копій Н. Л. Боратынской (Казанскій архивъ) съ видоизмѣненіемъ заглавія: „Коттеріи", „Коттеріямъ", „Эпиграмма" и черновикъ въ цензурномъ экземплярѣ, свидѣтельствующій о томъ, что эта эпиграмма написана въ концѣ 1841 года или въ первыхъ числахъ (до 14-го) января 1842-го:

Братайтеся къ (заботливой) взаимной (защитѣ) оборонѣ
Ничтожностей своихъ вы рождены
(Бездарные писцы хлопотуны)
Но въ свой притонъ таланта не зовите
Наоборотъ достойные друзья,
Рѣченнаго, союзнымъ на благое
Воистинну вѣщалъ онъ вамъ гдѣ трое
Вы будете, не буду съ вами я.

И весь этотъ черновой набросокъ зачеркнутъ.

Рѣчь идетъ, конечно, о тѣхъ московскихъ писателяхъ, которые преслѣдовали Боратынскаго своими нападками.

Эпиграмма эта не вошла ни въ одно изъ собраній сочиненій Боратынскаго.

215. Съ книгою Сумерки. С. Н. К[арамзиной]. (стр. 166). Напечатано въ „Современникѣ“ 1842 г., т. XXVII, стр. 95, подъ заглавіемъ „Съ книгою: Сумерки. С. Н. К.“ и съ подписью *Баратынскій.* И. С. Тургеневъ помѣстилъ въ 10 № Современника 1854 года это стихотвореніе подъ заглавіемъ „С. Н. Карамзиной. (При посылкѣ Сумерекъ)“—(заглавіе, принятое также всѣми посмертными собраніями сочиненій Боратынскаго)—и съ разночтеніемъ въ четвертомъ стихѣ:

Такъ сладко, складно пѣло мнѣ.

Посмертными изданіями это стихотвореніе отнесено къ періоду 1842—1843 гг.; довольно точно его можно датировать на основаніи слѣдующаго письма С. Н. Карамзиной къ Боратынскому (отъ 26 іюня 1842 г. изъ Ревеля): „Malgré votre déclaration imprimée d'hostilité contre la poste, je ne puis résister, Monsieur, au désir d'y avoir recours pour vous exprimer ma *vive* reconnaissance pour le cadeau poëtique que j'ai reçu de vous; c'était une si douce surprise que votre souvenir et ces vers charmans à mon adresse! certainement ils sont beaucoup trop flatteurs, je m'en reconnais profondément indigne, et cependant je les ai lus et relus avec une extrême jouissance, non d'amour propre, mais de coeur; et de penser que deux ans d'absence n'ont pas effacé de votre mémoire cette connaissance si courte, si heureuse pour moi, et je croyais gravée seulement dans *mon* souvenir reconnaissant! qu'importe ce que je mérite, — c'est à obtenir que je tiens, et je vous remercie mille et mille fois d'avoir plus de bienveillance que de justice à mon egard.......“ (Подлинникъ письма хранится въ Казанскомъ архивѣ Боратынскихъ).

Карамзина, Софія Николаевна (род. 5 марта 1802, ум. 4 іюля 1856) — дочь исторіографа и поэта Н. М. Карамзина; сближеніе Боратынскаго съ С. Н. относится къ 1840 году, когда поэтъ пріѣзжалъ въ Петербургъ и часто бывалъ у Карамзиныхъ.

„Sophie K. чрезвычайно мила — писалъ онъ женѣ. Мы съ нею тотчасъ вошли въ некоторую короткость...“ Въ другомъ письмѣ поэтъ сообщаетъ, что „съ Софьей Карамзиной въ полной дружбѣ. Вчера Жуковскій раздразнилъ ее до слёзъ. Эта маленькая сцена была очень мила и забавна. Въ ней истинное оживленіе и непритворное баловство, граціозно умѣренное нѣкоторымъ уваженіемъ приличій. Это ее отличаетъ отъ Анюты Блахиной, съ которой она имѣетъ много сходства“. (Подлинники этихъ писемъ находятся также въ Казанскомъ архивѣ).

216. *** (стр. 167). Печатается по копіи Н. Л. Боратынской, исправленной поэтомъ, находящейся въ Казанскомъ архивѣ Боратынскихъ. Въ другихъ копіяхъ Н. Л., а также и во всѣхъ посмертныхъ изданіяхъ, 9-ый стихъ читается такъ:

Но вотъ къ борьбѣ глухой вашъ голосъ

При жизни поэта не печаталось. Впервые появилось въ „Русской Бесѣдѣ“ 1859 г., кн. II, отд. „Стихотворенія“ стр. 1—2, въ очень неточномъ видѣ:

Спасибо злобѣ хлопотливой,
Спасибо недруги мои!
Я, не усталый, но лѣнивый,
Ужь пилъ забвенія струи.

Спасибо вамъ я не въ утратѣ!
Какъ богоизбранный Еврей,
Остановили на закатѣ
Вы солнце юности моей.

Къ этому стихотворенію была присоединена замѣтка редакціи: „Стихи эти присланы намъ П. И. Б[артенев]ымъ изъ Дрездена, при слѣдующемъ замѣчаніи:

„Живя въ Москвѣ, Баратынскій нѣсколько мѣсяцевъ сряду не могъ ничего писать и все жаловался на скуку. Вдругъ журнальныя рецензіи, въ которыхъ почти никогда не отдавалось должной цѣны его произведеньямъ, или какія-то другія непріятности, пробудили его изъ этого усыпленія. Онъ снова и дѣятельно принялся за работу, и когда его разъ спросили, отчего произошла въ немъ такая быстрая перемѣна, онъ отвѣчалъ прилагаемымъ осьмистишіемъ, случайно уцѣлѣвшимъ въ памяти одной дамы, которая была коротко знакома съ Баратынскимъ. Съ ея позволенія я не преминулъ записать эти восемь строкъ, потому что и въ нихъ, хотя онѣ, можно сказать, обронены мимоходомъ, видна художественная замашка дорогаго, до сихъ поръ еще вполнѣ не оцѣненнаго поэта. Мнѣ кажется, что этимъ стихамъ не слѣдуетъ пропасть, какъ пропадаетъ многое, и потому я рѣшился послать ихъ вамъ. Пусть и они войдутъ въ полное собраніе сочиненій Баратынскаго, такъ давно ожидаемое почитателями его таланта".

Посмертными изданіями сочиненій Боратынскаго это стихотвореніе отнесено къ періоду 1842—1843 гг.; относимъ его предположительно къ 1842 году, такъ какъ въ этомъ году вышелъ въ свѣтъ послѣдній сборникъ поэта („Сумерки"), вызвавшій неодобрительные отзывы, на которые Боратынскій и отвѣчалъ своимъ стихотвореніемъ.

217. (На посѣвъ лѣса) (стр. 167). Издается по автографу (черновики Боратынскаго, хранящіеся въ Казанскомъ архивѣ). Стихотвореніе это осталось неотдѣланнымъ, и въ мало-разборчивыхъ черновикахъ особенно часто повторяются выраженія и мысли, не вошедшія въ текстъ: „Но не мечту! Печальный, но не злобный еще живу!" „О мать земля", „Иль дочь тебѣ Гармоніи чужда", „Молчи же Фебъ!" „Свѣтъ дней прельститъ порфирою своей" и т. д.; см. также воспроизведеніе понятно написанной части черновиковъ въ настоящемъ изданіи; часть черновиковъ, сверхъ того, составляетъ собственность принца А. П. Ольденбургскаго. Впервые напечатано въ литературномъ сборникѣ 1846 г. „Вчера и сегодня", кн. II, стр. 68—69, подъ заглавіемъ „*Опять весна*" и съ слѣдующими разночтеніями:

7 Ужь дольный міръ уходитъ отъ очей,
17 Кого измялъ души моей порывъ,
18 Тотъ вызвать могъ меня на бой кровавый
20 Свои рога вѣнчалъ онъ злобной славой.

Такъ же читается это стихотвореніе и въ копіяхъ Н. Л. Боратынской (Казанскій архивъ), носящихъ названіе „Лѣсъ. Элегія", „На посѣвъ лѣса", съ замѣчаніемъ къ 29 стиху: „Этотъ стихъ невозможно было разобрать, но примѣнились ко смыслу съ тѣми словами, которые были нетакъ связно написаны". Въ такомъ же видѣ напечаталъ это стихотвореніе и И. С. Тургеневъ въ „Современникѣ" 1854 г., № 10.

Въ посмертныхъ изданіяхъ, однако, 29—30 ст. читаются иначе:

И пусть! Простяся съ лирою моей,
Я вѣрую: ее замѣнитъ эти

Иначе читается и 20 стихъ:

Свои рога вѣнчалъ онъ грозной славой!

Посмертными изданіями „На посѣвъ лѣса" отнесено къ періоду 1842—1843 гг.; дата (1842) опредѣляется положеніемъ стихотворенія среди черновиковъ „Цыганки", которую поэтъ передѣлалъ въ 1842 году.

По свидѣтельству Н. Л. Боратынской, посѣвъ лѣса (сосновой рощи) осенью 1842 г. внушилъ поэту это стихотвореніе.

3 апрѣля 1846 года Я. К. Гротъ писалъ П. А. Плетневу: „Стихи Баратынскаго замѣчательны по предчувствію смерти и по художественной отдѣлкѣ, но въ нихъ я не понимаю: 1) намека на *сокрытый ровъ* и *рога* и 2) *елей, дубовъ* и *сосенъ*, равно какъ и *дѣтей поэзіи таинственныхъ скорбей*". (Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, т. II, стр. 719). П. А. Плетневъ на это отвѣчалъ:

„У Баратынскаго *сокрытый ровъ* означаетъ намекъ на разныя пакости, которыя въ Москвѣ дѣлали ему юные литераторы, злобствуя, что онъ не дѣлитъ ихъ дурачествъ... *Свои рога* есть живописное изображеніе глупца въ видѣ рогатой скотины. Всѣ послѣдніе четыре стиха отъ того непонятны, что я не припечаталъ объясненія, бывшаго въ подлинникѣ: Баратынскій это писалъ, насаждая въ деревнѣ рощу изъ дубовъ и елей, которую и называетъ здѣсь дитятею поэзіи *таинственныхъ скорбей*, выражая послѣдними словами мрачное расположеніе души своей, въ какомъ онъ занимался и до котораго довели его враги литературные". (Idem, стр. 728—729).

218. * * * (стр. 168). Издается по автографу, хранящемуся въ бумагахъ И. Ѳ. Тютчева (Мурановскій архивъ). Впервые напечатано (по смерти автора) въ „Современникѣ" 1844, т. XXXVI, стр. 370, безъ заглавія и съ подписью *Евг. Баратынскій*, съ варіантомъ (опечаткой?) восьмого стиха:

Не пробудили вновь перуны,

Въ нѣкоторыхъ копіяхъ Н. Л. Боратынской это стихотвореніе озаглавлено „Перуны".

Относится всѣми издателями къ 1842—1843 г.; вѣрнѣе, кажется, предположеніе, что стихотвореніе это написано въ 1843 году.

Упомянемъ о мнѣніи И. Щеглова (Литературныя Приложенія къ „Торгово-Промышленной газетѣ" 1900, № 40), будто бы настоящее стихотвореніе представляетъ собою отвѣтъ на вызовъ написать стихи на смерть Пушкина (см. очень вѣскія возраженія В. Брюсова въ „Русскомъ Архивѣ" 1900 и 1901 гг.).

219. Молитва (стр. 169). Напечатано (по смерти автора) въ „Современникѣ" 1844 г., т. 36, подъ заглавіемъ „Молитва" и съ подписью *Евг. Баратынскій*.

Посмертными изданіями сочиненій „Молитва" отнесена къ періоду 1842—1843 гг.; кажется, однако, правильнѣе датировать ее 1844-мъ годомъ. А. О. Смирнова, переписывая это стихотвореніе въ письмѣ къ Гоголю, отъ 4 де-

кабря 1844 года, прибавляетъ: „Какъ хорошо: „на строгій Твой рай!“ Какъ все хорошо!“ (Письма къ Гоголю Смирновой, „Русская Старина“ 1888, кн. 4, стр. 139).

Эта „Молитва“ болѣе всего говоритъ о томъ послѣднемъ озареніи души поэта, когда онъ палъ ницъ „предъ Промысломъ оправданнымъ“ и вступилъ на новый путь духовнаго развитія, который былъ пресѣченъ неожиданной смертью.

220. * * * (стр. 169). Печатается по автографу, хранящемуся въ бумагахъ И. Ѳ. Тютчева (архивъ сельца Муранова). Напечатано въ „Современникѣ“ 1844 года, т. 36, подъ заглавіемъ „Когда дитя“ и съ подписью *Е. Баратынскій.* Во всѣхъ изданіяхъ (начиная съ 1869 года) стихотвореніе озаглавлено „Н. Л. Баратынской“.

„Когда дитя и страсти и сомнѣнья, поэтъ взглянулъ глубоко на тебя“ имѣетъ несомнѣнный автобіографическій интересъ, какъ обращенное къ супругѣ поэта, Н. Л. Боратынской.

По свидѣтельству Н. В. Путяты (наброски біографіи Е. А. Боратынскаго въ бумагахъ И. Ѳ. Тютчева), это стихотвореніе было единственнымъ, написаннымъ „среди шумной парижской жизни“.

221. Пироскафъ (стр. 170). Издается по автографу, хранящемуся въ бумагахъ И. Ѳ. Тютчева. Напечатано въ „Современникѣ“ 1844 г. т. 35 (по смерти автора), стр. 215, куда и предназначалъ Боратынскій, посылая Н. В. Путятѣ „Пироскафъ“ вмѣстѣ съ посланіемъ „Дядькѣ — Итальянцу“ (см. ниже). Стихотвореніе написано весною 1844 г., на пароходѣ, во время переѣзда изъ Ливурно въ Неаполь.

„Наше трехдневное мореплаваніе — писалъ Боратынскій Н. В. Путятѣ — останется мнѣ однимъ изъ моихъ пріятнѣйшихъ воспоминаній. Морская болѣзнь меня миновала. Въ досугѣ здоровья, я не сходилъ съ палубы, глядѣлъ днемъ и ночью на волны. Не было бури, но какъ это называли наши французскіе матросы: très gros temps, слѣдственно, живопись безъ опасности. Въ нашемъ отдѣленіи было нестраждущихъ одинъ очень любезный Англичанинъ, двое или трое незначущихъ лицъ, Неаполитанскій Maestro музыки, Николинька *) и я. Мы коротали время съ непринужденностью военнаго товарищества. На морѣ страхъ чего-то грознаго, хотя невседнаго [невседневнаго?], взаимныя страданія или ихъ присутствіе на минуту связываютъ людей, какъ будто бы не было не только Московскаго, Парижскаго свѣта. На кораблѣ, ночью, я написалъ нѣсколько стиховъ, которые, немного переправивъ, вамъ пришлю, а васъ *прошу* передать Плетневу для его журнала...“

222. Дядькѣ — Итальянцу (стр. 171). Издается по автографу, хранящемуся въ бумагахъ И. Ѳ. Тютчева (архивъ сельца Муранова). Впервые напечатано въ „Современникѣ“ 1844 г., т. 35 (по смерти автора), куда и предназначалъ Боратынскій, посылая Н. В. Путятѣ это посланіе и „Пироскафъ“ съ письмомъ, въ которомъ, между прочимъ, говоритъ: „Посылаю вамъ два стихотворенія. Отдайте ихъ Плетневу для его журнала... Мы ведемъ въ Неаполѣ самую сладкую жизнь...“

---

*) Николай Евгеніевичъ Баратынскій, сынъ поэта.

Въ рукописи 117 стихъ подвергся незначительному исправленію, сохраненному нами:

Мол(илъ)я разсѣянья отъ думы роковой.

Заключительный же стихъ имѣетъ двѣ редакціи (повидимому, Боратынскій предлагалъ П. А. Плетневу выбрать одну изъ нихъ по своему усмотрѣнію): напечатанную нами въ текстѣ и —

Чѣмъ вздохи южные съ полуденнымъ алоемъ.

Исторія опечатокъ этого посланія начинается съ 35 тома „Современника“, въ которомъ измѣнены слѣдующіе стихи:

16 Имѣлъ я благодать не Русскаго надзора.
27 Но гдѣ, вдали твоей отчизны знойной,
29 Ты мирный кровъ обрѣлъ, и позже гробъ спокойной.
58 Онъ звонкой пустотой революціонныхъ фразъ.
73 Когда свидѣтели превратностей судьбы
96 Пріюты отдыховъ и Марія и Силлы.
117 Молилъ разсѣянья отъ думы роковой,

Въ копіяхъ этого посланія, принадлежащихъ перу Н. Л. Боратынской (Казанскій архивъ), находимъ слѣдующія разночтенія:

27 Но гдѣ вдали твоей отчизны знойной
61 Которыя (среди) въ чаду блестящихъ общихъ грезъ
103 И въ сей Италіи, гдѣ все — (фонтаны) каскады, розы,
108 Все беззаботному дыханью благосклонно
Все (сердца легкому) беззаботному дыханью благосклонно
115 По (тайнымъ) дальнымъ берегамъ груди своей отравы,
По (тайнымъ) знойнымъ берегамъ груди своей отравы,
128 Чѣмъ вздохи южные съ душистымъ ихъ (упоемъ) алоемъ
Чѣмъ вздохи южные съ полуденнымъ алоемъ.

Въ „Современникѣ“ 1854 года, № 10, И. С. Тургеневъ помѣстилъ въ числѣ 14 другихъ стихотвореній посланіе „Дядькѣ Итальянцу“ съ примѣчаніемъ къ 60-му стиху: „По приказанію Бонапарта, все серебро (и ложки между прочимъ) должно было быть выдано французамъ“.

Въ изданіи 1869 года приведенъ варіантъ по неизвѣстной намъ рукописи 101—102 стиховъ:

Но чтобъ вполнѣ забывъ о страстномъ и мірскомъ,
Дремоту лѣни слить съ послѣднимъ, вѣчнымъ сномъ.

Эта лебединая пѣсня Боратынскаго, пропѣтая имъ за нѣсколько дней до смерти, посвящена памяти его гувернера итальянца Боргезе; „наслаждаясь жизнью въ Неаполѣ“, поэтъ мысленно пробѣгалъ всю свою жизнь и съ благодарностью вспоминалъ своего „дядьку“ —

А я, я — съ памятью живыхъ твоихъ рѣчей —
Увидѣлъ роскоши Италіи твоей...

Благодарность Боргезе одного изъ „взлелѣянныхъ имъ дѣтей“, теплота, которой проникнуто все стихотвореніе (и, въ особенности, заключительная

строфа) исключаютъ возможность говорить „о довольно насмѣшливомъ“ отношеніи поэта къ своему воспитателю (С. Венгеровъ. Русскій біографическій словарь).

Ст. 24—„могила дорогая“ — могила отца поэта, Абрама Андреевича Боратынскаго (умеръ 24 марта 1810 въ Москвѣ, погребенъ въ Московскомъ Спасо-Андрон. мон.).

Ст. 83—92 Рѣчь идетъ о Виргиліи.

Ст. 113—120 „Сумрачный поэтъ“ — лордъ Байронъ.

Это „безподобное посланіе“ напоминаетъ, по мнѣнію М. Н. Лонгинова (Русскій Архивъ 1867 года, „Баратынскій и его сочиненія“, стр. 248—264), — „блестящія произведенія въ этомъ родѣ Вольтера, I. Шенье, Де Лавиня и другихъ мастеровъ французской школы „здраваго смысла“. Но замѣтимъ, что эти полу-сатирическія, полу-философскія „рѣчи въ стихахъ“ рѣже впадаютъ у Баратынскаго въ резонерство, столь несвойственное Русскому духу и что въ нихъ живѣе пробивается поэтическая струя, чѣмъ у его учителей“.

Другія редакціи.

1. Въ Альбомъ (стр. 175). Настоящее стихотвореніе представляетъ переработку „Прощанія“ (Т—му въ Альбомъ) 1819 года и въ такомъ видѣ впервые напечатано въ изданіи 1827 года (стр. 32—33); перепечатано безъ измѣненій (но безъ заглавія) въ изд. 1835 года (стр. 101—102). Въ копіи Н. Л. Боратынской, хранящейся въ Казанскомъ архивѣ, первые 8 стиховъ замѣнены слѣдующимъ четверостишіемъ:

Землякъ! въ странѣ чужой суровой
Сошлись мы вновь и сей листокъ
Ждетъ отъ меня завѣтныхъ строкъ
На память для разлуки новой.

и нѣсколько измѣненъ 9-ый стихъ:

Ты любишь милую страну,

Въ посмертныхъ собраніяхъ сочиненій Боратынскаго стихотвореніе озаглавлено „Т—му въ Альбомъ“, и принято чтеніе, отличающееся отъ копіи Н. Л. Боратынской только въ 18-мъ стихѣ:

А ты увидишь домъ отцовъ,

Переработку этого стихотворенія слѣдуетъ, повидимому, отнести къ 1826 году, т. е. къ тому времени, когда Боратынскій работалъ надъ собраніемъ своихъ стихотвореній, вышедшимъ въ 1827 г. См. примѣчаніе къ первоначальной редакціи — „Прощаніе“ (стр. 216).

2. Къ ** при отъѣздѣ въ армію** (стр. 176). Настоящее стихотвореніе представляетъ переработку стихотворенія 1819 года „Б[оратынско]му (при отъѣздѣ его въ армію)“ и въ такомъ видѣ было впервые напечатано въ изд. 1827 г. (стр. 154—155). Въ изданія 1835 г. оно напечатано безъ заглавія (стр. 51—52) и съ варіантами слѣдующихъ стиховъ:

9 И такъ, въ мундирѣ щегольскомъ,
18—20 Люблю я бранные шатры,
Люблю безпечность полковую,
22 Люблю тревогу боевую,
23 Люблю я храбрыхъ, воинъ мой,
30—31 И къ ней трепещущія длани
Съ мольбой подыметъ твой поэтъ.

Кромѣ того, стихи 32—35 выпущены вовсе.

Повидимому, переработка относится къ 1826 году (см. выше).

См. примѣчаніе къ первоначальной редакціи этого стихотворенія (стр. 216).

3. Ропотъ (стр. 177). Настоящее стихотворенie представляетъ переработку элегiи 1819 года „Ужели близокъ часъ свиданья?“ (см. стр. 10) и въ такомъ видѣ было напечатано впервые въ изданiи 1827 года подъ заглавiемъ „Ропотъ“ (стр. 35); въ изданiи 1835 года это стихотворенiе появилось безъ заглавiя (стр. 49).

Повидимому, переработка Элегiи „Ужели близокъ часъ свиданья“ относится къ 1826 году. См. примѣчанiе къ „Элегiи“ 1819 года (стр. 217).

4. Разлука (стр. 177). Настоящее стихотворенiе представляетъ переработку элегiи 1820 года „На краткiй мигъ плѣняетъ въ жизни радость“ и въ такомъ видѣ было напечатано впервые въ изданiи 1827 года (стр. 31); въ 1831 г. вошло въ собранiе стихотворенiй „Венера“ (М. 1831, ч. 2, стр. 127); въ изданiи 1835 года оно напечатано безъ заглавiя (стр. 23). Издатели, придерживавшiеся изданiя 1835 г., тѣмъ не менѣе сохранили за этимъ стихотворенiемъ заглавiе „Разлука“.

Повидимому, переработка „Элегiи“ относится къ 1826 году.

См. примѣчанiе къ „Элегiи“ 1820 года (стр. 219).

5. Финляндiя (стр. 178). Настоящее стихотворенiе представляетъ переработку первоначальной „Финляндiи“ (стр. 16) и въ такомъ видѣ впервые было напечатано въ изданiи 1827 года (стр. 9—12); въ изданiи 1835 года это стихотворенiе повторено безъ всякихъ измѣненiй (стр. 5—8). Въ изданiе 1869 года (слѣдовательно и во всѣ послѣдующiя) вкралась, повидимому, опечатка въ 26-мъ стихѣ:

Развѣялъ бурный вѣтръ торжественные клики,

стихъ же 51-ый прочитанъ такъ:

Я беззаботливой душою

между тѣмъ какъ Боратынскiй *оба раза* печаталъ его

Я беззаботливый душою

что нѣсколько мѣняетъ смыслъ; мы ставимъ „беззаботливый душою“ въ запятыхъ, т. к. считаемъ поэта болѣе слабымъ въ пунктуацiи, чѣмъ въ русскомъ языкѣ.

Повидимому, вторая редакцiя „Финляндiи“ относится къ 1826 г.

См. примѣчанiе къ первоначальной редакцiи „Финляндiи“ (стр. 220).

6. Лидѣ (стр. 179). Настоящее стихотворенiе представляетъ переработку стихотворенiя 1821 года подъ тѣмъ же заглавiемъ (стр. 24) и въ такомъ видѣ было впервые напечатано въ изданiи 1827 года (стр. 74—75); въ собранiе стихотворенiй Боратынскаго 1835 г. оно вошло безъ заглавiя (стр. 162—163) и съ измѣненiемъ 13-го стиха:

Воскликновеньями своими,

Въ копiи Н. Л. Боратынской (Казанскiй архивъ) мы находимъ разночтенiе въ 7 стихѣ:

(Среди полей,) На муравѣ рука съ рукой

И это исправленiе было принято также всѣми посмертными собранiями сочиненiй поэта, возстановившими заглавiе по изд. 1827 г. Повидимому, переработку этого стихотворенiя слѣдуетъ относить къ 1826 г.

См. примѣчанiе къ первоначальной редакцiи „Лидѣ“ (стр. 224).

7. Деліи (стр. 180). Настоящее стихотвореніе представляетъ переработку стихотворенія 1821 года „Доридѣ“ (стр. 34) и въ такомъ видѣ было впервые напечатано въ изданіи 1827 года (стр. 55—56). Въ изд. 1835 г. оно помѣщено безъ заглавія (стр. 33—34) и съ варіантами слѣдующихъ стиховъ:

11 Придется нѣкогда, извѣдать и тебѣ
12 Очарованье роковое!
25 Въ замѣну благъ младыхъ тебѣ не обрѣсти

Переработка стихотворенія относится, повидимому, къ 1826 году.

См. примѣчаніе къ „Доридѣ“ (стр. 231).

8. Паденіе листьевъ. (стр. 181) Настоящее стихотвореніе представляетъ переработку элегіи 1823 г. „Паденіе листьевъ“ (стр. 43) и въ такомъ видѣ впервые было напечатано въ изданіи 1827 года (стр. 41—43; въ оглавленіи подзаголовокъ *подражаніе Мильвуа*); перепечатано въ изданіи 1835 года (стр. 29—31).

Вторую (настоящую) редакцію „Паденія листьевъ“ слѣдуетъ, повидимому, отнести къ 1826 году.

Любопытно, что и въ оригиналѣ „Паденіе листьевъ“ („La Chute des Feuilles“) — знаменитое стихотвореніе Милльвуа — имѣло двѣ редакціи. Еще болѣе любопытна судьба перевода этой элегіи. Передаемъ ее со словъ M. Sainte-Beuve'a: „On m'apprenait dernièrement que cette *Chute des Feuilles*, traduite par un poète russe, avait été de là retraduite en anglais par le docteur Bowring, et de nouveau citée en français, comme preuve, je crois, du génie rêveur et mélancolique des poëtes du Nord. La pauvre feuille avait bien voyagé, et le nom de Millevoye s'était perdu en chemin“ (Oeuvres de Millevoye, Paris, Garnier frères, pag. 7—8).

См. примѣчаніе къ первой редакціи (стр. 235).

9. Размолвка (стр. 183). Настоящее стихотвореніе представляетъ переработку элегіи 1823 года „Размолвка“ (стр. 46) и въ такомъ видѣ впервые было напечатано въ изданіи 1827 года (стр. 37); перепечатано безъ измѣненій въ сборникѣ „Венера“ М. 1831, ч. 2, стр. 128, въ изданіи 1835 года и во всѣхъ посмертныхъ собраніяхъ сочиненій Боратынскаго. Переработку „Размолвки“ слѣдуетъ, повидимому, отнести къ 1826 г.

См. примѣчаніе къ первой редакціи (стр. 237).

10. Оправданіе (стр. 183). Стихотвореніе это представляетъ переработку „Оправданія“ (стр. 68) и въ такомъ видѣ было впервые напечатано въ изданіи 1827 года (стр. 57—58). Въ изданіи 1835 года (стр. 128—129) оно помѣщено безъ заглавія и съ варіантами слѣдующихъ стиховъ:

3 Не тронулась ты нѣжнымъ чувствомъ ихъ
30 Привѣтливыхъ, послушныхъ безъ ужимокъ,
32 Улыбчивыхъ для шалости младой,

Въ изданіи 1869 года (а равно и во всѣхъ послѣдующихъ) заглавіе возстановлено, и въ текстѣ находятся слѣдующія отличія отъ изд. 1835 г.:

27 Сердечную я совѣсть вопрошалъ:
29 Тебя одну въ душѣ я обрѣталъ!

Переработку „Оправданія“ слѣдуетъ, повидимому, отнести къ 1826 г.

См. примѣчаніе къ первой редакціи этого стихотворенія (стр. 251).

11. Г[нѣди]чу (стр. 184). Настоящее стихотворенiе представляетъ переработку посланiя 1823 года „Г[нѣди]чу, который совѣтовалъ сочинителю писать сатиры" (стр. 48) и въ такомъ видѣ было напечатано въ изданiи 1835 года (стр. 57—60). Въ копiи Н. Л. Боратынской (Казанскiй архивъ) посланiе озаглавлено „Гнѣдичу", и въ немъ находятся слѣдующiя измѣненiя:

14 И, звуки легкiе (затѣйливой) пастушеской свирѣли
35 (Кого не) того ли оскорбитъ язвительный языкъ!
52 Отъ дней Фелицыныхъ оставшiйся одинъ,

Эти исправленiя приняты также всѣми посмертными изданiями сочиненiй Боратынскаго.

Переработка посланiя къ Гнѣдичу относится, повидимому, къ 1832—1833 гг., т. е. къ тому времени, когда поэтъ работалъ надъ собранiемъ своихъ сочиненiй, вышедшимъ въ 1835 году.

См. примѣчанiе къ первоначальной редакцiи этого посланiя (стр. 238).

12. (Признанiе) (стр. 186). Настоящее стихотворенiе представляетъ переработку стихотворенiя 1823 года „Признанiе" (стр. 57) и въ такомъ видѣ было напечатано безъ заглавiя въ изданiи 1835 года, стр. 165—167; послѣдующiе издатели возстановили заглавiе по „Полярной Звѣздѣ" и отнесли стихотворенiе (принявъ вторую редакцiю) къ 1824 году.

Для того, чтобы дать представленiе читателямъ о томъ, какъ работалъ поэтъ надъ законченнымъ и напечатаннымъ стихотворенiемъ, мы приводимъ изъ тетради черновиковъ (находящейся въ Казанскомъ архивѣ Боратынскихъ) сохранившуюся часть передѣлки этого стихотворенiя, написанную на 8 страницахъ писчей бумаги (въ скобкахъ поставлено зачеркнутое Боратынскимъ):

Какъ знать? житейскую науку
Постигнувъ нѣкогда обширнѣй и вѣрнѣй,
Подругу, безъ любви, я выберу и (ей)
(Рѣшуся) (быть можетъ) (предложить предательскую) руку.
[не разобр.] (полный славы) зримъ
Передъ свѣтой алтарь я стану
(введу и стану) рядомъ съ нею
безпечный, преданный, быть можетъ, лучшимъ снамъ
и (мнѣ)
и (назову ее моею)
(Я предложу) руку
Подругу (нѣкогда) безъ любви я выберу и ей
(Предатель!) предложу (разчетливую) руку
(Подамъ)
(Житейск)
И (въ)
(Свободно) (предложу) (пред)ательскую руку
Когда — житейскую науку
(Ей предложу и рядомъ сней)
(Безпечной) Еще
(Предатель) (между) можетъ дѣвъ я выберу и руку

Подругѣ (безъ) (безъ любви)
Ей безъ любви я предложу
Предъ святой алтарь я стану ря[домъ]
Невинной преданной бы[ть можетъ]
И назову ее
(Какъ знать?) Понявъ житейскую науку
(Постигнувъ) Еще обширнѣй нѣкогда обширнѣй и вѣрнѣй
(Подругу), (безъ любви), (нѣкогда) я выберу и ей
(Рѣшуся предложить предательскую) безъ сердца руку
(И я введу ее безчувственно) введу
(Въ сіяющій и полный ликовъ) храмъ
(Ввѣду ее въ) Предъ алтар(емъ)ь я стану рядомъ съ нею
Невинной, преданной быть можетъ лучшимъ снамъ
И назову ее (супругою моею).
И вѣсть къ тебѣ придетъ; но не завидуй намъ
(Понявъ)
(Разстворится) и
(въ сіяющій и полный) И свѣтлую введу я въ ликовъ храмъ
(введу ее) и предо и стану рядомъ съ нею
Невинной преданной быть можетъ лучши[мъ снамъ]
И назову (ее) моею
И вѣсть
Какъ знать? житейскую науку
Постигнувъ нѣкогда обширнѣй и вѣрнѣй
(Подругу), (Безъ любви), И дѣву изберу, я выребу (sic!) и ей
(Рѣшуся!) (Рѣшуся предложить)
(Я предложу предательскую) руку
Рѣшуся предложить предатель
(Сіянія и ликовъ) (Разстворится) полный храмъ
(Разстворится) введу я и рядомъ съ нею
Невинной, преданной быть можетъ лучшимъ снамъ
И назову ее моею
Я дѣву изберу я ей
(безъ сердца предложу я)
Толпѣ собрата знаменуя
И для предательства созрѣвъ
(Минутой увлеченъ)
[не разобр.] келію тоскуя
Или для вычетовъ общественныхъ созрѣвъ
(Печаль замѣна ей): (но долго) ли тоскуя
(Тоскую я по ней); (но долго)-ли тоскую
И (хладной пуст)
(Минуетъ и печаль) Изчезнетъ (и что) она минуя минуетъ, знаменуя
(Пройдетъ)
(Остави) (Послѣдней)
Свободу полную мою
Грущу я; но и грусть минуетъ, знаменуя

(Свободу полную мою);
(Послѣдней вздохъ любви)
(Послѣдній вздохъ любви и по тебѣ.) — Созрѣвъ
(Для свѣтской мудрости), (междъ [не разб.]
(Подругу безъ любви)
(Во всемъ) утрату (юности) полную души моей
И легко мы веселѣй
(Вѣтреннѣй) а можетъ быть
Подругу безъ любви — кто зн[аетъ]
Грущу я; но и грусть минуетъ, знаменуя
(Смерть молодаго бытія)
(Кончину полную младова) (Смерть) [?] бытія
(Посѣдней вздохъ младого бытія)
Свободу полную мою.
(Я душу) общею И съ мыслями (и) мысль я жизнь мою
Подругу, безъ любви быть може[тъ] изберу
Грущу я; но и грусть минуетъ, знаменуя
Свободу полную мою.
(Я новому предамся бытію)
(безпечно свѣтскому предамся)
И (преданъ свѣтскому)
(Со мнѣньями толпы) И съ я мысль солью мою
Подругу безъ любви быть можетъ изберу я
Разторится (звучащій)
Грущу я; но и грусть минуетъ, знаменуя
Свободу полную мою:
Со мнѣньями толпы я мысль мою солью
Подругу, безъ любви, быть можетъ изберу я.
(И съ нею преданной) (Быть руку ей подамъ) лучшимъ снамъ.
(войду въ сіяющій и полный ликовъ) храмъ
Передъ роковой алтарь я стану рядомъ съ н[ею]
И назову ее моею
И вѣсть къ тебѣ
Грущу я, но и грусть минуетъ знаменуя
(Свободу полную мою) Закатъ
(И мысль я съ общими повѣрьями солью) Сольюсь я мнѣньями съ толпой
Подругу, безъ любви, быть можетъ изберу я
На бракъ обдуманный я руку ей подамъ
(И въ храмѣ стану) рядомъ съ нею
И (назову ее) И вѣсть къ тебѣ но не завидуй намъ
(Душа) (свободу и) покой
(И гнетъ послѣднихъ) (чувствъ ост[ывшихъ]) (полный мой)
Быть можетъ мнѣньями сольюся я съ
Подругѣ безъ любви быть можетъ изберу я
Судьбины полную побѣду надо мной
Грущу я: но и грусть минуетъ, знаменуя
(Судьбины) Мірскую полную побѣду надо мной:

(Быть можетъ) Кто знаетъ мнѣньями сольюся я съ толпою;
Подругу, безъ любви, быть можетъ изберу я
(На бракъ обдуманный я руку ей подамъ,)
(И вѣсть къ тебѣ придетъ; но не завидуй) намъ
(На бракъ обдуманный)
(И руку ей) На бракъ обдуманный подамъ
(Ей руку) Ей (руку: предъ алтарь)
(Ей пред)анный (Сердечнымъ дѣтск[имъ]) быть можетъ лучшимъ
(Мою предат) На бракъ обдуманный подамъ
Ей дѣтски преданный быть лучшимъ
(Мою предатель) (предатель)
На бракъ обдуманный, (ей дѣтски мою подамъ) ей руку я подамъ
Ей (руку:) (предъ алтарь предстану рядомъ) съ
И (назову ее) моею
И вѣсть къ тебѣ придетъ; но
Притворной нѣжности не требуй отъ меня:
Я сердца моего не скрою хладъ печальной.
Ты права, въ немъ ужъ нѣтъ прекраснаго огня
Моей любви первоначальной!
Напрасно я себѣ на память приводилъ
И милый образъ твой и прежнія мечтанья:
Безжизненны мои воспоминанья,
Я клятвы далъ, но далъ ихъ выше силъ.
Я не плѣненъ красавицей другою,
Мечты ревнивыя отъ сердца удали;
Но годы долгіе въ разлукѣ протекли,
Но въ буряхъ жизненныхъ (развлекся) остынулъ я душою
(И медленно) (блѣднѣя), (твой образъ въ ней)
(Онъ) (и развлеченъ вседневной суетой)
(Въ борьбѣ съ злобою суетой) и людей
Ужъ ты жила невѣрной тѣнью въ ней
Уже къ тебѣ взывалъ я рѣдко, принужденно,
(И пламень мой) Огонь любви слабѣя постепенно
(въ душѣ моей погаснулъ самъ собой) Собою самъ погасъ въ душѣ моей
Вѣрь, жалокъ я одинъ. Душа любви желаетъ
Но я любить не буду вновь;
Вновь не забудусь я: вполнѣ упоеваетъ
Насъ только первая любовь
Грущу я; но и грусть минуетъ знаменуя
(Мірскую) жизнь Переворотъ посѣдній мой
(Судьбины полную побѣду надо мной:)
(Свободной юность вздохъ послѣдній) твой!
Кто знаетъ мнѣніями сольюся я съ толпой,
Подругу, безъ любви, быть можетъ изберу я
На бракъ обдуманный я руку ей подамъ
И вѣсть къ тебѣ придетъ; но не завидуй намъ:

(Не насладимся мы взаимностью отрадной)
Сердечнымъ прихотямъ мы воли не дадимъ
(Мы) И не сердца (своею клятвой хладной) мы суетнымъ обрядомъ
(Мы) А жребій нашъ одинъ соединимъ
Прощай; мы долго (не упади душою) шли дорогою одною
(Прости) (забудь) меня; (какъ ты забыта) мною
Путь новый я избралъ, путь новый избери
Печаль безплодную рассудку покори
(Какъ я безропотно смирись передъ судьбою)
(Забудь меня)
(Мы вольной прихоти) ея покорены
И торопливые обѣты
Произносимые въ младые наши лѣты
(Ея всевѣденью) и жалки и смѣшны!
Мы
(Но въ буряхъ жизненныхъ остынулъ я душою)
(Разсердишь.)
(Былое каждый день я разумѣлъ)

Дальше слѣдуетъ еще $1^1/_2$ разорванныя страницы съ сохранившимися (и зачеркнутыми) первыми словами каждаго стиха.

Обращаемъ вниманіе читателя не только на ту своеобразную работу Боратынскаго при передѣлываніи своихъ стихотвореній, которая замѣтно выступаетъ въ этихъ черновикахъ, но также и на образы, не встрѣчающіеся ни въ одной печатной редакціи „Признанія“.

См. также примѣчаніе къ первоначальной редакціи „Признанія“ (стр. 244).

13. (Смерть) (стр. 188). Это стихотвореніе представляетъ переработку стихотворенія 1828 года „Смерть“ (см. стр. 107) и въ такомъ видѣ было напечатано въ изданіи 1835 года (безъ заглавія, стр. 176—177). Въ изданіи 1869 года (а также и во всѣхъ послѣдующихъ) это стихотвореніе читается съ варіантами слѣдующихъ стиховъ:

1—6 Смерть дщерью тьмы не назову я
И, раболѣпною мечтой
Гробовый остовъ ей даруя,
Не ополчу ее косой.
О дочь верховнаго Эфира!
О свѣтозарная краса!
22 Чтобъ не покрылъ гигантскій лѣсъ

Переработку „Смерти“ слѣдуетъ отнести, повидимому, къ 1832—1833 гг.

П. А. Плетневъ въ своемъ некрологѣ Боратынскаго („Современникъ“ 1844, стр. 298—329; перепечатано въ сочиненіяхъ П. А. Плетнева, изд., Ак. Наукъ, т. I, стр. 547—572) писалъ по поводу „Смерти“ слѣдующія строки: „.... Въ другомъ стихотвореніи, гдѣ онъ идею *Смерти* развилъ такъ поэтически и такъ оригинально, мысли его тѣснятся и выливаются съ такимъ же изумительнымъ своеобразіемъ, какъ предметы его описанія:

Когда возникнулъ міръ цвѣтущій... (и т. д. приведено 5 строфъ изъ „Смерти").

Перебирая лучшія мѣста извѣстнѣйшихъ поэтовъ, мы̀ ничего не находимъ совершеннѣе подобныхъ отрывковъ; тутъ поэзія достигла высокаго своего назначенія: она становится стройнымъ органомъ самыхъ важныхъ и разительныхъ истинъ. Въ этомъ вкусѣ поэзія представляетъ чистую идею *классическаго искусства*, что̀ въ наше время почти утратило истинное свое значеніе".

Прямо противоположную оцѣнку „Смерти" даетъ И. С. Аксаковъ („Русскій Архивъ" 1874, кн. 2, „Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ", стр. 130—131), находя въ этомъ стихотвореніи рядомъ съ прекрасными стихами — „нестерпимо тяжелые и прозаическіе".

Бѣлинскій (Соч. т. VII, стр. 494) причисляетъ „Смерть" къ числу стихотвореній особенно достойныхъ памяти и вниманія.

См. примѣчаніе къ первоначальной редакціи (стр. 275).

Примѣчанія къ приложеніямъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Дѣтское стихотвореніе Е. А. Боратынскаго (стр. 190). Издается по копіи, хранящейся въ Казанскомъ архивѣ. Впервые напечатано С. А. Рачинскимъ въ „Татевскомъ Сборникѣ“ (стр. 59—60) съ разночтеніемъ 14-го стиха:

Si vrai, si pur, si bon

Въ копіи Татевскаго архива въ этомъ стихѣ исправлено *beau* на *pur* (другой рукой).

С. А. Рачинскій относитъ это стихотвореніе къ 1812 году. По замѣчанію его, „дѣтская наивность этихъ стиховъ придаетъ имъ трогательную прелесть. Въ двухъ предпослѣднихъ строфахъ, исполненныхъ оригинальности, уже видно раннее мастерство истиннаго поэта“.

Извѣстно, что поступивъ въ Пажескій Корпусъ, Боратынскій скучалъ по матери, къ которой онъ былъ очень привязанъ въ дѣтствѣ, и сохранилъ къ ней на всю жизнь почтительное отношеніе, которое порою ему было тяжело, какъ можно судить изъ слѣдующаго мѣста въ письмѣ его 1825 года къ Н. В. Путятѣ (выпущеннаго всѣми издателями собраній сочиненій Боратынскаго и цитируемаго нами по подлиннику, хранящемуся въ бумагахъ И. Ѳ. Тютчева): „Я нашелъ мать мою въ самомъ жалкомъ положеніи хотя приходъ мой оживилъ ее нѣсколько. Братъ Путята, судьба для нее сдѣлалась милостивѣе. Повѣришь ли что теперь именно начинается самая трудная эпоха моей жизни. Я не могу скрыть отъ моей совѣсти, что я необходимъ моей матери, по какой то болезненной ея нѣжности ко мнѣ, я долженъ (и почти для спасенія ея жизни) не разставатся съ нею. Но что же я имѣю въ виду? Какое существованіе? Его описать невозможно. Я расказывалъ тебѣ нѣкоторыя подробности: теперь все тоже, только хуже. Жить дома для меня значитъ жить въ какой то тлетворной атмосферѣ которая вливаетъ отраву не только въ сердцѣ; но въ кости. Я рѣшился; но признаюсь не безъ усилія. Что дѣлать? противно было бы чудовищнымъ Эгоизтомъ .... Прощай свобода, прощай Поэзія! Извини милой другъ что я налегаю на твою душу моимъ горемъ; но право мнѣ нужно было нѣсколько излится“. Замѣтимъ также, что вслѣдствіе „болѣзненной нѣжности“ А. Ѳ. Боратынской къ своему сыну — поэту, послѣдній писалъ ей очень часто письма, которыя въ большомъ количествѣ сохранились въ Казанскомъ и Татевскомъ архивахъ, но до сихъ поръ не напечатаны.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Стихотворенія Е. А. Боратынскаго, переведенныя имъ на французскій языкъ.

Во второмъ приложеніи мы помѣщаемъ переводы стихотвореній Боратынскаго, сдѣланные авторомъ въ 1843—1844 гг., по просьбѣ его парижскихъ знакомыхъ, желавшихъ познакомиться съ творчествомъ русскаго поэта. Возможно, однако, что нѣкоторыя стихотворенія переведены имъ раньше. Мы помѣщаемъ переводы въ первомъ томѣ на томъ основаніи, что они служатъ дополненіемъ къ подлинникамъ, такъ какъ, переводя свои стихотворенія на французскій языкъ, Боратынскій придавалъ имъ новые оттѣнки.

Въ скобкахъ помѣщаются заглавія, находящіяся въ копіяхъ Н. Л. Боратынской и отсутствующія въ автографѣ; посмертными изданіями сочиненій Боратынскаго прибавлены подзаголовки — названія стихотвореній на русскомъ языкѣ.

1. (**Far Niente**) (стр. 191). Издается по автографу, хранящемуся въ бумагахъ И. Ѳ. Тютчева (Мурановскій архивъ).

См. стихотвореніе 1823 года „Чувствительны мнѣ дружескія пени“ (стр. 44).

2. (**A Aurore Chernval**) (стр. 191). Издается по автографу, хранящемуся въ бумагахъ И. Ѳ. Тютчева. Въ посмертныхъ собраніяхъ сочиненій Боратынскаго переводъ этотъ озаглавленъ „A Aurore C.......“.

См. стихотвореніе 1824 года „Дѣвушкѣ, которой имя было: Аврора“ (стр. 68) и примѣчаніе къ этому стихотворенію (стр. 250).

3. (**La Fée**) (стр. 192). Издается по автографу, хранящемуся въ бумагахъ И. Ѳ. Тютчева.

См. стихотвореніе 1824 года „Фея“ (стр. 78).

4. (**Les Frais de Route**) (стр. 192). Издается по автографу, хранящемуся въ бумагахъ И. Ѳ. Тютчева.

См. стихотвореніе 1825 года „Дорога жизни“ (стр. 83).

5. (**La Sagesse des Nations**) (стр. 192). Издается по автографу, хранящемуся въ бумагахъ И. Ѳ. Тютчева.

См. стихотвореніе 1828 г. „Старательно мы наблюдаемъ свѣтъ“ (стр. 103).

6. (**L'Harmonie**) (стр. 192). Издается по автографу, хранящемуся въ бумагахъ И. Ѳ. Тютчева.

См. стихотвореніе 1831 г. „Въ дни безграничныхъ увлеченій“ (стр. 119).

7. *** (стр. 193). Издается (впервые) по копіи Н. Л. Боратынской, хранящейся въ Казанскомъ архивѣ.

См. стихотвореніе 1831 г. „Бывало, отрокъ, звонкимъ кликомъ“ (стр. 121).

8. **Mort de Goethe** (стр. 193). Издается по автографу, хранящемуся въ бумагахъ И. Ѳ. Тютчева.

См. стихотвореніе 1832 года „На смерть Гете“ (стр. 123).

9. (**Soumission**) (стр. 194). Издается по автографу, хранящемуся въ бумагахъ И. Ѳ. Тютчева.

См. стихотвореніе 1833—1834 гг. „Къ чему невольнику мечтанія свободы" (стр. 128).

10. *** (стр. 194). Издается (впервые) по копіи Н. Л. Боратынской, хранящейся въ Казанскомъ архивѣ.

См. стихотвореніе 1833—1834 гг. „О вѣрь, ты, нѣжная" (стр. 135).

11. *** (стр. 194). Издается (впервые) по копіи Н. Л. Боратынской, хранящейся въ Казанскомъ архивѣ.

См. стихотвореніе 1833—1834 гг. „Гдѣ сладкій шопотъ" (стр. 136).

12. *** (стр. 195). Издается (впервые) по копіи Н. Л. Боратынской, хранящейся въ Казанскомъ архивѣ.

См. стихотвореніе 1833—1834 гг. „Своенравное прозванье" (стр. 137).

13. Le dernier poëte (стр. 195). Издается по автографу, хранящемуся въ бумагахъ И. Ѳ. Тютчева.

Въ копіи Н. Л. Боратынской (а также и во всѣхъ изданіяхъ) мы находимъ слѣдующія разночтенія:

стр. 11 des bocages *embaumés.*

стр. 26 auxquelles vous *convie* le tendre regard...

стр. 36 se mira pour la première fois dans ses *ondes.*

См. стихотвореніе 1835 года „Послѣдній Поэтъ" (стр. 140).

14. (**Soucis matériels**) (стр. 196). Издается по автографу, хранящемуся въ бумагахъ И. Ѳ. Тютчева.

См. стихотвореніе 1839 года „Толпѣ тревожный день" (стр. 156).

15. (**Les Redites**) (стр. 197). Издается по автографу, хранящемуся въ бумагахъ И. Ѳ. Тютчева.

См. стихотвореніе 1840 года „На что вы дни" (стр. 158).

16. (**Le Crépuscule**) (стр. 197). Издается по автографу, хранящемуся въ бумагахъ И. Ѳ. Тютчева.

См. стихотвореніе 1840 года „Всегда и въ пурпурѣ и златѣ" (стр. 159).

17. (**Pas d'Oubli**) (стр. 197). Издается по автографу, хранящемуся въ бумагахъ И. Ѳ. Тютчева.

См. стихотвореніе 1840 года „Все мысль да мысль" (стр. 159).

18. La Rime (стр. 198). Издается по автографу, хранящемуся въ бумагахъ И. Ѳ. Тютчева. Неточно напечатано въ посмертныхъ изданіяхъ.

См. стихотвореніе 1840 года „Риѳма" (стр. 160).

19. Le Préjugé (стр. 198). Издается по автографу, хранящемуся въ бумагахъ И. Ѳ. Тютчева.

См. стихотвореніе 1841 года „Предразсудокъ" (стр. 162).

20. *** (стр. 198). Издается (впервые) по автографу, хранящемуся въ бумагахъ И. Ѳ. Тютчева.

См. стихотвореніе 1841 года „Коттеріи" (стр. 166).

21. *** (стр. 199). Издается (впервые) по копіи Н. Л. Боратынской, хранящейся въ Казанскомъ архивѣ.

См. стихотвореніе 1844 г. „Когда дитя и страсти и сомнѣнья" (стр. 169).

ПРИЛОЖЕНІЕ III.

Стихотворенія, написанныя Е. А. Боратынскимъ въ сотрудничествѣ съ другими поэтами.

1. *** (стр. 200). П. О. Морозовъ (Соч. Пушкина, изд. „Просвѣщенія", т. II, стр. 11, 359) приписалъ это стихотвореніе А. С. Пушкину и отнесъ его къ 1825 году. П. А. Ефремовъ („Мнимый Пушкинъ" въ „Новомъ Времени" 1903, № 9851) считалъ авторомъ стихотворенія брата А. С. Пушкина — Льва Сергѣевича.

Приводить основанія, почему это стихотвореніе-гекзаметръ не можетъ принадлежать Пушкину (какъ со стороны формы, такъ и содержанія), намъ представляется излишнимъ, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время это приписываніе не-пушкинскаго стихотворенія Пушкину отпадаетъ само собой.

Въ „Запискахъ К. А. Полеваго" (изд. А. С. Суворина, 1888, стр. 209) мы находимъ слѣдующій разсказъ: „Весною 1827 года, не помню по какому случаю, у брата былъ литературный вечеръ, гдѣ собрались всѣ пишущіе друзья и недруги; ужинали, пировали всю ночь и разъѣхались уже утромъ. Пушкинъ казался предсѣдателемъ этого сборища и, попивая шампанское съ сельтерской водой, разсказывалъ смѣшные анекдоты, читалъ свои непозволенные стихи, хохоталъ отъ рѣзкихъ сарказмовъ И. М. Снѣгирева, вспоминалъ шутливые стихи Дельвига, Баратынскаго и заставилъ послѣдняго припомнить написанные имъ съ Дельвигомъ когда-то разсказы о житьѣ-бытьѣ въ Петербургѣ. Его особенно смѣшило то мѣсто, гдѣ въ пышныхъ гексаметрахъ изображалось столько же вольное, сколько невольное убожество обоихъ поэтовъ, которые „въ лавочку были должны, руки держали въ карманахъ (перчатокъ они не имѣли!)"...

Подтвержденіе этому разсказу К. А. Полеваго мы находимъ въ письмѣ А. П. Кернъ (Марковой-Виноградской) къ П. В. Анненкову („Пушкинъ и его современники", вып. V, стр. 146), въ которомъ она между прочимъ говоритъ: „Я вспомнила еще стихи, сообщенные мнѣ женою Барона Дельвига и сложенные когда-то вмѣстѣ съ Баратынскимъ", и А. П. Кернъ приводитъ это стихотвореніе.

Въ виду тожественности показаній двухъ столь разнородныхъ современниковъ поэтовъ пушкинской плеяды, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что Боратынскій принималъ участіе въ созданіи этой поэтической шутки; мы склонны однако приписывать наибо́льшую долю участія барону А. А. Дельвигу — объ этомъ говоритъ и размѣръ-гекзаметръ, излюбленный Дельвигомъ и чуждый Боратынскому.

„Тамъ, гдѣ Семеновскій полкъ“ относится, несомнѣнно, не къ 1825, а къ 1819 году, ко времени сближенія Боратынскаго съ барономъ Дельвигомъ и ихъ совмѣстной жизни въ Петербургѣ, и представляетъ большой интересъ, какъ лишнее указаніе на дружественныя отношенія обоихъ поэтовъ и на ихъ жизнь, полную лишеній, при вступленіи на литературное поприще. О томъ, что Боратынскому и Дельвигу приходилось въ юности нуждаться, мы имѣемъ много разсказовъ современниковъ — Л. С. Пушкина, Туманскаго, Эртеля (см. напримѣръ „Выписку изъ бумагъ дяди Александра“ В. Эртеля въ „Русскомъ Альманахѣ“ на 1832 и 1833 гг., Спб. 1832).

2. Быль (стр. 200). Напечатано въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду“ 1831 г., № 6, стр. 46—47, подъ заглавіемъ „*Быль*“ и съ подписью *Сталинскій.*

Въ „Библіографическихъ Запискахъ“ 1858 г. (№ 8, стр. 237) это стихотвореніе, подъ заглавіемъ „Цапли“, было приписано Е. А. Боратынскому и напечатано нѣсколько въ иномъ видѣ:

1 Жилъ да былъ пѣтухъ индѣйской,
8 При дворѣ взялъ чинъ.........
10 Отъ младенческихъ оковъ,
11 Длинны, длинны очень стали
15 Онъ за каждой три болота
16 При замужствѣ хочетъ дать.
18 Изъ далекихъ, ближнихъ мѣстъ;
19 Но лишь кормъ одинъ клевали —
20 И не смотрятъ на невѣстъ.
22 И увы! скажу, вздохнувъ,

и приведены варіанты слѣдующихъ стиховъ:

1 Жилъ-былъ встарь...
15—16 Но комужъ придетъ охота
Цаплю за мужъ себѣ взять?
21 чахли...
24 Носикъ въ перушки уткнувъ.

3 апрѣля 1850 года Я. К. Гротъ писалъ П. А. Плетневу: „Слыхалъ ли ты когда-нибудь прилагаемые здѣсь на особой бумажкѣ стихи написанные Пушкинымъ на его родственницъ С—выхъ (Солнцевыхъ) въ Москвѣ. Дѣвицы эти и до сихъ поръ живутъ тамъ. Жена моя знаетъ ихъ и продиктовала мнѣ эти стихи“. (Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, т. III, стр. 505—506).

И если близко знавшій и Пушкина и Боратынскаго, П. А. Плетневъ не отрицалъ принадлежности этого стихотворенія Пушкину (онъ отвѣчалъ Гроту: „Стихи на С—выхъ я давно знаю“), то — другое лицо, близко знавшее обоихъ поэтовъ, — кн. П. А. Вяземскій приписалъ ихъ Е. А. Боратынскому („Русскій Архивъ“ 1866 г., стр. 862).

Подробно этотъ вопросъ разсмотрѣлъ Ф. Витбергъ въ „Литературномъ Вѣстникѣ“ (1903 г., т. VI, кн. 7—8) и пришелъ къ тѣмъ выводамъ, что авторомъ „Были“-„Цапли“-тожъ является не Пушкинъ и не Боратынскій, а редакторъ „Русскаго Инвалида“ — А. Ѳ. Воейковъ.

Вопросъ о томъ, кто является авторомъ стихотворенія „Быль“ — „Цапли“ разрѣшается сборникомъ М. Н. Лонгинова съ замѣчаніями С. А. Соболевскаго (любезно сообщено намъ П. Е. Щеголевымъ). Въ этомъ рукописномъ сборникѣ стихотвореній Пушкина читаемъ:

ЦАПЛИ [1]).

Жилъ да былъ пѣтухъ индѣйской [2]),
Цаплѣ руку предложилъ [3]),
При Дворѣ взялъ чинъ лакейской [4])
И въ супружество вступилъ

Онъ просилъ у неба дара
Вотъ его услышанъ зовъ
Родилася Цаплей пара.
Не родилось пѣтуховъ [5]).

Цапли выросли, отстали
Отъ младенческихъ годовъ
Длинны очень длинны стали
И глядятъ на пѣтуховъ.

Вотъ пришла отца забота
Цаплей замужъ выдавать
Онъ за каждой два болота
При замужствѣ хочетъ дать.

Цапли вяли, цапли сохли,
Наконецъ, скажу, вздохнувъ:
На болотахъ передохли,
Носикъ въ перья завернувъ [6]).

Противъ этого стихотворенія С. А. Соболевскій дѣлаетъ слѣдующую замѣтку, удостовѣряющую участіе Боратынскаго въ сочиненіи „Были“: „Эти стихи написаны Е. А. Боратынскимъ и мною въ 1825 году, до пріѣзда Пушкина изъ деревни. С. Соболевскій“.

3. *** (стр. 201). Издается по тексту рукописнаго сборника М. Н. Лонгинова. (Сообщено П. Е. Щеголевымъ). Участіе Боратынскаго въ сочиненіи этого стихотворенія удостовѣряется слѣдующей замѣткой С. А. Соболевскаго: „Дельвига, Баратынскаго, Плетневу (sic!), самого Льва и Компаніи. Соболевскій“.

---

1) Этому точное (sic!) стихотвореніе написано въ Москвѣ, въ 1825-мъ году и распущено подъ именемъ Пушкина.

2) Матвѣй Михайловичъ Сонцовъ.

3) Елизавета Львовна Сонцова, урожденная Пушкина, родная тетка поэта.

4) М. М. Сонцовъ былъ камергеръ. Человѣкъ онъ былъ милый и любезный; но очень чванливый; онъ надѣвалъ придворный мундиръ даже въ деревнѣ по праздникамъ.

4) У Сонцовыхъ не было сыновей, а были только двѣ дочери.

6) Дочери эти остались старыми дѣвушками и живутъ до нынѣ въ Москвѣ (1856)“. (*Примѣчанія изъ сборника*).

Этотъ экспромтъ относится къ 1825—1826 гг. и до сихъ поръ ходитъ подъ именемъ Пушкина, которому былъ приписанъ Л. Н. Павлищевымъ въ „Воспоминаніяхъ объ А. С. Пушкинѣ“ („Изъ семейной хроники“, М. 1890).

О Л. С. Пушкинѣ см. примѣчаніе къ стихотворенію Л. С. П[ушки]ну (стр. 262).

4. *** (стр. 201). Напечатано Н. О. Лернеромъ въ XVI выпускѣ „Пушкина и его современниковъ“ („Замѣтки о Пушкинѣ“, стр. 19—76).

Въ приводимомъ Н. О. Лернеромъ „Журналѣ“ И. М. Снегирева послѣдній записываетъ 15 мая 1827 года: „Туманное небо—мелкій дождикъ. Обѣдню слушалъ въ Страстномъ монастырѣ у праздника. Видѣлся съ княземъ Мещерскимъ, который радъ мнѣ былъ, зашелъ къ нему; отъ него къ Погодину на завтракъ, гдѣ я нашелъ Пушкина, князя Вяземскаго; познакомился съ П. А. Мухановымъ, охотникомъ до русской старины... За столомъ Пушкинъ съ Боратынскимъ написали на Шаликова слѣд. по случаю разсказаннаго анекдота....“

Князь П. И. Шаликовъ (1768—1852), сантиментальный писатель, издатель „Дамскаго Журнала“.

5. Куплеты на день рожденія княгини Зинаиды Волконской въ понедѣльникъ 3-го декабря 1828 года, сочиненные въ Москвѣ: княземъ П. А. Вяземскимъ, Е. А. Баратынскимъ, С. П. Шевыревымъ, И. Ф. Павловымъ и И. В. Киреевскимъ (стр. 202). Напечатано въ собраніи сочиненій княгини З. А. Волконской, Парижъ и Карлсруэ, 1865 (стр. 155—157). Трудно опредѣлить степень участія Боратынскаго въ созданіи этого стихотворенія, но, какъ можно думать по фактурѣ стиха, Боратынскому принадлежитъ не одинъ куплетъ.

См. примѣчаніе къ стихотворенію „Княгинѣ З. А. Волконской, на отъѣздъ ея въ Италію“ (стр. 275).

ПРИЛОЖЕНІЕ IV.

Стихотворенія, приписываемыя Е. А. Боратынскому.

1. (Экспромтъ) (стр. 204). Напечатано въ „Матеріалахъ для біографіи Е. А. Баратынскаго“ (изд. 1869 г., стр. 394) вмѣстѣ съ слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Въ Петербургѣ Евгеній Абрамовичъ познакомился съ нѣкоторыми изъ Декабристовъ, съ Кюхельбекеромъ ближе чѣмъ съ прочими; но ни онъ, ни Дельвигъ не были посвящены въ тайны существовавшаго уже тогда политическаго общества, хотя Боратынскій, въ молодыхъ годахъ, не раздѣляя ихъ цѣли, со всѣмъ увлеченіемъ своихъ лѣтъ, сочувствовалъ тому, что заключается великодушнаго въ обширномъ, неопредѣленномъ и гибкомъ значеніи слова: „свобода“.

Вотъ нѣсколько стиховъ, дошедшихъ до насъ по воспоминанію, на эту тему, внушенныхъ ему на одномъ изъ ужиновъ этой молодежи...“

Само собой разумѣется, что нельзя вносить въ основной текстъ стихи, „дошедшіе по воспоминанію“, и на принадлежность которыхъ Боратынскому мы при томъ и не имѣемъ никакихъ прямыхъ указаній.

2. Стихи, написанные на манускриптѣ Поэта (стр. 204). Помѣщено въ „Соревнователѣ Просвѣщенія и Благотворенія“ 1821 г., ч. XV, стр. 340, вмѣстѣ съ другимъ стихотвореніемъ Боратынскаго „Прощаніе“ (см. стр. 8), безъ подписи (въ этой части „Соревнователя“ еще нѣсколько стихотвореній Боратынскаго напечатано безъ подписи). Мы убѣждены въ томъ, что „Стихи, написанные на манускриптѣ Поэта“ („Прощанія?“) принадлежатъ Е. А. Боратынскому, но не имѣемъ достаточныхъ фактическихъ указаній для того, чтобы помѣщать это стихотвореніе въ основной текстъ.

3. Выздоровленіе (подражаніе французскому) (стр. 205). Напечатано въ „Благонамѣренномъ“ 1821 г., ч. 14, Май, № IX, стр. 77—78, подъ заглавіемъ—въ скобкахъ—„Подражаніе французскому“ и съ подписью *Б.* На основаніи этой подписи И. Н. Божеряновъ внесъ это стихотвореніе въ изд. „Сѣвера“ (Спб. 1894, стр. 27—28). Вполнѣ возможно, что это стихотвореніе, дѣйствительно, принадлежитъ Боратынскому, который помѣщалъ въ „Благонамѣренномъ“ многія свои стихотворенія съ этою подписью, но т. к. мы не имѣемъ никакихъ прямыхъ указаній на несомнѣнное авторство Боратынскаго, то относимъ это стихотвореніе въ отдѣлъ приписываемыхъ Е. А. Боратынскому.

4. *** (стр. 206). Находится въ альбомчикѣ А. В. Лутковской, составляющемъ собственность Пушкинскаго Дома (см. Б. Л. Модзалевскаго „Списокъ

рукописей и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ, принадлежащихъ Пушкинскому Дому" — въ Извѣстіяхъ Имп. Акад. Наукъ, 1911, стр. 524); представляетъ собой переводъ слѣдующаго четверостишія, написаннаго на томъ же листкѣ:

Ne du tems de langeur
Ni du lieux la distance
N'auront jamais la puissance
de vous arracher de mon coeur
à celle qui vous aime bien
Natalie Argoun

Вполнѣ возможно, что переводъ, безобидная пародія-шутка въ стилѣ подлинника и стиховъ „уѣздныхъ барышенъ" — принадлежитъ дѣйствительно Е. А. Боратынскому, записавшему свой переводъ, въ которомъ такъ и сквозитъ улыбка.

5. Какая это сторона? (стр. 206). Напечатано въ „Русской Старинѣ" 1883 г., кн. III, стр. 83—85, вмѣстѣ съ отрывкомъ изъ „Бала" подъ общею подписью *Е. Б.*; надъ заглавіемъ, рядомъ съ пагинацiей, читаемъ: „*Какая это сторона? — Е. А. Баратынскій*". Это стихотвореніе должно было войти въ альманахъ А. А. Бестужева и К. Ѳ. Рылѣева „Звѣздочка" на 1826 г., но всѣ экземпляры еще недопечатаннаго альманаха были взяты послѣ декабрьскихъ событій, во время ареста Бестужева и Рылѣева. Какъ мы замѣтили, далеко не весь матеріалъ „Звѣздочки" былъ напечатанъ, и „Какая это сторона" сохранилась въ рукописи (Боратынскаго?), сообщенной Н. Ѳ. Дубровинымъ. Въ оглавленіи „Звѣздочки" наше стихотвореніе поставлено передъ отрывкомъ изъ „Бала" и подпись „Е. А. Боратынскаго" поставлена только у „Бала". Во всякомъ случаѣ, мы не имѣемъ никакихъ данныхъ отрицать принадлежность этого стихотворенія Боратынскому, но изъ осторожности относимъ его въ отдѣлъ стихотвореній, приписываемыхъ Е. А. Боратынскому. Возможно, что подъ „Авророй" и „Зарей" — разумѣется Аврора Карловна Шернваль (см. стр. 251).

6. К. П. Брюлову (Экспромптъ) (стр. 208). Напечатано въ „Матеріалахъ для біографіи Е. А. Баратынскаго" (изд. 1869 г., стр. 397) со слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Ему случалось импровизировать. Вотъ четверостишіе изъ стихотворенія, набросаннаго имъ у себя на вечерѣ, въ Москвѣ, по случаю посѣщенія его живописцемъ Брюловымъ....".

Если это стихотвореніе дѣйствительно принадлежитъ Боратынскому, то время написанія его опредѣляется (приблизительно) письмомъ поэта къ женѣ въ 1840 году изъ Петербурга: „Въ субботу былъ въ Академіи Художествъ и видѣлъ послѣдній день Помпеи, Брюлова. Все прежнее искусство блѣднѣетъ передъ этимъ произведеніемъ; но одно искусство а не сущность живописи. Колоритъ, перспектива, округлость тѣлъ, фигуры выходящіе какъ будто вонъ изъ полотна, все это выше всякаго описанія; но думаю что изучающій Рафаеля, Микель Анджела, Тиціана найдетъ въ нихъ больше мысли, больше красоты. На лицахъ Брюлова однообразное выраженіе ужаса и нѣтъ ни одной фигуры идеально прекрасной. Былъ также въ его мастерской. Видѣлъ прекрасный портретъ Жуковскаго, Крылова и несколько начатыхъ картинъ...." (Цитируемъ по подлиннику, хранящемуся въ Казанскомъ архивѣ

Боратынскихъ; во всѣхъ изданіяхъ какъ это, такъ и другія письма къ Н. Л. Боратынской напечатаны очень неполно и неточно).

Мы относимъ это четверостишіе въ отдѣлъ стихотвореній, приписываемыхъ Е. А. Боратынскому, т. к. не имѣемъ прямыхъ указаній на то, что оно дѣйствительно принадлежитъ перу Боратынскаго.

7. Въ Альбомъ (стр. 208). Напечатано въ „Невскомъ Альманахѣ" на 1826 г., стр. 90, подъ заглавіемъ „Въ альбомъ" и съ подписью *Б.*

На этомъ основаніи — подписи *Б.* — И. Н. Божеряновъ внесъ стихотвореніе въ полное собраніе сочиненій Боратынскаго, изданное „Сѣверомъ" (Спб., 1894, стр. 64) подъ его редакціей. Нечего и говорить о томъ, насколько шатки основанія г. Божерянова, и остается удивляться его непослѣдовательности: стихотвореній, подписанныхъ буквою *Б.*, наберется на протяженіи 1819—1844 гг. нѣсколько сотъ, и мимо ихъ редакторъ прошелъ, остановившись почему то на стихахъ:

Прелестны вы — я вамъ скажу,
Но всѣ твердятъ, что вы прелестны.

8. Къ NN. (стр. 208). Стихотвореніе это приписано Боратынскому Петромъ Устимовичемъ въ „Русской Старинѣ" 1887 г., 3 кн., стр. 453—454 („Литературныя замѣтки"), гдѣ оно было напечатано съ слѣдующей, весьма легковѣсной замѣткой: „Въ одной изъ газетъ помѣщено перепечатанное стихотвореніе изъ одного изъ журналовъ 1832 года; при этомъ задается вопросъ, кому можетъ принадлежать это стихотвореніе. Вотъ оно: Къ NN... (и т. д. — выписано все стихотвореніе, подписанное буквою *Я.*). Предположеніе, что это стихотвореніе не принадлежитъ Пушкину, хотя Пушкинъ и подписался разъ подобнымъ образомъ (черезъ Я), совершенно справедливо. Не менѣе справедливо, по моему мнѣнію, предположеніе, что подъ звѣздочками въ IV строфѣ, а слѣдовательно и подъ литерами NN, можно подозрѣвать скрытое имя А. Мицкевича, а въ такомъ случаѣ это стихотвореніе можно смѣло считать какъ принадлежащее перу Е. А. Баратынскаго; въ этомъ убѣдится всякій, по сличеніи этого стихотворенія съ другимъ стихотвореніемъ Баратынскаго, относящимся къ 1829 г., также касающимся А. Мицкевича, вотъ оно: Не подражай: своеобразенъ геній (и т. д.—выписано все стихотвореніе). Стихи эти были напечатаны съ полнымъ именемъ Мицкевича въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ" Дельвига за 1829 годъ; тогда еще возможно было печатать это имя. Въ 1832 году имя Мицкевича было уже опальнымъ, а потому и въ вышеуказанномъ стихотвореніи „къ NN", написанномъ, въ всякомъ случаѣ, ранѣе 1829 г. (въ этотъ годъ Мицкевичъ оставилъ Россію), вмѣсто имени Мицкевича поставлены звѣздочки. На принадлежность этого стихотворенія Е. Баратынскому указываетъ одинаковое въ обоихъ стихотвореніяхъ сравненіе Мицкевича съ Байрономъ:

Къ NN

Въ себѣ одномъ презрѣвъ міръ цѣлый,
Пѣвца Британіи любя,
Какъ онъ, могучій, юный, смѣлый,
Ты намъ выказывалъ себя.

***

Когда тебя, Мицкевичъ вдохновенный,
Я застаю у Байроновыхъ ногъ,
Я думаю: поклонникъ униженный!
Возстань, возстань и вспомни — самъ ты богъ!

Мы привели добросовѣстно всю замѣтку Петра Устимовича и тѣмъ самымъ, какъ намъ кажется, доказали полную ея несостоятельность. Мы не будемъ распространяться о томъ, насколько шатки предположенія и основанія Петра Устимовича, насколько не вяжется характеръ этого стихотворенія съ прекраснымъ обращеніемъ Боратынскаго къ Мицкевичу.

9. Эпиграмма (стр. 209). Напечатана въ альманахѣ М. А. Максимовича „Денница" на 1831 г., стр. 137, *безъ подписи,* вмѣстѣ сѣ эпиграммой Боратынскаго („Повѣрьте мнѣ — Фигляринъ моралистъ) — и на этомъ шаткомъ основаніи приписана И. Н. Божеряновымъ Боратынскому и напечатана въ полномъ собраніи сочиненій Боратынскаго, изд. „Сѣверъ" (стр. 101). Эта эпиграмма на Ѳ. В. Булгарина печатается также и въ собраніяхъ сочиненій Пушкина (см., напр., изд. „Просвѣщенія", подъ ред. П. О. Морозова, т. 2, стр. 122; Брокг. и Ефр., подъ редакціей С. А. Венгерова, т. III, стр. 80) на основаніи утвержденія М. А. Максимовича, что она принадлежитъ Пушкину (см. примѣчанія въ названныхъ изданіяхъ сочиненій Пушкина).

10. Эпиграмма (стр. 209). Эта эпиграмма приписывалась Пушкину. П. О. Морозовъ (изд. „Просвѣщенія", т. II, стр. 484—485) приводитъ ее въ примѣчаніяхъ и замѣчаетъ: „существуетъ мнѣніе, что въ ней Пушкину принадлежатъ только послѣдніе 4 стиха, остальное же написано *Баратынскимъ*".

Въ дѣйствительности эта эпиграмма принадлежитъ не Пушкину и не Боратынскому, а кн. П. А. Вяземскому (см. „Старина и Новизна", кн. VIII, стр. 38).

11. Генріеттѣ Зонтагъ (стр. 210). Напечатано въ „Литературной Газетѣ" 1830 г., № 49, стр. 102, подъ указаннымъ заглавіемъ и съ подписью Б***. Подъ тою же подписью въ 51-мъ № было помѣщено стихотвореніе Боратынскаго „Имя" (стр. 116, принадлежность „Имени" Боратынскому удостовѣряется спискомъ неизданныхъ стихотвореній поэта, составленнымъ М. Н. Лонгиновымъ), вслѣдствіе чего И. Н. Божеряновъ внесъ „Генріеттѣ Зонтагъ" въ собраніе сочиненій Боратынскаго (Изд. „Сѣвера", стр. 98).

Стихотвореніе не можетъ принадлежать Боратынскому, такъ какъ не только 23-го августа 1830 года поэта не было въ Петербургѣ, но и въ теченіи всего этого и цѣлаго ряда другихъ годовъ Боратынскій не бывалъ въ Петербургѣ.

Генріетта Зонтагъ — извѣстная нѣмецкая пѣвица, пользовавшаяся у насъ большимъ успѣхомъ.

Алфавитные списки стихотвореній *).

---

1. По алфавиту заглавій.

---

*) Вторыя редакціи обозначены одной звѣздочкой, стихотворенія, написанныя Боратынскимъ въ сотрудничествѣ съ другими поэтами — двумя звѣздочками, стихотворенія, приписанныя поэту — тремя.

2. По первому стиху.

